

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 49

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НОМЕРА

Беляев Леонид Андреевич, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф., зав. отделом Института археологии РАН, гл. ред. журнала «Российская археология» (г. Москва); **Молодин Вячеслав Иванович**, академик РАН, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск); **Ольшевски Войцех**, д-р ист. наук, проф. Университета Николая Коперника (г. Торунь, Польша); **Фодор Иштван**, д-р ист. наук, проф. Венгерского Национального музея (г. Будапешт, Венгрия); **Тишкин Алексей Алексеевич**, д-р ист. наук, проф. Алтайского государственного университета (г. Барнаул); **Чёрная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф., ТГУ; зав. лаб. археологических и этнографических исследований Западной Сибири ИАЭТ СО РАН (отв. ред.); **Чёрная Людмила Викторовна**, тех. секретарь; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета

Выпуск подготовлен при финансовой поддержке Томского государственного университета, Института археологии и этнографии СО РАН, Алтайского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE OF THE JOURNAL

Belyaev Leonid A., Associate member of RAS, Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology of RAN (Moscow); **Molodin Vyacheslav I.**, Academic of RAS, Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Science (Novosibirsk); **Olszewski Wojciech**, Dr. Hab., Professor, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland); **Fodor Istvan**, Dr. of History, Professor, Hungarian National Museum (Budapest, Hungary); **Tishkin Alexey A.**, Dr. Dr. of History, Professor, Altai State University (Barnaul); **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor, TSU; Institute of Archeology and Ethnography of the SB of RAS (Executive Editor); **Chernaya Lyudmila V.**, technical editor; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, TSU

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ
80-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА ТГУ
Л.А. ЧИНДИНОЙ

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А., Хужаназаров М., Лазарев С.Ю. Вариативность индустрий среднего палеолита Памиро-Тянь-Шаня: по материалам памятника Кульбулак (слой 12.1)	5
Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Гайдученко Л.Л., Гольева А.А., Силантьева М.М., Соломонова М.Ю., Семибратов В.П. Комплексные исследования на поселении неолита – бронзы Тыткескен-VI (Горный Алтай)	11
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н.э., Барабинская лесостепь)	16
Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы	23
Тишкин А.А., Редников А.А., Чжан Л., Шуй Т. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических находок, шлака и руды с поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 в предгорьях Алтая	26
Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов)	32
Дэвлет Е.Г., Пахунув А.С., Дэвлет М.А. Солнцеголовые персонажи Каракола	37
Бобров В.В. Эхо Аржана, или Археологические культуры на хронологической полке	42
Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья	46
Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жузжанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай)	54
Король Г.Г. Реалистичные образы-«личины» в средневековой Центральной Азии: портрет или символ	60
Беляев Л.А. Археология России Нового времени: тенденции развития	66
Чёрная М.П. Этнокультурное взаимодействие в эпоху колонизации Сибири: от археологического контекста к исторической интерпретации	71
Державин В.Л., Старков В.Ф. Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.	78
Семёнова В.И. Предметы быта и домашнего обихода из дерева из раскопок г. Тюмени в 1988 г.	83
Татауров С.Ф. Дрова как один из системообразующих элементов жизнеобеспечения сибирского города в XVII–XVIII вв.	88
Самигулов Г.Х., Татауров С.Ф. Аялынская волость в Тарском Прииртышье и Южном Зауралье	94
Торошина Н.В., Чернова И.В. Сопоставление археологических и письменных источников как перспективное направление при изучении Притышья (на примере юрт Напас)	99
Борило Б.С., Барсуков Е.В. Медведкинское поселение	103
Пежемский Д.В. Население Томска XVII–XIX вв. в системе антропологического разнообразия Европейской России	109
Головнёв А.В., Перевалова Е.В. Вожди обских угров и ненцев (по данным фольклора)	115

CONTENTS

PAPERS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
"CULTURES AND PEOPLES OF NORTHERN EURASIA:
A VIEW THROUGH TIME", DEDICATED
TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE HONORED
PROFESSOR OF NR TSU L.A. CHINDINA

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Kogai S.A., Hujanazarov M., Lazarev S.Yu. Middle paleolithic variability in the Pamiro-Tian-Shan region: new insights from Kulbulak (layer 12.1)	5
Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu., Gayduchenko L.L., Golyeva A.A., Silantyeva M.M., Solomonova M.Yu., Semibratov V.P. Comprehensive research on the settlement of the Neolith – Bronze Tytkesken-VI (Gorny Altai)	11
Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Clay "Rattle" in the Shape of Bear Head and the Variants of Its Usage by the Population of Krotovo Culture (Bronze Age, the end of the 3rd millennium BC, Baraba Forest-Steppe)	16
Durakov I.A., Kobleva L.S. The technical ceramics of Krotovo culture (Central Baraba)	23
Tishkin A.A., Rednikov A.A., Zhang L., Shui T. X-ray Fluorescence Analysis of Metal Finds, Slag and Ores from the Bronze Age the Soviet Way-1 Settlement in the Foothills of Altai	26
Loman V.G., Papin D.V., Fedoruk A.S. Contacts of the population of the south of Western Siberia and Central Asia during the Late Bronze Age (based on materials of ceramic complexes)	32
Devlet E.G., Pakhunov A.S., Devlet M.A. Solar-Headed Figures from Karakol Burials	37
Bobrov V.V. The Echo of Arzhan or Archaeological Cultures on the Chronological Shelf	42
Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. The Results of Technical and Technological Analysis of Ceramics of the Kulai Cultural-Historical Community's Sites from the Tomsk and Narym Ob Region	46
Tishkin A.A. The Results of the Radiocarbon Dating of the Burial Mounds of the Zhuzhan Times of the Yaloman-II Monument (Central Altai)	54
Korol G.G. Realistic images-"masks" in medieval Central Asia: portrait or symbol	60
Belyaev L.A. Historical Archaeology in Russia: New Directions of Research	66
Chernaya M.P. Ethnic and Cultural Interaction in the Epoch of Colonization of Siberia: from Archaeological Context to Historical Interpretation	71
Derzhavin V.L., Starkov V.F. Problems of Development of the Sea Coast and Islands of the European Arctic in the 16th – 18th Centuries	78
Semyonova V.I. Woodwork Everyday Life and Household Goods from Excavation in Tyumen of 1988	83
Tataurov S.F. Firewood as One of the Basic Elements of Life Support of a Siberian Town in the 17–18th Centuries	88
Samigulov G.H., Tataurov S.F. The Ayalyn Volost in the Tara-Irtysh Region and the Southern Trans-Urals	94
Toroshchina N.V., Chernova I.V. Comparing Archaeological and Written Sources in the Study of Tym River Region As a Prospective Line of Research: The Case of Napas Yurts	99
Borilo B.S., Barsukov E.V. The Medvedka Settlement	103
Pezhensky D.V. Population of Tomsk of the 17-th–19th Centuries and Anthropological Diversity of European Russia	109
Golovnev A.V., Perevalova E.V. Leaders of the Ob Ugrians and the Samody (according to folklore)	115

Ольшевски В. Польские этнографические отношения с Сибирью и Казахстаном с середины XIX до начала XX в. в контексте развития теоретической этнологии	123	Olszewski W. Polish ethnographic accounts from Siberia and Kazakhstan from the mid-19th century to the early 20th century in the context of the development of ethnology	123
Фурсова Е.Ф. Чудесные видения / знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	128	Fursova E.F. Miraculous visions / signs on the eve of the Great Patriotic war in 1941–1945	128
Самсон Д. К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.)	132	Samson D. On the Issue of Paradise among the Nenets and Ob Ugrians (the XIX–XXI centuries)	132
Дьячков С.В. Профессор К.Э. Гриневич: после Сибири	137	Dyachkov S.V. Professor K. E. Grinevich: after Siberia	137
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	142	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	142

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КУЛЬТУРЫ И НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ 80-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА ТГУ Л.А. ЧИНДИНОЙ

УДК 902.01:903.01
DOI: 10.17223/19988613/49/1

К.К. Павленок, Г.Д. Павленок, С.В. Шнайдер, С.А. Когай, М. Хужаназаров, С.Ю. Лазарев

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПАМИРО-ТЯНЬ-ШАНЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КУЛЬБУЛАК (СЛОЙ 12.1)

Исследование проведено при поддержке проектов РНФ № 14-50-00036 (Павленок К.К., Павленок Г.Д.), гос. задание Алтайского государственного университета, проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии», РГНФ № 15-31-01000 (Шнайдер С.В.)

Исследованиями конца XX – начала XXI в. установлено присутствие на Памиро-Тянь-Шане свидетельств культурной традиции обирахматин, существовавшей с 80–70 до 40–35 тыс. л.н. Каменным индустриям обирахматского круга свойственно сочетание средне- и верхнепалеолитических черт, что определило их обособленность в региональном контексте. Результаты исследования новой коллекции слоя 12.1 стоянки Кульбулак указали на ее сходство с обирахматскими индустриями и, вместе с тем, на доминирование отщепового производства и присутствие экзотических для региона типов орудий (унифасы, черешковая форма), что позволяет говорить о вариативности среди индустрий среднего палеолита Памиро-Тянь-Шаня.

Ключевые слова: средний палеолит; Памиро-Тянь-Шань; обирахматин; каменная индустрия.

Введение. Знаковые открытия конца XX – начала XXI в. на стыке палеолитоведения и палеоантропологии придали горной системе Памиро-Тянь-Шаня особый научный статус. В последние годы наиболее значительный объем данных был накоплен в области изучения среднего палеолита. В новейших исследованиях отчетливо прослеживается стремление к отказу от принятого ранее фациального деления среднеазиатских археологических комплексов в пользу их разделения на две основные линии развития: мустьерскую (тешикташскую) и пластинчатую (обирахматскую). В последнюю включены наиболее репрезентативные комплексы Памиро-Тянь-Шаня, ранее входившие в леваллу-мустьерскую фазию – грот Оби-Рахмат (Чаткальский хребет, Узбекистан), стоянка Худжи (Гиссарский хребет, Таджикистан) и новые материалы из слоя 23 стоянки Кульбулак (юго-восточные предгорья Чаткальского хребта, Узбекистан) [1. С. 28–30].

Многолетние раскопки на опорном памятнике – гроте Оби-Рахмат, открытом в 1962 г. [2. С. 5–18], позволили выделить 37 культуросодержащих горизонтов с различной насыщенностью археологическим материалом [1. С. 13–20]. В результате анализа коллекции памятника, проведенного в начале XXI в., установлено присутствие на территории Памиро-Тянь-Шаня свидетельств единой обирахматской культурной традиции, существовавшей в интервале с 80–70 до 40–35 тыс. л.н. Первичное расщепление индустрий обирахматского круга характеризуется смешением пластинчатых

средне- и верхнепалеолитических черт: незначительное количество леваллуазских форм; доминирование плоскостных ядрищ, в том числе тронкированно-фасетированных изделий; присутствие торцовых и подпризматических нуклеусов, нуклеусов-резцов, микроформ ядрищ. В составе орудийного набора также фиксируются изделия, традиционно относимые к разным стадиям палеолита (преобладание пластинчатых ретушированных форм, часто остроконечных; но при этом наличие типологически выраженных скребков и резцов). Именно сочетание разных традиций изготовления каменного инвентаря стало основанием для выделения обирахматского варианта перехода к верхнему палеолиту [3. С. 31–32].

Следует отметить, что долгое время в историографии главенствовала идея о культурно-технологической обособленности индустрии Оби-Рахмата на «среднеазиатском» пространстве [4. С. 122–126]. Усиливало это впечатление близкое соседство памятника с проявлением принципиально иной традиции камнеобработки. Речь идет о стоянке Кульбулак на юго-восточном склоне Чаткальского хребта, в окрестностях г. Ангрена (рис. 1, А), которая с момента обнаружения в 1962 г. также является опорным объектом для изучения древнейшей истории западной части Центральной Азии [2. С. 139–141; 3. С. 8–9; 5. С. 255; 6. С. 14–15; 7. С. 142; 8. С. 38]. Согласно мнению первого исследователя стоянки М.Р. Касымова, в отложениях стоянки фиксировались 49 культурных слоев, относящихся к нижнему (22 слоя), среднему (24 слоя) и верхнему палеолиту (3 слоя). При этом вся культурная

последовательность стоянки демонстрировала автохтонное развитие единой традиции камнеобработки, для которой характерно преобладание зубчатого и тейяжского компонентов [8. С. 7–10].

Современный этап изучения стоянки (с 2007 г.) характеризуется принципиальным изменением атрибуции культурных напластований стоянки. Установлено, что, вопреки прежним представлениям, каменные индустрии большей части разреза Кульбулака имеют прямое отношение к разработке проблем культурно-хронологической вариабельности комплексов среднего палеолита в регионе [1. С. 20–25; 9. С. 2].

Новейший этап изучения среднего палеолита стоянки Кульбулак. В ходе работ 2007–2013 гг. установлено, что формирование верхней пачки отложений эпохи среднего палеолита на Кульбулаке (литологические слои 3–11) происходило за счет действия селевых потоков разной степени интенсивности и пролювиальных [10. С. 14; 11. С. 162]. Проведенное в 2007 и 2010 гг. ОСЛ-датирование отложений позволило определить, что их формирование происходило в интервале от 39 ± 2 (сл. 2) до 82 ± 6 ка (сл. 10) [12. С. 184]. Важно отметить, что, несмотря на пока скудные результаты датирования, они хорошо соотносятся со стратиграфической позицией образцов, геологическим и археологическим контекстами их обнаружения. Анализ наиболее представительных коллекций каменных артефактов из слоев селевого генезиса (слои 3 и 4) показал, что изделия с зубчатой ретушью демонстрируют признаки постдепозиционной транспортировки (окатанность, механические повреждения краев). Тем самым была доказана необоснованность рассмотрения зубчатых изделий в качестве основной категории орудий для культурной последовательности стоянки. Без учета зубчатого компонента комплексы из слоев 3–11 можно охарактеризовать как пластинчатые, по составу близкие материалам комплексов обирахматского круга [13. С. 43].

В 2014 г. основным объектом исследования стоянки Кульбулак стали литологический слой 12.1 и его материальный ансамбль.

Слой 12.1. Условия формирования и археологическая коллекция. Комплекс стратиграфических и лито-геохимических наблюдений установил пролювиально-эоловый генез отложений слоя 12.1, который представлен легким алевритистым суглинком коричневого цвета с плотной, массивной текстурой [14. С. 104–106] (рис. 1, Б). Его накопление связано с достаточно активной фазой транспортировки седимента, о чем свидетельствует значительная (до 15%) доля псефитового (дресвяного) материала, представленного обломками эффузивных пород.

Общий состав коллекции составляет 5 323 экз. Большую часть материалов (82,5%) составляют отходы производства (осколки / чешуйки, обломки, неопределимые фрагменты мелких отщепов) – 4 393 экз.

Категория нуклевидных изделий насчитывает 56 экз., из которых типологически определимые изделия представлены 33 экз., а нуклевидные обломки – 23 экз.

Для получения отщепов использовались следующие типы нуклеусов: бессистемные (7 экз.), продольные (2 экз.), поперечные (4 экз.) (рис. 1, Г, 6), радиальные (2 экз.) (рис. 1, Г, 9, 11), леваллуазский (рис. 1, Г, 5), подконусовидный продольный, подцилиндрический, торцовый со сходящимися латеральными и торцовый. Последнее ядрище, видимо, изначально предназначалось для изготовления пластинок, но из-за дефектов породы получались укороченные сколы.

Для производства острий использовался леваллуазский (рис. 1, Г, 10) и конвергентный нуклеус для острий и пластин (рис. 1, Г, 7). Пластины производились с единственного торцового ядрища.

Особой группой представлены нуклеусы для получения пластинок, которым была посвящена отдельная работа [13. С. 43; 15. С. 54–60]: архаичные «кареноидные» (4 экз., в том числе две заготовки) (рис. 1, Г, 4, 8), «кареноидный» двусторонний (рис. 1, Г, 2), торцовые со сходящимися латеральными (3 экз., в том числе две заготовки) (рис. 1, Г, 3), торцовый (рис. 1, Г, 1), подконусовидный поперечный.

Состав индустрии сколов (всего 874 экз.) представлен в следующем виде: отщепы – 753 экз. (86% от всей категории сколов); пластины – 61 экз. (7%); пластинки – 24 экз. (3%); микропластины – 9 экз. (1%). Технические сколы насчитывают 27 экз. (3%). Категория представлена вторичными сколами, краевыми снятиями, полу- и реберчатыми сколами различных пропорций, а также сколами подправок площадок и рабочих поверхностей плоскостных ядрищ.

Морфология целевых и технических сколов, судя по результатам атрибутивного анализа, хорошо соотносится с теми технологическими схемами, которые запечатлены в морфологии ядрищ. Так, технические сколы в основном иллюстрируют плоскостные стратегии расщепления.

Орудийный набор насчитывает 55 экз.

На отщепах, фрагментах сколов, а также на технических сколах с параметрами отщепов выполнено 44 орудия, из которых 21 – типологически выраженное изделие, 17 отщепов и их фрагментов с нерегулярной ретушью и 6 фрагментов орудий. Типологически выраженные орудия представлены следующими изделиями: унифасы (2 экз.) (рис. 1, В, 6, 10), орудие с черешком (рис. 1, В, 2), тронкированно-фасетированные орудия (2 экз.) (рис. 1, В, 5), атипичный боковой скребок, атипичный концевой скребок (рис. 1, В, 1), скребла одинарные продольные (4 экз.) (рис. 1, В, 8), скребла поперечные (2 экз.), скребла зубчатые (2 экз.), зубчатые орудия (5 экз.) (рис. 1, В, 4), выемчатое орудие.

На пластинах, их фрагментах, а также технических сколах с пропорциями пластин выполнено 10 орудий, из которых 6 типологически выраженных и 4 скола с пропорциями пластин и их фрагментов с нерегулярной ретушью. Типологически выраженные орудия представлены следующими изделиями: боковой многофасеточный резец (рис. 1, В, 3), скребла дуэлевидные продольные (3 экз.) (рис. 1, В, 7, 9) и выемчатые орудия (2 экз.).

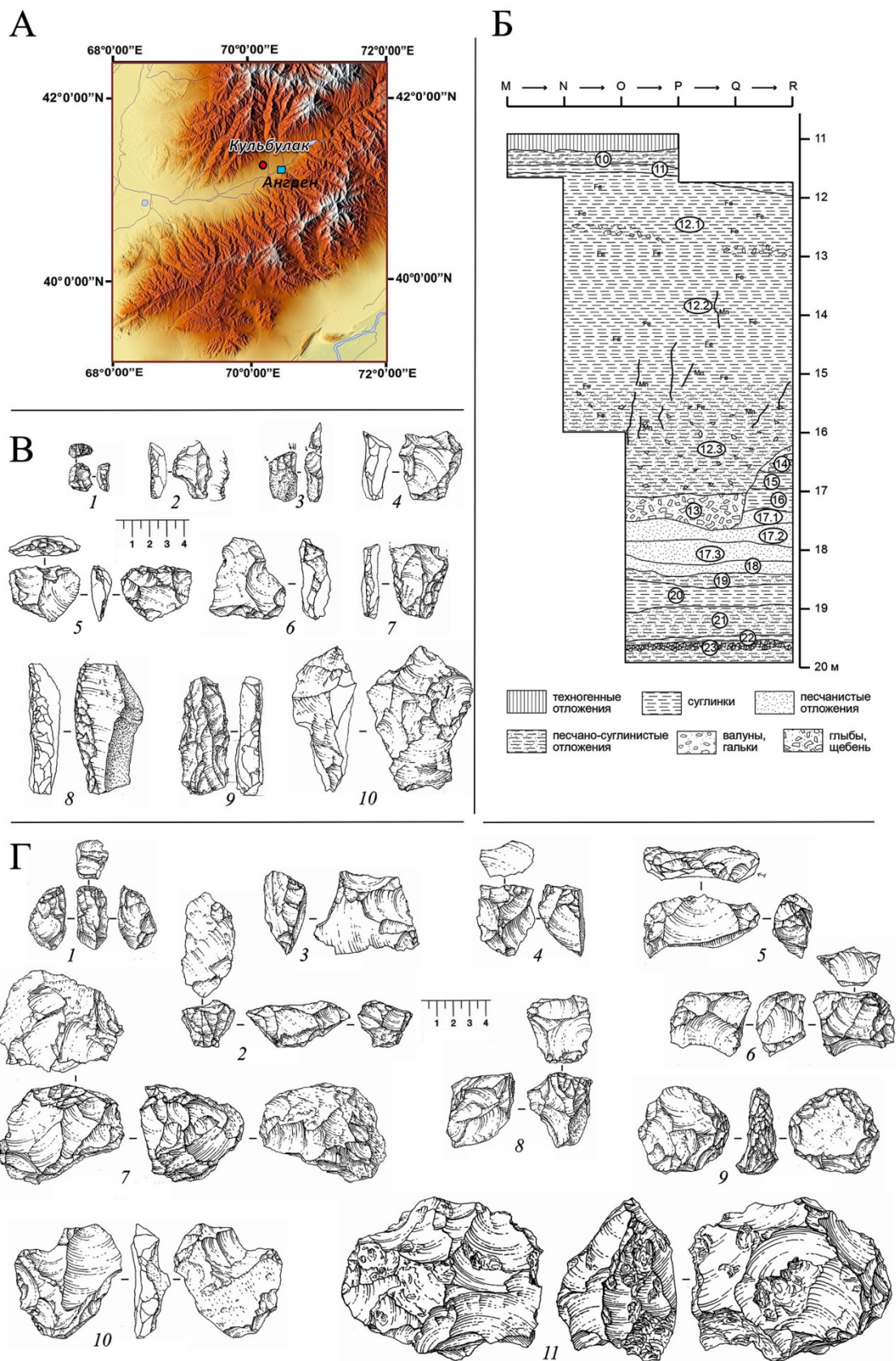

Рис. 1. Стоянка Кульбулак: *А* – расположение стоянки Кульбулак; *Б* – стратиграфия стоянки Кульбулак; *В* – орудия слоя 12.1 стоянки Кульбулак: 1 – атипичный концевой скребок; 2 – орудие с черешком; 3 – боковой многофасеточный резец; 4 – зубчатое орудие; 5 – тронкированно-фасетированное орудие; 6, 10 – унифас; 7, 9 – скребло двулезвийное продольное; 8 – скребло одинарное продольное; *Г* – нуклеусы слоя 12.1 стоянки Кульбулак: 1 – торцовый; 2 – «кареноидный» двусторонний; 3 – торцовый со сходящимися латералиями; 4, 8 – «кареноидный»; 5 – леваллуазский для отщепов; 6 – поперечный; 7 – конвергентный; 9, 11 – радиальный; 10 – леваллуазский для острий

Коллекцию дополняет единственная пластинка с нерегулярной ретушью.

Особый облик индустрии придают следующие типы орудий:

Унифасиально обработанные орудия. Первое изделие представлено дистальным фрагментом. Негативы сколов фасонажа, проведенных с разных участков периметра предмета, полностью покрывают всю его вентральную поверхность.

Второе изделие на массивном сколе иллюстрирует более раннюю стадию подготовки унифасиального орудия сколами фасонажа, которые были проведены на вентральную поверхность с разных участков периметра предмета.

Орудие с черешком оформлено сильномодифицирующей дорсальной краевой отвесной (либо крутой) ретушью по всему периметру предмета. В зоне черешка она имеет чередующееся расположение.

Тронкированно-фасетированные изделия. У первого изделия правый продольный край обработан дорсальной полукрутой постоянной ретушью. Противоположный продольный край с помощью тронкирования преобразован в ударную площадку, с которой на вентральную поверхность проведено единственное снятие с пропорциями мелкого отщепка. Ударная площадка второго изделия, с которой проведено два ортогонально ориентированных снятия, организована в дистальной части заготовки серий мелких поперечных сколов.

Атипичный концевой скребок. В дистальной зоне орудия оформлено небольшое скребковое лезвие с помощью дорсальной ламинарной краевой отвесной ретуши.

Атипичный боковой скребок. В проксимально-медиальной зоне правого продольного края орудия оформлено лезвие скребка с помощью дорсальной ламинарной крутой краевой ретуши. Напротив рабочего участка на дорсальной поверхности – небольшая выемка, видимо, сделанная в аккомодационных целях.

Боковой многофасеточный резец. Пластина, послужившая основой, рассечена поперек резцовым сколом. Получившаяся кромка служила ударной площадкой для проведения трех резцовых сколов вдоль продольного края заготовки. Мелкие снятия на дорсальной поверхности заузили заготовку в зоне поперечной фрагментации.

Дискуссия. Результаты исследования мощной пачки отложений слоя 12.1 стоянки Кульбулак внесли существенные коррективы в научные представления, сформированные в ходе работ на стоянке во второй половине XX в.

Согласно характеристике первого исследователя стоянки М.Р. Касимова [8. С. 34], на глубинах от 6,6 до 13,3 м, которые примерно соответствуют показателям глубины для слоя 12 (раскопки 2014 г.), залегали 14 инситу древнемустьерских слоев (слои 23–13, концентрации А, Б, В слоя 12). На площади 9 м² им была получена коллекция, насчитывающая 1 029 каменных изделий. По мнению автора, каменные находки были связаны с отложениями русловой пойменной и

озерной фации, которые формировались в условиях относительного покоя в осадконакоплении.

Согласно наблюдениям 2014 г. в формировании отложений слоя 12.1 главную роль играли пролювиальные процессы, которые, видимо, разрушали культурные слои. Подобная интерпретация хорошо согласуется с наблюдением М.Р. Касимова, что в период накопления этих отложений в Тянь-Шанском регионе отмечается усилившаяся тектоническая активность, и как результат – интенсивная перестройка рельефа и всей гидросети [8. С. 40]. В этом контексте представление о непотревоженности «культурных слоев» Кульбулака, выделенных М.Р. Касымовым по результатам раскопок 60–80 гг. XX в., выглядит спорным.

Технико-типологические показатели старой и новой коллекций также расходятся, причем принципиально. В комплексе «древнемустьерских» слоев М.Р. Касымов выделял дисковидные ядрища, а также одно-, двух- и многоплощадочные нуклеусы плоскостного принципа расщепления. Сколы представлены преимущественно крупными массивными отщепами с гладкими ударными площадками. Пластины встречаются крайне редко. Орудийный набор представлен, главным образом, скреблами различных типов, зубчато-выемчатыми орудиями, тейяскими остроконечниками [8. С. 45].

При раскопках 2014 г. (с применением промывки) из слоя 12.1 получена коллекция, практически в пять раз превышающая по численности коллекцию слоев 23–12 А, Б, В из раскопок М.Р. Касимова. В ней представлены свидетельства варибельного мелкопластинчатого производства. При этом типологический ряд нуклеусов для пластинок, технические нюансы их оформления, морфология получаемых заготовок существенно не отличаются от стандартов регионального верхнего палеолита [3. С. 23–26]. В составе орудийного набора наряду с традиционными среднепалеолитическими типами (разнообразные скребла, зубчатые и выемчатые орудия) представлены и показательные верхнепалеолитические типы орудий – атипичные боковой и концевой скребки, боковой многофасеточный резец, пластинка с нерегулярной ретушью. Таким образом, по нашему мнению, коллекцию слоя 12.1 проблематично напрямую отождествлять с каменным инвентарем древнемустьерского комплекса предыдущих раскопок, хотя по положению в разрезе она и соотносится именно с ними.

Заключение. Сочетание в едином комплексе средне- и верхнепалеолитических компонентов как на уровне первичного расщепления, так и в орудийном наборе, является характерной чертой обихватской культурной традиции. На сходства между индустриями обихватского круга и коллекцией слоя 12.1 стоянки Кульбулак указывают такие характеристики, как мелкопластинчатое расщепление, в том числе кареноидные нуклеусы, свидетельства использования техники леваллуа, наличие в орудийном наборе тронкированно-фасетированных изделий, интенсивно ретушированных пластин, скребел, концевых скребков и пла-

стинки с ретушью. Вместе с этим, при сопоставлении комплексов обращает на себя внимание преобладание в коллекции нуклеусов для отщепов и значительное преобладание снятий этого типа в индустрии сколов. Помимо этого, в коллекции выделяются типы орудий, которые не находят аналогий в синхронных комплексах Памиро-Тянь-Шаня. В первую очередь это унифасиально обработанные изделия и черешковый накопчик.

Результаты исследования позволяют обоснованно говорить о существовании вариабельности среди индустрий среднего палеолита Памиро-Тянь-Шаня.

Продолжение исследований в регионе может пролить свет на вопросы становления и распространения подобной традиции камнеобработки и на этом основании дать возможность проследить культурные контакты среднепалеолитических обитателей предгорий Памиро-Тянь-Шаня на внутри- и межрегиональном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.
2. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент : ФАН, 1972. 172 с.
3. Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.
4. Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб. : Европейский дом, 1996. 213 с.
5. Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. 1979. Vol. 20. P. 249–262.
6. Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973. 170 с.
7. Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М. : Наука, 1984. С. 135–161.
8. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак) : автореф. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1990. 47 с.
9. Kolobova K.A., Flas D., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2016. № 4. P. 1–18. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12520-016-0367-3>.
10. Колобова К.А., Флас Д., Павленок К.К., Кривошапкин А.И., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2012. № 1 (49). С. 11–23.
11. Павленок К.К., Шнайдер С.В., Колобова К.А., Лазарев С.Ю., Раджабов А. «Зубчатое мустье»: новые данные и интерпретации // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. Т. 1, № 4 (84). С. 161–168.
12. Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // *Quaternary International*. 2014. Vol. 324. P. 180–189.
13. Дервянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Колобова К.А., Лазарев С.Ю., Раджабов А. Мелкопластинчатое производство в индустрии слоя 12 стоянки Кульбулак: новые данные // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2014 г.* Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 42–45.
14. Девятова А.Ю., Павленок К.К., Лазарев С.Ю., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А. Первый опыт литогеохимического исследования отложений стоянки Кульбулак (Узбекистан) // *Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 102–107.
15. Дервянко А.П., Исламов У.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Рыбин Е.П., Павленок Г.Д., Раджабов А., Лазарев С.Ю., Мухтаров Г.А. Результаты исследования стоянки Кульбулак (Узбекистан) в 2013 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2013 г.* Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 54–60.

Pavlenok Konstantin K. Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: pavlenok-k@yandex.ru; *Pavlenok Galina D.* Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru; *Shneider Svetlana V.* Altai State University (Barnaul, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia), Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: sveta.shnyder@gmail.com; *Kogai Sergei A.* Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: kogai@irkutsk.ru; *Hujanazarov Muhiddin.* Institute of Archaeology AS RUz (Samarkand, Uzbekistan). E-mail: sarmish@mail.ru; *Lazarev Sergei Yu.* Utrecht University (Utrecht, Netherlands). E-mail: s.lazarev@uu.nl

MIDDLE PALEOLITHIC VARIABILITY IN THE PAMIRO-TIAN-SHAN REGION: NEW INSIGHTS FROM KULBULAK (LAYER 12.1)

Keywords: Middle Paleolithic; Pamir-Tian Shan region; 'Obirakhmatian'; stone industries.

Archaeological investigations over recent decades indicate that the 'Obirakhmatian' industry (Obi-Rakhmat, Khidji, Kulbulak (l. 23) sites) persisted from from 80-70 thousand years ago to 40-35 thousand years ago in the Pamir-Tian Shan region. The technology of the Obirakhmatian industry shares both Middle and Upper Paleolithic features: a small proportion of Levallois products, a prevalence of flat faced cores including truncated-faceted pieces, and the presence of narrow-faced and subprismatic cores, burin-cores and microcores. The tool-set includes also pieces traditionally associated with different Paleolithic stages (prevalence of blade retouch, pointed tools, and typologically distinct end-scrapers and burins). The combination of different lithic production traditions in Obirakhmatian industry support its designation as a unique regional culture-technological complex. This impression is reinforced by the denticulate, Tayacian-style lithic tradition of another multilayer Paleolithic site in this region, known as Kulbulak (Uzbekistan). The well-known site Kulbulak has a key status for research of Stone Age in Pamir-Tian Shan region from middle part of XX century. New research at Kulbulak revises previous cultural and chronological characterization. In 2014–2016 the study of layer 12 was conducted in the middle part of cross-section geologic study suggests a proluvial-aeolian genesis for this layer, in the context of a warm and humid climate. Archaeological material was recorded at the top (sublayer 12.1) and the bottom (sublayer 12.3) of the layer. Contrary to previous understanding, we argue that lithic industries of most Kulbulak layers are directly relevant to problems of regional Middle Paleolithic culture-chronological variation. Specifically, layer 12.1 shows close affiliation with materials from Obirakhmat. Features such as bladelet knapping, carinated cores, presence of Levallois technique, truncated-facet artifacts, retouched blades and bladelets, side-scrapers, and end-scrapers suggest similarity with the Obirakhmatian industry. The observed variability in bladelet cores, technological processes involved in their production,

and the morphology of produced blanks fail to distinguish them from regional Upper Paleolithic patterns. Nonetheless, the assemblage appears dominated by flake production, and the toolkit includes pieces that are somewhat unique for the region (unifaces, tanged forms). This scenario points to regional variability in Middle Paleolithic technology in the Pamir-Tian Shan region.

REFERENCES

1. Krivoschapkin, A.I. (2012) *Obirakhmatkiy variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu* [The Obi-Rakhmat Variant of Transition from the Middle to the Upper Paleolithic]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
2. Suleymanov, R.Kh. (1972) *Statisticheskoe izucheniye kul'tury grotto Obi-Rakhmat* [The Statistical Study of the Obi-Rahmat Grotto Culture]. Tashkent: FAN.
3. Kolobova, K.A. (2014) *Verkhniy paleolit Zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya* [The Upper Paleolithic of Western Pamir-Tien-Shan]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
4. Vishnyatskiy, L.B. (1996) *Paleolit Sredney Azii i Kazakhstana* [The Paleolithic of Central Asia and Kazakhstan]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom.
5. Ranov, V.A., & Davis, R. (1979) Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic. *Current Archeology*. 20. pp. 249–262.
6. Ranov, V.A. & Nesmeyanov, S.A. (1973) *Paleolit i stratigrafiya antropogena Sredney Azii* [Paleolithic and Stratigraphy of the Anthropogen in Central Asia]. Dushanbe: Donish.
7. Abramova, Z.A. (1984) Ranniy paleolit Aziatskoy chasti SSSR [The Early Paleolithic of the Asian part of the USSR]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Paleolit SSSR* [The Paleolithic of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 135–161.
8. Kasymov, M.R. (1990) *Problemy paleolita Sredney Azii i Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam mnogosloynnoy paleoliticheskoy stoyanki Kul'bulak)* [Problems of the Paleolithic of Central Asia and Southern Kazakhstan (based on the materials of the multi-layered Paleolithic site of Kulbulak)]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
9. Kolobova, K.A., Flas, D., Krivoschapkin, A.I., Pavlenok, K.K., Vandenberghe, D. & De Dapper, M. (2016) Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 4. pp. 1–18. DOI: 10.1007/s12520-016-0367-3
10. Kolobova, K.A., Flas, D., Pavlenok, K.K., Krivoschapkin, A.I. & Islamov, U.I. (2012) The Denticulate Mousterian as a Supposedly Distinct Facies in Western Central Asia. *Arkeologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(49). pp. 11–23. (In Russian).
11. Pavlenok, K.K., Shnayder, S.V., Kolobova, K.A., Lazarev, S.Yu. & Radzhabov, A. (2014) “Zubchatoe must'e”: novye dannye i interpretatsii [The Toothed Mousterian: New data and interpretations]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(84). pp. 161–168.
12. Vandenberghe, D.A.G., Flas, D., De Dapper, M., Van Nieuland, J., Kolobova, K., Pavlenok, K., Islamov, U., De Pelsmaeker, E., Debeer, A.-E. & Buylaert, J.-P. (2014) Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating. *Quaternary International*. 324. pp. 180–189. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.09.011
13. Derevyanko, A.P., Pavlenok, K.K., Shnayder, S.V., Pavlenok, G.D., Kogay, S.A., Kolobova, K.A., Lazarev, S.Yu. & Radzhabov, A. (2014) Melko-plastinchatoye proizvodstvo v industrii sloya 12 stoyanki Kul'bulak: novye dannye [Small-plate production in the industry of Layer 12 of the Kulbulak Site: New data]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkeologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 42–45.
14. Devyatova, A.Yu., Pavlenok, K.K., Lazarev, S.Yu., Pavlenok, G.D., Shnayder, S.V. & Kogay, S.A. (2016) Pervyy opyt litogeokhimicheskogo issledovaniya otlozheniy stoyanki Kul'bulak (Uzbekistan) [The first experience of lithogeochemical study of the Kulbulak deposits (Uzbekistan)]. In: Medvedev, G.I. (ed.) *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoeology, Cultures]. Irkutsk : Izd-vo IGU. 2016. pp. 102–107.
15. Derevyanko, A.P., Islamov, U.I., Pavlenok, K.K., Shnayder, S.V., Rybin, E.P., Pavlenok, G.D., Radzhabov, A., Lazarev, C.Yu. & Mukhtarov, G.A. (2013) Rezul'taty issledovaniya stoyanki Kul'bulak (Uzbekistan) v 2013 godu [Results of the Kulbulak (Uzbekistan) site research in 2013]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkeologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 19. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 54–60.

УДК 903.4«634»(571.151)
DOI: 10.17223/19988613/49/2

**Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, Л.Л. Гайдученко,
А.А. Гольева, М.М. Силантьева, М.Ю. Соломонова, В.П. Семибратов**

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ НЕОЛИТА – БРОНЗЫ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Поселение Тыткескень-VI относится к числу наиболее информативных памятников эпохи неолита на территории Горного Алтая. В процессе исследования поселения Тыткескень-VI получены остеологические коллекции, позволяющие существенно продвинуться в реконструкции системы жизнеобеспечения населения исследуемого памятника на продолжительном временном отрезке – от середины VI до рубежа IV–III тыс. до н.э. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о появлении экономики производящего типа в эпоху позднего – финального неолита. Фитолитные исследования подтверждают изменение растительного покрова в устье р. Тыткескень в середине IV – начале III тыс. до н.э. с лесного на луговой и степной. Это связано с переходом к производящему хозяйству.

Ключевые слова: неолит; домашние животные; фитолитный анализ.

Поселение Тыткескень-VI находится в Чемальском районе Республики Алтай, расположено в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуня, в 100 м выше места их слияния. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескень-VI в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. В этот же период в раскопе площадью около 200 кв. м на поселении были получены материалы раннего железного века, бронзового века, энеолита и неолита [1. С. 111–124].

В 2006 г. на поселении были продолжены археологические раскопки, в ходе которых было исследовано 1 500 кв. м. Получены материалы, относящиеся к Средневековью, раннему железному веку, бронзовому веку, энеолиту и неолиту [2. С. 146–150]. В процессе раскопок на поселении было установлено, что памятник имеет сложную планиграфию и стратиграфию. Было выделено три культурно-хронологических горизонта. Материалы первого культурного горизонта залегали непосредственно под дерном на глубине 0,15–0,3 м от дневной поверхности. Археологические коллекции этого комплекса содержат керамику и каменные артефакты различных исторических периодов – от Средневековья до эпохи неолита. Это объясняется наличием на территории памятника курганов эпохи Средневековья, раннего железного века и афанасьевского времени. В процессе рытья могильных ям и сооружения курганных насыпей произошли механическое перемещение и смешение более ранних археологических артефактов с более поздними.

Материалы второго и третьего культурных горизонтов, содержащие находки, разделены от первого горизонта и друг от друга прослойками песка эолового происхождения. Благодаря этому хорошо прослеживается относительная хронология для двух культурных горизонтов. Материалы второго и третьего

горизонтов поселения Тыткескень-VI представлены двумя комплексами, выделяющимися на территории памятника планиграфически. Нижний и верхний уровни разделены между собой 20-метровым участком наклонной поверхности, на котором находки представлены единичными предметами. Для обозначения археологических коллекций из этих горизонтов решено использовать термины «горизонт-3А» (нижний) и «горизонт-3Б» (верхний), «горизонт-2А» (нижний) и «горизонт-2Б» (верхний) [3. С. 66–67]. Стратиграфические наблюдения при исследовании афанасьевского кургана № 95 позволили сделать вывод, что могильная яма этого кургана прорезает горизонты 2Б и 3Б, а насыпь перекрывает горизонт 2Б.

Для горизонтов 3А, 3Б, 2А, 2Б и для афанасьевского кургана № 95 получены радиоуглеродные даты (табл. 1). Для горизонтов 3А, 3Б, 2А, 2Б радиоуглеродные даты выполнены по костям животных, а для афанасьевского кургана № 95 – по костям человека.

Данные радиоуглеродные датировки подтверждают наблюдения о стратиграфии и планиграфии памятника, сделанные в процессе раскопок 2006 г. В результате полевых работ 2006 г. получены представительные археологические коллекции, которые дают возможность расширить современные представления о неолитической эпохе юга Западной Сибири. До проведения масштабных раскопок поселения Тыткескень-VI, представления о неолитической эпохе этого региона основывались на материалах поселения Тыткескень-2, которое находится в устьевой зоне на противоположном берегу одноименного ручья [4].

В процессе исследования поселения Тыткескень-VI получены остеологические коллекции, позволяющие существенно продвинуться в реконструкции системы жизнеобеспечения населения исследуемого памятника на продолжительном временном отрезке – от середи-

ны VI до рубежа IV–III тыс. до н.э. Определения костных остатков поселения Тыткескень-VI выполне-

ны по общепринятым остеозоологическим методикам с некоторой корректировкой.

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования горизонтов и комплексов памятника Тыткескень-VI

Комплекс	№ даты	Возраст	Возраст до н.э.	Сигма 1	Сигма 2
Горизонт 3А	СОАН-6763	6 200±210	4 250±210	5 400–4 850	5 600–4 600
Горизонт 3Б	СОАН-6765	5 930±150	3 980±150	5 000–4 610	5 250–4 450
Горизонт 2А	СОАН-6762	5 710±140	3 760±140	4 720–4 440 4 420–4 370	4 950–4 250
Горизонт 2Б	СОАН-6764	4 600±100	2 650±100	3 520–3 310 3 300–3 260 3 240–3 110	3 650–3 000
Курган № 95	СОАН-6761	4 250±110	2 300±110	3 020–2 830 2 820–2 660 2 650–2 630	3 350–2 450
Курган № 95	СОАН-7474	4 295±85	2 345±85	3 090–3 060 3 030–2 860 2 810–2 750 2 720–2 710	3 350–2 600

Исключены определения типа «мелкий рогатый скот», «крупные млекопитающие», «млекопитающие размером с овцу» и т.п. Если по ходу работы такие определения возникали (что, учитывая сохранность материала, неизбежно), то все они включались в группу «неопределимые». При подсчётах количества особей того или иного вида учитывались не только одноимённые (и односторонние)

кости, но и их размерные, а при возможности – и возрастные характеристики. Это позволило по имеющимся определимым остаткам установить оптимальное количество особей (табл. 2). Подобная методика уже апробирована при работе с остеологическими коллекциями поселенческих комплексов неолита и энеолита Северного Казахстана и Северной Кулунды [5–8].

Таблица 2

Систематический состав, количество и стратиграфическая приуроченность остеозоологических остатков из раскопок поселения Тыткескень-VI

Систематическая принадлежность	Горизонт 1		Горизонт 2				Горизонт 3			
	–		Б		А		Б		А	
	Эпоха бронзы, РЖВ, Средневековье		Энеолит		Поздний – финальный неолит		Поздний – развитый неолит		Развитый неолит	
	К.	О.	К.	О.	К.	О.	К.	О.	К.	О.
Домашние	63	27	8	8	3	2	–	–	–	–
Лошадь	23	10	3	3	3	2	–	–	–	–
Крупный рогатый скот	10	5	5	5	–	–	–	–	–	–
Овца	28	10	–	–	–	–	–	–	–	–
Собака	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Дикие	21	14	23	14	10	5	19	8	58	24
Благородный олень	7	3	11	6	3	2	6	1	6	5
Лось	2	2	1	1	–	–	1	1	2	2
Косуля	7	5	10	6	–	–	1	1	–	–
Горный баран	4	3	–	–	7	3	11	5	47	15
Кабан	–	–	–	–	–	–	–	–	3	2
Медведь	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Беркут?	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–
Неопределимые	707	–	1 054	–	14	–	494	–	3 750	–
Всего определимых	84	41	31	22	13	7	19	9	58	24
В целом	791	–	1 085	–	27	–	513	–	3 628	–

Примечание. К. – кости; О. – особи; РЖВ – ранний железный век.

В совокупности большая часть остеозоологической коллекции этого памятника представляет так называемые кухонные остатки и в единичных случаях – технологические отходы. На сохранность остеозоологических остатков из поселения Тыткескень-VI в основном повлияли природные факторы, обусловленные пребыванием костей на поверхности и в грунте на небольшой глубине.

Для рассматриваемого памятника установлены 11 систематических категорий (видов и родов) домаш-

них и диких млекопитающих и птиц. Из них домашних – 4, диких – 7 (см. табл. 2). От горизонта к горизонту видовой состав относительно стабилен. Резкие различия отмечаются между комплексами 2А и 3Б: в слое уровня А горизонта 2 кости и зубы домашних видов имеются, а в слое уровня Б горизонта 3 таковые отсутствуют. Отмеченная особенность фаун комплексов 2А и 3Б позволяет констатировать для среднего течения р. Катунь появление экономики производящего типа в эпоху позднего – финального неолита. Пер-

вым из домашних видов здесь была лошадь. Значимость охот в мясообеспечении древнего населения Тыткескень-VI от горизонта к горизонту сохраняется. Внутри группы домашних видов значимость их в мясообеспечении древнего населения от горизонта к горизонту различна. Объединяющим здесь является лишь обязательное сохранение лошади. Для наиболее древнего комплекса 2А (поздний – финальный неолит) отмечено только потребление конины (100%). В эпоху энеолита (комплекс 2Б) отмечено потребление конины и говядины.

Выводы о наличии производящего хозяйства у населения поселения Тыткескень-VI в позднем – финальном неолите и энеолите в целом совпадают с результатами исследований остеологических коллекций поселения Тыткескень-2 [4. С. 76]. По определениям А.В. Гальченко, в материалах третьего (энеолит, большемысская культура) и четвертого (поздний – финальный неолит, среднекатунская культура) горизонтов поселения Тыткескень-2 имеются кости домашних животных, в третьем – крупный рогатый скот и лошадь, в четвертом – лошадь и овца [Там же. С. 76, 199].

В 2010–2011 гг. исследования поселенческих комплексов Тыткескень-2 и Тыткескень-VI были продолжены [8, 9]. В результате было выполнено современное ботаническое описание территории памятников, а также взяты образцы почв для проведения почвенных и микробиоморфных исследований.

На поселении Тыткескень-VI были исследованы две колонки образцов палеопочвенными методами, которые включали в себя изучение микробиоморфного комплекса (пыльца, фитолиты, детрит, угли и кутикулярные слепки) и анализ валового фосфора [8. С. 72–74]. Оба независимых метода показали достаточно широкое использование в древности жителями поселения животной органики при практически полном игнорировании растительной [Там же. С. 74]. Возможно, это было связано с климатическими особенностями – животная органика лучше сохраняет тепло, возможно, имели место бытовые традиции. Анализы подтвердили предположение, что слои, не содержащие артефактов (археологически стерильные), являются слоями разрушения и перемещения материала заброшенных жилищ. Какие-либо специфические параметры, позволяющие четко диагностировать наличие и состав кровли, не выявлены [Там же].

Анализ образцов почв, взятых на поселении Тыткескень-VI, показали, что в них нет явных признаков пожаров, часто встречаемых в культурных слоях поселений. Это значит, что жилища не горели, возможно, люди покидали их добровольно в силу изменения ресурсной или природно-климатической базы [Там же].

Выявленные особенности археозоологических материалов и палеопочвенные данные по поселению Тыткескень-VI были сопоставлены с реконструкцией растительного покрова территории, полученной на основе фитолитных исследований поселения Тыткескень-2

[9. С. 438–440], которое расположено на правом берегу р. Тыткескень. Фитолитные комплексы поселения Тыткескень-2 позволяют реконструировать локальную смену ряда фитоценозов на территории. Начиная от раннего и до финального неолита третью надпойменную террасу р. Катунь, на которой располагалось поселение, занимал лес из хвойных пород деревьев. Об этом свидетельствует значительное количество фитолитов хвойных и лесных трав в фитолитных спектрах от раннего до финального неолита. В конце финального неолита отмечены сведения древесной растительности и развитие на территории степных фитоценозов, которое фиксируется по увеличению доли кремниевых коротких частиц степных злаков в фитолитных комплексах. В эпоху энеолита на территории поселения Тыткескень-2 существовали луговые фитоценозы, что подтверждается составом фитолитных спектров. В более поздние периоды на территории этого поселения происходило постепенное остепнение растительности [Там же].

Сопоставляя данные о растительном покрове различных эпох на этой территории с остеологическим материалом с поселения Тыткескень-VI, следует отметить, что периоды сведения лесной растительности на территории соответствуют увеличению роли домашних животных в хозяйственной деятельности. Таким образом, изменение растительного покрова территории с лесного на луговой и степной отчасти связано с переходом к производящему хозяйству. Стоит также отметить, что палеопочвенные исследования на поселении Тыткескень-VI указывают на преимущественное использование животной органики в хозяйственной деятельности людей [8. С. 74]. Поэтому изменения растительного покрова территории, особенно его остепнение, связаны в первую очередь с пастбищной нагрузкой.

Как уже отмечалось в научной литературе, при анализе остеологических коллекций поселенческих комплексов эпохи неолита и энеолита Горного Алтая исследователи сталкиваются с целым комплексом проблем.

Существуют объективные трудности отличия костей домашней лошади от диких форм тарпана и кулана, мелкого рогатого скота (овца, коза) от мелких парнокопытных (сибирский горный козёл, горный баран, козуля, дзерен, сайга и др.) [10. С. 74]. Ещё одна из проблем реконструкции форм хозяйственной деятельности у неолитического населения поселений Тыткескень-2 и Тыткескень-VI связана с плохой сохранностью костей. При работе с коллекциями поселения Тыткескень-2 А.В. Гальченко отмечал плохую сохранность костей, которые он характеризовал как «сильный бой» [Там же]. Аналогичная ситуация отмечена и для остеологических коллекций поселения Тыткескень-VI.

Одна из основных проблем в реконструкции хозяйственной деятельности неолитического и энеолитического населения юга Западной Сибири связана с принципиально разными оценками одних и тех же фактических материалов. Существуют диаметрально

противоположные точки зрения исследователей на лошадь как на объект охотничьего промысла [10. С. 74; 11. С. 1113–1114] либо как на домашнее животное [5–7]. Кости крупного рогатого скота могут интерпретироваться как остатки тура. Можно констатировать, что проблема реконструкции хозяйственной деятельности неолитического и энеолитического населения юга Западной Сибири остаётся крайне дискуссионной, хотя в последние годы появляются всё новые и новые материалы, свидетельствующие о наличии производящего хозяйства у неолитического [12. С. 298] и энеолитического [7, 8] населения юга Западной Сибири. Данные о наличии производящего хозяйства у энеолитического населения юга Западной Сибири, полученные в результате анализа остеологических коллекций [7, 8], подтвер-

ждаются в процессе исследований пригаров на внутренней поверхности сосудов [13, 14].

Фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении коллекций удерживает нас от категоричных выводов, но есть все основания полагать, что изменение растительного покрова с лесного на луговой и степной на территории памятников Тыткескен-2 и Тыткескен-VI связано с переходом к производящему хозяйству в финальном неолите и энеолите.

Не вызывает сомнения необходимость продолжения полевых исследований поселений Тыткескен-2 и Тыткескен-VI и использование новых методов естественных наук при камеральной обработке археологических коллекций памятников. С получением новых фактических материалов можно будет вернуться к проблемам, обозначенным в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескен-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–124.
2. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Неолитический комплекс поселения Тыткескен-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 146–150.
3. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескен-VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (41). С. 65–72.
4. Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескен-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 335 с. : ил.
5. Гайдученко Л.Л. Остеологический комплекс поселения Токсанбай // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана : Издательская группа филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. Т. 1. С. 160–170.
6. Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Остеологический комплекс раннеэнеолитического поселения Новоильинка-6 в Кулунде // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана : Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 212–220.
7. Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка-VI в Кулунде // Маргулановские чтения-2014. Алматы ; Павлодар, 2014. С. 421–427.
8. Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., Гольева А.А. Почвенные и микробиоморфные исследования на поселении Тыткескен-VI // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 71–75.
9. Соломонова М.Ю., Силантьева М.М., Кирюшин К.Ю. Трансформация растительного покрова поселения Тыткескен-2 (Горный Алтай) с IV тыс. до н.э. по настоящее время по палеоботаническим данным // Поволжский экологический журнал. 2015. № 4. С. 431–440.
10. Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай) / Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ф. Степанова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 70–94.
11. Косинцев П.А., Пластеева Н.А., Васильев С.К. Дикие лошади (*Equus* (*Equus*) S. L.) Западной Сибири в голоцене // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, № 9. С. 1107–1116.
12. Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. I. С. 297–301.
13. Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Пригары из керамических сосудов поселения Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 106–110.
14. Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Пригары из керамических сосудов поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 58–62.

Kiryushin Yuri F. Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: yf-kiryushin@mail.ru; *Kiryushin Kirill Yu.* Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru; *Gayduchenko Leonid L.* Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: volin-va@list.ru; *Golyeva Alexandra A.* Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: alexandragolyeva@rambler.ru; *Silantyeva Marina M.* Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: msilan@ru; *Solomonova Marina Yu.* Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: mmari99@mail.ru; *Semibratov Vladimir P.* Altay State University (Barnaul, Russia). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

COMPREHENSIVE RESEARCH ON THE SETTLEMENT OF THE NEOLITH – BRONZE TYTKESKEN-VI (GORNYY ALTAI).

Keywords: Neolithic; domestic animals; phytolite analysis.

Settlement Tytkesken-VI is located in the Chemskey district of the Altai Republic. Research of the monument began in the late 80's – early 90's of the XX century. In 2006, archaeological excavations were continued at the settlement. It was investigated 1500 square meters. Interesting materials were obtained during the study of complexes of the developed, late and final Neolithic, as well as the Eneolithic and Bronze Age. A series of radiocarbon dates has been obtained, which confirm the observations on the stratigraphy and layout of the settlement. Osteological collections were obtained during the research of the settlement Tytkesken-VI. The carried out researches allow to state occurrence of economy of a farming type in an epoch of the late and final Neolithic. The first domestic species was a horse. Paleo-soil and microbiomorph investigations were carried out at the settlement Tytkesken-VI. Studies have shown widespread use by residents of the settlement of animal organics. Analyses have shown that layers that do not contain artifacts are layers of destruction and displacement of the material of abandoned dwellings. Analyses of the soil samples showed that there are no signs of fires. This

means that the dwellings did not burn. Probably, people left them voluntarily due to a change in the resource base or natural and climatic. The data on the settlement of Tytkesken-VI were compared with the phytolithic studies of the settlement Tytkesken-2, which is located on the right bank of the river Tytkesken. Beginning from the early to the final Neolithic, the territory of the settlement occupied a forest of coniferous trees. At the end of the final Neolithic, the reduction of woody vegetation and development in the territory of steppe phytocenoses was noted. In the era of the Eneolithic, there were meadow phytocenoses in the territory of the Tytkeskene-2 settlement. Comparing the data obtained, it should be noted that, changing the vegetation cover of the territory at the mouth of the river. Tytkesken from the forest on the meadow and steppe is associated with the transition of economy of a farming type. Paleo-soil and microbiomorphic studies at the settlement of Tytkeskene-VI indicate the predominant use of animal organics in the economic activities of people. Therefore, changes in the vegetation cover of the territory is primarily due to pasture load.

REFERENCES

1. Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (1994) Mnogosloynnoe poselenie Tytkesken'-6 na Katuni [A multilayer settlement Tytkesken-6 on the Katun]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of the Mountainous Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 111–124.
2. Kiryushin, Yu.F., Kungurov, A.L., Semibratov, V.P., Kiryushin, K.Yu. & Shmidt, A.V. (2006) Neoliticheskiy kompleks poseleniya Tytkesken'-6 [The Neolithic complex of Tytkesken-6]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.P. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 12(1). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 146–150.
3. Kiryushin, K.Yu., Kiryushin, Yu.F. & Semibratov, V.P. (2013) Middle Neolithic Ceramics from the Tytkesken VI Settlement Site. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(41). pp. 65–72. (In Russian).
4. Kiryushin, K.Yu. & Kiryushin, Yu.F. (2008) *Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Tytkesken'-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.)* [The Cultural and Chronological Complexes of the Tytkesken-2 Settlement (Results of 1988–1994)]. Barnaul: Altai State University.
5. Gayduchenko, L.L. (2012) Osteologicheskiy kompleks poseleniya Toksanbay [An osteological complex of Toksanbai settlement]. In: Ongar, A. (ed.) *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana* [Proceedings of the Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Astana]. Vol. 1. Astana: Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology. pp. 160–170.
6. Gayduchenko, L.L. & Kiryushin, K.Yu. (2013) Osteologicheskiy kompleks ranneeneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka-6 v Kulunde [The osteological complex of the Novoilinka-6 Early Neolithic Settlement in Kulunda]. In: Ongar, A. (ed.) *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana* [Proceedings of the Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Astana]. Vol. 2. Astana: Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology. pp. 212–220.
7. Gayduchenko, L.L. & Kiryushin, K.Yu. (2014) Novye osteozoologicheskie materialy iz raskopok eneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka-VI v Kulunde [New osteozoological materials from the excavations of the Novoilinka-VI Eneolithic Settlement in Kulunda]. In: Baitanaev, B.A. et al. *Margulanovskie chteniya – 2014* [The Margulanov Readings – 2014]. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology; Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute. pp. 421–427.
8. Kiryushin, K.Yu., Semibratov, V.P. & Golyeva, A.A. (2013) Pochvennyye i mikrobiomorfnye issledovaniya na poselenii Tytkesken'-VI [Soil and microbiomorphic studies in the Tytkesken-VI Settlement]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archeology]. Barnaul: Altai State University. pp. 71–75.
9. Solomonova, M. Yu., Silant'eva, M.M. & Kiryushin, K.Yu. (2015) Transformatsiya rastitel'nogo pokrova poseleniya Tytkesken'-2 (Gornyy Altay) s IV tys. do n.e. po nastoyashchee vremya po paleobotanicheskim dannym [Transformation of the vegetation cover on the territory of the Tytkesken-2 Settlement (the Altai Mountains) since the 4th century B.C. by paleobotanic data.]. *Povolzhskiy ekologicheskiy zhurnal – Povolzhskiy Journal of Ecology*. 4. pp. 431–440.
10. Galchenko, A.V. (1995) Fauna Nizhnetytkeskenskoy peshchery 1 i okhotnich'e khozyaystvo drevnikh plemen Gornogo Altaya [The fauna of the Lower Tytkesken Cave 1 and the hunting farm of the Gorny Altai ancient tribes]. In: Kiryushin, Yu.F., Kungurov, A.L. & Stepanova, N.F. (eds) *Arkheologiya Nizhnetytkeskenskoy peshchery 1 (Altay)* [Archeology of the Lower Tytkesken Cave 1 (Altai)]. Barnaul: Altai State University. pp. 70–94.
11. Kosintsev, P.A., Plasteeva, N.A. & Vasiliev, S.K. (2013) Dikie lozhadi (Equus (Equus) S. L.) Zapadnoy Sibiri v golotsene [Wild horses (Equus (Equus) S. L.) of Western Siberia in the Holocene]. *Zoologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Zoology*. 92(9). pp. 1107–1116.
12. Merts, V.K. (2014) Boborykinskiy kompleks poseleniya Borly (Severo-Vostochnyy Kazakhstan) [The Boborykino complex of the Borly settlement (North-Eastern Kazakhstan)]. In: Sitdikov, A.G. et al. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 1. Kazan: Otechestvo. pp. 297–301.
13. Gayduchenko, L.L. & Kiryushin, K.Yu. (2015) Prigary iz keramicheskikh sosudov poseleniya Novoil'inka-III v Severnoy Kulunde [Metal penetrations from the ceramic vessels of Novoilinka-III settlement in North Kulunda]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archeology of Western Siberia and Altai: Interdisciplinary Research]. Barnaul: Altai State University. pp. 106–110.
14. Gayduchenko, L.L. & Kiryushin, K.Yu. (2016) Prigary iz keramicheskikh sosudov poseleniya Novoil'inka-VI v Severnoy Kulunde (predvaritel'noe soobshchenie) [Metal penetrations from the ceramic vessels of the Novoilinka-VI Settlement in North Kulund (a preliminary report)]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Altai Territory Cultural Heritage]. Issue 22. Barnaul: Altai State University. pp. 58–62.

УДК 903.2:903.07
DOI: 10.17223/19988613/49/3

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова

ГЛИНЯНАЯ «ПОГРЕМУШКА» В ВИДЕ ГОЛОВЫ МЕДВЕДЯ И ВАРИАНТЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОСИТЕЛЯМИ КРотовСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЭПОХА БРОНЗЫ, КОНЕЦ III тыс. до н.э., БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Приводится всесторонний анализ глиняной погремушки в виде головы медведя, обнаруженной на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь). Представлены результаты морфологического, рентгеноскопического и технологического исследования артефакта. Предложены основные варианты функциональной интерпретации изделия: детская игрушка, ритуальный предмет, музыкальный инструмент. Приведены археологические, этнографические и этноисторические параллели. Сделан вывод о многофункциональности изделия.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь; эпоха бронзы; кротовская культура; глиняная погремушка.

Посвящается Л.А. Чиндиной

Археологические исследования таежной зоны Западной Сибири, особенно активно проводимые начиная с последней четверти прошлого столетия, неизменно радуют научное сообщество замечательными открытиями. К числу исследователей, внесших огромный вклад в изучение этого экстремального с точки зрения обитания здесь человека региона, относится профессор Томского государственного университета Людмила Александровна Чиндина. В числе ее выдающихся достижений – всестороннее исследование кулайской и рёлкинской культур таежной зоны Западной Сибири, опубликованное, кроме многочисленных статей, в серии монографий (см., например: [1–3]). Л.А. Чиндина хорошо известна и как крупный организатор науки. Именно ей мы обязаны проведением регулярных западносибирских археолого-этнографических совещаний, несомненно, способствующих развитию археологии и этнографии в стране, и, что немаловажно, воспитанию научных кадров [4. С. 215–220].

В предлагаемой работе, посвященной Людмиле Александровне, мы решили коснуться актуальной для западносибирской археологии и этнографии темы, связанной с образом «хозяина тайги» – медведя. По проблемам, так или иначе связанным с этим сюжетом, имеется гигантский массив научной литературы, поэтому мы рассмотрим одну из них через призму замечательной находки, сделанной авторами на поселении кротовской культуры Венгерово-2, в предтаежной / лесостепной зоне юга Западносибирской равнины, именуемой Барабой. Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Тартас, в двух километрах от районного центра Венгерово [5]. Первые два жилища здесь были исследованы одним из авторов еще в семидесятые годы прошлого столетия. Их мате-

риалы послужили существенной основой для выделения кротовской культуры [6]. С 2011 г. раскопки возобновлены, памятник изучается ежегодно [7].

В котловане жилища № 9 в 2016 г., на полу (т.е. стратиграфически безупречно), среди большого скопления фрагментов керамики была сделана уникальная находка – глиняная скульптурка, реалистично передающая голову «хозяина тайги» – медведя (рис. 1, 1–5).

Изделие выполнено мастерски. Несмотря на имеющую место стилизацию, образ животного выглядит не только узнаваемо, но даже трогательно. Изделие относится к разряду парциальных: изображена только головка. Пасть зверя слегка приоткрыта, а характерные овальные ушки несколько прижаты (рис. 2, 1). Морфологические признаки (вытянутые губы, отсутствие впадины между лбом и переносицей, округлый свод головы) указывают на малый возраст изображенной особи [8. С. 44]. В нижней части скульптурки, в области шеи, сформована миниатюрная ручка. Поверхность скульптурки была обработана расчесами зубчатого орудия, имитирующими шерсть зверя. Цвет изделия – от бежевого до темно-коричневого, неровный, что, очевидно, объясняется костровым обжигом. При встряхивании фигурки отчетливо слышен характерный шум, аналогичный звукам современной погремушки. Размеры скульптурки 5,1×4,3×4 см.

Для изучения технологии изготовления изделия без нарушения целостности был сделан рентгеноскопический анализ. Исследование проведено в Институте ядерной физики СО РАН на установке АРИНА-3¹. В результате было получено несколько снимков фигурки с разных ракурсов, демонстрирующих ее внешнюю и внутреннюю структуру, заполнение, а также следы технологии (рис. 2, 2).

1

2

3

4

5

Рис. 1. Поселение Венгерово-2: 1 – котлован жилища № 9 (фото с юга); 2 – скопление керамики и погремушка в северо-восточной части жилища № 9 (фото); 3 – реконструкция использования ручки (рис. Е. В. Шумаковой); 4, 5 – фото погремушки после фиксации и извлечения из слоя

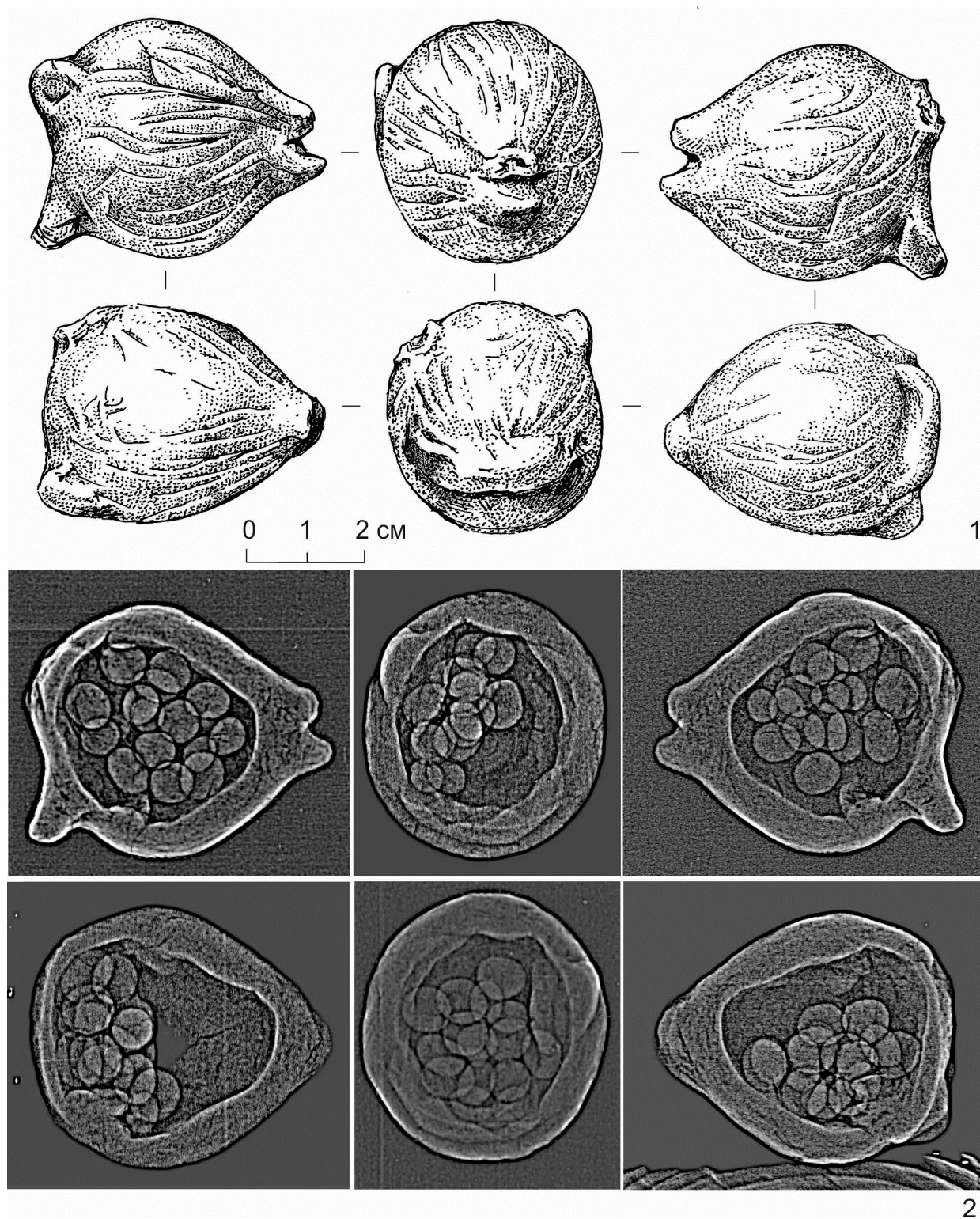

Рис. 2. Глиняная погремушки в виде головы медведя в шести проекциях:
1 – рисунок; 2 – рентгеноскопические снимки

Скульптурка полая. Толщина стенок неравномерна и изменяется от 0,3 до 0,6 см. Изделие выполнено в технике лоскутного налёпа. Начин представлял собой округлую чашечку. Внутренняя поверхность неровная, со следами формовки пальцами, внешняя хорошо залощена. Выпуклые части (нос, уши, ручка) изготовлены путем накладывания дополнительных лоскутков глины и дальнейшей их расформовки. Полость доста-

точно плотно заполнена шестнадцатью шариками. Все они выполнены, как и сама скульптурка, из глины с большим содержанием песка. Шарики имеют округлую или слегка вытянутую (овальную) форму. Диаметры их варьируют от 0,3 до 0,7 мм.

Таким образом, перед нами изделие уникальное, полных аналогов ему в археологических комплексах Старого и Нового света, а также эпохи бронзы Сибири

нам не известно. Хотя глиняные погремушки как в виде шаров, так и в форме птиц и животных очень широко встречаются во времени (от неолита до позднего Средневековья и Нового времени) и пространстве [9]. Археологический контекст нахождения «погремушек» также чрезвычайно широк и разнообразен. Например, на поселениях раннего железного века Испании они исчисляются сотнями [Ibid. P. 49], подобные предметы не редкость в захоронениях детей и взрослых на могильниках Ла Тен (Франция) [10. P. 290].

Встал вопрос – как использовался данный предмет носителями кротовской культуры эпохи бронзы? К настоящему времени имеется значительное количество статей, посвященных анализу глиняных погремушек, их морфологической специфике, а также всевозможным вариантам применения в различных аспектах человеческой деятельности. В качестве примера можно привести фундаментальное исследование испанских ученых Р.Х. Пасалодос, К.Г. Бенито и Д.Ю. Фернандес, в котором представлен всесторонний анализ данного вида источников [9. P. 47–64]. С учетом этого опыта и, в то же время, опираясь на конкретную историческую ситуацию, можно предложить несколько вариантов функциональной интерпретации находки.

Первая версия лежит на поверхности. Мы уже писали в статье, посвященной раскопкам памятника Венгеро-2 [11], что более всего изделие напоминает детскую игрушку, погремушку, весьма похожую на те, которые с успехом используются в современной практике ухода за ребенком. При этом наблюдается использование образа детёныша какого-то животного (чаще всего – ласкового и доброго, какими являются щенки, котята, медвежата, лошадки и т.д.). Нередко даже сами малолетние животные (например, ягнята) являются своего рода игрушками у детей современных сообществ скотоводов. Именно таким образом, по видимому, могли использоваться погремушки в виде обычных глиняных полых небольших шаров или более сложных по форме предметов, заполненных мелкими камушками (см., например: [12. P. 1–20]) либо глиняными шариками [13. С. 39. Фото 71].

Вторая версия также выглядит вполне логично. Она сводится к определению шумящего зооморфного предмета (явно погремушки) как изделия ритуального. Такой предмет из глины в виде бубенчика с выраженной дужкой для подвешивания с камушками внутри, издающий при встряхивании характерный звук, трактуется опубликовавшим его В.Е. Медведевым как подвеска к костюму шамана [14], т.е. предмет носит, по мнению исследователя, явно сакральные функции. Данная версия выглядит тем более привлекательно, так как изделие было обнаружено при изучении культового центра эпохи неолита у с. Вознесеновка на р. Амур, относящегося к малышевской культуре [Там же. С. 48–49]. Хотя для эпохи развитой бронзы Западной Сибири выделять подобные центры было бы в настоящее время преждевременным, нельзя все же не отметить такой

памятник, как Самусь-IV, близкий по времени кротовской культуре. На памятнике найден не только набор своеобразной посуды с антропоморфной, орнитоморфной и солярной символикой [15, 16], но и богатейшая пластика в виде антропоморфной, фаллической и зооморфной скульптуры, целым рядом исследователей справедливо связываемой с сакральной функцией [17–19]. Следует иметь в виду, что, скорее всего, артефакты, которые мы находим в археологических комплексах древности (включая в значительной степени период Средневековья и Нового времени), каковые порой принято называть «предметами искусства», несли на себе сакральную нагрузку, смысл, далеко не всегда понятный нам, но очевидный для человека той эпохи, в которой они бытовали. Также, скорее всего, было и с рассматриваемой погремушкой в виде головки медведя.

Важно отметить, что проявление образа медведя в различных предметах пластического искусства у носителей культур эпохи ранней–развитой бронзы Западной Сибири было достаточно разнообразным и представительным (см., например: [20]). Несомненно, особое место отводилось голове зверя. Этому имеется довольно большое количество свидетельств. Например, следует отметить большое количество остатков медвежьих черепов, приносимых на североуральские святилища, начиная с эпохи бронзы до современности [21. С. 8]. То же самое можно сказать и о клыках и когтях хищника, служивших в качестве нашейных и нашиваемых на одежду амулетов. Наконец, это скульптурные изображения медвежьих голов из дерева и камня, обнаруженные на уже упомянутом выше поселении Самусь-IV [22], Шигирском торфянике [23], в памятниках эпохи бронзы Барабинской лесостепи и Горного Алтая [24, 25]. Использование символа медвежьей головы в качестве охранительного, причем в разных проявлениях, неоднократно приводится в этнографической литературе [26]².

Возвращаясь к анализируемому предмету, уместно напомнить, что при встряхивании погремушка издает отчетливый звук, хорошо слышимый окружающим, что определенно говорит об одной из значимых функций предмета. Напомним, что использование шумящих подвесок в шаманской практике и шаманском костюме позволяет предлагать возможную его ритуальную интерпретацию. Наглядным примером является широкое использование в Прикамье в период раннего Средневековья (I–X вв. н.э.) бронзовых арочных шумящих подвесок, где центральным выступает образ медведя в жертвенной позе (голова, заключенная между передними лапами). Подвески завершаются шумящими элементами на цепочках. Публикуемая Л.И. Липиной сводка таких изделий насчитывает около 40 единиц [27], что, несомненно, говорит о популярности данного сочетания.

Возможно использование погремушки и в качестве музыкального инструмента, способного издавать ритмический звук. По мнению Л.В. Лбовой и Д.В. Кожев-

никовой, подобные изделия, в том числе детские игрушки, «являются составной частью музыкальной культуры любого этноса» [28]. Исследователи подчеркивают, что к предметам, создающим звуковой фон, относятся разнообразные изделия (галыки, зубы животных, раковины), датируемые еще эпохой палеолита. Например, подобный исследуемому предмет в виде глиняного шара с мелкими камушками внутри обнаружен на палеолитическом поселении Вис II в бассейне рр. Вычегды и Симвы в Коми [29]. Разумеется, следует отдавать себе отчет, что рассматриваемая трактовка — это лишь одна из версий интерпретации функционального назначения предмета, которую, впрочем, учитывая многообразные этнографические примеры разнообразия подобного рода «инструментов» в музыкальной культуре народов Сибири (см., например: [30]), исключать не следует.

На возможную трактовку погремушки как некоего символа, связанного со звуком, уже обращали внимание исследователи [31]. Глиняные шарики нередко, наряду с камушками, встречаются в погребальных комплексах, к примеру в погребениях эпохи бронзы Ла Тен в Шампань Арденн (Франция) [10. Р. 68]. В таком же сочетании (глиняные погремушки + глиняные шарики) известны они в галльских захоронениях в Бельгии [32. Р. 350]. На поселении Венгерово-2 выявлена довольно большая серия обожженных глиняных шариков правильной формы небольшого диаметра — в пределах 0,5–4,5 см [33]. Интересно, что подобные шарики в том или ином количестве найдены и на других поселениях кротовской культуры. Их размеры не позволяют связывать эти изделия только с утилитарной функ-

цией. Однако, может быть, перед нами составляющие более крупных шумящих инструментов, основа которых могла изготавливаться из кожи или дерева (нельзя исключать, в том числе, и глину), каковые могли использоваться в обрядовой практике носителей данной культуры. Еще один вариант применения шариков предложен испанскими исследователями: помещение их в небольшие сосудики, где они при встряхивании также будут издавать звуки [9]. Конечно, это не более чем гипотеза, однако, если представить себе содержимое анализируемого предмета, найденное вне формы, — предположение выглядит не столь уж беспочвенным.

В специальной литературе имеют место и иные, менее популярные версии использования погремушек, однако о них также нужно упомянуть. Например, высказана точка зрения об использовании погремушек для азартных игр [34. Р. 179].

Существует и «экзотическая» версия о возможном использовании погремушек, основанная на этноисторическом подходе. Она сводится к идее «имитации магии», применения погремушек в качестве амулетов плодородия, сохранения беременности и помощи при родах [9. Р. 52].

Подводя итоги анализу погремушки в виде головки медведя из поселения кротовской культуры Венгерово-2, а также возможным версиям ее использования, справедливо полагать, что и это изделие, и другие подобные предметы, близкие по своей семантической сущности, затрагиваемые в данной работе, скорее всего, многофункциональны и их интерпретация тесно связана с хронологическим и культурно-историческим контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаем искреннюю благодарность директору Института ядерной физики Сибирского отделения РАН академику П.В. Логачеву за любезно представленную возможность осуществить данный эксперимент.

² В коллективной монографии «Медведь в древних и современных культурах Сибири» [26] исчерпывающе представлена литература, посвященная обрядовой практике, связанной с этими животными у народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
3. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
4. Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 310 с.
5. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск : НПП по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. 139 с. (Материалы «Свода археологических памятников истории и культуры народов России». Вып. 3).
6. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 171 с.
7. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Поселение Венгерово-2 // Россия как археологическое пространство. М. : Изд-во ИА РАН, 2016. С. 74–77.
8. Шевченко Б.П. Анатомия бурого медведя. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2003. 454 с.
9. Peraldos R.Ji., Benito C.G., Fernández Ju.Je.P. The Clay Rattles of the Numantine Museum of Soria. An Approach from Experimental Archaeology (Spain). *Orient-Archäologie*. Leidorf, 2014. Bd. 33. P. 47–64.
10. Clodre-Tisson T. La musique aux âges du Bronze et du Fer en Europe (Ph.D. diss. Université de Paris I Panthéon-Sorbonne). Paris, 2006.
11. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Борзых К.А., Селин Д.В. Поселение кротовской культуры Венгерово-2: Новые открытия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 343–347.
12. Fenenga G.L., Erwin B., Erwin W. A Prehistoric Ceramic Rattle from the Southwestern Shoreline of Ancient Lake Cahuilla, Imperial County, California // *Racific Coast Archaeological Society Quarterly*. 2015. Vol. 51, № 1. P. 1–20.
13. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2011. 152 с.
14. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 4 (24). С. 40–69.
15. Матюшенко В.И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь-IV // *Советская археология*. 1961. № 4. С. 266–269.
16. Косарев М.Ф. К вопросу об антропоморфных и солярных рисунках на самусьской керамике // *Советская археология*. 1964. № 1. С. 292–295.

17. Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху энеолита и ранней бронзы // Экспедиции Государственного исторического музея. М. : Изд-во ГИМ, 1969. С. 39–63.
18. Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесостепной полосы СССР. М. : Наука, 1987. С. 318–326.
19. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура: Труды Музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. II. С. 526.
20. Молодин В.И., Октябрьская И.В., Чемякина М.А. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 23–36.
21. Косинцев П.А. Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археологическим данным) // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 4–9.
22. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. II. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 227 с.
23. Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. М. : Изд-во ГИМ, 1940. 104 с. Труды ГИМ. Вып. X.
24. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
25. Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западносибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1994 (История и культура востока Азии). С. 82–86.
26. Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 104 с.
27. Липина Л.И. Иконография арочных шумящих подвесок с образом медведя в Приуралье // Пятые Берсовские чтения. К 100-летию Е.М. Берс. Екатеринбург : Квадрат, 2006. С. 152–155.
28. Лбова Л.В., Кожевникова Д.В. Музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2016. 180 с.
29. Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского Северо-Востока // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии общественных наук. Нижний Тагил : Изд-во НТГСПА, 2006. С. 61–70.
30. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М. : Изд-во вост. лит., 2002. 718 с.
31. Martín Valls R., Romero Carnicero F. Dos sonajeros Vacceos. Boletín del Seminario de Estudios e Arte y Arqueología, 1980. XLVI. P. 160–165.
32. Ancel J.M. La cremation en milieu rural en Gaule Belgique romaine. Lex exemples de la lorraine et du Nord Pas de Calais (Ph.D. cliss. Université Lumière -Lyon 2). Lyon, 2010.
33. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Кротовская культура в Правобережном Прииртышье: новые исследования поселения Венгерovo-2 // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История и филология. 2015. Т. 14, вып. 3 : Археология и этнография. С. 63–75.
34. Mérida y Alinari J.R. La Arqueología Española / ed. by M. Díaz-Andreu (Pamplona) (1st ed. 1929). 2004.

Molodin Vyacheslav I. Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; *Mylnikova Lyudmila N.* Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru; *Nesterova Marina S.* Institute of archaeology and ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia); Altai state University (Barnaul, Russia). E-mail: msnesterova@gmail.com

THE CLAY "RATTLE" IN THE SHAPE OF BEAR HEAD AND THE VARIANTS OF ITS USAGE BY THE POPULATION OF KROTOVO CULTURE (BRONZE AGE, THE END OF THE 3RD MILLENNIUM BC, BARABA FOREST-STEPPE).

Keywords: Baraba forest-steppe; bronze age; Krotovo culture; clay rattle.

Comprehensive analysis of clay rattle in the shape of bear head found on the Krotovo settlement Vengerovo-2 (Baraba forest-steppe) is represented in the article. The study contains the results of morphological, fluoroscopic and technological survey of the artifact. The rattle is hollow ceramic ball with molded details: ears, nose, ajar chops, and a handle. Morphological traits (stretched lips, absence of cavity between forehead and nose bridge, roundish skull) indicate young age of the depicted specimen. Its surface was treated with notched tool to imitate pelage of an animal. The workpiece was made in the rag technic. Inside the rattle there were found 16 ceramic balls, which utter specific sound with joggle. Authors offer several variants of functional interpretation of the artifact, relying on wide archaeological, ethnographic and ethnohistorical parallels. The first version is connected with straight analogies in modern culture of childhood and supposes that this rattle was used as a child's toy. The second version is that this noisy zoomorphic object was used with ritual purpose. The rattle from the sacral place of the Neolithic site near the Voznesenovka village (Amur River) is presented as the closest analogy. Also, authors adduce a range of archaeological and ethnographic data significant about the value of bear's image and in particular bear's head in products of ancient and medieval Western Siberia population's plastic arts. Besides the stylistics and zoomorphic image, the importance of the "sound" function is noticed. As examples of analogy there are mentioned: common usage of noisy pendants in shaman's practice and costume; wide spreading of noisy bronze arched pendants in the medieval period in Prikamye region, where central position belongs to the bear in sacrificial pose. The third version supposes usage of the rattle as musical percussion instrument. Ceramic balls are found rather frequently on the sites of Krotovo culture. On the base of this version authors suggest hypothesis that probably these balls pertain to such or larger musical instruments, which were made from the organic materials (wood, leather etc.). Also there are noted other scientists' hypotheses about usage of rattles in gambling and as fertility amulet. In conclusion authors notice that suggested variants of this object usage are not mutually exclusive. This artifact, such as similar objects and analogies, probably was multifunctional and its interpretation tightly bound to chronological and cultural historical context.

REFERENCES

1. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Rilka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient History of the Middle Ob River in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya* [The History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Molodin, V.I. (2015) *Ocherki istorii sibirskoy arkheologii* [Essays on the History of Siberian Archeology]. Novosibirsk: SB RAS.
5. Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1998) *Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological Monuments of Vengerov District, Novosibirsk Region]. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyu ist.-kul't. naslediya.

6. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtys]. Novosibirsk: Nauka, 1977. 171 s.
7. Molodin, V.I. & Mylnikova, L.N. (2016) Poselenie Vengerovo-2 [Vengerovo-2]. In: Makarov, N.A. et al. *Rossiya kak arheologicheskoe prostranstvo* [Russia as an Archaeological Space]. Moscow : Izd-vo IA RAN, 2016. pp. 74–77.
8. Shevchenko, B.P. (2003) *Anatomiya burogo medvedya* [Anatomy of a Brown Bear]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
9. Pasolodos, R.J., Benito, C.G. & Fernández, Ju.Je.P. (2014) The clay rattles of the Numantine Museum of Soria. An approach from experimental archaeology. In: Eichmann, R., Fang Jianjun & Koch, L.C. (eds) *Studies in Music Archaeology IX*. Vol 33. Rahden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH. pp. 47–64. DOI: 10.1002/arp.1529
10. Clodre-Tisson, T. (2006) *La musique aux âges du Bronze et du Fer en Europe* [The Music of the Bronze and Iron Age in Europe]. Ph.D. Diss. Paris.
11. Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Nesterova, M.S., Efremova, N.S., Borzykh, K.A. & Selin, D.V. (2016) Poselenie krotovskoy kul'tury Vengerovo-2: Novye otkrytiya [Vengerovo-2 Settlement of the Krotovo culture: New discoveries]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii i etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 22. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 343–347.
12. Fenenga, G.L., Erwin, B., & Erwin, W. (2011) A prehistoric ceramic rattle from the Southwestern Shoreline of ancient Lake Cahuilla, Imperial County, California. *Rafic Coast Archaeological Society Quarterly*. 51(1). pp. 1–20.
13. Selyanina, M.Yu. (ed.) *Surgutskiy kraevedcheskiy muzey. Arkheologicheskoe sobranie* [Surgut Museum of Local Lore. Archaeological Collection]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan.
14. Medvedev, V.E. (2005) Neoliticheskie kultovy tsestry v doline Amura [Neolithic Cult Centres in the Amur Valley]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(24). pp. 40–69.
15. Matyushchenko, V.I. (1961) Ob antropomorfnykh izobrazheniyakh na glinyanykh sosudakh iz poseleniya Samus'-IV [On anthropomorphic images on clay vessels from Samus'-IV]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 266–269.
16. Kosarev, M.F. (1964) K voprosu ob antropomorfnykh i solyarnykh risunkakh na samus'skoy keramike [On anthropomorphic and solar drawings on Samus ceramics]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 292–295.
17. Studzitskaya, S.V. (1969) Obraz zverya v melkoy plastike sibirskikh plemen v epokhu eneolita i ranney bronzy [The animal image in the small plastic of Siberian tribes in the Eneolithic and Early Bronze]. In: Levashova, V.P. (ed.) *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Expeditions of the State Historical Museum]. Moscow: State Museum of History. pp. 39–63.
18. Studzitskaya, S.V. (1987) Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [The art of the Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Epokha bronzy lesostepnoy polosy SSSR* [The Bronze Epoch of the USSR Forest-Steppe]. Moscow: Nauka. pp. 318–326.
19. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura: Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri* [The Ancient Art of Siberia: Samus Culture: Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
20. Molodin, V.I., Oktyabrskaya, I.V. & Chemyakina, M.A. (2000) Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzy [The image of a bear in the plastic of West Siberian aborigines of the Neolithic and Bronze Age]. In: Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 23–36.
21. Kosintsev, P.A. (2000) Chelovek i medved' v golotsene Severnoy Evrazii (po arkheologicheskim dannym) [The man and the bear in the Holocene of Northern Eurasia (according to archaeological data)]. In: Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 4–9.
22. Matyushchenko, V.I. (1973) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek). Ch. II. Samus'skaya kul'tura [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age). Part II. Samus culture]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 10. Tomsk: Tomsk State University.
23. Eding, D.N. (1940) *Reznaya skulptura Urala: Iz istorii zverinogo stilya* [Carved Sculpture of the Urals: From the History of the Bestial Style]. Moscow: State Museum of History.
24. Molodin, V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Om River: A Cultural and Chronological Analysis of the Burial Complexes of the Odinovsk Culture]. Vol. 3. Novosibirsk: SB RAS.
25. Molodin, V.I. (1994) Original'nye poynasnye pryazhki epokhi razvitya bronzy iz Gornogo Altaya i Zapadnosibirskoy lesostepi [Original belt buckles of the Late Bronze from the Gorny Altai and the West Siberian forest-steppe]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Drevnie kul'tury Yuzhnoy Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Southern Siberia and Northeast China]. Novosibirsk: Nauka. pp. 82–86.
26. Gemuev, I.N., Alekseev, N.A. & Oktyabrskaya, I.V. (2000) (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri* [Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in the Ancient and Modern Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
27. Lipina, L.I. (2006) Ikonografiya arochnykh shumyashchikh podvesok s obrazom medvedya v Priural'e [Iconography of arched noisy pendants with an image of a bear in the Urals]. In: Bers, E.M. (ed.) *Pyatye Bersovskie chteniya* [The Fifth Bers Reading]. Ekaterinburg: Kvadrat. pp. 152–155.
28. Lbova, L.V. & Kozhevnikova, D.V. (2016) *Muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty* [Musical Activity and Phono Instruments]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
29. Karmanov, V.N. (2006) Melkaya plastika evropeyskogo Severo-Vostoka [Small plastic of the European Northeast]. In: smirnov, V.I. (ed.) *Uchenye zapiski Nizhnetagil'skoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii obshchestvennykh nauk* [Scientific Notes of Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy of Social Sciences]. Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. pp. 61–70.
30. Sheykin, Yu.I. (2002) *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the Musical Culture of the Siberian Peoples: A Comparative Historical Study]. Moscow: Vostochnaya literature.
31. Martín Valls, R. & Romero Carnicero, F. (1980) Dos sonajeros Vacceos [Two Vaccae rattles]. *Boletín del Seminario de Estudios e Arte y Arqueología*. 46. pp. 160–165.
32. Ance, J.M. (2010) *La cremation en milier rural en Gaule Belgique romaine. Lex exemples de la lorraine et du Nord Pas de Calais* [Cremation in a rural district in Roman Belgic Gaul. The examples of Lorraine and Nord Pas-de-Calais]. Ph.D. Diss. Lyon.
33. Molodin, V.I., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2015) Krotovskaya kul'tura v Pravoberezhnom Priirtysh'e: novye issledovaniya poseleniya Vengerovo-2 [The Krotovo culture in the Right Bank Priirtyshye: A new research of Vengerovo-2]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 14(3). pp. 63–75.
34. Mérida y Alinari, J.R. (2004) *La Arqueología Española* [Spanish Archeology]. Pamplona.

УДК 902.2:903.02
DOI: 10.17223/19988613/49/4

И.А. Дураков, Л.С. Кобелева*

ТЕХНИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Проблема металлообработки в обществах эпохи бронзы Сибири изучена крайне неравномерно. Исследование технической керамики часто играет второстепенную роль. В статье дана наиболее полная сводка находок технической керамики кротовской культуры лесостепной Барабы. Выделены типы литейных форм и тиглей, получена информация о технологии их изготовления, сделаны вывод о формировании своеобразного комплекса оборудования, о высоком уровне специализации литейного производства кротовцев, выделение его в самостоятельный профессиональный вид деятельности.

Ключевые слова: Западная Сибирь; эпоха бронзы; кротовская культура; техническая керамика.

Литейное производство является одной из ведущих отраслей экономики эпохи ранней и развитой бронзы Сибири. Однако изучена проблема металлообработки крайне неравномерно. Основное внимание уделяется морфологическому, типологическому и физико-химическому анализу металлического инвентаря, исследование технической керамики (форм, тиглей, сопел) часто играет второстепенную роль.

Специальные работы по этому типу керамики весьма редки, как правило, она описывается при общей публикации материалов памятников. Исследования по анализу формовочных масс и технике изготовления единичны, хотя следует отметить, что все объективные предпосылки к появлению такого рода работ для лесостепной полосы Сибири существуют: в результате полевых исследований последних лет накоплен значительный фактический материал, разработан и опробован ряд естественных методов изучения керамики.

Целью статьи является составление наиболее полной сводки находок технической керамики кротовской культуры лесостепной Барабы. В настоящее время эта группа источников представлена значительной серией, включающей несколько категорий предметов: формы, тигли, льячки, сопла.

Формы. Нами учтено 55 керамических форм, все их можно разделить на два вида. К первому относится серия из 25 экземпляров, они изготовлены из фрагментов бытовой керамики и предназначались для отливки мелких пластинок в виде сильно вытянутых овалов [1. С. 58. Рис. 28, 4, 8, 9; 2. С. 116. Рис. 13–14]. Описанные формы встречены в основном только на поселениях Венгерово-2 и Преображенка-3.

Вторая группа представлена коллекцией из 30 предметов, происходящих из могильников Сопка-2/4, Тартас-1, Ростовка и поселений Венгерово-2, Каргат-6, Абрамово-10. Все они предназначены для получения крупных тонкостенных отливок сложного профиля: кельтов, тесел, наконечников копий. Формы изготовлены по специальной модели на модельной плите, в некоторых случаях на разьёмах фиксируются отпечатки древесной структуры, перешедшие с дощечки, служившей модельной плитой. Формовочную массу

накладывали сверху крупными лоскутами, рельефные линии чаще всего прочерчивались по сырой глине после извлечения модели. Костяные лопаточки, предназначенные для этих операций, были найдены в могиле литейщика (№ 282) могильника Сопка-2/4В [3. С. 251–252. Рис. 401]. Лишний формовочный материал с внешней стороны формы срезался металлическим инструментом, поверхность рабочей камеры выравнивалась и уплотнялась. Все формы тщательно обожжены. Зафиксировано два режима обжига. Первый производился на открытом огне в окислительном режиме. Второй предполагает обжиг в закрытых резервуарах, соответственно, изломы таких форм имеют темную окраску. При заливке металла происходил повторный обжиг изделия, это в некоторых случаях фиксируется в изломе в виде красной полосы вдоль рабочих камер.

В производстве использовались сложные по составу формовочные смеси, сочетающие глину, мелкий (до 0,05 см) калиброванный песок и органику – в жидком и твердом состоянии. Формовочные массы однородные, песок является искусственной добавкой, равномерно распределен по всей поверхности слома изделий. Органика фиксируется в виде крупных и мелких пор по всей поверхности изделий и в сломах. В литейной мастерской Венгерово-2 в состав формовочной массы входили шамот, дробленые кости и сухая глина [2. С. 114]. На поселении Абрамово-10 зафиксировано использование многослойных оболочковых форм, сочетающих внутренний мелкодисперсный слой рабочей камеры и внешний крупнозернистый удерживающий.

Судя по имеющимся материалам, в кротовском металлообрабатывающем производстве использовались два типа принципиально разных по конструкции плавильных тиглей.

Первый тип представляет собой сложное плавильное устройство, состоящее из каплеобразной чашечки, закрепленной в глиняном корпусе в виде овального кольца, служащего внешней оболочкой изделия. Внешние стенки тигля формируются из глиняных лент, прикрепленных к поверхности крупного фрагмента сосуда так, чтобы последний служил дном полученной емкости. Для изготовления тиглей использовались

формовочные массы, содержащие в качестве примеси мелкий калиброванный песок (до 0,05 см). На поселении Венгерovo-2 зафиксированы более сложные составы, включающие отмученную глину с добавлением скорлупы яиц [2. С. 111, 113], или глину, шамот с добавлением дробленых костей [Там же. С. 117]. Судя по следам ошлаковки и потёкам расплавленного металла на стенках внешней оболочки, в некоторых случаях она могла использоваться как самостоятельная плавильная ёмкость.

На территории Барабы нами учтено 19 тиглей вышеописанного типа, они присутствуют практически на всех крупных памятниках кротовской культуры, раскопанных большими площадями: поселениях Венгерovo-2, Преображенка-3, Абрамово-10 и могильнике Сопка-2.

На поселении Венгерovo-2 найдено 5 тиглей: три фрагмента, одно оболочковое кольцо [4. С. 225. Рис. 1, 2] и одно целое устройство в собранном состоянии [2. С. 109–112. Рис. 9]. Особенностью этого тигля (объём 86 куб. см) была внутренняя перегородка, разделяющая плавильную чашечку на две части.

На поселении Абрамово-10 обнаружены фрагменты не менее 10 тиглей: части внутренних чашечек и внешнего корпуса. Наибольший интерес представляют два археологически целых оболочковых кольца овальной формы. Ещё три таких кольца от составных тиглей найдены на поселении Преображенка-3 [5. Табл. XII-1, 4]. Емкость сохранившихся тиглей этого типа колеблется в пределах от 50 до 95 куб. см.

Таким образом, на настоящий момент сложносоставные плавильные конструкции представляют самый массовый тип кротовского тигля. Следует отметить, что ареал его распространения намного шире кротовской территории и охватывает синхронную ташковскую культуру Притоболья [6. С. 78].

Конструкция сложносоставного тигля восходит к бронзолитейной традиции одиновской культуры. Наиболее ранний его образец найден в очаге (яма 288) конструкции № 4 одиновской литейной мастерской с территории многослойного памятника Тартас-1. Тигель представляет собой низкий глиняный бортик, закрепленный на крупном фрагменте горловины слабопрофилированного сосуда. Формовка его несколько отличалась от кротовских образцов: формовочная масса накладывалась не лентами, а отдельными лоскутами и разглаживалась по поверхности обломка керамики так, чтобы часть её заходила за край слома, образуя хорошо заметные наплывы. Видимо, направление эволюционного развития тиглей этого типа шло по пути усложнения конструкции: ранние и простые представляют закреплённый на обломке керамики глиняный бортик, более поздние дополнены внутренней чашечкой с дополнительными перегородками.

По всей видимости, сложносоставные тигли продолжали использовать и позднее: обломки двух внешних колец корпуса найдены в позднекротовском комплексе насыпи кургана № 30 могильника Сопка-2/5,

вместе с обломками формы для отливки вислообушного топора срубно-андроновского облика. Одна из оболочек орнаментирована с внешней стороны прочерченной волнистой линией, вторая – гладкая.

Тигли *второго типа* имеют овальную или каплевидную форму, округлые бортики, чётко оформленный слив, ровное основание и очень толстое (4–5 см) дно. Нами учтено 7 таких изделий, три из них найдены в погребении 282 (к. 25, п. 64) могильника Сопка-2/4В [3. С. 246–247. Рис. 391, 1, 2, 392], четыре происходят с кротовских памятников Прииртышья: поселений Черноозерье-VI и Саранин-II [7. Рис. 1, 2; 8. С. 66. Рис. 6, 4].

Оба типа кротовских тиглей существовали одновременно и встречаются вместе в закрытых комплексах. Например, чашечка сложносоставного тигля первого типа и два толстодонных тигля второго входили в один комплект, положенный в могилу литейщика № 282 из могильника Сопка-2/4В.

Льячка учтена только одна. Она обнаружена в захоронении № 464 (к. 58 п. 65) могильника Сопка-2/4Б [3. С. 172, 247. Рис. 302, 7, 397]. Изделие представляет собой полукруглую чашечку с отчетливо выраженным сливом и боковой рукоятью в виде выступа. Высота чашечки – 5,1 см, ширина – 5,7 см, длина рукоятки достигает 5,7 см, ширина у основания – 2,1 см, на конце – 1,4 см. Полную аналогию данному изделию мы находим в близкой по времени балановской культуре [9. С. 79. Рис. 40, 13].

Керамическое сопло происходит с территории могильника Сопка 2/4Б, В. Представляет собой коническую сужающуюся трубку длиной не менее 5,1 см и максимальным диаметром 3,3 см. Диаметр воздухопроводного отверстия 0,6 см. Внешняя поверхность орнаментирована гребенкой, рельеф смазан и слегка ошлакован. Изделие сформовано из одного куса глины на круглом стержне, оформившем воздухопроводный канал. В кротовском литейном производстве использовались и каменные сопла. Известны одно такое изделие из красноватого сланца [3. С. 247. Рис. 394] и заготовка для второго из песчаниковой гальки, ранее использованной в качестве тёрочника [Там же. Рис. 386, 1].

Таким образом, в металлообрабатывающем производстве кротовской культуры формируется своеобразный комплекс оборудования, включающий керамические формы и связанный с ними модельный комплект (модели, подмодельные плиты, формовочные инструменты), два типа тиглей, льячки и сопла. Прослеживаются стандартизация и явная унификация изготовления литейного оборудования, рассчитанного на массовое производство металлических предметов, где используются сложные формовочные смеси, учитывающие характер изготавливаемого предмета и температурный режим его применения. Выявленная в формовочной массе добавка кости в древности, как правило, использовалась для получения огнеупорного черепка [10. С. 101, 128]. Следует также отметить явные различия в рецептуре формо-

вочных масс технической (тигли, форма, стержень) и бытовой керамики. Все вышеперечисленные признаки указывают на высокий уровень специализации литейного производства в кротовском обществе, выделение его в самостоятельный профессиональный вид деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 199 с.
2. Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5. С. 104–119.
3. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4.
4. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Селин Д.В., Борzych К.А. Новые данные о домостроительстве и организации жилого пространства у носителей кротовской культуры // Проблемы археологии этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 223–226.
5. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 171 с.
6. Ковалева В.Т., Рыжкова О.М., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург : УрГУ, 2000. 160 с.
7. Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып. 15. С. 17–19.
8. Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 19. С. 53–75.
9. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 76–83.
10. Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М. : Наука, 1980. 186 с.

Durakov Igor A. Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: idurakov@yandex.ru; *Kobeleva Liliya S.* Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

THE TECHNICAL CERAMICS OF KROTOVO CULTURE (CENTRAL BARABA).

Keywords: Western Siberia; Bronze Age; Krotovo culture; technical ceramics.

Foundry is one of the leading industries of the Early and Developed Bronze Age in Siberia. The problem of the metalworking is studied unevenly. The main attention is focused on morphological, typological and physical-chemical analysis of metal products, the study of technical ceramics (molds, crucibles, nozzles) often plays a secondary role. The main purpose of this article is making the most complete list of the finds of technical ceramics of Krotovo culture of the forest-steppe Baraba. Currently, this group of sources is presented by a significant series which include several categories of objects: molds, crucibles, ladles for molten metal, nozzles. The paper takes into account 55 ceramic molds of Krotovo culture, all of them can be divided into two types. The first kind of molds was made of fragments of household pottery and is designed for casting small plates in the form of strongly elongated ovals. Molds of the second group were made in a special way using a model plate in some cases, the imprints of wooden patterns (from those plates) are discovered on the joint parts. The molding material was put on top with large patches, bold lines were often drawn on wet clay after extraction of the model. This group of molds was designed to obtain large thin-walled castings of a complex profile: celts, adzes, spearheads. Molding compositions comprised clay, small (up to 0.05 cm) calibrated sand and liquid or solid organic were used for the manufacture of molds. The molding material was homogeneous, the sand was evenly spread on the surface of the edges of fragments. There were used two fundamentally different types of melting crucibles in Krotovo culture metalworking. The first type is a sophisticated melting device consisting of drop-shaped cups, fixed in a clay form as an oval ring which is the outer shell of the product. The outer crucible walls are formed of clay strips attached to the surface of the large fragment of a vessel so that the latter served as a bottom of the received containers. The crucible of the second type have an oval or drop shape, rounded edges, well defined drain, smooth and very thick bottom. Thus, in metalworking production of Krotovo culture, peculiar equipment complex appears. It includes ceramic molds and the associated model set (models, under-model plates, forming tools), two types of crucibles, ladles for molten metal and nozzles.

REFERENCES

1. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
2. Molodin, V.I., Durakov, I.A., Mylnikova, L.N. & Nesterova, M.S. (2012) Proizvodstvennyy kompleks krotovskoy kul'tury na poselenii Vengerovo-2 (Barabinskaya lesostep') [Production complex of Krotovo culture on the settlement of Vengerovo-2 (Barabinsk forest-steppe)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology.* 11(5). pp. 104–119.
3. Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury* [Sopka-2 Monument on the Om. A Cultural-chronological Analysis of the Burial Complexes of the Krotovo Culture]. Vol. 4. Novosibirsk: SB RAS.
4. Molodin, V.I., Mylnikova L.N., Nesterova, M.S., Nenakhov, D.A., Selin, D.V. & Borzykh, K.A. (2014) Novye dannye o domostroitel'stve i organizatsii zhilogo prostanstva u nositeley krotovskoy kul'tury [New data on house-building and organisation of living space in the carriers of the Krotovo culture]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: SB RAS. pp. 223–226.
5. Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ha* [The Neolithic and Bronze Age of the Ob-Irtys' Forest-Steppe]. Novosibirsk: Nauka.
6. Kovaleva, V.T., Ryzhkova, O.M. & Shamaev, A.V. (2000) *Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe ozero XIII* [The Tashkov Culture: Andreevsky Lake XIII]. Ekaterinburg: Ural State University.
7. Kondratiev, O.M. (1974) Raskopki poseleniya epokhi ranney bronzy Chernoozer'e VI v 1970 g [Excavations of the Early Bronze Age Settlement in Chernoozero VI in 1970]. In: Bozhenko, L.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the History of Siberia]. Issue 15. Tomsk: Tomsk State University. pp. 17–19.
8. Stefanova, N.K. (1988) Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e [The Krotovo culture in the Middle Irtysh region]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri. Voprosy arkheologii Urala* [Material Culture of The Ancient Population of The Urals and Western Siberia. Archeology of The Urals]. Issue 19. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 53–75.
9. Bader, O.N. & Khalikov, A.Kh. (1987) Balanovskaya kul'tura [The Balanovo culture]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR* [The Bronze Age of the Forest Belt of the USSR. Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 76–83.
10. Grishin, Yu.S. (1980) *Drevnyaya dobycha medi i olova* [Ancient Mining of Copper and Tin]. Moscow: Nauka.

УДК 902"637

DOI: 10.17223/19988613/49/5

А.А. Тишкин, А.А. Редников, Л. Чжан, Т. Шуй

РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ НАХОДОК, ШЛАКА И РУДЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ-1 В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Исследование частично выполнено в рамках гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также за счет финансирования проекта Нанкинским университетом (Китай).

В 2016 г. участники совместной российско-китайской археологической экспедиции в предгорьях Алтая продолжили раскопки известного поселения эпохи бронзы Советский Путь-1. В ходе полевых работ обнаружены многочисленные свидетельства бронзолитейного производства (руда, шлаки, сплески и др.) и металлические предметы. Представлены результаты рентгенофлюоресцентного анализа находок, которые в совокупности с другими материалами демонстрируют перспективность дальнейших исследований на памятнике.

Ключевые слова: эпоха бронзы; руда; шлак; металл; рентгенофлюоресцентный анализ.

В последние десятилетия комплексное изучение материалов, полученных в ходе раскопок археологических объектов, создает обширное информационное поле для объективных культурно-исторических реконструкций. Данный подход с применением различных современных естественнонаучных методов позволяет обратиться к уже известным памятникам, имеющим важные особенности. Для эпохи бронзы предгорно-степной зоны Алтая одним из них является поселение Советский Путь-1, где обнаружены многочисленные свидетельства бронзолитейного производства. Необходимость продолжения его исследований обусловлена возможностями реализации междисциплинарной программы, а также налаженным международным сотрудничеством.

Поселение Советский Путь-1 зафиксировано П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым в 1994 г. в ходе археологического обследования Локтевского района Алтайского края [1. С. 60; 2. С. 71]. Оно находится на левом берегу Алея, в его верхнем течении), на краю сохранившегося участка второй надпойменной террасы, в 0,7 км к северо-востоку от одноименного села, к северу от бывшего совхозного сада и неподалеку от устья р. Золотушки [2. С. 71]. В 1995–1999 гг. С.М. Ситников проводил раскопки памятника, материалы которого в основном относятся к развитой и поздней бронзе. Результаты полевых работ и интерпретаций последовательно вводились в научный оборот [1–5 и др.] и обобщены в монографии, где особое значение имеет раздел «Горное дело и металлургическое производство», а также «Приложения» с иллюстрациями находок, в том числе металлических [6. С. 95–104. Рис. 42–69].

В 2016 г. раскопки важного археологического комплекса с остатками бронзолитейного производства, официально обозначенного как «Советский Путь-1, поселение и могильник», были возобновлены совместной экспедицией, организованной сотрудниками Ал-

тайского государственного университета (Барнаул, Россия) и Нанкинского университета (Нанкин, Китай). Основной задачей стало исследование предполагаемой центральной части территории памятника. Раскоп площадью 128 кв. м прилегал к северному краю участка, ранее вскрытого под руководством С.М. Ситникова. Удалось исследовать только верхние горизонты и часть котлована жилища. Кроме этого, изучен зольник, который, видимо, был сверху врезан в жилище. Материалы представлены большим количеством костей животных, фрагментами керамических сосудов, камнями, кусками шлака и руды, обломками глиняных «кирпичиков», а также медными, бронзовыми и другими изделиями. Всего зафиксировано 6 187 находок. Керамический материал насчитывает 315 фрагментов венчиков (197 из них орнаментированы), 540 обломков орнаментированных тулов, представлены также придонные части и днища. Обнаружены костяные изделия и орудия труда, заготовки из рога. Каменные артефакты – абразивы, ложила, часть наковаленки, каменная «фишка» и, возможно, фрагмент литейной формы. Получена небольшая, но весьма показательная коллекция металлических предметов: фрагменты изделий, шилья, слитки, различные сплески и др. (рис. 1). Именно результатам их изучения посвящена данная статья.

Главная цель исследований состояла в проведении рентгенофлюоресцентного анализа находок для дальнейшей объективной реконструкции одной из специализированных сфер деятельности населения предгорий Алтая в периоды развитой и поздней бронзы. Такой подход реализовывался впервые. Для этого использовался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с КПК (карманным переносным компьютером) и испытательным стендом. Данный приборный комплекс предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов мето-

дом рентгенофлюоресцентной спектрометрии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. Он позволяет проводить тестирование археологических находок с помощью двух компьютерных программ («Аналитическая» и «Горнорудная»). Первая программа обеспечила возможность получения количественных показателей о химическом составе 19 публикуемых в статье предметов из поселения Советский Путь-1. Вторая использовалась для выборочного изучения находок руды и шлака из того же памятника. Получена серия данных, необходимых для дальнейших емких интерпретаций.

Сначала изучался самый крупный металлический предмет (рис. 1, 1), обнаруженный в квадрате № 30 (слой 5). Это, видимо, отломанная часть серпа-косы, из которой позднее сделали нож (?) или другое приспособление в качестве орудия труда. Подобный предмет (серб-коса) ранее обнаружен в Кулунде, опубликован совсем недавно и датирован периодом поздней бронзы [7. С. 179–181. Рис. 3–4]. Отметим, что аналогичное изделие находится в экспозиции одного из музеев Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (в городе Инине).

На начальном этапе тестировалась поверхность находки, покрытая окислами. Прибором зафиксирован набор показателей, отражающих существенное загрязнение предмета. Затем получена серия данных при изучении участка, на котором механическим путем удалялись окислы (данная процедура необходима для получения достоверных результатов, она обязательно применяется и при реставрации металлических предметов). Исследовались разные места. Получен набор схожих результатов: 1) Cu (медь) – 98,01%, Zn (цинк) – 1,26%, Fe (железо) – 0,55%, Pb (свинец) – 0,18%; 2) Cu – 98,04%, Zn – 1,24%, Fe – 0,54%, Pb – 0,18%; 3) Cu – 97,96%, Zn – 1,29%, Fe – 0,55%, Pb – 0,2%; 4) Cu – 97,84%, Zn – 1,35%, Fe – 0,55%, Pb – 0,26%. Данные указывают на сплав, основу которого составляет медь (Cu). Наличие существенного присутствия цинка, а также железа и свинца может свидетельствовать о переплавке местной полиметаллической руды. Представленный состав сравнивался с данными тестирования таким же прибором аналогичного изделия из Кулунды, хранящегося в музее с. Волчиха Алтайского края [7. С. 75]. Общим для обоих изделий является: медная основа, наличие цинка, железа, свинца в качестве примесей. Основное отличие заключается в присутствии совсем незначительного (символического) количества олова (Sn) в музейном экспонате, что в какой-то мере характерно для многих находок периода поздней бронзы из южной части Обь-Иртышского междуречья.

Фрагмент металлического изделия (рис. 1, 2) из квадрата № 17 (слой 4) пока не поддается функциональному определению. Исследование участка со снятыми окислами в двух разных местах дало следующие результаты: 1) Cu – 99,9%, Pb – 0,1%; 2) Cu – 99,84%,

Pb – 0,16%. Они свидетельствуют о том, что предмет медный.

Следующая изученная находка (рис. 1, 3), зафиксированная в квадрате № 20 (слой 2), также оказалась медной. Участок с удаленными окислами тестировался дважды в разных местах. Прибором зафиксированы такие показатели: 1) Cu – 99,72%, Fe – 0,28%; 2) Cu – 99,51%, Fe – 0,28%, Zn – 0,21%.

Анализ небольшого согнутого шила (рис. 1, 4) из квадрата № 29 (слой 4) показал бронзовый сплав. Исследования осуществлялись на двух разных участках, освобожденных от поверхностных окислов (один из них на изгибе). Отмечены схожие поэлементные ряды: 1) Cu – 97,46%, Sn – 2,16%, Pb – 0,38%; 2) Cu – 96,84%, Sn – 2,63%, Pb – 0,54%; 3) Cu – 97,13%, Sn – 2,4%, Pb – 0,47%.

В отличие от предыдущего изделия более длинное шило из квадрата № 5 (слой 5), сильно окисленное (рис. 1, 5), оказалось медным, что показывают результаты тестирования: 1) Cu – 99,74%, Fe – 0,26%; 2) Cu – 100%.

Фрагмент изделия неясного назначения (рис. 1, 6) из квадрата № 15 (слой 4) тоже является медным: 1) Cu – 99,81%, Fe – 0,19%; 2) Cu – 99,88%, Fe – 0,12%.

При изучении следующей находки возникли определенные трудности. На найденной в квадрате № 11 (слой 4) изогнутой «проволоке» (рис. 1, 7) до конца произвести нужное снятие окислов оказалось сложно. Поэтому демонстрируемые результаты, полученные в двух разных местах, отражают и местами попавший фон загрязнения: 1) Cu – 99%, Sn – 0,35%, Pb – 0,34%, Fe – 0,31%; 2) Cu – 99,38%, Sn – 0,4%, Fe – 0,12%, Pb – 0,1%. Однако данный набор элементов вполне соответствует уже отмеченной особенности для металлических изделий периода поздней бронзы, которые происходят из памятников рассматриваемой территории.

Обойма из квадрата № 29 (слой 5) (рис. 1, 8) имеет состав, схожий с предыдущим: Cu – 99,46%; Fe – 0,34%; Sn – 0,2%.

Фрагмент не вполне понятного изделия (рис. 1, 9) зафиксирован в квадрате № 2 (слой 4). Благодаря наличию слома удалось получить адекватный результат, указывающий на бронзовый сплав: Cu – 94,39%; Sn – 5,61%.

Предмет, условно обозначенный как пробойник, или фрагмент чекана (рис. 1, 10), из квадрата № 6 (слой 5) сильно покрыт окислами. Исследовался участок, освобожденный от них. В разных местах получены следующие результаты: 1) Cu – 85,35%, Sn – 14,1%, Fe – 0,43%, Pb – 0,12%; 2) Cu – 85,45%, Sn – 14,02%, Fe – 0,41%, Pb – 0,12%. Данные указывают на бронзовый сплав с существенным содержанием олова, что отличает исследованный предмет от всех предыдущих. Для сравнения приведем показатели, полученные при тестировании загрязненной и окисленной поверхности находки: Cu – 73,86%; Sn – 22,9%; Fe – 2,86%; Ti (титан ?) – 0,27%; Pb – 0,11%. Наблюдается существенная

разница в демонстрируемых показателях. Такая ситуация определяет необходимость аккуратного удаления

слоя окислов, образовавшихся в течение длительного пребывания в культурном слое поселения.

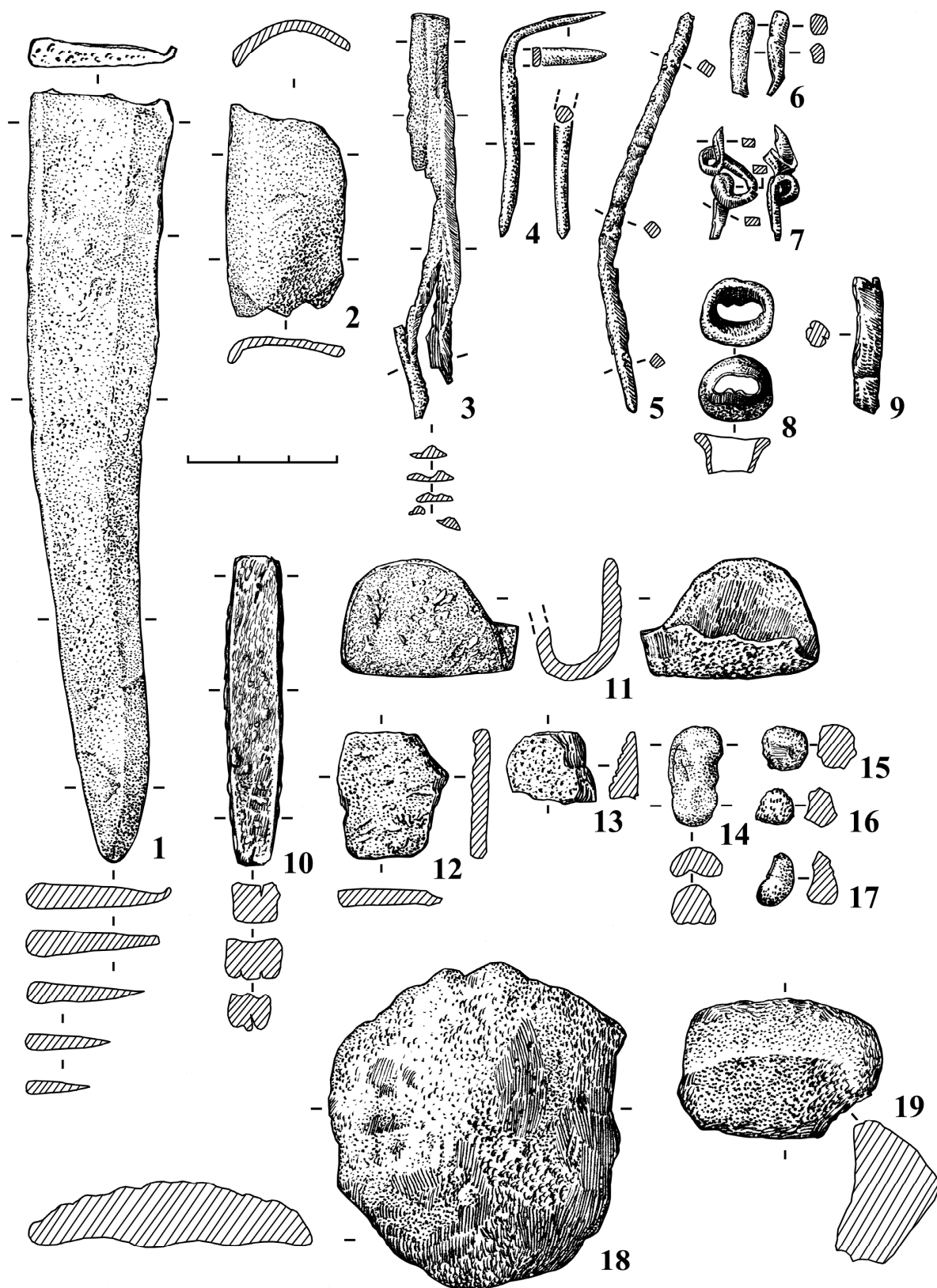

Рис. 1. Находки с поселения эпохи бронзы Советский Путь-1:
1 – часть серпа-косы; 2–3, 6–7, 9, 11–13, 16 – фрагменты изделий неясного назначения; 4, 5 – шилья; 8 – обойма; 10 – пробойник;
14–15, 17 – сплески; 18–19 – слитки

Изогнутый фрагмент от какого-то изделия (рис. 1, 11) из квадрата № 28 (слой 6) также имеет окислы, которые необходимо было удалить для определения состава металла. На зачищенном участке в двух разных местах зафиксированы схожие показатели: 1) Cu – 99,9%, Fe – 0,1%; 2) Cu – 99,85%, Fe – 0,15%. Они указывают на то, что находка медная. Присутствие железа отражает наличие рудной примеси либо остатки загрязнения окисленной поверхности.

Изучение плоского металлического предмета (рис. 1, 12) из квадрата № 20 (слой 6) продемонстрировало следующий сплав на медной основе: Cu – 98,37%, Pb – 0,95%, Sn – 0,68%.

Обломок металлического предмета (рис. 1, 13) из квадрата № 8 (слой 3) оказался бронзовым. Об этом свидетельствуют данные анализа участка, где также были удалены окислы: 1) Cu – 87,68%; Sn – 12,13%; Pb – 0,19%; 2) Cu – 87,82%; Sn – 11,98%; Pb – 0,2%.

Аморфный по форме кусочек металла (рис. 1, 14) из квадрата № 31 (слой 6), скорее всего, является выплеском при разливе горячего сплава. После снятия окислов получены следующие результаты в двух разных местах: 1) Cu – 99,65%, Sn – 0,31%, Pb – 0,04%; 2) Cu – 99,5%, Sn – 0,45%, Pb – 0,05%.

Еще один сплеск с округлыми очертаниями (рис. 1, 15) обнаружен в квадрате № 22 (слой 6). Удалить полностью окислы и загрязнения не удалось, что демонстрируют показатели с завышенным содержанием свинца и железа: 1) Cu – 98,45%, Pb – 1,1%, Fe – 0,45%; 2) Cu – 98%, Pb – 1,57%, Fe – 0,43%. При этом представленный набор элементов вполне характерен для переработки местной медно-свинцовой руды.

Предмет (рис. 1, 16) из квадрата № 7 (слой 5) сильно покрыт окислами. Из-за малых размеров их удаление не осуществлялось, что не давало возможности визуально убедиться в том, что это металл. Не исключено, что найден фрагмент руды или шлака. Поэлементный ряд (Cu – 86,57%, Zn – 10,21%, Fe – 2,41%, Pb – 0,81%) свидетельствует, на наш взгляд, о переплавке полиметаллической руды с существенным содержанием цинка.

Каплевидный сплеск (рис. 1, 17) из квадрата № 31 (слой 5) удалось с одной стороны освободить от окислов. Тестирование в двух разных местах обозначило идентичные результаты: 1) Cu – 99,68%, Pb – 0,27%, Fe – 0,05%; 2) Cu – 99,66%, Pb – 0,29%, Fe – 0,05%. Они демонстрируют неоднократно отмеченный набор элементов, основу которого составляет медь.

Схожие показатели дало изучение сплеска в виде крошки из квадрата № 5 (слой 3): Cu – 99,02%, Fe – 0,52%, Pb – 0,46%; 2) Cu – 98,68%, Pb – 0,69%, Fe – 0,63%. Они также указывают на переработку местной руды.

Наиболее важными находками являются два слитка. Один из них в виде лепешки (рис. 1, 18), размерами 6,7×5,7×1 см, происходит из квадрата № 31 (слой 5). С хорошо зачищенного участка получен такой результат: Cu – 80,96%; Sn – 16,55%; Pb – 2,49%. В другом

месте зафиксированы следующие показатели: Cu – 77,59%; Sn – 19,64%; Pb – 2,41%; Fe – 0,36%. Эти данные демонстрируют качественный бронзовый сплав.

Малый слиток (рис. 1, 19) из квадрата № 28 (слой 3) тоже оказался бронзовым: 1) Cu – 92,39%; Sn – 5,88%; Pb – 1,73%; 2) Cu – 90,55%; Sn – 6,61%; Pb – 2,84%. Но в нем существенно меньше олова.

Другая группа источников представляет собой куски руды и шлака. Как было отмечено, они изучались с использованием программы «Горнорудная», для которой были выставлены другие (большие) временные параметры для тестирования (от 90 до 120 с).

Крупный кусок шлака происходит из квадрата № 8 (слой 2). В имеющемся сколе видны вкрапления руды. Находка анализировалась трижды в разных местах:

1) гладкая сторона: LE (LE – легкие элементы, используемым прибором, поэлементно не определяются) – >35,5%, Fe – 51,8835%, Pb – 6,3985%, Cu – 4,2011%, Zn – 1,2713%, Mn (марганец) – 0,2525%, Ti (титан) – 0,4148%, Mo (молибден) – 0,0443%, Zr (цирконий) – 0,0217%;

2) скол с фрагментом руды: Cu – 48,5307%; LE – >24,2%; Fe – 20,5723%; Pb – 4,2940%; Zn – 1,9131%; Ti – 0,2090%; Mn – 0,1385%; Mo – 0,0094%.

3) сторона, обратная гладкой: LE – >43,4%; Fe – 33,8456%; Cu – 13,374%; Pb – 6,5680%; Zn – 1,888%; Ti – 0,3598%; Mn – 0,2505%; Co (кобальт) – 0,1756%; Mo – 0,0309%; Zr – 0,0228%.

Второй фрагмент шлака, найденный рядом с предыдущим, оказался меньшим по размерам. Он исследовался прибором один раз: LE – >56,2%; Cu – 16,7019%; Fe – 13,6874%; Pb – 12,3021%; Zn – 0,5066%; Ti – 0,3550%; Co – 0,1003%; Mn – 0,0863%; Zr – 0,022%; Mo – 0,0133%.

Кусок шлака, самый крупный из привлеченной серии, из квадрата № 3 (слой 3) также имеет вкрапления нерасплавившейся руды. Тестировалось именно это место. Прибором обозначен набор элементов с существенным содержанием меди и железа: LE – >71,2%; Cu – 18,2561%; Fe – 8,3184%; Hf (гафний) – 0,7875%; Pb – 0,7241%; Ti – 0,411%; Zr – 0,087%; Mn – 0,0577%.

Из того же места происходит кусок шлака поменьше. В нем при явном преобладании железа отмечены медь, свинец и цинк: LE – >50,7%; Fe – 30,8151%; Cu – 10,3291%; Pb – 5,9781%; Zn – 1,2766%; Ti – 0,2646%; Hf – 0,2533%; Co – 0,1344%; Mn – 0,1322%; Mo – 0,0293%; Zr – 0,0160%.

Исследовался предполагаемый кусочек шлака, похожий на камень. Полученные результаты не продемонстрировали каких-либо элементов, указывающих на присутствие в нем цветных металлов в заметном количестве. Явный кусочек шлака в виде запекшейся пены также тестировался прибором, который зафиксировал следующий состав: LE – >62,9%; Fe – 32,6793%; Pb – 1,6834%; Zn – 1,5106%; Ti – 0,4548%; Cu – 0,4231%; Co – 0,2189%; Mn – 0,0823%; Mo – 0,0287%; Zr – 0,0173%.

Самый маленький кусочек шлака, как и три предыдущие находки, происходит из квадрата № 3 (слой 3). Результаты его анализа: LE – >58,4%; Fe – 26,0207%; Cu – 11,4156%; Pb – 2,4766%; Ti – 0,6241%; Hf – 0,3696%; Zn – 0,2597%; Mn – 0,1331%; Mo – 0,0295%; Zr – 0,0288%.

Не до конца расплавленный металл из квадрата № 31 (слой 5) исследовался с помощью программы «Аналитическая». Результаты тестирования в центре основания (без снятия окислов) демонстрируют характерные показатели, среди которых важно отметить существенное присутствие олова: Cu – 53,81%; Sn – 35,95%; Pb – 0,99%; Ti – 0,78%; Fe – 8,42%; Zr – 0,05%. Тестирование находки в другом месте дало следующие результаты: Cu – 70,52%; Sn – 18,66%; Fe – 7,13%; Pb – 2,99%; Ti – 0,6%; Mn – 0,07%; Zr – 0,03%. Данные свидетельствуют о том, что плавка осуществлялась для получения бронзы.

В ходе аналитических работ получена серия данных, позволяющая наметить возможности реконструкции процесса металлургического производства. Исходное сырье добывалось на ближайших месторождениях в так называемой змеиногорской рудной зоне северо-западных предгорий Алтая [8], не исключено, что в непосредственной близости от исследуемого памятника. Об этом свидетельствует зафиксированный набор характерных элементов в руде, шлаке и изделиях. Остальная деятельность осуществлялась прямо на поселении. Найденные бронзовые заготовки («лепешка», слиток) предназначались для плавки и разлива в формы готового по рецептуре металла и могли использоваться в качестве обменного продукта. Из меди, полученной из местной руды, делали различные предметы, обломки которых найдены на исследуемом археологическом памятнике.

В заключение необходимо отметить, что изучение 10 металлических находок, а также одного фрагмента шлака и четырех кусочков руды с поселения Советский Путь-1 ранее уже предпринималось. В лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета были получены результаты полуколичественного анализа (аналитик Е.Д. Агапова), которые полностью опубликованы [4. С. 157]. Кроме этого, спектральный анализ шлака осуществлялся в Лаборатории спектроскопии твердого тела Кемеровского го-

сударственного университета. Судя по этим данным, кроме меди зафиксированы свинец, железо и сурьма, а олово отсутствовало [Там же. С. 153]. В той же лаборатории исследовались кусочки руды, идентифицированные профессором Алтайского государственного университета Б.Н. Лугзиным [Там же. С. 152]. По мнению С.М. Ситникова [Там же. С. 152], опиравшегося на полученные материалы, бронзолитейная технология была близка к казахстанской.

К сожалению, на поселении пока не обнаружены остатки плавильных печей. Для выявления этих производственных и других сооружений на всей территории памятника планируется проведение геофизических изысканий, которые не только обеспечат понимание планиграфии комплекса, но и обозначат перспективные места исследований.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа новых находок существенно дополняют ранее сделанные определения. Важным наблюдением является преобладание медных предметов при наличии бронзовых слитков, которые являлись заготовками и могли использоваться в качестве продукта обмена. Наличие ближайших месторождений меди, а также других благоприятных условий (река, лес, пастбища и т.д.) являлось причиной возникновения и существования поселения Советский Путь-1 на протяжении длительного периода. В связи с тем что некоторые исследованные участки дают смешанный материал, стоит задача разделения металлокомплексов развитой и поздней бронзы. В определенной мере этому способствует изучение слоев, нижние из которых относятся к андроновскому времени. Данное обстоятельство подтверждает не только обнаруженная керамика. По образцам из костей домашних животных, найденных в четвертом и пятом слоях раскопа, в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (Томск) получена серия из пяти радиоуглеродных датировок (ИМКЭС-14С – 1141, 1142, 1143, 1148, 1158). Судя по калиброванным показателям, эти результаты отражают андроновское время (аналитик – канд. техн. наук Г.В. Симонова). Это обстоятельство, а также многие другие данные свидетельствуют о несомненной перспективности дальнейшего изучения поселения Советский Путь-1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 59–62.
2. Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 71–84.
3. Ситников С.М. Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения и культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 125–144.
4. Ситников С.М. К вопросу о горном деле и металлургическом производстве саргаринско-алексеевского населения Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 150–157.
5. Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 46–53.
6. Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул : АлтГПУ, 2015. 254 с.
7. Тишкин А.А., Фролов Я.В. Металлические орудия труда эпохи бронзы из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2. С. 171–180.

8. Чекалин В.М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул: [Б.и.], 1999. С. 6–16.

Tishkin Alexey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru; *Rednikov Anton A.* Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: ant-rednikov@yandex.ru; *Zhang Lianzhen* Nanjing University (Nanjing, China). E-mail: zhlr@nju.edu.cn; *Shui Tao* Nanjing University (Nanjing, China). E-mail: shuitaonj@126.com

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF METAL FINDS, SLAG AND ORES FROM THE BRONZE AGE THE SOVIET WAY-1 SETTLEMENT IN THE FOOTHILLS OF ALTAI.

Keywords: Bronze epoch; ore; slag; metal; X-ray fluorescence analysis.

In August 2016, the participants of the Russian-Chinese archaeological expedition excavated the Soviet Way-1 settlement which is located near the village of the same name in the Loktevsky district of the Altai Territory. In the course of field works, besides the fragments of ceramics and osteological material, numerous evidence of bronze casting production (ore, slag, splashes, etc.) was found. In addition, metal objects supplementing information on the cultural layer of the ancient monument were found. The main purpose of the research was to conduct X-ray fluorescence analysis of the findings for further objective reconstruction of one of the specialized activities of the Altai foothills in the periods of Developed and Late Bronze. This approach was realized for the first time. A portable ALPHA SERIES™ spectrometer (model Alfa-2000, USA) was used for this purpose, along with the pocket portable computer and a test stand. This device is intended for quantitative non-destructive determination of the content of chemical elements by X-ray fluorescence spectrometry in samples of non-ferrous metals and alloys, as well as for monitoring of the chemical composition of ores and slags, liquid and powder samples. It allows testing of archaeological finds with the help of two computer programs ("Analytical" and "Mining"). The first program ensured the possibility to obtain quantitative indicators on the chemical composition of the twenty metal objects which were recorded in the Soviet Way-1 settlement. The second was used to study the finds of ore and slag from the same monument. As a result of the analytical work, a series of data has been generated this allows us to outline the possibilities to reconstruct the bronze casting process. The raw materials were extracted at the nearest deposits of the so-called snake-ore ore zone of the northwestern foothills of Altai. This is evidenced by a fixed set of characteristic elements in ore, slag and products. Melting was carried out directly at the settlement. The found billets ("cake", ingot) turned out to be bronze. They were intended for melting and pouring into molds already prepared according to the recipe of metal and could be used as an exchange product. From the copper obtained from local ore, various objects were made, the fragments of which were found in the settlement. Further excavations of the Soviet Way-1 monument have significant prospects. Such an archaeological complex with massive traces of bronze casting production, with remnants of dwellings and other buildings will provide a solution to the pressing problems of the ancient history of the population of the southern Ob-Irtysh interfluvium. The obtained set of indices of X-ray fluorescence analysis forms the basis for a comparative analysis of numerous finds from non-ferrous metals on the territory of Western Siberia and the nearest regions.

REFERENCES

1. Sitnikov, S.M. (1995) Shul'ga P.I. Raboty na Yugo-Zapadnom Altai [Shulga P.I. Works in the South-West Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. & Shamshin, A.B. (eds) *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of Protection, Study and Use of the Altai Cultural Heritage]. Barnaul: Altai State University. pp. 59–62.
2. Sitnikov, S.M. (1998) Nekotorye rezultaty issledovaniya poseleniya Sovetskiy Put'-1 [Some results of the study of the Sovetskiy Put'-1 Settlement]. In: Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, K.L. (eds) *Drevnie poseleniya Altaya* [Ancient Settlements of Altai]. Barnaul: Altai State University. pp. 71–84.
3. Sitnikov, S.M. (2004) Poselenie Sovetskiy Put'-1 i nekotorye voprosy proiskhozhdeniya i kul'turno-istoricheskikh kontaktov sargarinsko-alekseevskogo naseleniya [Sovetskiy Put'-1 Settlement and some issues of origin and cultural and historical contacts of the Sargarin-Alekseev population]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [The Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 125–144.
4. Sitnikov, S.M. (2006) K voprosu o gornom dele i metallurgicheskom proizvodstve sargarinsko-alekseevskogo naseleniya Altaya [On the mining and metallurgical production of the Sargarin-Alekseev population of Altai]. In: Grushin, S.P. (ed.) *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 150–157.
5. Kungurova, N.Yu. & Sitnikov, S.M. (1999) Material'naya kul'tura drevnikh zhitel'ey poseleniya Sovetskiy Put'-1 [Material culture of the ancient inhabitants of Sovetskiy Put'-1 Settlement]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. 4. pp. 46–53.
6. Sitnikov, S.M. (2015) *Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya* [Culture of the Sargarin-Alekseev population of the forest-steppe and steppe Altai]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
7. Tishkin, A.A. & Frolov, Ya.V. (2015) Metallicheskie orudiya truda epokhi bronzy ikh arkheologicheskogo sobraniya MKUK "Rayonnyy istoriko-kraevedcheskiy muzey im. V.M. Komarova" (s. Volchikha, Altayskiy kray) [Metal tools of the Bronze Age in the archaeological collection "District Historical and Local Lore Museum. V.M. Komarova" (Volchikha, Altai Territory)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 171–180.
8. Chekalin, V.M. (1999) Rol' Zmeinogorskogo mestorozhdeniya zloto-serebro-barito-polimetallicheskikh rud v istorii osnovaniya i razvitiya goroda Zmeinogorsk [The role of the Zmeinogorsk gold-silver-barite-polymetallic ore deposit in the history of the foundation and development of Zmeinogorsk]. In: Moiseev, V.A. *Serebryanyy venets Rossii: Ocherki istorii Zmeinogorska* [The Silver Crown of Russia: Essays on the History of Zmeinogorsk]. Barnaul: [s.n.]. pp. 6–16.

УДК 903.024"637"(571,150)
DOI: 10.17223/19988613/49/6

В.Г. Ломан, Д.В. Папин, А.С. Федорук

СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)

Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (Постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также госзадания Алтайского государственного университета, проект № 33.867.2017/4.6. «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии».

Отражены результаты анализа коллекции круговой керамики поселения эпохи поздней бронзы Бурла 3 («бурлинский тип» памятников), расположенного на территории Северной Кулунды. Авторами проводится анализ форм, орнаментации, исходного сырья, способов обработки поверхности сосудов, особенностей конструирования их различных частей. Полученные результаты сравниваются с данными синхронных памятников юга Западной Сибири и Казахстана. Делается вывод о местном производстве круговой посуды выходцами из региона Средней Азии.

Ключевые слова: керамика; технология; Алтай; эпоха поздней бронзы.

В современной археологической литературе специалистами многократно подчеркивалась сложность процессов этнокультурного взаимодействия, протекавших в эпоху поздней бронзы на юге Западной Сибири. Керамика из сибирских коллекций является порой единственным источником, позволяющим идентифицировать археологические культуры [1]. К числу таких комплексов относятся материалы большинства поселений эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая. Именно на основе особенностей орнаментации керамики были выделены материалы саргаринско-алексеевской, черкаскульской, ирменской и бегазы-дандыбаевской культур, а также «бурлинского типа» памятников.

К настоящему моменту в Алтайском крае известно около 20 поселений эпохи поздней бронзы, на которых зафиксировано наличие круговой посуды. В единичном количестве она присутствует практически на всех изученных большими площадями позднебронзовых поселениях степного Алтая и примыкающих к нему территорий (Рублево VI, Новоильинка, Советский Путь 1, Чекановский лог 1, Жарково 1, Жарково 3, Калиновка 2, Калиновка 4, Суслово 1, Курейка 3, Песьянов мыс, Гусиная Ляга, Гилево 2, Бурла 3, Кайгородка 3 и др.). Наибольший процент такой керамики отмечается в северной Кулунде в материалах «бурлинского типа», который выделен В.С. Удодовым по итогам раскопок трех поселений, расположенных в среднем течении р. Бурла. В его основе лежит оригинальная керамика, изготовленная с применением гончарного круга, ранее неизвестная в регионе [2]. Однако в полной мере эти материалы до сих пор не введены в научный оборот.

В 2013 г. сотрудниками Алтайского государственного университета были продолжены исследования на поселении «бурлинского» типа – Бурла 3. В полевые сезоны 2013–2015 гг. здесь вскрыто 556 кв. м площади памятника, на которой полностью раскопаны одно жи-

лище двухкамерного типа (сооружение № 1) и ряд объектов хозяйственного назначения, частично исследованы еще три сооружения (№ 2–4). Предварительные результаты исследований публиковались [3–6]. На памятнике изучен участок, непосредственно связанный с гончарным производством. На это указывают находки остатков глиняного исходного сырья, гончарная печь для обжига готовых изделий, многочисленный производственный мусор (керамический шлак, оплавленные фрагменты сосудов (рис. 1, 7), костей, многочисленные скопления глины, обожженные в разной степени). Особо важным представляется наблюдение, что здесь проходил процесс изготовления именно круговой посуды. Собственно, этим фактом и можно объяснить аномально высокую, по сравнению с другими памятниками эпохи поздней бронзы региона, концентрацию данной керамики на поселении Бурла 3. Исходя из особенностей обнаруженных материалов, можно предположить, что производство керамики на круге было рассчитано не только для потребностей жителей поселка, но и на «экспорт» за его пределы. Многочисленные находки керамического шлака в пределах всей жилой зоны поселения указывают, что производственная площадка занимала большую территорию и была связана с краем террасы р. Бурла [7].

Преобладающую массу находок составляет керамика, ее основная часть, изготовленная с помощью гончарного круга, является предметом исследования данной работы.

Коллекция керамики поселения Бурла 3 из раскопок 2013–2015 гг. представлена 4 860 единицами: 4 841 – отдельные фрагменты, 17 – развалы сосудов. По способу изготовления комплекс разделяется на две группы: лепные сосуды и круговые. Доля круговой керамики – 3 514 отдельных фрагментов и 6 развалов сосудов, что составляет 72,7% коллекции. Доля лепной керамики – 1 310 фрагментов и 11 развалов, т.е. 27,3%.

Рис. 1. Керамика поселения Бурла 3, изготовленная с применением гончарного круга:
 1–4 – основные формы сосудов; 5 – «подставка»; 6 – фрагмент сосуда, найденный в керамической печи;
 7 – оплавленный фрагмент керамики

Коллекция круговой керамики достаточно разнообразна: стаканы, пиалы, миски, кувшины, горшки, хумы, «подставки» (рис. 1, 1–6). Часть сосудов по форме неотличима от саргаринско-алексеевских горшков, другая – ближе к Среднеазитскому региону. К числу последних относятся стаканы, пиалы, миски, хумы, подставки. Хумы наиболее многочисленны – это крупные низкогорлые сосуды со стенками толщиной 10–21 мм.

Круговая посуда практически не имеет орнамента. Декор присутствует лишь на 20 фрагментах (0,5%). В девяти случаях он состоит из одной или двух (один случай) широких горизонтальных каннелюр в верхней части плечика, в семи – из прочерченных горизонтальных линий (от одной до трех) по тулову или плечикам (трактовка данного элемента как декора, а не «технических» следов, оставленных в процессе окончательной обработки сосудов на поворотном механизме, продиктована отсутствием подобных линий на основной массе комплекса). Единично зафиксированы свисающая цепочка ногтевых зацепов на тулове, узкая каннелюра и уступ в зоне перехода от шейки к плечу сосуда, «змейки» и «птички» – отпечатки фигурных штампов на фрагментах тулов. Обнаружение «круговой» керамики с пальцевыми зацепами или оттисками ногтя – мотивами, типичными для саргаринско-алексеевской посуды, – яркое свидетельство попытки пришлого гончара приблизить свою керамику к традициям «саргаринцев».

Из общего числа круговой керамики поселения Бурла 3 было выбрано 68 образцов, в том числе венчики от 28 сосудов, стенки – от 14, придонные части – от 15, а также 11 «подставок» (рис. 1). Отобранная керамика была подвергнута технико-технологическому анализу по методике А.А. Бобринского [8, 9].

Исходное сырье по степени ожелезненности и особенностям естественных примесей разделилось на 6 видов. При составлении формовочных масс в качестве искусственной добавки использовалась органика растительного происхождения.

Способы конструирования полого тела удалось определить по 66,2% изученных образцов, в том числе лоскутно-комковатый – 4,4% и ленточный – 91,2%. По одному из образцов (2,2%) выявлена смешанная техника – низ полого тела изготовлен спирально-жгутовым способом, верх – ленточным. Один мискообразный сосуд демонстрирует уникальное сочетание спирально-лоскутного и ленточного способов конструирования: полое тело изготовлено из лоскутов и затем обложено с обеих сторон широкими лентами.

Конструирование начинов изучено на 12 отобранных придонных частей. Из них 8 начинов оказались емкостными, а 4 – донно-емкостными. Выявлены три технологические схемы конструирования: 1 – емкостный начин с полым телом из лент и спирально-лоскутным дном (5 экз.); 2 – емкостный начин с полым телом из лент и дном из жгутов по спиральной траектории (3 экз.); 3 – донно-емкостный спирально-

жгутовой начин и полое тело, изготовленное, скорее всего, также из жгутов по спирали (4 экз.).

Способы обработки поверхности удалось определить по 60,3% образцов, в том числе:

- простые – заглаживание кожей (4,9%), деревянным инструментом (2,4%), щепкой (2,4%); глиняная обмазка (4,9%); покрытие тонким слоем красного ангоба (61%);

- смешанные – красное ангобирование + лощение по подсушенной основе (12,2%); глиняная обмазка + красное ангобирование (7,4%); глиняная обмазка + лощение по подсушенной основе + красное ангобирование (2,4%); обработка деревянным инструментом + красное ангобирование (2,4%).

Круговой керамики на саргаринско-алексеевских поселениях Казахстана и Алтая находят обычно немного. Так, на поселении Кент (Центральный Казахстан) среди более 2 700 сосудов [10. С. 163] насчитано около 40 круговых [11. С. 73], превалирующая их часть – единичные небольшие фрагменты. Та же ситуация на поселениях Мыржик (20 мелких фрагментов круговой керамики и несколько сотен саргаринско-алексеевских [12. С. 213]) и Бугулы 1 (3 сосуда из 116 [13. С. 11]). Чуть больше круговой керамики на поселении Шагала-лы 2 (Павловка) – до 15% [14. С. 562]. На данных памятниках круговая керамика, несомненно, привозная.

Поселение Бурла 3 является в этом плане уникальным. Здесь мы видим обратную картину – значительное преобладание круговой керамики над лепной. К тому же тут исследована гончарная печь с обнаруженными в ней фрагментами бракованного кругового сосуда (рис. 1, 6), а в коллекции присутствует серия сильно оплавленных и даже деформированных в процессе обжига фрагментов круговой посуды (рис. 1, 7). Эти факты говорят в пользу местного производства круговой керамики гончарами, прибывшими из мест ее основного распространения. Отметим, что исходное сырье изученных образцов в 50% случаев относится к одному и тому же виду, из которого, кстати, был изготовлен и сосуд, найденный в гончарной печи (рис. 1, 6). Можно сделать вывод, что приезжий гончар (гончары?) нашел на новом месте подходящее сырье для изготовления керамики.

К культурным традициям среднеазиатской круговой керамики относится конструирование полого тела из глиняных лент. Таким способом изготовлено полое тело 91,2% сосудов Бурлы 3, все изученные сосуды поселений Кент [11. С. 73] и Шагала-лы 2 [15. С. 166]. Начины – емкостные, с лоскутным дном [11. С. 73].

Обнаруженная на поселении Бурла 3 круговая керамика с донно-емкостными спирально-жгутовыми начинками могла появиться в процессе смешения культурных традиций пришлых и местных гончаров, поскольку такие начинки были зафиксированы при изучении саргаринско-алексеевской керамики [16. С. 244]. Как результат смешения традиций можно рассматривать и сосуды, изготовленные по емкостной программе

с полым телом из лент, но спирально-жгутовым днищем (вторая технологическая схема), а также сосуд, низ которого изготовлен спирально-жгутовым способом, а верх – из лент. Сюда же можно отнести и три круговых сосуда с полым телом из лоскутов, причем в одном из них лоскутная основа была обложена лентами.

Подводя итог, отметим: появление в степном Алтае керамики, изготовленной с помощью гончарного круга, относится к эпохе поздней бронзы и маркирует вектор

южных связей с населением земледельческих центров Средней Азии. На технологическом уровне производства зафиксированы факты смешения местных и пришлых традиций. Видимо, основной центр сосредоточения пришлого населения находился в долине р. Бурлы, а его воздействие распространялось на всю территорию региона. Новое население не оказало существенного влияния на процессы культурогенеза, так как уже к финалу бронзового века эта традиция затухает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 280 с.
2. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.
3. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории Степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 212–215.
4. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Азбука, 2014. Вып. 1. С. 47–48.
5. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла 3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С. 180–183.
6. Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла 3 // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, № 4 (88). С. 280–284.
7. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А.А. Археологические исследования в степном Алтае в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 263–266.
8. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
9. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во СамГПИУ, 1999. С. 5–109.
10. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
11. Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. № 4 (13). С. 71–79.
12. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
13. Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : «Инжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.
14. Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалаы II (к вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана : Сарыарка, 2014. С. 557–567.
15. Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (поселение Шагалаы II). Астана : Глобус, 2017. 192 с.
16. Ломан В.Г. К вопросу о генезисе и составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : ИА РАН, 2015. С. 243–247.

Loman Valeriy G. Saryarka Archaeological Institute of the Buketov Karaganda State University (Karaganda, Kazakhstan). E-mail: lvg7@yandex.ru ; *Papin Dmitriy V.* Altai State University (Barnaul, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: papindv@mail.ru; *Fedoruk Alexander S.* Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: fedorukas@mail.ru

CONTACTS OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA AND CENTRAL ASIA DURING THE LATE BRONZE AGE (BASED ON MATERIALS OF CERAMIC COMPLEXES).

Keywords: ceramics; technology; Altai; Late Bronze Age.

The discovery in the steppe Altai of pottery made using a potter's wheel was a milestone in studying of issues of the regional ethno-cultural interaction in the Late Bronze Age. The main problematic of the unfolded discussion was to assess the role and significance of the new component. The relationship with the southern agricultural centers was fairly clearly defined, which made it possible to propose a new model of cultural genesis, which was called the "Burla type of sites". By now, about 20 Late Bronze Age settlements are known on the Altai territory, where throwing ceramics was found. Despite its different share in the complexes of these settlements, it should be noted that in a single quantity it is present on practically all the Late Bronze Age settlements of the steppe Altai and adjacent territories studied by large areas. The maximum percentage of such crockery in the complexes is noted in the northern Kulunda region in materials of the "Burla type" of sites, the most studied of which is the Burla settlement. The results of authors' field research in 2015 at the Burla 3 settlement have important significance for understanding the phenomenon of the "Burla type" sites. On the site, an area directly connected with pottery production was investigated. This is indicated by finds of remains of clay raw materials, a thermo-technical structure intended for firing finished products, numerous production trash (ceramic slag, melted fragments of vessels, fragments of bones, numerous clay clusters, fired to varying degrees). The observation that here was the process of making exactly throwing crockery is especially important. Actually, this fact can explain the anomalously high concentration of this ceramics in the Burla 3 settlement, in comparison with the other Bronze Age sites of the region. Based on the features of the materials found, the authors suggest that the production of throwing ceramics was calculated not only for the needs of the village, but also to "export" beyond its borders. Numerous finds of ceramic slag within the entire residential area of the settlement indicate that the production site occupied a large territory and it was connected with the edge of the river Burla terrace. To summarize, let's note: the phenomenon of the appearance in the steppe Altai of ceramics made with the help of the potter's wheel, refers to the Late Bronze Age and marks the vector of southern ties with the population of the Central Asian agricultural centers. At the technological level of ceramic production, facts of mixing local and alien traditions are fixed. Apparently, the main center of concentration of the newcomers was the valley of the river Burla, but its impact was extended to

the entire territory of the region. The new population did not have a significant impact on the processes of culture-genesis, as already this tradition is dying out towards the end of the Bronze Age.

REFERENCES

1. Kosarev, M.F. (1981) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka.
2. Udodov, V.S. (1994) *Epokha razvitya i pozdney bronzы Kulundy* [The Era of Kulunda Developed and Late Bronze Age]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
3. Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Fedoruk, A.S., Rednikov, A.A. & Fedoruk, O.A. (2013) Problema izucheniya "burlinskogo tipa" pamyatnikov epokhi pozdney bronzы na territorii stepnogo Altaya [The problem of studying the "Burlin type" of The Late Bronze Age monuments on the territory of the steppe Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 19. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 212–215.
4. Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Fedoruk, A.S. & Rednikov, A.A. (2014) Fenomen "burlinskogo tipa pamyatnikov" [The phenomenon of the "Burla type of monuments"]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya* [Interdisciplinary Study of the Archeology of Western Siberia and the Altai]. Barnaul: Azbuka. pp. 47–48.
5. Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Rednikov, A.A., Fedoruk, A.S. & Frolov, Ya.V. (2014) Predvaritel'nye itogi polevogo izucheniya poseleniya Burla 3 [Preliminary results of the field study of the Burla-3 Settlement]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 180–183.
6. Fedoruk, A.S., Papin, D.V. & Rednikov, A.A. (2015) Zhilishchno-khozyaystvennyy kompleks poseleniya Burla 3 [A housing-economic complex of Burla-3 Settlement]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(88). Vol. 1. pp. 280–284.
7. Kiryushin, Yu.F., Papin, D.V., Fedoruk, A.S., Frolov, Ya.V. & Rednikov, A.A. (2015) Arkheologicheskie issledovaniya v stepnom Altaye v 2015 godu [Archaeological research in the steppe Altai in 2015]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 21. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 263–266.
8. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow: Nauka.
9. Bobrinskiy, A.A. (1999) Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery as an object of historical and cultural study]. In: Bobrinskiy, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara: Samara State Pedagogical University. pp. 5–109.
10. Beysenov, A.Z., Varfolomeev, V.V. & Kasenalin, A.E. (2014) *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kul'tury Tsentral'nogo Kazakhstana* [Monuments of Begazy-Dandybaev Culture of Central Kazakhstan]. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology.
11. Loman, V.G. (2015) Imported ceramics from the settlement Kent. *Samarskiy nauchnyy vestnik – Samara Journal of Science*. 4(13). pp. 71–79. (In Russian).
12. Kadyrbaev, M.K. & Kurmankulov, Zh. (1992) *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki* [Culture of Ancient Cattle Breeders and Metallurgists of Sary-Arka]. Almaty: Gylm.
13. Beysenov, A.Z. & Loman, V.G. (2009) *Drevnie poseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient Settlements of Central Kazakhstan]. Almaty: Inzhu-Marzhan.
14. Sakenov, S.K. (2014) Stankovaya keramika iz poseleniya Shagalaly II (k voprosu o kul'turnykh svyazyakh plemen epokhi bronzы Severnogo Kazakhstana i Sredney Azii) [Easel ceramics from the settlement Shagalaly II (on the cultural ties between the tribes of the Bronze Age of Northern Kazakhstan and Central Asia)]. In: Sakenov, S.K. et al. *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana* [Dialogue of Eurasian cultures in the archeology of Kazakhstan]. Astana: Saryarka. pp. 557–567.
15. Khabdulina, M.K., Tleugabulov, D.T., Brynza, T.V., Bilyalova, G.D. & Kucherov, P.Yu. (2017) *Issledovanie pamyatnikov bronzovogo veka v Akmolinskom Priishim'e (poselenie Shagalaly II)* [Study of Bronze Age monuments in Akmolinskaya Ishym (Shagalaly-2)]. Astana: Globus.
16. Loman, V.G. (2015) K voprosu o genezise i sostave naseleniya sargarinsko-alekseevskoy kul'tury (po dannym tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki) [On the genesis and composition of the population of the Sargarin-Aleksey culture (according to the ceramics technical and technological analysis)]. In: Tsetlin, Yu.B. (ed.) *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archeology]. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 243–247.

УДК 902/903

DOI: 10.17223/19988613/49/7

Е.Г. Дэвлет, А.С. Пахунов, М.А. Дэвлет

СОЛНЦЕГОЛОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАРАКОЛА

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 16-01-00418.

Рассмотрены солнцеголовые персонажи на погребальных плитах Каракола (Алтай). С использованием различных методов документирования продемонстрированы технические особенности обработки плит и выполнения изображений, которые нанесены в смешанной технике с использованием гравировки разной глубины, шлифовки, а также красок черного и красного цвета. Различные технические особенности обработки плит и выполнения изображений, позволившие создать выразительные образы солнцеголовых, представлены в статье на основе различных методов цифрового документирования.

Ключевые слова: археология; первобытное искусство; наскальные изображения; Алтай; эпоха бронзы; Каракол; погребальный обряд.

Каменные ящики Каракола – курганного могильника, расположенного в Онгудайском районе Республики Алтай – хорошо известны благодаря уникальным образцам первобытного искусства бронзового века (предположительно второй половины III – начала II тыс. до н.э.). Каракольские изображения относятся к числу наиболее ярких проявлений изобразительной и ритуальной деятельности эпохи бронзы в регионе (рис. 1). [1]. Для каменных ящиков были переиспользованы фрагменты с ранее выполненными на них петроглифами, которые в большинстве случаев были преднамеренно размещены не вертикально, а горизонтально [2–4]. Этот акт низвержения кумиров сопровождался изображением новых образов – вероятно, центральных персонажей новой эпохи, участников ритуальной процессии. Ряды антропоморфных костюмированных действующих лиц, экипированных разными атрибутами, были, по всей видимости, нанесены на отдельные плиты, которые были предварительно обработаны и тщательно подогнаны друг к другу. Уже после выполнения композиций на этих камнях из них была сооружена каменная конструкция. Изображения документируются не только на стенах, но и на перекрытии некоторых гробниц, однако эти фрагментированные изображения на плитах перекрытия утрачены [5]. Обводка красной краской верхнего края погребения состоялась уже после оформления всего периметра. Это был последний из пригодных для документирования лаконичный и выразительный элемент изобразительной активности, сопровождавшей погребальный обряд.

Изображения участников церемониальной процессии были выполнены с сочетанием различных технических приемов, фиксация и описание которых представлены в данной публикации по результатам съемки, выполненной в экспозиции Музея народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН в 2015 г.¹ Эта работа заложила основу дальнейшего исследования состава красок, особенностей изобразительной деятельности,

технологических и изобразительных особенностей каракольских плит и погребальной обрядности «каракольников». Уникальный археологический материал из Каракола заслуживает всестороннего комплексного исследования.

Существенно больше рассказать об изобразительной традиции носителей каракольской культуры стало возможно на основании обработки результатов применения многоугольной теневой фотосъемки, съемки в видимом свете и в отраженных инфракрасных лучах, а также методов цифровой обработки фотографий и усиления цветового контраста [8, 9]. Совокупность этих методов позволила выявить детали, уточнить случаи перекрытия фигур и особенности использования разных техник, в том числе достоверно разделить этапы работы и уточнить взаимодополняющее сочетание техники гравировки и росписи краской.

Для фиксации следов краски применялось усиление цветового контраста – метод, позволяющий расширять цветовую гамму изображения до границ цветового пространства RGB, в результате чего выявляются следы поблекших красок. С применением данного метода было показано использование красной краски только для декорирования тела фигуры 1 (рис. 1, 4). Визуализация различных техник обработки поверхности была проведена с использованием многоугольной теневой фотосъемки. Один из результатов цифровой обработки – формирование карт нормалей, отражающих рельеф поверхности. Это позволило зафиксировать гравировки, шлифовку, выскабливание (рис. 1, 5). Более эффективно продемонстрировать гравировки разной глубины позволило применение усиления отражательной способности материалов, когда в результате математической обработки данных предметам с матовой поверхностью придаются зеркальные свойства (рис. 1, 6).

В данной публикации рассматриваются изображения солнцеголовых, представленные в двух погребениях Каракола – в кургане 2 (погр. 2) и в погребении 5.

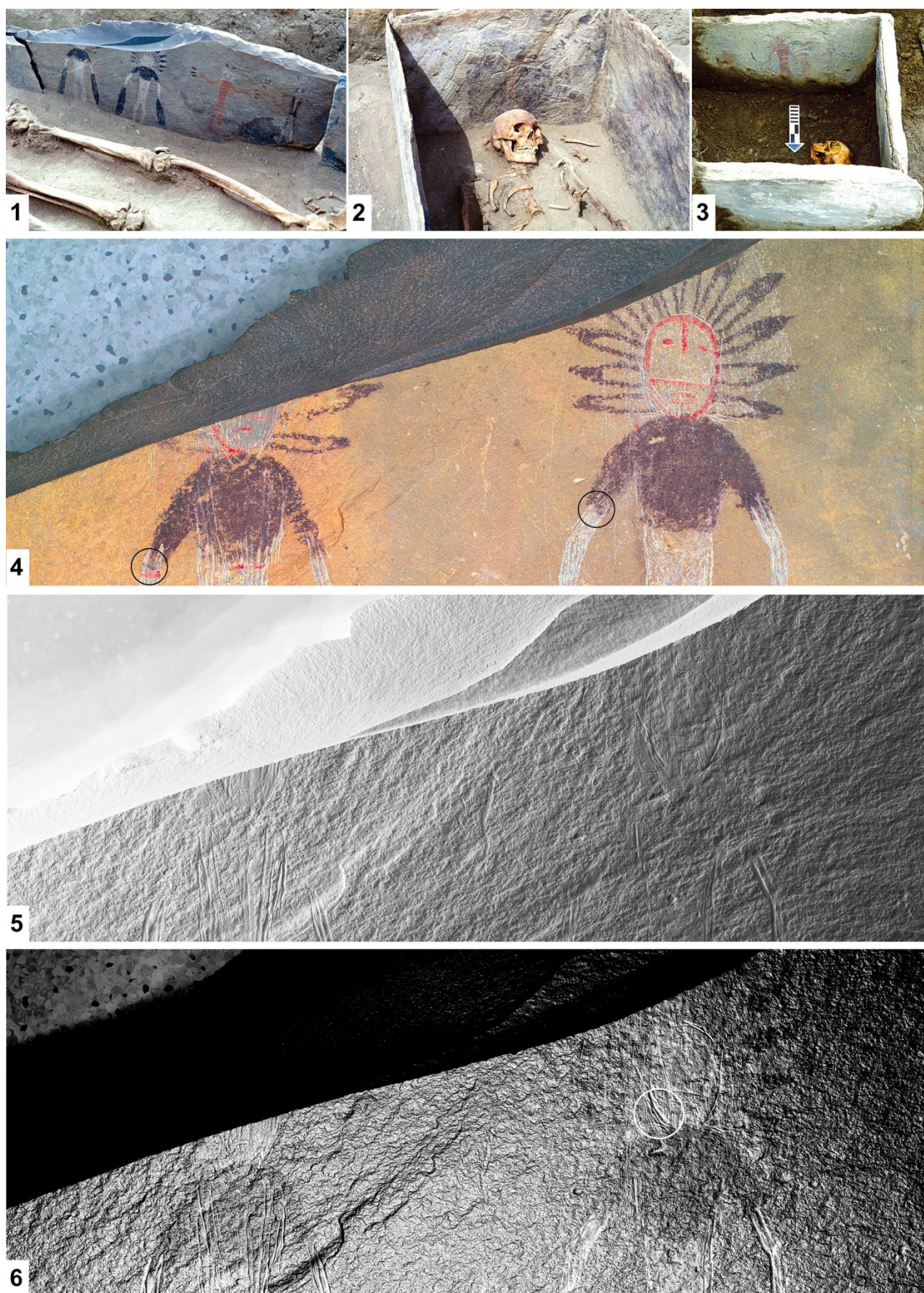

Рис. 1. Каракол: 1, 2 – погр. 2, курган 2; 3 – погр. 5; 4–6 – плита 1 из погр. 2, курган 2: 4 – изображение после усиления цветового контраста; 5 – карта нормалей; 6 – изображение после усиления отражательной способности материала (1–3 – по В.Д. Кубареву)

Цель работы – на основе использованных современных фототехник и методов цифровой обработки уточнить, какие технические приемы нашли применение при изображении персонажей, а также выявить элементы, сложные для визуального восприятия. Так называемые солнцеголовые – своеобразные причудливо трактованные антропоморфные фигуры, получившие свое название благодаря тому, что их головы очертаниями напоминают знаки-символы небесного светила, составляют специфический сюжет первобытного искусства. Они многочисленны в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии, где головы фантастических человекоподобных существ окружают нимбы-ауры, обозначенные расходящимися от контура в разные стороны черточками-лучами, обрамлением в виде лучей-перьев, концентрическими окружностями, скоплением точек. Эти изобразительные элементы встречаются изолированно или в разных сочетаниях со специфической трактовкой. В Караколе обращают на себя внимание варианты трактовки солнцеголовых – они показаны и в фас, и в профиль. Расходящимся лучам могут сопутствовать расположенные по дуге точки, как бы парящие над концами лучей-перьев. Вполне вероятно, что в ряде случаев был изображен головной убор-маска, выполненный с применением перьев.

Изначально расположение и сохранность курганных сооружений Каракола весьма различались: в кургане 2 существенно повреждена насыпь и ее каменное ограждение, но сохранность самих погребений удовлетворительная, хотя для погребения 2 и отмечено просачивание грунта в ящики через небольшие щели в тщательно подогнанной конструкции.

В кургане 2, самом восточном в каракольском могильнике, исследовано четыре погребения под каменной насыпью размерами предположительно около 20 м. Погребение 2 располагалось в центре и представляло собой захоронение мужчины в каменном ящике, состоявшем из шести поставленных на ребро и шести перекрывающих захоронение плит. Это одно из наиболее пышно декорированных погребений Каракола (рис. 1).

На плите 1, в ее левой части, расположены два солнцеголовых персонажа. Для головы фигуры 1, размещенной слева, следы разметки с использованием гравировки не выявлены. Весьма вероятно, что следы подготовительной гравировки, обозначившей контур головы, не обнаруживаются из-за последующего выскабливания поверхности – оно интенсивно в области лица и головного убора, линии выполнялись сходящимися движениями в направлении сверху вниз. Рот обозначен гравировкой и красной линией, контур головы обведен красной краской, также краской выполнена горизонтальная линия, отделяющая нижнюю часть лица. Черной краской выполнены расходящиеся от головы лучи-перья. Их точное количество в настоящее время установить невозможно ввиду утраты части плиты.

У фигуры 2, размещенной справа, контур головы был проработан тонкой гравировкой, после этого чер-

ной краской нанесены 12 лучей-перьев обрамления абриса головы, а затем голова обведена красным. После нанесения краски по контуру выполнена глубокая гравировка.

Нос, глаза, разделяющая лицо полоса и рот отмечены гравированными линиями с последующим окрашиванием красной краской. Слой выветривания был выскоблен с целью выделения лица на фоне темной поверхности плиты.

Границы тела фигуры 1 на первом этапе были обозначены глубокой гравировкой, затем верхняя часть туловища закрашена черной краской, после чего были выполнены гравировкой руки с середины предплечья и до кистей, ниже черной краской проработаны предметы ланцетовидной формы, выполненные черной краской одновременно с изображением туловища (гравировка рук перекрывает черную краску, в то время как черная краска перекрывает гравировку в области торса). После нанесения гравировки границы черной краски были обозначены красной полосой, за исключением левой руки, где этот участок приходится на естественный изгиб поверхности плиты. Туловище фигуры 2 справа выполнено аналогично первой, однако после гравировки центральная часть туловища была заглажена. Ступни обозначены гравировкой с более сильным нажимом.

На плите 3 солнцеголовые фигуры выполнены в технике гравировки и выбивки. Лучи обрамления перекрывают другие более тонкие гравировки.

Погребение 5 располагалось на западной окраине с. Каракол и исследовалось позднее, в 1986 г. Оно было серьезно разрушено при рытье ямы для установки столба электропередачи в результате намокания и прочего воздействия. Описано, что даже при бережном обращении сохранить все фрагменты с изображениями не представлялось возможным.

При повторной фотофиксации в музейном собрании на плите 1 ранее неизвестные слабочитаемые изображения не выявлены. На фигурах солнцеголовых персонажей, выполненных красной краской, предварительная разметка не обнаружена. Интересно распределение краски на фигуре с развернутой в профиль вправо головой. Работа тонким инструментом (кисточкой) позволила художнику прорисовать в пасти зубы – работа детальная и видна только на снимках после усиления цветового контраста.

Красочный декор пяти плит из трех погребений Каракола проанализирован с помощью методов электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом и порошковой рентгеновской дифракции на оборудовании НИЦ «Курчатовский институт». Сравнительный анализ красок, использованных на одной плите, на разных плитах из одного погребения и на плитах из разных погребений показал, что в пределах одного захоронения состав краски однороден. Важным результатом стало достоверное определение, где на плитах красные участки представляют собой поверхности естественного ожелезнения, а где – остатки краски.

Установлено, что красными красками являются охры, происходящие, вероятно, из разных источников. Черная краска – сажа [10, 11].

Дальнейшее исследование иконографических и технологических особенностей фигур, выполненных в комбиниро-

ванной технике в погребальных памятниках «каракольцев», может пролить свет на соотношение окуневской, каракольской и чемурческой изобразительных традиций [12–14], а также уточнить многие дискуссионные вопросы, связанные с изучением петроглифов Саяно-Алтая [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы выражают благодарность руководству Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за возможность работы с материалами Музея народов Сибири и Дальнего Востока. В 2015 г. редокументированы каракольские плиты 1–3 из погр. 2 кургана 2, плита 1 из погр. 3, плита 1 из погр. 5; а также плита из погр. 4 кургана 1 Озерного [6, 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и Юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3. Археология, этнография. С. 136–167.
2. Молодин В.И. Каракольская культура // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 273–282.
3. Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. С. 49–51.
4. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.
5. Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
6. Кубарев В.Д. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 75 с.
7. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 80–85.
8. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Пахунов А.С. Антропоморфные быкоголовые персонажи на плитах Каракола // Молодин В.И., Кубарев Г.В., Савинов Д.Г. и др. Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 517–527.
9. Дэвлет Е.Г., Пахунов А.С., Дэвлет М.А. О документировании плит Каракола: изображения быкоголовых и их детали // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы междунар. конф. / под ред. В.В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 94–97.
10. Дэвлет Е.Г., Пахунов А.С., Каратеев И.А., Дороватовский П.В., Калоян А.А., Подурец К.М., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. О составе и цвете красок на росписях плит каменных ящиков Каракола (Алтай) // Сборник тезисов Первого российского кристаллографического конгресса 21–26 ноября 2016 г. М., 2016. С. 280.
11. Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г., Молодин В.И., Лазин Б.В., Каратеев И.А., Дороватовский П.В., Калоян А.А., Подурец К.М., Сенин Р.А., Благов А.Е., Яцишина Е.Б. Сравнительный анализ красок на плитах погребений каракольской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 3. С. 56–68.
12. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1978. (История и культура востока Азии). С. 88–118.
13. Есин Ю.Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // Российская археология. 2014. № 3. С. 79–88.
14. Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования чемурческих курганов в Булган сомоне Ховд (Кобдоского) аймака Монголии в 2003–2010 годах // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурческий культурный феномен. СПб.: ЛЕМА, 2014. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. С. 235–406.
15. Молодин В.И. Наскальные изображения Бии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. 112 с.

Devlet Ekaterina G. Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia); Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). E-mail: eketek@yandex.ru; *Pakhunov Aleksandr S.* Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: science@pakhunov.com; *Devlet Marianna A.* Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia). E-mail: iar@yandex.ru

SOLAR-HEADED FIGURES FROM KARAKOL BURIALS.

Keywords: archaeology; prehistoric art; rock art; Bronze Age; Altai; Karakol; burial rites.

The burial practice of the Karakol population of the Bronze Age (second half of the 3rd – early 2nd millennium BC) from Altai attracts much attention by the expressive ritual rites and artistic manifestations related with decoration of the stone cists in the burial mounds. For construction of the cists in the burial mounds slabs bearing petroglyphs were re-used, re-arranged on their sides in graves and paintings were made above the petroglyphs, all slabs were perfectly reshaped to fit the frame of the cist. So, petroglyphs often acquire the inverted position and upon them new diverse images were worked in black (soot) and red (different ochres) paint depicting participants of the burial ceremony. These figures in various ritual headdresses and complex garments were equipped with different attributed. Finally, the edge of stone cists was outlined with wide red band. Solar-headed figures were important for the Karakol imagery. Analyses based on re-documentation of the solar-headed figures revealed various technical approaches. Scratching of the patinated dark surface of the stone, fine engraving followed by painting of lines, use of paint singly and in combination with engraving was employed for two images of solar-headed figures from slab 1 (grave 2, burial mound 2 of Karakol). To paint in details solar-headed figures on the slab from burial 5 artists used liquid and suspended stuff applies by thin brush. For modern recording of the Karakol art was employed different techniques, including RTI: reflection transformation imaging is a computational photography method based on relations between degree of light reflection and materials property. So, the flatter surface after the stone polishing looks different rather than rough untreated slab. The key stage of the RTI image processing is a building of normal map that helps to understand the real relief of the surface. On that images engravings of different depths visually differ. Near infrared photography was used for the documentation of very thin engravings which were not appeared at the visible light photos. special software for the colour enhancement of the faded paints was also used. It allowed to confirm the absence of red paint on the body of the right figure. Modern recording techniques provide new information on the prehistoric art from Karakol.

REFERENCES

1. Molodin, V.I., Epimakhov, A.V. & Marchenko, Zh.V. (2014) Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i Yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the south of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 13(3). pp. 136–167.
2. Molodin, V.I. (2006) Karakol'skaya kul'tura [The Karakol culture]. In: Savinov, D.G., Podolskiy, M.L., Nagler, A. & Chugunov, K.V. (eds) *Okunevskiy sbornik 2. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunev Collection 2. Culture and Its Environment]. St. Petersburg: Eleksis Print. pp. 273–282.
3. Kubarev, V.D., Soenov, V.I. & Ebel, A.V. (1992) O novykh pamyatnikakh karakol'skoy kul'tury v Gornom Altaye [About new monuments of the Karakol culture in Gorny Altai]. In: Elin, V.N. et al. (eds) *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii* [Problems of Preservation, Use and Study of Archeological Monuments]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Pedagogical University. pp. 49–51.
4. Kubarev, V.D. (1988) *Drevnie rospisi Karakola* [Karakol Ancient Paintings]. Novosibirsk: Nauka.
5. Kubarev, V.D. (2009) *Pamyatniki karakol'skoy kul'tury Altaya* [Monuments of the Karakol culture of Altai]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Kubarev, V.D. (2013) *Zagadochnye rospisi Karakola* [Karakol Mysterious Paintings]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Pogozheva, A.P. & Kadikov, B.Kh. (1979) Mogil'nik epokhi bronzy u poselka Ozerogo na Altaye [A Bronze Age tomb in the village of Ozerny in the Altai]. In: Pogozheva, A.P. (ed.) (1979) *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New data in the archeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. pp. 80–85.
8. Devlet, E.G., Devlet, M.A. & Pakhunov, A.S. (2016) Antropomorfnye bykologovye personazhi na plitakh Karakola [Anthropomorphic bull-headed characters on the Karakol slabs]. In: Molodin, V.I., Kubarev, G.V., Savinov, D.G. et al. *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* [Altai in the Circle of Eurasian Antiquities]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 517–527.
9. Devlet, E.G., Pakhunov, A.S. & Devlet, M.A. (2016) O dokumentirovaniy plit Karakola: izobrazheniya bykologovykh i ikh detali [On documenting the Karakol plate: Images of the bull-headed and their details]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Conservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 94–97.
10. Devlet, E.G., Pakhunov, A.S., Karateev, I.A., Dorovatovskiy, P.V., Kaloyan, A.A., Podurets, K.M., Blagov, A.E. & Yatsishina, E.B. (2016) [On the composition and colour of paints on the paintings of the Karakol stone boxes (Altai)]. *Ot konvergentsii nauk k prirodopodobnym tekhnologiyam* [From convergence of sciences to nature-friendly technologies]. Proc of the First Russian Crystallographic Congress. Moscow. November 21–26, 2016. Moscow. pp. 280. (In Russian).
11. Pakhunov, A.S., Devlet, E.G., Molodin, V.I., Lazin, B.V., Karateev, I.A., Dorovatovskiy, P.V., Kaloyan, A.A., Podurets, K.M., Senin, R.A., Blagov, A.E. & Yatsishina, E.B. (2017) A comparative analysis of paints on the Karakol burial slabs. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 45(3). pp. 56–68. (In Russian).
12. Leontiev, N.V. (1978) Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury (problemy khronologii i semantiki) [Anthropomorphic images of the Okunevo culture (problems of chronology and semantics)]. In: Larichev, V.F. et al. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti* [Siberia, Central and Eastern Asia in Ancient Times]. Novosibirsk: Nauka. pp. 88–118.
13. Esin, Yu.N., Magaye, J., Rossseler, E. & Walter, Ph. (2014) Paint in rock art of the Okunev culture of the Minusinsk basin. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 79–88. (In Russian).
14. Kovalev, A.A. & Erdenebaatar, D. (2014) Issledovaniya chemurchekskikh kurganov v Bulgan somone Khovd (Kobdoskogo) aymaka Mongolii v 2003–2010 godakh [Investigations of Chemurchek mounds in Bulgan Somon of Khovd (Kobdo) Aimak, Mongolia, in 2003–2010]. In: Kovalev, A.A. (ed.) *Drevneyshie evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen* [The Most Ancient Europeans in the Heart of Asia: The Chemurchet Cultural Phenomenon]. Part 1. St. Petersburg: LEMA. pp. 235–406.
15. Molodin, V.I. (2016) *Naskal'nye izobrazheniya Bii* [Rock carvings of Biya]. Novosibirsk: SB RAS.

УДК 902.6:904(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/49/8

В.В. Бобров

ЭХО АРЖАНА, ИЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛКЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания 3 33.2597.2017/ПЧ.

Одно из важнейших открытий последней трети XX в. – исследование кургана Аржан на территории Тывы. Естественнонаучными методами установлено время его существования – вторая половина VIII в. до н.э. Открытие актуализировало изучение истории ранних кочевников в Евразийских степях, а в более широком аспекте – проблемы раннего железного века на сопредельных территориях. Приводится историографический очерк изучения этого исторического периода в Енисейском Приангарье и бассейне р. Лена. Выявлена тенденция удревления эпохи раннего железного века в Восточной Сибири до VIII в. до н.э., что противоречит закономерностям исторического развития древних обществ азиатской части России. Примером неравномерности историко-культурных процессов является Западная Сибирь.

Ключевые слова: Аржан; ранний железный век; Енисейское Приангарье; Якутия; Западная Сибирь.

*Людмиле Александровне Чиндиной –
маленькой очаровательной женщине,
но крупному ученому в сибирской археологии.*

Волею судеб в лице многоуважаемых академиков Анатолия Пантелеевича Деревянко и Вячеслава Ивановича Молодина мне пришлось на какое-то время заняться историографией изучения раннего железного века азиатской части России. Некоторые специализированные знания об этом историко-хронологическом периоде уже были, связаны они с началом научного творчества. Тогда мой интерес лежал в области изучения скифо-сибирского искусства звериного стиля. С тех пор прошло более 40 лет; менялись научные ориентиры и даже направления, но время от времени приходилось испытывать притяжение проблем скифской эпохи. Особую силу оно приобретало в периоды неординарных открытий в сфере изучения культур скифского мира. Хотелось бы написать по привычке «скифо-сибирского», но приходится обращать внимание на диссонанс термина, в котором соединены этноним и географическое понятие. К числу таких открытий, несомненно, относится курган Аржан, исследованный М.П. Грязновым и М.Х. Манай-оолом [1, 2]. В объективности материалов памятника сомневаться нет оснований. Тем более, что за открытием Аржана последовали раскопки не менее сенсационного кургана Аржан 2. Д.Г. Савинов убедительно показал, что комплексы стадии Аржана достаточно широко распространены в пределах северной периферии Центральной Азии [3].

Результаты раскопок этого памятника, получившего мировую известность, породили важнейшую проблему как для скифологии, так и для раннего железного века степного пояса Евразии. Суть её сводится к следующему. Типология инвентаря и оленного камня, некоторых черт погребальной практики и обряда свидетельствуют о раннем возрасте сооружения кургана. Но в нём представлена в сложившемся виде раннескифская традиция в виде триады. После длительных исследований и дискуссий наибольшее признание среди специалистов получила дата кургана – вторая половина VIII в. до н.э.

Хотя существуют также две крайние точки зрения. Одна из них основана на традиционной хронологии раннескифского периода, начало которого соотнесено с VII в. до н.э. Она находит обоснование в работах Н.Л. Членовой [4]. Сторонники другой точки зрения (достаточно многочисленные) полагают, что дата кургана Аржан находится в пределах IX в. до н.э. Хронология кургана ставит проблему истоков формирования раннескифской традиции. Не касаясь историографического сюжета её решения, отмечу, что поиск связан с археологическими комплексами Центральной Азии и районами, пограничными с Северной Азией. В связи с этим следует напомнить о центральноазиатской теории происхождения скифов. Не случайно материалы кургана Аржан вызвали новый импульс в изучении эпохи ранних кочевников Евразии.

Небезынтересен вопрос: какой резонанс вызвало открытие этого археологического памятника у исследователей раннего железного века таёжной зоны Сибири? Но прежде всего отметим историографический факт: в работах специалистов первых десятилетий XX в. отчётливо выражена методологически обусловленная концепция о запаздывании культурно-исторических процессов в тайге относительно идентичных тенденций в степных и лесостепных ландшафтах [5–7]. В приведённом списке нет исследователей древностей западносибирской тайги, так как археологические знания о раннем железном веке, как и в целом о голоценовом периоде, формировались преимущественно во второй половине XX в. Особо подчеркнём, что в ранний период историографии советской археологии концепция о запаздывании, скорее всего, была основана не на принципах исторического материализма, одним из которых являлся закон неравномерности исторического развития, но на логике соотношения комплексов ландшафтных зон и, главное, на археолого-этнографических параллелях – важнейшем принципе теорети-

ческой археологии. Нет необходимости напоминать, что многие специалисты конца XIX – начала XX в. являлись приверженцами этнологического направления в археологии.

На современном этапе развития археологических знаний возникла тенденция (или позиция группы отдельных специалистов) если не нивелировки, то сближения процессов историко-культурного развития обществ разных ландшафтных зон. В этой связи обратим внимание на археологию таёжной зоны Восточной Сибири и, в частности, районов Ангара-Енисейского пространства. Следуя взглядам А.П. Окладникова об историко-культурных процессах в эпоху раннего железа на этой территории и используя качественно новые источники, полученные в результате самостоятельных исследований, В.И. Привалихин выделяет цэпаньскую археологическую культуру, время существования которой определяет VIII–II вв. до н.э. [8, 9]. Оснований для начальной даты очень значимого периода в дописьменной истории сибирских этнокультурных образований практически нет. Но она ставит в один ряд цэпаньскую культуру с культурами раннескифского времени центральноазиатских степей. Не случайно в одной из работ открытым текстом указывается «на достойное место племён Северного Приангарья в процессах развития скифского мира Северной Азии» [10. С. 195]. Сомнительно, что подобный подход соответствует современным методологическим и теоретическим принципам археологии, а также сложившейся номенклатуре понятий. Вряд ли правомерно употребление для зоны тайги и тундры таких определений, как «для гунно-сарматского времени на Таймыре...» [11. С. 85] или использование в археологии неслучайного понятия «Приенисейская Сибирь». Енисей набирает мощь от Западных Саян до Ледовитого океана или от Центральной Азии до Арктики. Более того, он является естественной границей между Западной и Восточной Сибирью. Поэтому неясно, о какой географической территории в публикации идёт речь.

Сложная картина историко-культурного развития южно-таёжных районов, так называемой Енисейской провинции, предстаёт в работах П.В. Мандрыки, который провел значительные работы в пограничье лесостепи и тайги и получил представительные материалы от эпохи бронзы до Средневековья. Анализ выделенных им археологических культур и культурных типов ещё предстоит сделать специалистам. В его концепции период VIII–VII вв. до н.э. связан с культурой переходного этапа от бронзы к раннему железному веку. Нижняя хронологическая граница железного века определена VI в. до н.э. В пределах так называемого Енисейского Приангарья П.В. Мандрыка выделяет нижнепорожскую, шилкинскую, каменско-маковскую культуры, а также тип тонковаликовой керамики, которые существовали практически одновременно [12. С. 68–76; 13. С. 162–164; 14 и др.]. Любопытно, что нижнепорожская культура интерпретируется автором как лес-

ной вариант тагарской культуры. Что касается начальной даты историко-культурного периода, то она нуждается в критическом анализе достоверности источников, которые приведены в работах специалистов. Отмечу, что в районах Красноярской лесостепи, расположенной южнее тайги, известны преимущественно позднетагарские памятники. Памятники развитого этапа, по периодизации С.В. Киселёва, единичны, но они датированы не раньше V–III вв. до н.э.

Нелогичную трактовку хронологической принадлежности комплексов раннего железа в восточных районах Приенисейской тайги могу объяснить эмоциональным воздействием результатов полемики вокруг кургана Аржан. Идентичная ситуация наблюдается в историографии эпохи раннего железного века на сопредельной территории, в бассейне р. Лена. Со времени исследования А.П. Окладниковым археологических памятников на территории Якутии в 1940-х гг. утвердилось мнение, что её население освоило производство железа в середине I тыс. н.э. и что верхняя хронологическая граница периода раннего железа приходилась на XIII в. Практически все якутские археологи разделяли эту точку зрения. Исключение составляют взгляды Н.Д. Архипова, который считает, что появление собственного железоделательного производства произошло не позже II в. до н.э. и было связано с историей хунну. По его мнению, предметы из бронзы VII–I вв. до н.э. характеризуют переходный или начальный этап раннего железного века, но большая часть памятников относится ко II в. до н.э. – V в. н.э. [15]. Основная его идея сводится к тому, что металлургия железа в Якутии распространялась одновременно со степными территориями. Точка зрения И.В. Константинова близка этой концепции, как в прочем и идея А.П. Окладникова. В развитии раннего железного века Якутии он выделил усть-мильский этап (III–I вв. до н.э.) и дюктайско-белькачинский (рубеж эр – XII в. н.э.) [16]. В последние десятилетия произошли существенные изменения взглядов А.Н. Алексеева, который датирует ранний железный век Якутии в пределах V в. до н.э. – V в. н.э. [17]. Интерес представляет его точка зрения на материалы III – первой половины V в. н.э. стратифицированного памятника Улахан-Сегелениях, среди которых он видит предметы степной культуры хунно-сяньбийского времени и не исключает возможность переселения группы хунно-сяньбийцев на территорию Якутии [18. С. 67]. Наконец, радикализмом отличается позиция А.Д. Степанова. Используя абсолютные даты, он принимает нижний предел значений радиоуглеродного датирования и начало раннего железного века относит к VIII в. до н.э. [19. С. 32–36; 20]. Явно выражена тенденция на хронологическое соответствие исторического периода – раннего железного века – в степи и тайге.

Эта тенденция охватывает археологию раннего железа всей таёжной зоны Восточной Сибири, что наглядно видно из историографического очерка. Остаются без ответа вопросы: насколько эта тенденция пра-

вомерна с позиции информативности археологических источников и насколько она отвечает законам исторического развития, не говоря уже об истории черной металлургии. Но можно обратиться к материалам и аналитическим работам по археологии Западной Сибири, где памятники раннего железного века достаточно хорошо исследованы как в таёжной, так и в лесостепной ландшафтной зонах. Значительный вклад в изучение этого периода внесли М.Ф. Косарев, Л.Н. Корякова, Н.П. Матвеева, Ю.П. Чемякин, Н.В. Полосьмак и многие другие. В этой плеяде особо выделяется Л.А. Чиндина. Благодаря её труду представлена многоплановая историко-археологическая картина Среднего Приобья в эпоху раннего железа и Средневековья [21, 22]. Немаловажно, что для западносибирского региона реконструирована история развития черной металлургии в

Древности и Средневековье [23]. Достаточно высокая степень изученности памятников I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. демонстрирует неравномерность социально-экономического развития обществ в разных физико-географических зонах Западной Сибири. Это очень качественно обосновано в одной из работ М.Ф. Косарева [24, С. 3–20]. Несомненно, в условиях этого региона историко-культурные процессы имели свою специфику. Напомню о параллельном курсе развития саргатской (лесостепь) и кулайской (тайга) культур. Однако общая тенденция оставалась неизменной. Вряд ли развитие восточносибирских обществ шло по особому, исключительному пути, имея экономическую платформу, адекватную потенциалу производящей деятельности этнокультурных объединений лесостепных и степных ландшафтов пограничья Центральной и Северной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
2. Грязнов М.П., Манай-оол М.Х. Курган Аржан по раскопкам 1973–1974 гг. // Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1975. Вып. XVI. С. 185–198.
3. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
4. Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы (Дата кургана Аржан и его место в системе культур «скифского» мира). М., 1997. 98 с.
5. Сосновский Г.П. К археологии ангарского края // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1.
6. Петри Б.Э. Далёкое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928. 73 с.
7. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Красноярск, 1929. 67 с.
8. Привалихин В.И. Новые материалы по бронзовому веку Нижней Ангары (к постановке вопроса о выделении археологической культуры) // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 99–104.
9. Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.
10. Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Краснояр. краевой краеведческий музей, 2013. С. 187–196.
11. Мандрыка П.В. Взаимовлияния народов раннего железного века тайги и тундры Приенисейской Сибири // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера, 2009. С. 84–87.
12. Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таёжной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 68–76.
13. Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. М.: Ин-т археологии РАН, 2008. С. 162–164.
14. Мандрыка П.В. Комплексы с керамикой каменско-маковского типа на Енисее и их место в культурогенезе таёжной зоны Средней Сибири // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. С. 232–241.
15. Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск, 1989. 190 с.
16. Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 128 с.
17. Алексеев А.Н. Древняя Якутия. Железный век и эпоха Средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 96 с.
18. Алексеев А.Н. Ранние кочевники Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. Т. 10, № 5. С. 62–69.
19. Степанов А.Д. Дюпинское погребение раннего железного века в Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 32–36.
20. Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Дж.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология, этнология, антропология. 2014. Т. 7. С. 106–112.
21. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
22. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.
23. Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 367 с.
24. Косарев М.Ф. Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1976. С. 3–20.

Bobrov Vladimir V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: klae@kemsu.ru

THE ECHO OF ARZHAN OR ARCHAEOLOGICAL CULTURES ON THE CHRONOLOGICAL SHELF.

Keywords: Arzhan; the Early Iron Age; Enisei-Angara Region; Yakutia; Western Siberia.

In the second half of the XX century one of the most important discoveries in Eurasia archaeology had been the study the Arzhan mound located in the Western Sayan (Republic Of Tyva). Its materials witness of the formed early Scythian tradition. Scientific methods detected the time of its construction – the second half of the VIII century BC. The early age of Arzhan relatively to the other “Scythian” world cultures has actualized the problems of studying of early nomads’ history in Eurasia steppe, and in a wider aspect also the problems of the Early Iron Age. The presented brief historiographical essay of this historical period on the territory of the Angara’s Yenisei region and the Lena River basin allows identifying of a peculiar trend. The concept of researchers of the antiquity of the Krasnoyarsk region consists of two options. According to the first, the beginning of the Early Iron Age in northern Angara region is dated as the VIII century BC, and according to the second version, it is VI century BC. The early date may not be accepted, since it is not supported by neither archaeological nor natural-scientific methods of dating. The other date needs additional validation. It is contrary to the logic of chronology of Krasnoyarsk forest-steppe development by Tagar population as well as the South Siberia “Scythian” items found in the taiga zone of the Yenisei-Angara region. In the Yakutiya archaeology the chronology concept of the Early Iron Age has been undergone

a gradual transformation. The A.P. Okladnikov's idea about the period's existence within the V and XIII centuries AD was widely acknowledged for long time. The II century AD was offered to consider as a lower chronological boundary of the Early Iron Age on the Yakutia territory in 1970s. This idea was not supported among the experts. Nowadays the most common Early Iron Age chronology of the region is the V century BC – V century AD. In the last decade's works a date for the beginning of this period is the VIII century BC, which is substantiated by a radiocarbon dating method. This evidence proves the synchronicity of historical-cultural development in steppe and taiga landscapes in Siberia. The revealed tendency to make the Early Iron Age more ancient in the vast territory of Eastern Siberia is contrary to the laws of historical development of the ancient societies in the Eastern Russia. An example of uneven historical and cultural processes is Western Siberia as evidenced by modern knowledge about the territory's pre-history.

REFERENCES

1. Gryaznov, M.P. (1980) *Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskijskogo vremeni* [Arzhan. The Imperial Kurgan of Early Scythian Time]. Leningrad: Nauka.
2. Gryaznov, M.P. & Manay-ool, M.Kh. (1975) Kurgan Arzhan po raskopkam 1973–1974 gg. [The Arzhan Kurgan in excavation of 1973–1974]. *Uchenye zapiski Tuvinskiy NII yazyka, literatury i istorii*. 16. pp. 185–198.
3. Savinov, D.G. (2002) *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya* [Early Nomads of the Upper Yenisei]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Chlenova, N.L. (1997) *Tsentr'naya Aziya i skify (Data kurgana Arzhan i ego mesto v sisteme kul'tur "skijskogo" mira)* [Central Asia and the Scythians (The Date of the Arzhan Kurgan and its place in the "Scythian" culture)]. Moscow: Institute of Archeology RAS.
5. Sosnovskiy, G.P. (1923) K arkheologii angarskogo kraja [To the archeology of the Angara region]. *Sibirskaya zhivaya starina*. 1.
6. Petri, B.E. (1928) *Dalekoe proshloe Priбайкалья* [The Distant Past of The Baikal Region]. Irkutsk: [s.n.].
7. Kartsov, V.G. (1929) *Materialy k arkheologii Krasnoyarskogo rayona. Opisanie kollektzii i materialov muzeya* [Materials for the Archeology of Krasnoyarsk District. Description of the Collections and Materials of the Museum]. Krasnoyarsk: [s.n.].
8. Privalikhin, V.I. (1985) Noveye materialy po bronzovomu veku Nizhney Angary (k postanovke voprosa o vydelenii arkheologicheskoy kul'tury) [New materials on the Bronze Age of the Lower Angara (on the allocation of archaeological culture)]. In: Vasilievskiy, R.S. (ed.) *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri* [Problems of The Ancient Cultures of Siberia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 99–104.
9. Privalikhin, V.I. (1993) *Ranniy zheleznyy vek Severnogo Priangarya (tsepan'skaya kul'tura)* [The Early Iron Age of the Northern Angara Area (Tsepan Culture)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo, 1993. 24 s.
10. Grevtsov, Yu.A. & Lysenko, D.N. (2013) Noveye materialy o drevnem metallurgicheskom proizvodstve v Severnom Priangare [New materials on the ancient metallurgical production in the Northern Angara region]. In: Karnaukhova, L. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredel'nykh territoriy* [Archaeological Research of Antiquities on the Lower Angara and Cross-border Regions]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey. pp. 187–196.
11. Mandryka, P.V. (2009) Vzaimovliyaniya narodov rannego zheleznoogo veka taygi i tundry Prieniseyskoy Sibiri [Interactions of the peoples in the early Iron Age of the Taiga and Tundra of the Yenisei Siberia]. In: Bagashev, A.N. (ed.) *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology]. Tyumen: Institute for Problems of Development of the North. pp. 84–87.
12. Mandryka, P.V. (2008) New Early Iron Age Culture in the Southern Taiga Zone of Central Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(35). pp. 68–76. (In Russian).
13. Mandryka, P.V. (2008) Kompleksy rannego zheleznoogo veka Eniseyskogo Priangarya [Complexes of Early Iron Age in the Yenisey Angara region]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 2. Moscow: IA RAS. pp. 162–164. (In Russian).
14. Mandryka, P.V. (2016) Kompleksy s keramikoy kamensko-makovskogo tipa na Enisee i ikh mesto v kulturogeneze taezhnoy zony Sredney Sibiri [Complexes with pottery of the Kamensk-Makovsky type on the Yenisei and their place in the culturogenesis of the Central Siberian taiga zone]. In: Mandryka, P.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 232–241.
15. Arkhipov, N.D. (1989) *Drevnie kul'tury Yakutii* [Ancient Cultures of Yakutia]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo.
16. Konstantinov, I.V. (1978) *Ranniy zheleznyy vek Yakutii* [The Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka.
17. Alekseev, A.N. (1996) *Drevnyaya Yakutiya. Zheleznyy vek i epokha srednevekov'ya* [Ancient Yakutia. The Iron Age and the Middle Ages]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Alekseev, A.N. (2013) Rannie kochevniki Yakutii [Early nomads of Yakutia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 10(5). pp. 62–69.
19. Stepanov, A.D. (2010) Dyupsinskoe pogrebenie rannego zheleznoogo veka v Tsentr'al'noy Yakutii [Early Iron Age Dyupsya Burial, Central Yakutia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(41). pp. 32–36.
20. Stepanov, A.D., Kuzmin, Ya.V. & Jull, E.J.T. (2014) New chronological data of Early Iron age in Yakutia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya, etnologiya, antropologiya – The Bulletin of Irkutsk State University*. 7. pp. 106–112. (In Russian).
21. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient History of the Middle Ob River in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Chindina, L.A. (1991) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relinskaya kul'tura)* [Ancient History of the Middle Ob Region in the early Middle Ages (Röhlin culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Zinyakov, N.M. (1997) *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe remeslo Zapadnoy Sibiri* [Ferrous Metallurgy and Blacksmith's Craft of Western Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
24. Kosarev, M.F. (1976) Geograficheskaya sreda i neravnomernost' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya raznykh rayonov Zapadnoy Sibiri v pervobytnuyu epokhu [Geographical environment and uneven socio-economic development of different regions of Western Siberia in the primitive epoch]. In: Kosarev, M.F. (ed.) *Voprosy arkheologii Priob'ya* [Archeology of Priobye]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 3–20.

УДК 902.01

DOI: 10.17223/19988613/49/9

Д.Ю. Рыбаков¹, Н.Ф. Степанова²

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ ПАМЯТНИКОВ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ИЗ ТОМСКОГО И НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (№ 8.1.41.2017),
в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

² Исследование выполнено в рамках Программы ФНИ государственных академий наук (Тема 100.2.1, проект № 0329-2014-0004 «Динамика этнокультурных процессов в Обь-Иртышском междуречье: от неолита до Средневековья»).

Представлены результаты технико-технологического анализа керамики четырех памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья. В Томском Приобье в IV–III вв. до н.э. – IV в. н.э. зафиксировано несколько аналогичных традиций в подготовке формовочных масс, среди которых выделяется основная (глина + дресва + органика). В Нарымском Приобье зафиксированы другие навыки в отборе исходного сырья и основной рецепт подготовки формовочных масс: глина + шамот + органика. Различные культурные традиции изготовления керамики в Томском и Нарымском Приобье связаны с разными группами населения.

Ключевые слова: Томское и Нарымское Приобье; ранний железный век; кулайская культурно-историческая общность; технико-технологический анализ; культурные контакты.

Впервые наиболее полная и развернутая характеристика кулайской культуры была дана в работах Л.А. Чиндиной. Выдвинутая ею концепция культурно-исторического развития Среднего Приобья эпохи железа получила широкое признание в профессиональном сообществе. Однако до сих пор существует множество нерешенных проблем, связанных с кулайским культурогенезом. Одной из актуальных в изучении кулайской культурно-исторической общности остается проблема взаимодействия населения. Особенно дискуссионным является вопрос о характере связей кулайцев с местным населением отдельных регионов кулайской культурно-исторической общности (кулайской КИО) и взаимодействия между различными ее локальными вариантами. В решении поставленных вопросов ключевую роль играет изучение глиняной посуды, являющейся индикатором этнокультурных процессов в древности.

Как правило, исследователями при анализе учитываются форма и орнаментация сосудов и визуально определяемые технологические приемы ее изготовления. Однако результаты исследования технологии изготовления керамики позволяют изучать вопросы взаимодействия населения, миграций, освоения новых территорий и многие другие. Это связано с тем, что навыки труда в гончарстве передаются контактным путем, как правило, между лицами, связанными родственными узами. Эмпирический характер знаний гончаров делал необходимым строго придерживаться постоянных правил работы с глиной, что неизбежно вело к консервации определенных приемов работы и сложению традиционных способов изготовления керамики. В то же время навыки труда остаются практически неизменными только в случаях, когда гончарные производства существуют внутри относительно замкнутых коллективов [1, 2].

Целенаправленное исследование керамики кулайской КИО в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, только начинается. В предлагаемой статье приводятся результаты технико-технологического анализа керамики с четырех памятников кулайской КИО. Три из них расположены в Томском Приобье на Нижней Томи (поселение Аникино I, городища Мурашка и Тимирязево III), один в восточном районе Нарымского Приобья – среднем течении р. Кети (городище Чонджа). Для керамики из Томского Приобья использовалась классификация, предложенная Д.Ю. Рыбаковым, которая включает 7 групп керамики [3].

Основная задача технико-технологического анализа сводилась к выявлению специфики культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). В рамках этого рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; 2) выявление местных и неместных культурных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; 3) признаки смешения этих традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались изломы и поверхности образцов. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливались степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, случаи использования одной или двух глин.

Городище Мурашка. Городище расположено на правом берегу устья р. Томи на правом берегу ее притока рч. Мурашки. Открыто в 2010 г. А.Е. Логиновой. Относится к типу мысовых с незамкнутой системой фортификации, состоящей из внутреннего вала и внешнего рва. Внутренняя площадка городища разделена на две части рвом. На обеих площадках городища прослеживаются 11 западин. В 2011 г. А.Е. Логиновой

исследованы 77 кв. м внутренней площадки памятника, а также часть системы фортификации [4. С. 272].

Особенностью городища Мурашка является наличие основного керамического комплекса, свойственного для томского локального варианта кулайской КИО (рис. 1, 1–4), и керамики, характерной для более северных территорий (рис. 1, 5, 6). Основная ее черта по морфологическим признакам – вогнутый венчик со скошенным внутрь уплощенным срезом, иногда с карнизиком. Ор-

наментирована такая керамика ямочным поясом и рядами гребенчатого штампа или зигзага, штампом утолчка. Число строк обычно от 4 до 7. Подобная керамика находит ближайшие аналогии в материалах Саровского городища, селища Малгет и других памятников и соответствует группам 7, 8 по классификации Л.А. Чиндиной [5. С. 58–78; 6. С. 92–93]. Данная керамика отнесена Л.А. Чиндиной к саровскому этапу кулайской культуры и датируется I в. до н.э. – IV в. н.э.

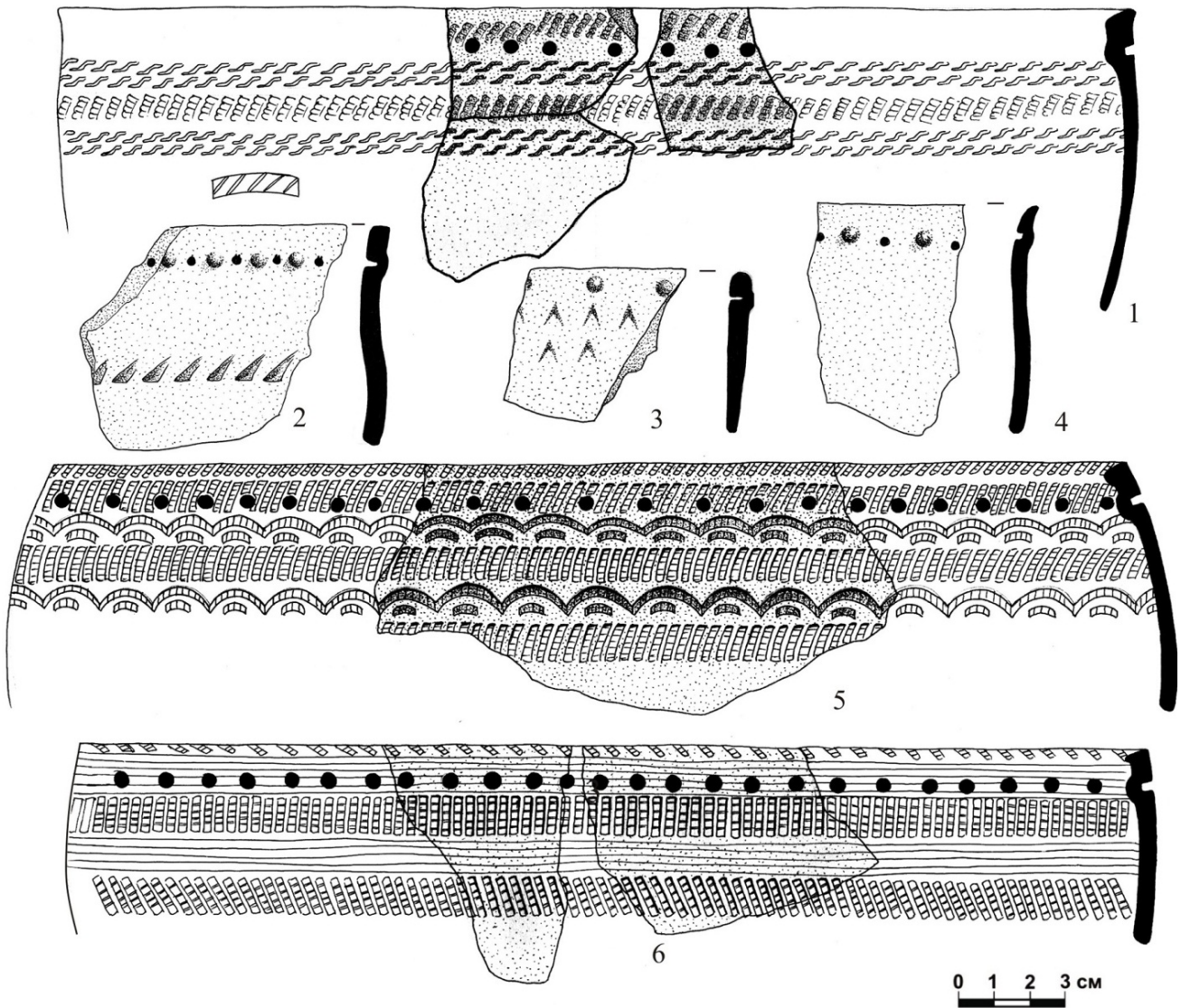

Рис. 1. Городище Мурашка: 1–4 – керамика томского локального варианта кулайской КИО (группа 1–4 по классификации Д.Ю. Рыбакова); 5, 6 – саровская керамика 7-й, 8-й групп по классификации Л.А. Чиндиной

Исследовано 24 образца от разных сосудов, разделенных на группы: саровская керамика групп 7, 8 (7 экз.) – по классификации Л.А. Чиндиной; группа 1 (12 экз.), группа 2 (1 экз.), группа 3 (1 экз.), группа 4 (3 экз.) – по классификации Д.Ю. Рыбакова.

Для изготовления керамики использовали преимущественно пластичное исходное сырье (87,5%), реже – средне- и низкопластичное (8,3 и 4,2%). Преобладает применение нежелезненного сырья – 54%, ожезненное составляет 46%, в том числе слабо- (33,5%), средне- (8,3%), сильноожезненное (4,2%). Бурый

железняк зафиксирован в 46% сосудов. По этим признакам между группами керамики имеются отличия. В частности, изделия из нежелезненного сырья преобладают во всех группах, кроме саровской (28,5%). Ожезненное ИС в саровской группе составляет 71,5%, в том числе слабоожезненное – 43%, сильно- и среднеожезненное – по 14,5%. Необходимо особо подчеркнуть, что единственный сосуд из сильноожезненного сырья на памятнике относится к саровской группе. Большинство сосудов, в ИС которых обнаружен бурый железняк, относится к группе 1.

В общей сложности выявлено 5 рецептов. Основной: глина + дресва + органика (84%). Остальные составляют по 4%.

Саровская группа: 1) глина + шамот + органика; 2) гож + гнож + дресва + шамот + органика.

Группа 1: 1) гож + гнож + дресва + органика; 2) глина + органика.

Один из этих рецептов (гож + гнож + дресва + шамот + органика) отражает смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей. Эти рецепты не характерны для памятника и, вероятно, изготовлены не местной группой гончаров (таблица).

В целом для керамического комплекса городища Мурашка необычны сосуды, изготовленные из низко- и среднепластичного, из сильно- и среднежелезненного

сырья. Для каждой группы керамики наблюдается использование нескольких залежей глин, что может быть связано с тем, что посуду изготавливали разные гончары и с освоением новых территорий. Смешение двух глин может отражать как освоение новых залежей, так и особые культурные традиции. В использовании минеральных примесей (добавление дробленого камня) выявляется устойчивая культурная традиция, в рамках которой выделяются сосуды с мелкой дресвой в формовочных массах. Такие признаки, как применение шамота, использование двух глин, отсутствие минеральных примесей в формовочных массах и наличие смешанных рецептов, фиксируют незначительный приток населения, для которого характерны другие традиции в подготовке формовочных масс.

Технические характеристики керамических комплексов памятников Томского и Нарымского Приобья

Техническая характеристика	Мурашка, %	Чонджа, %	Аникино I, %	Тимирязево III, %	Рюзаково, %
Пластичное	87,5	11	94	100	98
Среднепластичное	8,3	22	3	—	—
Низкопластичное	4,2	67	3	—	2
Сильножелезненное	4,2	22	—	—	—
Среднежелезненное	8,3	22	28,5	14	7
Слабожелезненное	33,5	22	23	43	7
Неожезненное	54	34	48,5	43	86
Бурый железняк	46	55,5	20	22	18
Г+Д+О	84	11	88	92	89
Г+Ш+О	4	56	—	—	4
Г+Гл сух+О	—	22	—	—	—
Гож+Гнож+Д+Ш+О	4	—	—	3	—
Гож+Гнож+Д+О	4	—	3	—	—
Г+Д+Ш+О	—	—	6	5	7
Г+О	4	11	3	—	—

Поселение Аникино I. Расположено на краю правобережной коренной террасы р. Томи в ее нижнем течении. Памятник открыт А.Д. Гаманом в 1980-х гг. В 1987 г. он зафиксировал 61 западину, одна из которых раскопана в 1992 г. З.М. Габдрахмановой. Городище относится к кулайской КИО и датируется III–IV вв. н.э. [7. С. 368].

Исследовано 35 фрагментов керамики от разных сосудов, которые разделены на группы: саровская керамика группы 8 (1 экз.) – по классификации Л.А. Чиндиной; группа 1 (13 экз.) (рис. 2, 1–4), группа 4 (14 экз.) (рис. 2, 5, 6), группа 7 (7 экз.) (рис. 2, 7) – по классификации Д.Ю. Рыбакова.

Для изготовления посуды в основном использовали пластичное сырье. Выделяются два сосуда из средне- и низкопластичного сырья (группа 1 и саровская керамика). Использование неожезненного и ожезненного сырья практически одинаково: 48,5 и 51,5%. Отличия наблюдаются в выборе ожезненного сырья. Так, большая часть изделий из среднежелезненного сырья выявлена в группе 1 (42%), относительно высок процент изделий из подобной глины в группе 7 (33%), из слабожелезненного – в группе 4 (40%). Исходное сы-

рье с БЖ встречается в 20% сосудов, выделяется группа 7, где таких сосудов до 33%.

Зафиксировано 4 рецепта. Основной: глина + дресва + органика (88%). Концентрация дресвы колеблется от 1:3 до 1:5, размер частиц обычно до 2–3 мм, но в трех сосудах размер частиц не превышает 1 мм. Рецепт глина + дресва + шамот + органика составляет 6%. Он выявлен в группах 4 и 7 и отражает смешение культурных традиций в использовании минеральных примесей как следствие контактов. Рецепт гож + гнож + дресва + органика (3%) зафиксирован в группе 4 и может быть связан как с традицией использования двух глин при подготовке формовочных масс, так и с освоением населением новых источников глин и территорий. Необычно для памятника использование низкопластичной глины, в которую добавляли только органику (глина + органика) (таблица).

В целом на поселении прослежены устойчивые традиции в выборе минеральных примесей при составлении формовочных масс и наличие нескольких традиций в использовании исходного сырья. Отмечается незначительное смешение культурных традиций, которые связаны с контактами населения.

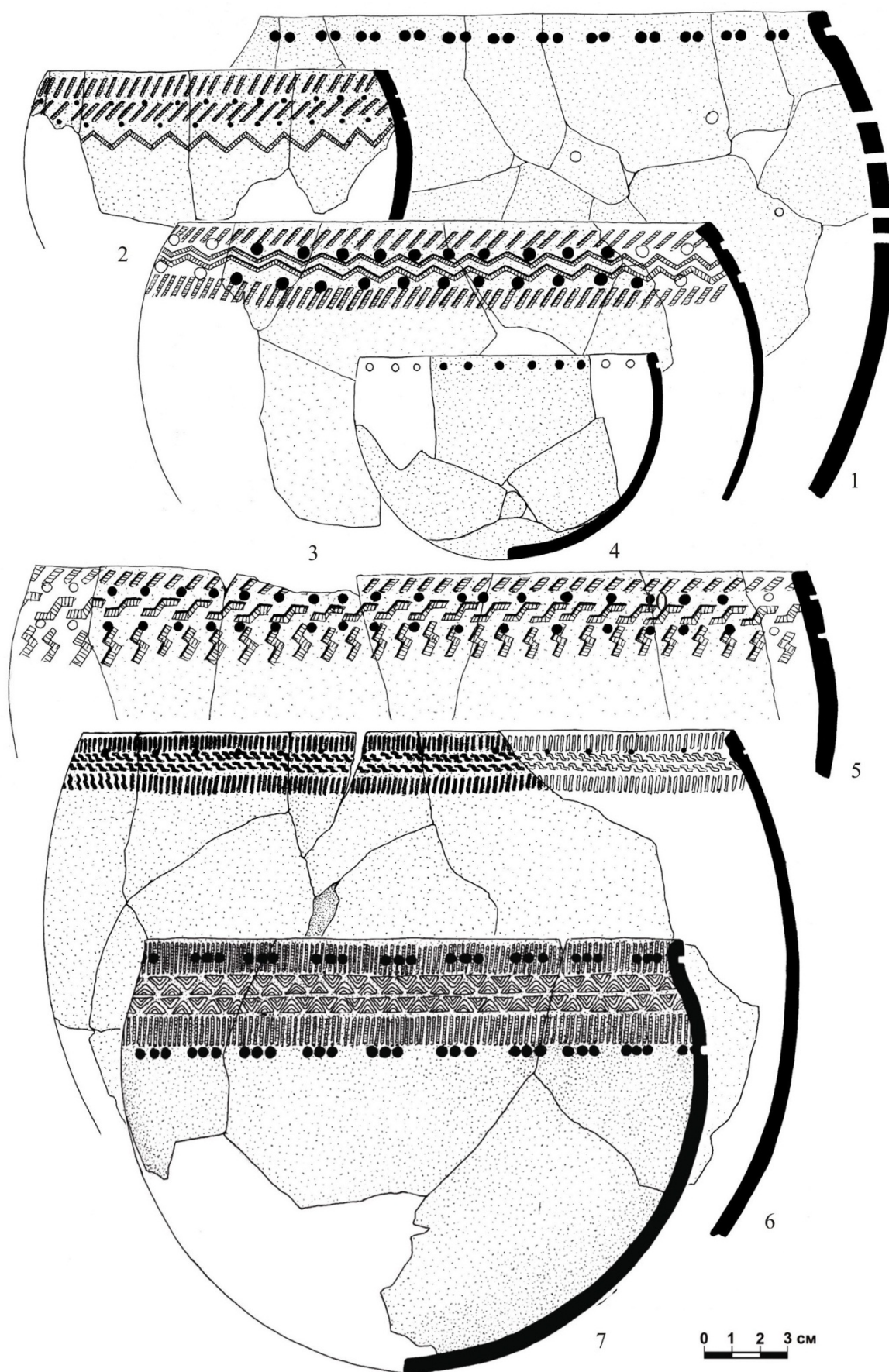

Рис. 2. Поселение Аникино I:
1–4 – группа 1; 5, 6 – группа 4; 7 – группа 7, по классификации Д.Ю. Рыбакова

Городище Тимирязево III. Расположено на краю левобережной коренной террасы р. Томи в ее нижнем течении. Памятник выявлен в 1954 г. В.И. Матющенко. В 1973 г. Л.М. Плетневой зафиксировано несколько линий обороны. На двух внутренних площадках отмечено 37 западин, четыре из которых были раскопаны. Городище отнесено к кулайской культуре и датировано IV–V вв. н.э. [8. С. 98]. В 2009 и 2013 гг. Д.Ю. Рыбаковым на внутренней площадке памятника раскопаны одна западина и часть системы фортификации. Всего исследовано 188 кв. м культурного слоя памятника. Уточнена хронология памятника: III–IV вв. н.э.

Проведен технико-технологический анализ 37 образцов, разделенных на четыре группы по классифика-

ции Д.Ю. Рыбакова [9]. Все сосуды на памятнике изготовлены из пластичного сырья, в том числе 57% изделий из ожелезненного сырья (слабоожелезненное – 43%, среднеожелезненное – 14%) и из неожелезненного 43%. Необычным для городища оказалось среднеожелезненное сырье. БЖ выявлен в 22% изделий. Сравнивая результаты исследований керамики по группам, необходимо отметить различие традиций в выборе исходного сырья: неожелезненное (67%) преобладает в группе 4 (рис. 3, 3), слабоожелезненное (71,5%) – в группе 1 (рис. 3, 1, 2), ожелезненное (61%), которое подразделяется на слабо- и среднеожелезненное, – в группе 7 (рис. 3, 4–7). В третьей группе один сосуд из среднеожелезненного сырья.

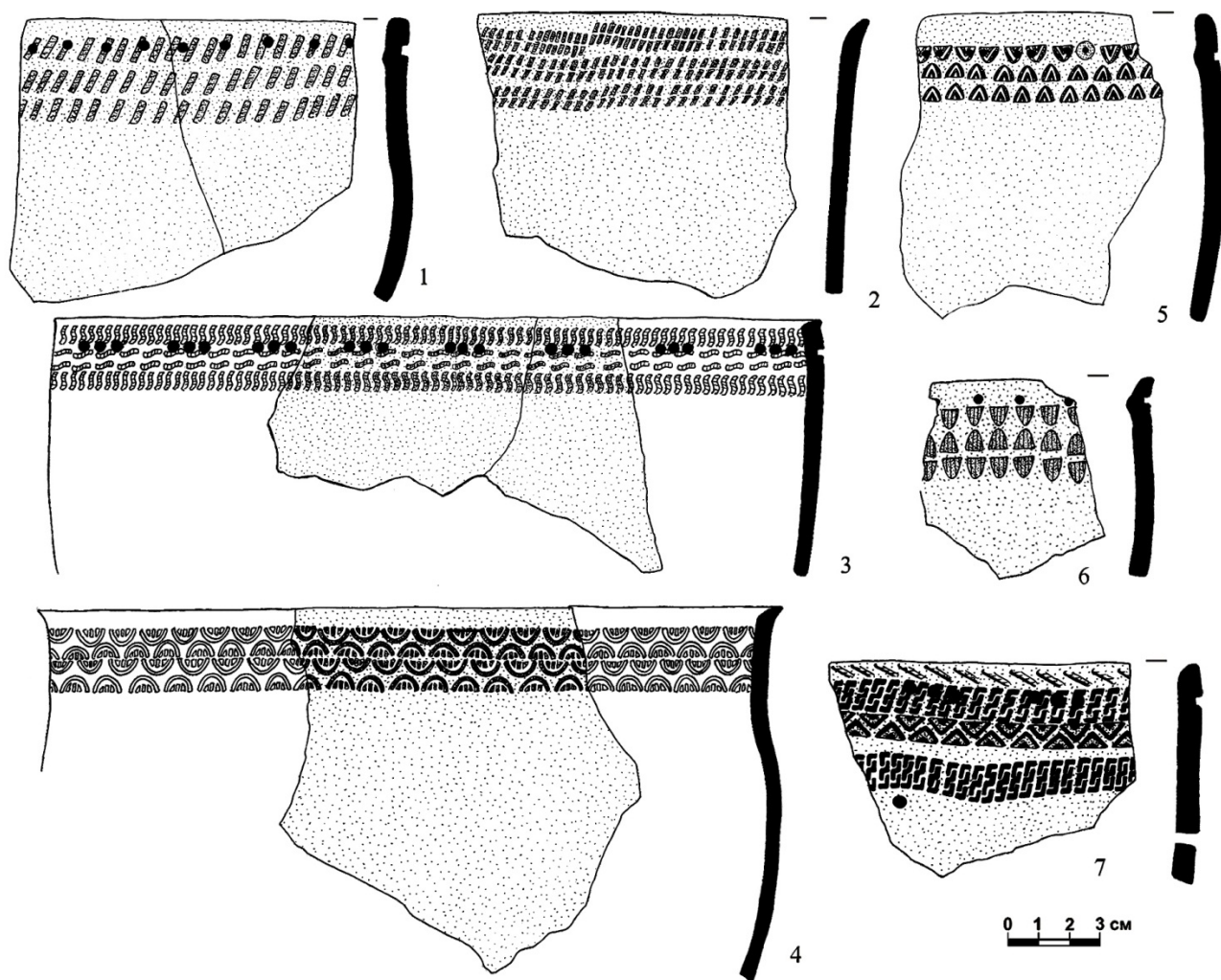

Рис. 3. Городище Тимирязево III:
1, 2 – группа 1; 3 – группа 4; 4–7 – группа 7, по классификации Д.Ю. Рыбакова

Зафиксировано три рецепта. Основной: глина + дресва + органика (92%). Различия сводятся к размерности и концентрации дресвы. Концентрация дресвы колеблется от 1:3–4 до 1:5. Выделяется 6 сосудов с добавлением только мелкой дресвы (до 1 мм). Выявлены необычные рецепты: глина + дресва + шамот + органика (группы 1 и 7); гож + гнож + дресва + шамот + органи-

ка (группа 7). В одном образце количество шамота минимально и может свидетельствовать об угасании традиции (см. таблицу).

Выделено 3 сосуда со смешанными рецептами (два в группе 7 и один в группе 1), которые отражают смешение культурных традиций вследствие взаимодействия населения через брачные контакты. Учитыв-

вая, что использование шамота не характерно для памятника, можно считать, что традиция его использования – неместная для городища Тимирязево III. В целом на памятнике зафиксировано незначительное смешение культурных традиций в подготовке формовочных масс.

Городище Чонджа. Расположено на материковом останце в левобережье среднего течения р. Кеть, недалеко от устья рч. Суйга. Система фортификации городища состоит из рва и внутреннего вала, которые дугообразно отсекают оконечность мыса. На внутренней

площадке фиксируются 6 западин. Памятник обнаружен Д.Ю. Рыбаковым в 2013 г. На городище вскрыто 16 кв. м [10].

Керамический комплекс отражает процесс взаимодействия, в рамках кулайской КИО, местного населения с керамикой карбинского типа и кулайского населения, предположительно из Причулымья. Проведен технико-технологический анализ 8 образцов, разделенных на две группы: первая группа (6 экз.) – керамика карбинского типа (рис. 4, 1–3), вторая (2 экз.) – керамика из Причулымья (рис. 4, 4).

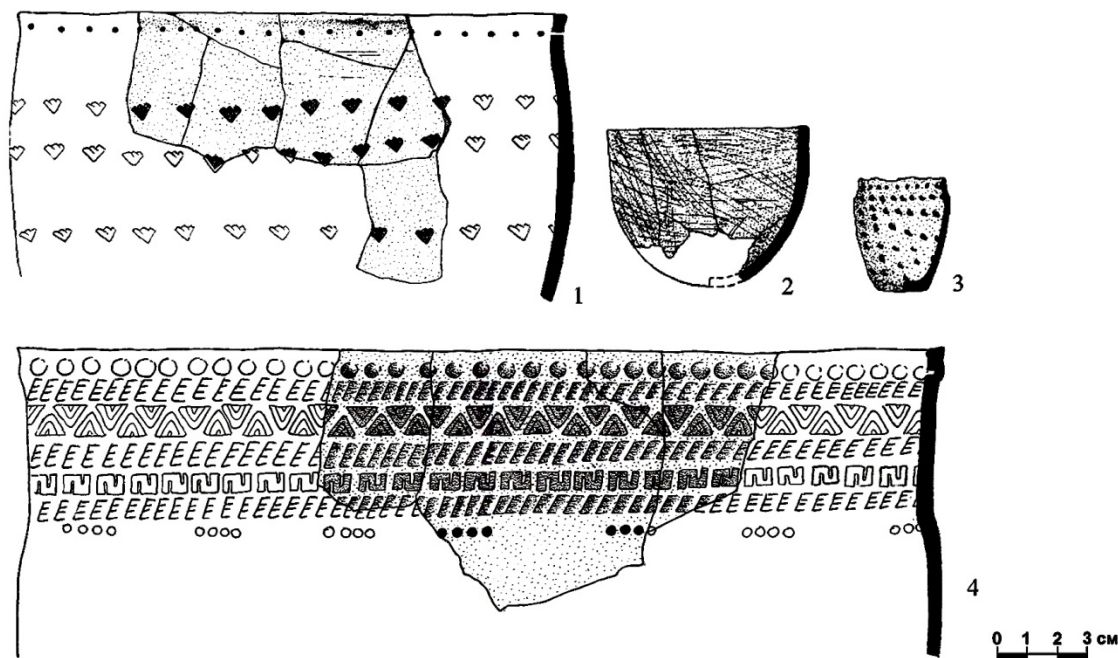

Рис. 4. Городище Чонджа: 1–3 – керамика карбинского типа; 4 – керамика из Причулымья

Для изготовления сосудов на городище Чонджа преимущественно использовалось низкопластичное сырье (67%), из среднепластичного и пластичного изготовлено соответственно 22 и 11% изделий. Исходное сырье разнообразно по ожелезненности: из нежелезненного изготовлено 34% изделий, из сильно-, средне-слабожелезненного – по 22%. Бурый железняк присутствует в 55,5% сосудов. Из других естественных примесей выявлен мелкий речной песок, как правило, диаметром до 0,5 мм, более крупный встречается крайне редко. Один сосуд выделяется наличием пылевидного песка. Кость рыбы отмечена в двух изделиях карбинского типа. Все сосуды изготовлены из сырья, полученного из разных источников.

Зафиксировано 4 рецепта. Основной: глина + шмот + органика (56%), а глина + глина сухая + органика (22%), глина + дресва + органика, глина + органика составляют по 11%. Шмот различается по размерности частиц (до 2–3 мм), концентрации (от 1:4 и меньше), в двух сосудах, один из которых васюганский, его количество минимально и, видимо, связано с угасанием традиции. В двух образцах шмот от разных сосудов, изготовленных из ожелезненного и нежелезненного сырья.

В целом для памятника характерно низкопластичное сырье (67%) и необычно пластичное (11%). Преобладают изделия из ожелезненной глины (66%). Основной рецепт: глина + шмот + органика. Рецепты глина + дресва + органика, глина + органика единичны и, по-видимому, являются неместными для памятника (см. таблицу).

Сравнивая результаты технико-технологического анализа керамики с пяти памятников кулайской КИО в Томском и Нарымском Приобье (поселение Аникино I, городища Мурашка и Тимирязево III, Рюзаковский комплекс памятников, городище Чонджа), удалось выявить целый ряд аналогичных традиций как в выборе исходного сырья, так и подготовке формовочных масс.

На всех памятниках зафиксировано использование нескольких источников исходного сырья, которые различаются по составу естественных примесей, а также по качественным характеристикам (ожелезненные и нежелезненные глины). Характерно использование пластичного сырья (от 87,5 до 100%). Особое место по этому показателю занимает коллекция городища Чонджа, где преобладает низкопластичное (67%) над пластичным (11%). Значительное место занимают изделия из неже-

лезненной глины – от 34 до 86%. Самый низкий показатель – на городище Чонджа, самый высокий – на Рюзаковском комплексе памятников [11]. На остальных памятниках этот показатель колеблется от 43 до 54%. Необходимо отметить, что очень мало изделий из сильноожеженного сырья: на городище Мурашка – 4,2% и на городище Чонджа – 22% (для серии высокий показатель). Сосудов из слабоожеженного сырья больше всего на городищах Тимирязево III (43%) и Мурашка (33,5%), а сосудов из среднеожеженного сырья – на поселении Аникино I и городище Чонджа.

На четырех памятниках основной рецепт глина + дресва + органика, а на городище Чонджа – глина + шамот + органика (см. таблицу). Последний рецепт, как исключение, зафиксирован на Рюзаковском комплексе памятников и городище Мурашка. На четырех памятниках выявлены смешанные рецепты: глина + дресва + шамот + органика и гож + гнож + дресва + шамот + органика, а также рецепты с двумя глинами (ож + нож). Эти рецепты хотя и составляют незначительное количество (от 2,5 до 6%), но выявлены на четырех из пяти памятников. Нельзя не отметить наличие на большинстве памятников и рецепта глина + органика (от 3 до 11%). Подчеркнем, что на всех памятниках, кроме городища Чонджа, выделяется небольшая серия сосудов, размерность частиц дресвы в которых не превышает

1 мм. Вероятнее всего, они изготовлены отдельной группой мастеров.

Подводя итог, отметим, что в Томском Приобье на всех четырех памятниках отмечаются аналогичные основные традиции в использовании сырья, составления формовочных масс. Фактически на всех в небольшом количестве отмечаются одни и те же редкие рецепты, например глина + органика, и выявлено незначительное количество смешанных рецептов, свидетельствующих о смешении культурных традиций. Как правило, разные навыки в изготовлении посуды свидетельствуют о разных группах гончаров. На основании полученных данных можно говорить об основной группе населения с аналогичными навыками в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс и нескольких небольших подгруппах его в составе, которые присутствовали, но не доминировали на изученных памятниках. Особо необходимо подчеркнуть, что по исходному сырью и формовочным массам значительно выделяется керамика с городища Чонджа, здесь отмечены культурные традиции, необычные для памятников Томского Приобья. Являются ли подобные различия характерными для всего Нарымского Приобья, пока сказать сложно. Необходимы дальнейшие технико-технологические исследования керамики с памятников данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во Самар. пед. ун-та, 1999. 232 с.
3. Рыбаков Д.Ю. Керамический комплекс поселения Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 11 (113). С. 87–94.
4. Рыбаков Д.Ю., Логинова А.В., Цурикова А.Ю. Новые данные о фортификации кулайских городищ // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 271–274.
5. Чиндина Л.А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 51–80.
6. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
7. Рыбаков Д.Ю. Взаимосвязь миграционных процессов и климатических изменений в раннем железном веке (на материалах Томского Приобья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. IV. С. 365–369.
8. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
9. Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 420–423.
10. Рыбаков Д.Ю. Городище Чонджа – памятник кулайской культурно-исторической общности в Прикетье // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 3 (13). С. 112–121.
11. Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 86–90.

Rybakov Dmitry Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ooo.sibarch@mail.ru; *Stepanova Nadezhda F.* Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: nstepanova10@mail.ru

THE RESULTS OF TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS OF THE KULAI CULTURAL-HISTORICAL COMMUNITY'S SITES FROM THE TOMSK AND NARYM OB REGION.

Keywords: the Tomsk and Narym Ob Region; the Early Iron Age; the Kulai cultural and historical community; technical and technological analysis; cultural contacts.

A large part of the West Siberian Plain was inhabited by the Kulai cultural and historical community's population from the sixth century B.C. to the fifth century A.D. One of the topical issues of the Kulai culture researching is cultural interaction among its certain local variations. Key importance to this issue is the study of the most widespread material – clay pottery, which is a sensitive indicator of ethnic and cultural processes in ancient times. The article presents the results of technical and technological analysis of ceramics from four sites of the Kulai culture in the Tomsk Ob region (Murashka settlement, the first century B.C. to the second century A.D.; Anikino I settlement, the third to the fourth centuries A.D.; and Timiryazev III hillfort, the third to the fourth centuries A.D.) as well as in the Narym Ob region (Chondzha hillfort). It also draws on the previously published data on ceramics from the Ryuzakovo complex (the late fourth to the second centuries B.C.). The research is aimed to identify specificities of cultural traditions at two stages of pottery production, that is, raw selection and pottery paste preparation. Our research tasks were to reveal cultural traditions used here to select raw materials and prepare pottery paste and to identify any local and non-local cultural traditions and signs of their intermingling. Our re-

search results showed that several raw sources that differ from one another in quality and quantity had been used at each of the sites. At the Tomsk Ob region sites (the fourth or third centuries B.C. to the fourth century A.D.) a few traditions of pottery paste preparation were identified, the major one consisted in the use of clay, grus (dresva), and organic matter. In the Murashka settlement along with this recipe there was another combination that is of using chamotte and two types of clay, and no mineral admixtures. The fact indicates there had been a slight influx of people from the northern territories. The materials from the Anikino I settlement and Timiryazevo III hillfort revealed an insignificant intermingling of cultural traditions associated with interaction among the people. We found the sustained traditions in mineral admixtures selection for pottery paste and distinguished a number of traditions in the use of raw materials for the Tomsk Ob region. Finally, the research revealed certain differences in the use of raw materials and pottery paste preparation in the Tomsk and Narym Ob regions. In the former, mainly clay, grus, and organic matter had been used, whereas in the latter the mixture had included clay, chamotte, and organic matter. Our research data indicated different cultural traditions of ceramics production in the two regions associated with different groups of population. In the Tomsk Ob region there were several small subgroups in a major group of population having similar skills of raw selection and pottery paste preparation.

REFERENCES

1. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy* [Pottery of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
2. Bobrinskiy, A.A. (1999) Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Bobrinskiy, A.A. (ed.) *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical Problems of Studying Ancient Pottery]. Samara: Samara State Pedagogical University.
3. Rybakov, D.Yu. (2011) Ceramic Complex of Settlement Rjuzakovo (Duchovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 11(113). pp. 87–94. (In Russian).
4. Rybakov, D.Yu., Loginova, A.V. & Tsurikova, A.Yu. (2013) Novye dannye o fortifikatsii kulayskikh gorodishch [New data on the Kulai fortifications]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 271–274.
5. Chindina, L.A. (1978) Sarovskoe gorodishche [The Sarov fortification]. In: Dremov, V.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of Archeology and Ethnography of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 51–80.
6. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza (kulayskaya kul'tura)* [Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age (The Kulai Culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Rybakov, D.Yu. (2014) Vzaimosvyaz' migratsionnykh protsessov i klimaticheskikh izmeneniy v rannem zheleznom veke (na materialakh Tomskogo Priob'ya) [Interrelation of migration processes and climate change in the early Iron Age (on materials of the Tomsk Ob River)]. In: Sitdikov, A.G. et al. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 4. Kazan: Otechestvo. pp. 365–369.
8. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob River in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Stepanova, N.F. & Rybakov, D.Yu. (2016) Pervye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki gorodishcha Timiryazevo III kulayskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [The first results of the technical and technological analysis of the ceramics of Timiryazevo ancient settlement of the III Kulai cultural-historical community]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 22. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 420–423.
10. Rybakov, D.Yu. (2016) Hillfort Chondzha – settlement Kulaika as cultural-historical community in the Ket region. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(13). pp. 112–121. (In Russian).
11. Rybakov, D.Yu. & Stepanova, N.F. (2013) Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulayskoy keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Dukhovoe) [Results of technical and technological analysis of Kulai ceramics of Ryuzakovo (Duhovoye) settlement complex]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(22). pp. 86–90.

УДК 903.53

DOI: 10.17223/19988613/49/10

А.А. Тишкин

РЕЗУЛЬТАТЫ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУРГАНОВ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней Древности и Средневековье: комплексная реконструкция»).*

В письменных китайских источниках имеются сведения о Жужанском каганате, который господствовал во Внутренней Азии со второй половины IV в. до поражения его от тюрков в середине VI в. При этом археологических данных об этой кочевой державе чрезвычайно мало. Такая ситуация обычно объясняется слабой изученностью древних памятников в Монголии. На Алтае раскопаны объекты, которые датируются жужанским временем. Среди них шесть курганов исследованы автором на памятнике Яломан-II. В ходе изучения материалов самыми важными стали многочисленные находки предметов вооружения и конского снаряжения, в том числе впервые обнаруженные деревянные основы жестких седел без стремян. Для их датирования в разных лабораториях получены абсолютные датировки, которые представлены в данной статье.

Ключевые слова: Алтай; курган; жужанское время; радиоуглеродное датирование.

Археологические исследования, осуществленные на территории Алтая в последней трети XX в. и первые десятилетия XXI в., позволили сформировать существенный объем сведений, которые отражают период истории, чаще всего обозначаемый как «гунно-сарматское время» [1. С. 150; 2. С. 3; 3. С. 158]. В результате заполнилась имевшаяся лакуна между археологически хорошо изученной пазырыкской культурой и тюркской общностью, известной еще и по письменным источникам [4, 5 и др.]. Интерпретация новых массовых материалов имела несколько подходов. Основным из них стало предложенное Ю.Т. Мамадаковым [6] выделение булан-кобинской археологической культуры [7]. Однако оно потребовало не только общих обоснований, но и более качественной проработки всех данных для понимания динамики развития данного явления.

В ходе формирования культурно-хронологической концепции для изучения древней и средневековой истории народов Алтая обозначилась необходимость синхронизации выделенных этапов обозначенной булан-кобинской культуры с известными событиями, отраженными в письменных свидетельствах [3. С. 158–184; 8. С. 160–161]. Изучение имевшихся материалов показало, что население Алтая со II в. до н.э. по V в. н.э. испытывало серьезное влияние трех кочевых империй, которые последовательно господствовали во Внутренней Азии: хуннской (сюннской), сяньбийской и жужанской. Данное обстоятельство потребовало корректировки такого не совсем адекватного обозначения, как «гунно-сарматское время» [3. С. 158; 9], а также более детально рассмотреть каждого обозначенного этапа.

Предтюркский период в истории Азии всегда привлекал внимание исследователей. Однако имевшиеся сведения и их разная культурно-хронологическая атрибуция сдерживали процесс адекватного понимания генезиса тюркской общности и начала тюркской государственно-

сти. Раскопки на Алтае археологических объектов жужанского (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) и раннетюркского (вторая половина V – первая половина VI в.) времени позволили положительно продвинуться в этом направлении [3. С. 185–197].

В 2003, 2007 и 2008 гг. под руководством автора статьи раскопаны шесть непо потревоженных курганов на памятнике Яломан-II [10, 11 и др.]. Они соотносятся с периодом существования Жужанского каганата, известного по китайским письменным источникам [5, 12–14 и др.]. Важность существенного количества материалов из раскопок указанного комплекса заключается в том, что археологических свидетельств о собственно жужанях крайне мало, что чаще всего объясняется слабой изученностью древних памятников на территории Монголии. Зафиксированные на Алтае предметы материальной культуры и данные о погребально-поминальной обрядности позволили приступить к реконструкции существовавшей тогда системы жизнеобеспечения [11]. Но для этого важно иметь подтвержденные хронологические показатели. Опираясь на типологические разработки и поиск датированных аналогий, удалось определить временные рамки и наполнить конкретным содержанием выделенный верх-уймонский этап (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) булан-кобинской археологической культуры [8. С. 161], обозначенный по изученному памятнику Верх-Уймон, который исследовался в верховьях Катунь [15]. Кроме него, выявлена довольно представительная группа курганов, раскопанных в разных районах Алтая [3. С. 286; 8. С. 161]. Второй подход базировался на радиоуглеродном датировании и получении абсолютных датировок. Это было обусловлено не только решением периодизационных задач, но и более детальным выяснением времени появления на Алтае тех или иных категорий предметов или отдельных изделий (культур-

но-хронологических индикаторов). Реализации такой программы способствовала имевшаяся масса вспомогательного научного материала органического происхождения и возможности изучения образцов в разных отечественных и зарубежных лабораториях.

Первые радиоуглеродные датировки (СОАН-4981, 5049) были получены по пробам, отобранным автором статьи в могилах 1 и 2 кургана № 33 поздней группы погребальных объектов памятника Яломан-II, которые, как уже отмечено, были отнесены на основе типологического анализа инвентаря к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры. Полученные показатели [3. С. 268–269] потребовали уточнений, так как они противоречили датировке исследованного археологического комплекса, существенно удревняя его. Имевшиеся данные могли свидетельствовать лишь о том, что могилы действительно сооружены позже объектов ранней группы, исследованных на памятнике Яломан-II и относящихся к хуннскому (сюннскому) времени [10, 11 и др.]. Для проверки и увеличения количества результатов в другие лаборатории было отправлено несколько образцов из курганов № 31–33, которые относятся к верх-уймонскому этапу булан-кобинской культуры. Полученные данные подробно опубликованы в одной из монографий автора [3. С. 262–277], поэтому здесь они представлены в обобщенном варианте.

Le-7432. Яломан-II. Курган № 33, могила-2. Кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1590 ± 100 лет. Суммированные калибровочные данные выглядят следующим образом: по 1δ (sigma) cal AD 361 (433) 598; по 2δ (sigma) cal AD 240 (433) 656.

GU-14925. Яломан-II. Курган № 31. Фрагмент роговой накладки на лук. Радиоуглеродный возраст – 1700 ± 35 лет. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) cal AD 260 (344, 370, 379) 406; по 2δ (sigma) cal AD 244 (344, 370, 379) 424.

GU-14920. Яломан-II. Курган № 32. Фрагмент роговой пряжки. Радиоуглеродный возраст – 1715 ± 35 лет. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) cal AD 258 (264, 272, 340) 390; по 2δ (sigma) cal AD 241 (264, 272, 340) 418.

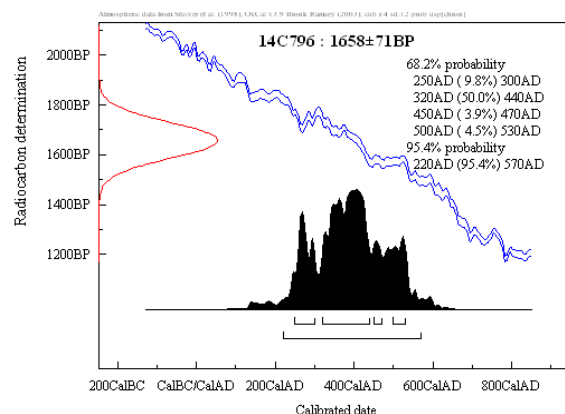
Le-7647. Яломан-II. Курган № 30. Радиоуглеродный возраст – 1620 ± 60 лет. Калибровочные данные: по 1δ (sigma) cal AD 387 (425) 534; по 2δ (sigma) cal AD 259 (425) 597.

Приводимые калибровочные показатели радиоуглеродных дат были тогда получены автором при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIO-CARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3). Результаты, зафиксированные независимо друг от друга в двух разных лабораториях, подтвердили датировку, обозначившуюся в ходе археологических исследований. Эту же тенденцию продемонстрировала и опубликованная серия калиброванных радиоуглеродных дат, полученная по костям из погребений памятника Верх-Уймон [16]. Такие данные оказались важны для изучения позднего этапа булан-кобинской культуры. Они

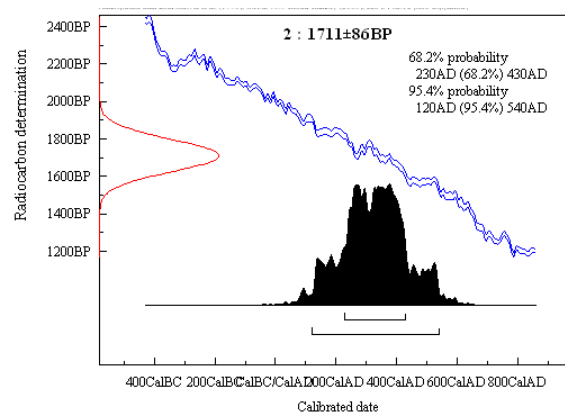
укладываются в рамки обозначенного верх-уймонского этапа и времени существования Жужанского каганата.

Работа по получению радиоуглеродных, а также и дендрохронологических датировок должна быть продолжена. Совсем недавно имеющиеся сведения пополнились новыми датами, которые были получены в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН (г. Томск). Радиоуглеродный анализ проведен жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus (Томский Центр коллективного пользования Сибирского отделения РАН). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарные показатели произведена с помощью программы OxCal 3 (аналитик – канд. техн. наук Г.В. Симонова).

ИМКЭС-14С796. Яломан-II. Курган № 29. Кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1658 ± 71 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 250–530 AD; по 2δ (sigma) (95,4%) 220–570 AD.

ИМКЭС-14С990. Яломан-II. Курган № 29. Кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1711 ± 86 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,2%) 230–430 AD; по 2δ (sigma) (95,4%) 120–540 AD.

Одной из важных задач реализуемой программы являлось выяснение датировок курганов, в которых были найдены деревянные основы жестких седел без стремян [11. С. 64–74. Рис. 84–90]. Для этого в лабораторию 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания) (14CHRONO Centre, Queens University,

Belfast) были отправлены шесть образцов из двух объектов (№ 29 и 33). В ходе проведенного AMS-датирования зафиксированы результаты, позволяющие не только решать часть имеющихся проблем, но и наметить дальнейшие пути для эффективных исторических реконструкций. Приводимые калибровочные показатели получены при использовании специальной программы (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM CALIB REV7.0.0).

UBA-31066. Яломан-II. Курган № 29. Фрагмент ткани от футляра колчана. Радиоуглеродный возраст – 1680 ± 24 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 345–396 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 262–277 (0.050), 328–416 (0.950).

UBA-31067. Яломан-II. Курган № 29. Фрагмент древесины от основы седла. Радиоуглеродный возраст – 1692 ± 29 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 269–270 (0.020), 332–396 (0.980); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 256–299 (0.174), 318–413 (0.826).

UBA-31068. Яломан-II. Курган № 29. Фрагмент кожи от уздечного ремня. Радиоуглеродный возраст – 1944 ± 30 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 20–85 (1.000); по 2δ (sigma) (95,4%) cal BC 20–12 (0.015), 1– cal AD 127 (0.985).

UBA-31069. Яломан-II. Курган № 29. Фрагмент древка стрелы. Радиоуглеродный возраст – 1711 ± 29 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 260–279 (0.232), 325–385 (0.768); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 252–308 (0.336), 310–395 (0.664).

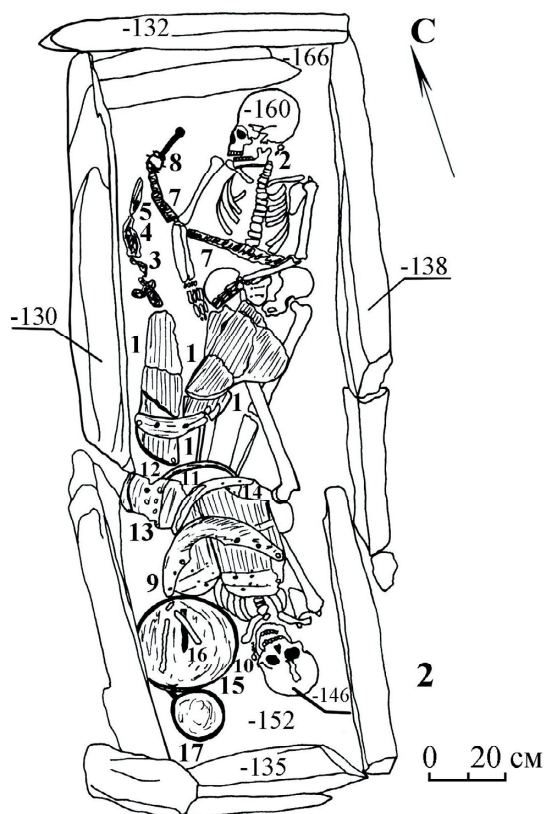
UBA-31070. Яломан-II. Курган № 29. Фрагмент древесины от пенала. Радиоуглеродный возраст – 1810 ± 32 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal AD 139–198 (0.595), 206–242 (0.405); по 2δ (sigma) (95,4%) cal AD 127–259 (0.890), 280–325 (0.110).

UBA-31071. Яломан-II. Курган № 33, могила-1. Фрагмент древесины от основы седла. Радиоуглеродный возраст – 2042 ± 30 . Калибровочные данные: по 1δ (sigma) (68,3%) cal BC 92–67 (0.248), 64 – cal AD 2 (0.752); по 2δ (sigma) (95,4%) cal BC 163–129 (0.085), 120 – cal AD 25 (0.914), cal AD 44–45 (0.001).

Представленные результаты и серия предыдущих радиоуглеродных датировок позволяют уточнить хронологию появления и бытования обнаруженных предметов и объектов. Наличие таких дат создает основу для дальнейшего эффективного проведения дендрохронологических исследований на основе многочисленных находок из древесины в курганах памятника Яломан-II [11]. Данному обстоятельству способствует компактная планиграфия могильника, судя по которой самым ранним из раскопанных объектов является курган № 29. К нему в относительно короткий срок были пристроены другие [Там же. Рис. 7, 55], в том числе курган № 33 (рис. 1), где обнаружена хорошо сохранившаяся деревянная основа жесткого седла без стремян (рис. 2). Полученные абсолютные датировки позволяют заключить, что яломанский тип седла появился и использовался раньше так называемого древнетюркского и может быть датирован второй половиной IV – началом V в. н.э.

1

2

Рис. 1. Яломан-II. Курган № 33. Могила-1 (по: [11. Рис. 81])

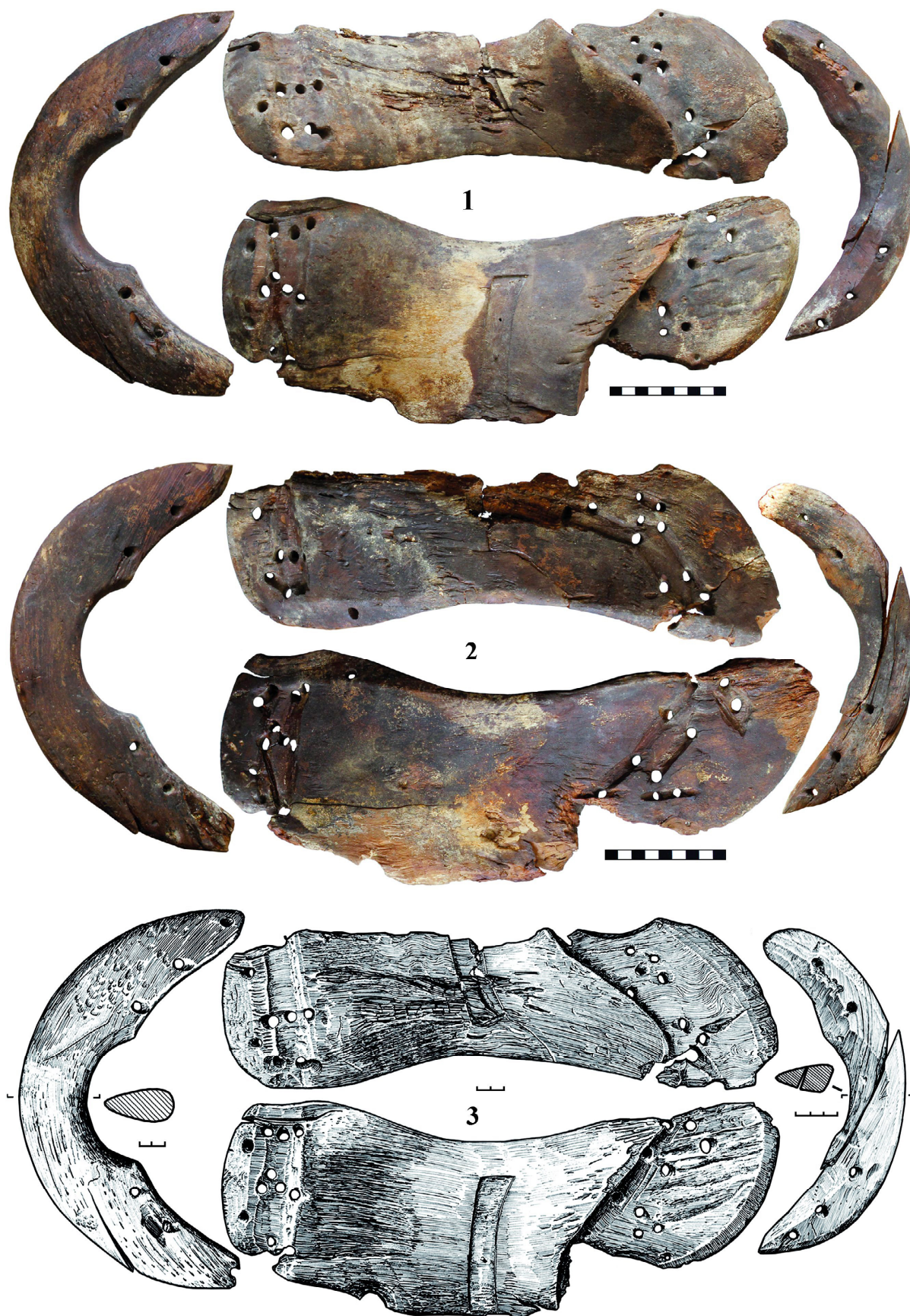

Рис. 2. Яломан-П. Курган № 33. Могила-1. Полный комплект деревянной основы жесткого седла (полки и луки):
 1 – лицевая сторона деталей деревянной основы жесткого седла;
 2 – оборотная сторона деталей деревянной основы жесткого седла; 3 – графические иллюстрации
 (по: [11. Рис. 84])

Таким образом, полученная аналитическая база по хронологии рассмотренных объектов создает основу для более детального анализа всех находок предтюркского периода, обнаруженных на памятнике Яломан-II. Необ-

ходимо продолжить работу по системному AMS-датированию и проведению дендрохронологических исследований, что будет способствовать решению комплекса культурно-хронологических и исторических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2002. 204 с. : ил.
2. Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2003. 160 с.
3. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
4. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
5. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).
6. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
7. Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Алтая: краткая история изучения и современное содержание // Культура как система в историческом контексте : Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 294–297.
8. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с. + вкл.
9. Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.
10. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.
11. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в.н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с. : ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).
12. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток : Дальнаука, 1994. 410 с.
13. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Вост. лит., 1997. 319 с.
14. Крадин Н.Н. Общественный строй Жужаньского каганата // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. С. 80–94.
15. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск : РИО ГАГПИ, 1992. 116 с.
16. Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 169–171.

Tishkin Alexey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru

THE RESULTS OF THE RADIOCARBON DATING OF THE BURIAL MOUNDS OF THE ZHUZHAN TIMES OF THE YALOMAN-II MONUMENT (CENTRAL ALTAI).

Keywords: Altai; mound; Zhuzhan time; radiocarbon dating.

Information about the Zhuzhans Kaganate which dominated in Inner Asia from the second half of the 4th century A.D. till the defeat of the Turks in the middle of the 6th century is found in Chinese written sources. At the same time, there are very few archaeological materials about this nomadic state. This state of affairs is usually explained by the poor knowledge of the monuments of the pre-Türkic period on the territory of Mongolia. Ancient objects dating from the Zhuzhan time are excavated in Altai. Among them, the Yaloman-II funeral complex is of particular importance. It was studied under the guidance of the author of the article during several field seasons in the first decade of the 21st century. Of the six unrestored barrows, a significant number of finds were found in various items of material culture, reflecting individual spheres of the existing life support system. Complexes of weapons and military equipment were consistently introduced into scientific circulation. They served as the initial basis for determining the chronological framework for the construction of excavated burials. The existing analogies and the typological analysis of the surviving products, as well as the undertaken radiocarbon dating allowed us to fill with a specific content the highlighted late (Upper-Uimon) stage of the Boulogne-Cuban archaeological culture. The most unexpected and important finds on the Yaloman-II monument were the discovered parts of the wooden foundations of hard saddles without stirrups. To determine the time of their creation and use, as well as to determine the chronology of the total number of burial mounds, most of which are related to each other, six samples were sent to the 14XRONO laboratory of the Center for Climate, Environment and Chronology Studies of Queen's University of Belfast (Great Britain) Objects (Nos. 29 and 33). In the course of the AMS-dating, results were obtained that allow not only solving part of the tasks set, but also outlining of further ways for effective historical reconstructions. Demonstration and analysis of a series of radiocarbon dating obtained in different laboratories, as well as comparing them with the results of a traditional archaeological approach in determining the chronology of archaeological objects, were the main goals of the scientific work presented in the article. The presence of initial absolute dates is also necessary for carrying out dendro-chronological studies on the basis of numerous finds made of wood. In addition, it was possible to build a chronological scheme for the construction of funerary objects on the Yaloman-II monumen (Altai), which gave a significant number of findings in the pre-Türkic period. It is necessary to continue the work on the systematic production of radiocarbon dates and their calibrated values within the framework of the Zhuzhan period. As the practice of modern research shows, the presence of AMS-dating results allows more accurate determining of the chronological range of excavated burials. This also applies to the considered barrows which at the present stage can be referred to the end of the 4th - beginning of the 5th century.

REFERENCES

1. Savinov, D.G. (2002) *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya (arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenez)* [Early Nomads of the Upper Yenisei (Archaeological Cultures and Culturogenesis)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Coenov, V.I. (2003) *Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisanie, sistematika, analiz)* [Archaeological Monuments of the Altai Mountains of the Hunno-Sarmatian Epoch (Description, Systematics, Analysis)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.

3. Tishkin, A.A. (2007) *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya* [Periodisation and Cultural and Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul: Altai State University.
4. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Era]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Mamadakov, Yu.T. (1990) *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.* [Culture of the Population of Central Altai in the early 1st millennium AD]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
7. Tishkin, A.A. (2010) Bulan-kobinskaya kul'tura Altaya: kratkaya istoriya izucheniya i sovremennoe sodержanie [Bulan-Kobin culture of Altai: A short history of study and contemporary content]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a System in the Historical Context: Experience of the West Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 294–297.
8. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2005) *Kompleks pamyatnikov v doline r. Biyke (Gornyy Altay)* [A Complex of Monuments in the Valley of the River Biyka (Mountainous Altai)]. Barnaul: Altai State University.
9. Tishkin, A.A. (2004) O neobkhodimosti mezhdistiplinarnogo izucheniya materialov gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaya [On the need for an interdisciplinary study of the Hunno-Sarmatian period in Gorny Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Complex Studies of Eurasian Ancient and Traditional Societies]. Barnaul: Altai State University. pp. 296–300.
10. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2003) Issledovaniya pogrebal'no-pominal'nykh pamyatnikov kochevnikov v Tsentral'nom Altae [The studies of nomadic burial monuments in the Central Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 9(1). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 488–493.
11. Tishkin, A.A. & Mylnikov, V.P. (2016) *Derevoobrabotka na Altaye vo II v. do n.e. – V v.n.e. (po materialam pamyatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I)* [Woodworking in the Altai in the 2nd century BC – 5th century AD (based on the material of Yaloman-II and Bosch-Tuu-I monuments of)]. Barnaul: Altai State University.
12. Vorobyev, M.V. (1994) *Man'chzhuriya i Vostochnaya Vnutrennyaya Mongoliya (s drevneyshikh vremen do IX v. vkhlyuchitel'no)* [Manchuria and Eastern Inner Mongolia (From Ancient Times to the 9th Century)]. Vladivostok: Dal'nauka.
13. Kychanov, E.I. (1997) *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic States From the Huns to the Manchus]. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Kradin, N.N. (2000) Obshchestvennyy stroy Zhuzhan'skogo kaganata [Public structure of the Zhuzhan Kaganate]. In: Kradin, N.N., Krupnyanko, A.A. & Sovasteev, V.V. (eds) *Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka: k 70-letiyu E.V. Shavkunova* [History and Archeology of the Far East: To the 70th Anniversary of E.V. Shavkunov]. Vladivostok: Far East State University. pp. 80–94.
15. Soenov, V.I. & Ebel, A.V. (1992) *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni* [Hunno-Sarmatian Mounds on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Pedagogical University.
16. Soenov, V.I., Trifanova, S.V., Vdovina, T.A. & Cherepanov, M.A. (2005) Raskopki pogrebeniy gunno-sarmatskoy epokhi na mogil'nikе Verkh-Uymon v 2003–2004 gg. [Excavations of Hunno-Sarmatian burials on the Verkh-Uymon burial ground in 2003–2004]. In: Kubrina, G.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Preservation and Study of the Altai Cultural Heritage]. Issue 14. Barnaul: Altai State University. pp. 169–171.

Г.Г. Король

**РЕАЛИСТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ-«ЛИЧИНЫ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПОРТРЕТ ИЛИ СИМВОЛ***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-01-00306 (а)).*

Рассмотрены образы-«личины» на предметах торевтики малых форм рубежа I–II тыс. из регионов их концентрации в Центральной Азии: Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Выявлены особенности иконографии образов. Для Саяно-Алтая характерна «портретность» изображений, по которой можно предположительно судить об антропологических типах лиц. Для Тянь-Шаня отмечен процесс придания изображениям, имеющим аналогии из Саяно-Алтая, устрашающих деталей, превращающих «портретные» образы в звероподобные лики. На основе возможного смыслового содержания образов-«личин» сделан вывод об их символичности, связанной с мировоззрением средневековых кочевников.

Ключевые слова: Центральная Азия; Средневековье; торевтика малых форм; образы-«личины»; семантика.

На рубеже I–II тыс. в декоративно-прикладном искусстве кочевников Центральной Азии (в широком понимании термина) и их соседей, представленном торевтикой малых форм (преимущественно украшения снаряжения всадника и коня), интересны антропоморфные образы-«личины»: относительно реалистичные; условные, стилизованные, иногда териоантропоморфные. Изделия представлены подвесками в форме человеческих лиц, есть и изображения (иногда в сочетании с растительным орнаментом) на бляхах других форм. Универсальность мотива маски-личины, его существование на всем Западе со времен Античности и встречаемость с характерной всеобщностью в искусстве Азии всех эпох хорошо известны. Это подтверждают и многочисленные археологические находки. Для региона Центральной Азии наибольшая концентрация находок подобных предметов отмечена в Саяно-Алтае, а также в Чуйской долине Тянь-Шаня.

На обширной территории Саяно-Алтая в конце I тыс. н.э. проживали многочисленные племенные группы тюркской этнической общности, соседствовавшие с потомками более древнего аборигенного населения (угро-самодийские, тунгусо-манчжурские племена). Это был огромный этнически разнородный массив, который, по мнению специалистов, в антропологическом отношении был относительно однородным [1. С. 21]. Со временем возвышения Кыргызского каганата (с середины IX в.), усиления этнополитического объединения западных соседей кыргызов – кимаков – совпадают становление и расцвет, широкое распространение на этой территории наиболее яркого образца евразийского стиля в искусстве – так называемого степного орнаментализма. В декоре торевтики малых форм преобладает растительный тип, незначительное число представлено зооморфными и антропоморфными изображениями. К последним относятся и «личины».

Одна из упомянутых выше группа личин – стилизованные, схематизированные личины, в том числе те-

риоантропоморфные. Они разнообразны и наиболее многочисленны [2. Рис. 22]. Необходимо отметить, что средневековые жители Саяно-Алтая, особенно Минусинской котловины на Среднем Енисее, жили в окружении памятников древних эпох, среди них – каменные окуневские изваяния с антропоморфными личинами эпохи бронзы. Можно предположить, что появление в Средневековье миниатюрных личин другой иконографии на другом материале [3], передающих образ индуистской, буддийской и тибетской мифологии – Киртимукхи, имело благоприятную почву для адекватного восприятия. Средневековые новации были продолжением традиции почитания антропоморфных личин населением края.

Другая группа личин – антропоморфные образы, передающие портретные черты лица человека, характерны именно для Саяно-Алтая. Рассмотрим их подробнее. По разработанной ранее типологии они составляют группы 2–4 [2. Рис. 22]. Одна из них (рис. 1, 1–10, 24) представлена подвесками (группа 3) с рельефными портретными изображениями человеческих лиц преимущественно со смешанными европеоидно-монголоидными чертами. Большинство имеют детально разработанные усы, бороду (иногда что-то одно); прическу или головной убор. Одна личина (рис. 1, 8) – безусая и безбородая, с 8-образными выступами под ушами (серьги?). Другая (рис. 1, 10) – с усатым лицом, пухлыми губами с четко прорисованной выемкой верхней губы. Это сплошная тяжелая (свинцовая?) подвеска, возможно, служившая матрицей для отливки бронзовых накладок. Особый интерес представляет матрица (материал не ясен). Изображенному на ней лицу (рис. 1, 5), правда, очень «затертому» и сглаженному, по типу (европеоидное с выделенными скулами) и ряду иконографических деталей (вплоть до чуть неровной линии спинки носа) очень близки две практически идентичные подвески из разных регионов Саяно-Алтая: Минусинской котловины Среднего Енисея (рис. 1, 4, 24 – рисунок и фото одного предмета) и северных предгорий Алтая.

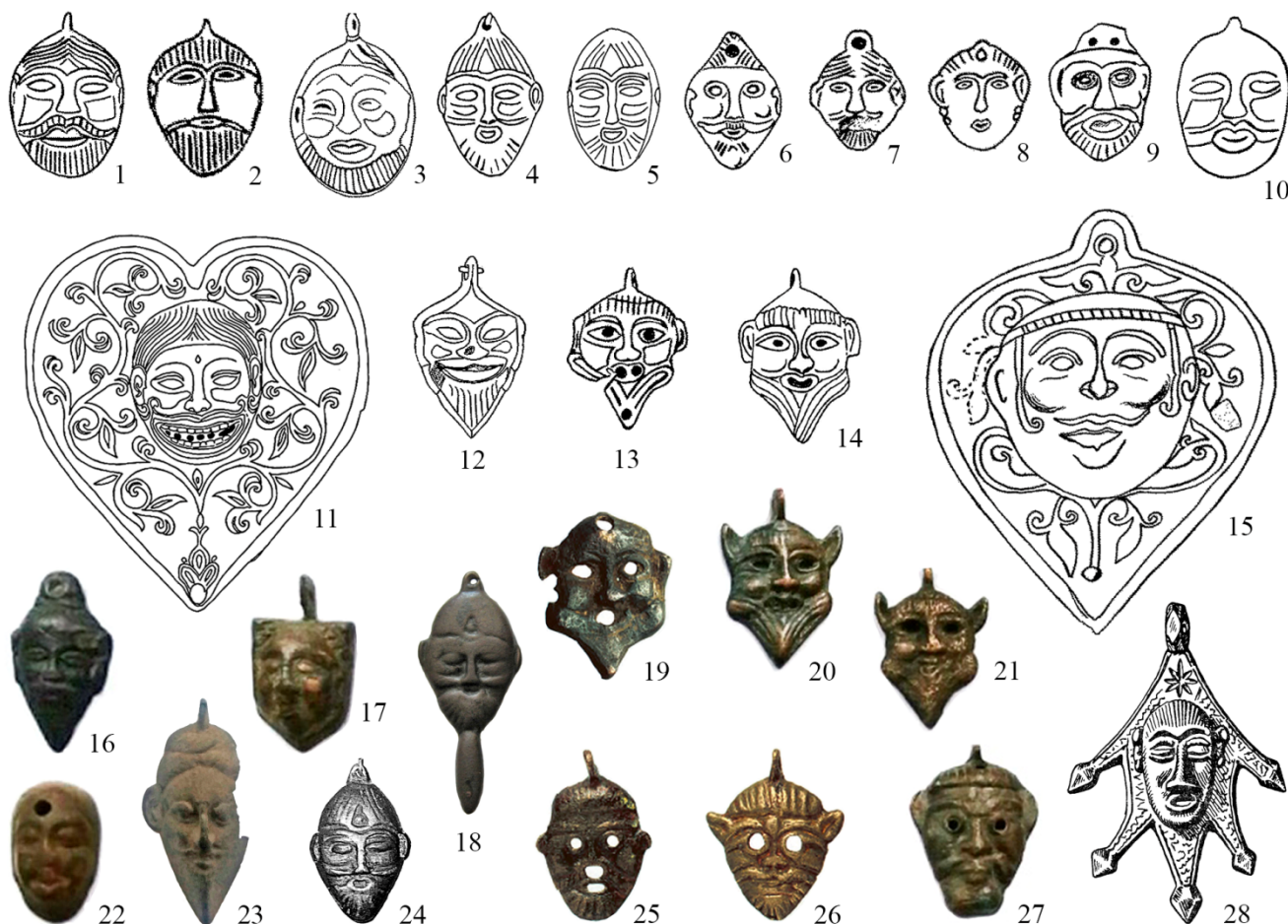

Рис. 1. Средневековые портретные личины из Саяно-Алтая (1–15, 24), Тянь-Шаня (16–23, 25–27) и этнографическая аналогия (28)

Это уникальные случаи находок матриц для отливки изделий на данной территории. В целом облик личин этой группы, в том числе тщательная разработка названных выше деталей, наиболее близок к личинам на сердцевидных бляхах (группа 2). Личины на этих бляхах с растительным декором рассматриваются как антропоморфные, условно портретные (см. рис. 1, 11, 15).

Личины группы 4 (см. рис. 1, 12–14) происходят из одного региона Саяно-Алтая – Минусинской котловины. Их можно охарактеризовать также как портретные, с деталями, близкими к изображениям предыдущей группы (борода, прическа). Но лица эти большеглазые, в одном случае – с подчеркнуто наклонно расположенными глазами, напоминающие портреты согдийцев, с выступающими округлыми щеками. У всех – характерные клинообразные бородки. Сравнительным материалом могут служить раннесредневековые согдийские терракоты, среди которых есть и так называемые местные персонажи, и изображения тюркского типа [4. С. 262, 297, 310]. Существует мнение, что в Средневековье был типологический шаблон (миндалевидные глаза, брови вразлет, нос с широкими крыльями), в соответствии с которым художники изображали воинов тюркского происхождения. В конце I тыс. н.э. усы и борода демонстрировали социальный статус мужчины.

Бритые лица были характерны для гуламов – профессиональных воинов тюркского происхождения в армиях мусульманского Востока [5. С. 134].

Исходя из особенностей личин и опираясь на палеоантропологический и современный материал [2. С. 108–112], можно предположить, что среди личин представлен преимущественно южносибирский тип (современные народы Алтая и Хакасии). Экземпляры с клиновидными бородками (см. рис. 1, 12–14) предположительно можно связать с памиро-ферганским антропологическим типом, характерным для ираноязычного и тюркоязычного населения Средней Азии. Несмотря на различия и возможное отнесение личин к разным антропологическим типам, у них много общего в стилистике изображения лиц. Основные типы личин характерны для населения Саяно-Алтайского нагорья как современного, так, вероятно, и средневекового.

Из Чуйской долины Тянь-Шаня (преимущественно Краснореченского городища, основанного согдийцами) происходят подвески-личины и изображения личин на ременных украшениях [6. Рис. 33, 34, 37, 133; 7. Рис. 1] с хорошо читающимися портретными особенностями лиц (см. рис. 1, 16, 17, 19, 22. Фото: А.М. Камышев). Некоторые из них (в первую очередь широколицые с выделенными скулами, с клиновидными бородками)

имеют сходство с подобными личинами из Саяно-Алтая (см. рис. 1, 19, ср. с 13, 14; другой вид сходных личин см. рис. 1, 10, 22). Интерес представляет находка (рис. 1, 18 по: [8. Рис. 3, 7]) из отвалов «археологической зоны» средневекового города Баласагун (городище Бурана) в Чуйской долине, изначально согдийской колонии, а с середины X в. — столицы созданного тюрками государства Караханидов. Данная подвеска по своему уникальна, хотя и имеет чрезвычайно близкие аналогии с самим лицом (ср. с рис. 1, 4, 24). Она вмещает в себе детали двух саяно-алтайских групп, выделенных автором ранее: группы 3, о которой шла речь выше, и группы 6 [2. С. 104–106. Рис. 22, 25] — условных изображений лиц на подвесках, имеющих характерный длинный выступ-«бороду» (?), который можно видеть на каменных древнетюркских изваяниях и в раннесредневековой терракоте Средней Азии.

Помимо Саяно-Алтая личины с выступом-«бородой» известны в лесостепном Причулымье, северной прилегающей к Саяно-Алтаю территории. Кроме того, находки бронзовых личин совершенно иной стилистики, чем саяно-алтайские (шире центрально-азиатские), но также с выступом-«бородой», нередко в средневековых памятниках Омского Прииртышья [9. Рис. 239, 242], зафиксированы в этнографических комплексах и случайных сборах на севере Западной Сибири [10. Рис. 145, 150]. Отметим, что среди последних имеется пряжка с изображением личины местного облика [Там же. Рис. 327]. Сам принцип использования поверхности подобного предмета идентичен практике раннесредневековых тюрков [2. С. 258, 326. Рис. 22, 26].

Возвращаясь к личинам с портретными чертами, происходящими из Тянь-Шаня, отметим не имеющую аналогий случайную находку из района оз. Иссык-Куль — подвеску, на которой видим узкое лицо без выделенных скул, крупные, чуть миндалевидные глаза, усы и узкую клиновидную бороду, видимо, чалму на голове (см. рис. 1, 23. Фото: А.М. Камышев). (Показательно, что нашедший подвеску местный житель не может пока с ней расстаться и передать в музей, так как знакомые и родственники утверждают, что лицо на подвеске — его портрет.) Для нас это интересно также с точки зрения точности передачи черт лица средневековым мастером. Антропологический тип жителя современной Киргизии определенно можно соотнести со средневековым.

Особенностью собрания подвесок-личин из Чуйской долины (преимущественно с Краснореченского городища и его округи) можно считать наличие личин монстров со звериными заостренными ушками, созданных не только по образцам портретных личин, но иногда просто идентичных им. Такие экземпляры совершенно не известны по материалам Саяно-Алтая и прилегающих территорий. К примеру, интересно сравнить саяно-алтайские подвески-личины (см. рис. 1, 12–14) и краснореченские (см. рис. 1, 19–21), некоторые из них, казалось бы, сделаны по одним образцам. Первые изготовлены на более высоком уровне мастерства, а вторые не только

худшего качества, но и имеют детали, свидетельствующие и о другой смысловой основе этих изображений (см. рис. 1, 20, 21). Эти детали — не только звериные ушки, мало сочетающиеся с портретной личиной, но намеренное придание лицам устрашающего вида: большие отверстия на месте глаз, рта, иногда носа. Можно даже проследить, как подвергались изменению портретные личины: экземпляры без звериных ушек, но с намеренно проделанными отверстиями (см. рис. 1, 19, 25, 27); экземпляры с ушками и без нарочито круглых крупных отверстий на месте глаз, рта (см. рис. 1, 20, 21); экземпляры со всеми перечисленными особенностями (см. рис. 1, 26). Таким образом, можно констатировать, что типологически сходные с портретными некоторые личины из Чуйской долины имеют черты, не позволяющие видеть в них портретные изображения.

Возникает вопрос о смысловой основе подобных образов. Коллектив авторов [7] в работе, посвященной тенгрианству как мировоззрению (вере) и форме жизненного существования тюрко-монгольских кочевников евразийских степей, рассматривает много его аспектов. В специальном разделе об основных принципах тенгрианства (мировоззрение, экология, гармония с природой) внимание уделено погребально-поминальной традиции, связанной с поклонением духам предков. В качестве образца художественного (материального) воплощения подобных представлений приводятся некоторые из рассмотренных выше личин [Там же. Рис. 1]. Они соотнесены не только с духами предков, но и с духами-покровителями элементов природы: гор, рек, деревьев, земли.

Почему помимо портретных образов наблюдается придание устрашающего вида и звероподобности личинам, которые в оригинале были определенно «портретами», остается неясным. Можно размышлять на эту тему, учитывая особенности формирования средневековых городов на этой территории, потоки переселенцев из Согда в раннем Средневековье, симбиоз с кочевым населением, совместное проживание представителей разных религий, а также формирование со второй половины X в. государства Караханидов, первой тюркской династии, принявшей ислам. На данном этапе можно лишь констатировать, что по тем или иным причинам «портретные» личины, имевшие некий свой смысл, стали носителями другой смысловой основы. Они стали символами другого порядка.

Возвращаясь к портретным личинам Саяно-Алтая, отметим упомянутые выше личины в обрамлении растительного декора на крупных сердцевидных бляхах (см. рис. 1, 11, 15). Помимо явно устрашающего оскала на одном варианте собирательного портрета имеется и другой вариант — абсолютно миролюбивое лицо с характерными антропологическими и этническими (?) особенностями.

На этих предметах личины усилены растительными декоративными элементами. Это подчеркивает глубокий смысл назначения рассматриваемых декорирован-

ных предметов, деталей ременной гарнитуры коня и всадника, – придавать их носителю (всаднику с конем) помимо защиты дополнительную жизненную энергию. Наделение подобных украшений охранительными, придающими силу и стойкость, а также благопожелательными функциями представляется их главным смысловым содержанием. Здесь следует вспомнить понятие *qut* (кут), связанное в культурных традициях народов тюркоязычного мира и его соседей, а также в древнетюркском языке с понятиями «дух, душа, жизненная сила, благо, благодать, достоинство, величие и т.д.» [11. С. 109, 110]. Е.А. Алексеев в работе об этнокультурных аспектах шаманства у кетов [12. Рис. 4], рассматривая кетское кут, в качестве иллюстрации приводит редкий культовый предмет – бронзовую подвеску с личиной в центре (см. рис. 1, 28). Заметим, что личина при некоторой условности тоже «портретная»: с особенностями типа лица, прически, в ушах – воз-

можно, серьги (ср. с рис. 1, 8). Но это скорее обобщенный образ-символ.

С этим же смысловым аспектом, а также династическим и, возможно, религиозным можно связывать уникальные наборы с «портретами» (рис. 2, 1) на деталях поясных наборов из памятников конца I – начала II тыс.: Хойцегорского могильника в Южном Забайкалье и могильника Октябрьский в Кузнецкой котловине Саяно-Алтая. Возможно, религиозный смысл композиций: фигуры с характерными головными уборами, иногда в коронах, со сложенными у груди руками, сопровождающие главного персонажа, подчеркивал верховенство его власти, данной небесами. Такая интерпретация, созвучная мировоззренческим основам тюркостанов, была бы вполне понятна тюркскому воину, хотя и выполнена композиция в традициях инородной мифологической или религиозной основы другой культуры [13].

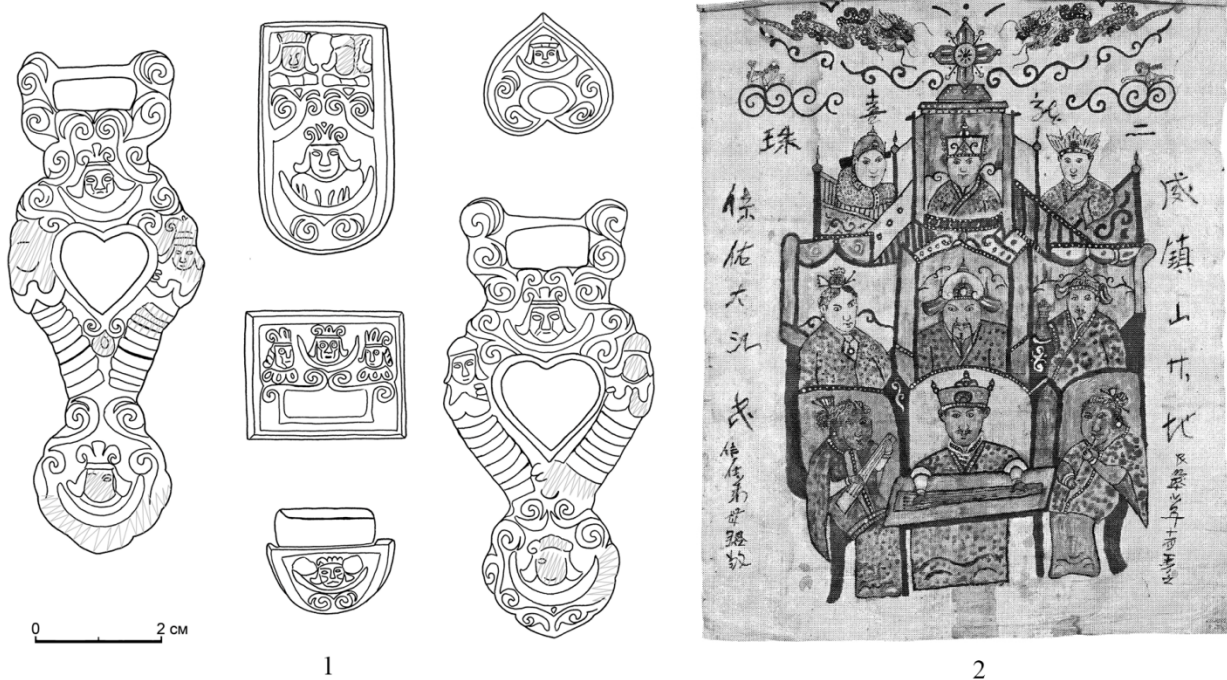

Рис. 2. «Хойцегорский портрет» X в. из Южного Забайкалья (1) и «саола» (вместилище родовых духов) нанайского шамана М.Т. Оника, 1970-е гг. (2)

В качестве сходного алгоритма заимствований ино-родных средств выражения собственных воззрений, который представляется универсальным, приведем этнографический материал с Нижнего Амура [14, 15]. Среди предметов традиционного культа нанайцев в рамках шаманизма есть шаманские «иконы» (*мио*) – нарисованные на бумаге или ткани изображения богов-покровителей нанайских родов. Внешне это подражание китайским бумажным иконам (*мё*), которые привозили из Маньчжурии. Но в исполнении шамана и одновременно хорошего художника они приобретали особый смысл, представляя родовых богов (см. рис. 2, 2 по: [15. Рис. 9]).

Заметим некоторое сходство размещения персонажей рядами в несколько ярусов с композицией на хой-

цегорских украшениях. Одиночные изображения на них, возможно, как-то входили в общую семантику всего «сюжета» поясного набора, составленного из отдельных бляшек. В данном случае набор известных нам типов изображений слишком ограничен, чтобы судить более обоснованно о смысле общего «сюжета». Его размещение на, видимо, парадном, судя по качеству и нарядности украшений (хойцегорские изготовлены из «золотой» латуни), поясе, которым воин мог быть награжден, также подчеркивает иерархию власти любого уровня (не обязательно высшего) и саму идею власти как данность свыше.

Итак, реалистичные образы-«личины» в средневековой Центральной Азии, представленные на предме-

тах торевтики малых форм рубежа I–II тыс., сконцентрированы в регионах Саяно-Алтая и Чуйской долины Тянь-Шаня. В Саяно-Алтае преобладают предметы с настолько реалистичными изображениями, что по ним даже можно судить об антропологических типах средневековых жителей региона и сопредельных территорий (с пониманием того, что сопоставление условно). В Чуйской долине Тянь-Шаня представлены предметы, отражающие специфический процесс преобразования «портретов» в звероподобные личины. Причины такой метаморфозы требуют специального изучения.

Даже определенно портретные изображения, скорее всего, были не просто портретами реальных персон, а собирательными образами, символами. Популярность

подобных предметов, как и других ременных украшений этой эпохи с разнообразным растительным и зооморфным декором, в среде тюркоязычного населения (прежде всего воинов) и их соседей была связана с особой смысловой значимостью украшений коня и всадника. Питательной средой такой популярности можно считать мировоззренческие основы средневековой культуры кочевников, связанные с традиционными верованиями, обычаями и обрядами. Эти основы имели глубокие корни, уходящие к древнему тотемизму, культу предков и природных сил. Придание особому декору, в том числе портретным личинам, защитных, охранительных и благопожелательных функций делало его важным культурным элементом эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск : Наука, 1988. С. 3–21.
2. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Москва ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. (Труды Сиб. Асс. исследователей первобытного искусства. Вып. V). 332 с.
3. Конькова Л.В., Король Г.Г. Опыт комплексного исследования набора средневековых ременных украшений из Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 89–96.
4. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе : Дониш, 1989. 324 с.
5. Ахмедов С.А., Джафаров Э.Б. Изображения на средневековой керамике как источник по военному делу (находки из Азербайджана) // Российская археология. 2005. № 3. С. 133–140.
6. Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). Алматы : Ғылым, 2007. 304 с.
7. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Терновая Г.А. Тенгрианство // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 121–153.
8. Король Г.Г. К вопросу о средневековой торевтике малых форм в Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2014. № 7 (19). С. 202–215.
9. Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск : Наука, 2009. 466 с.
10. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
11. Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значения и этимология) // Советская этнография. 1973. № 5. С. 108–113.
12. Алексеенко Е.А. Этнокультурные аспекты изучения шаманства у кетов // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л. : Наука, 1984. С. 50–73.
13. Король Г.Г. «Хойцегорский портрет» рубежа I–II тыс. н.э. и манихейство в Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. I. С. 81–99.
14. Мельникова Т.В. Мио, хранящее от бед // Словесница Искусств. 2004. № 2 (14). С. 10–13.
15. Дмитриева Т.Н. Изображения шаманских духов в фондах ГМИР (к вопросу о природе архаического изображения) // Образ и архетип в традициях архаики: Ритуально-мифологический контекст и семантика (Теория и методология архаики. Вып. IX). СПб. : Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» РАН, 2016. С. 78–93.

Korol Galina G. Institute of Archaeology of RAS (Moscow, Russia). E-mail: ggkorol08@rambler.ru

REALISTIC IMAGES-"MASKS" IN MEDIEVAL CENTRAL ASIA: PORTRAIT OR SYMBOL.

Keywords: Central Asia; the Middle Ages; toreutics of small forms; images-"masks"; semantics.

The paper aims to study the group of medieval toreutics of small forms – realistic images from the regions of Central Asia (in the broad sense of the term) as the phenomenon of art and culture of the Turkic-speaking nomads and their neighbors. The attention is paid to the place of this kind of objects in the system of spiritual and world outlook views of the owners of such ornaments. The research sources are the non-ferrous metal items (mainly belt ornaments of horses and horsemen) of the end of the 1st – beginning of the 2nd millennia AD, which have a shape or a decor in the form of realistic images. The specificity of the topic assumes a comprehensive approach to study of the main source. Therefore, in addition to systematization, analysis of iconography, some ethnographic materials were used. Pendants shaped as human faces and face images on small toreutics pieces are concentrated in two large Central Asia regions: the Sayan and Altai Mountains (Sayan-Altai) and the Chui valley of the Tien Shan. The latter is known for the concentration of medieval hillforts. Main finds of the region are concentrated in Krasnorechenskoye. Materials from the Sayan-Altai are mainly represented by objects from burials and random finds. They are characterized as a “portrait”. It allows judging not only about the image’ features, yet even about their anthropological type. The latter is comparable both with paleoanthropological and modern materials (Fig. 1, 1–15, 24). For the Tien Shan materials, which have a regional identity of “portrait” images (Fig. 1, 16–19, 22, 23, 27), that have analogies from the Sayan-Altai, a significant peculiarity is revealed. Intimidating features been given to the realistic “portraits”, that turned them into terioanthropomorphic masks (Fig. 1, 20, 21). The reasons for this require special study. The semantics of such images had a different basis than realistic ones. In both cases the anthropomorphic images had their semantics. Realistic were not just portraits, but represented generalizing images related to the world outlook and spiritual views of the regions’ population. The objects that adorned the horse and horseman in the first place were always given special meaning. This is evidenced by ethnographic materials. Pictorial “plots” could have a religious content (Fig. 2). The masks of a terrifying look had a deterrent and guarding function. Realistic faces’ images could contain not only a “spirit” of some person, but also a generalized type with the distinctive properties of strength, courage, etc.; but also of a tribal kind and ancestors. They were semantically endowed with the power of an entire kind according to the traditional beliefs of shamanism. They had guarding functions as well as were the conjuring of well-being (victory, life) to warriors and others.

REFERENCES

1. Alekseev, V.P. & Mamonova, N.N. (1988) Paleoantropologicheskie materialy poslednikh vekov do nashey ery i tyurkskogo vremeni s territorii Severo-Zapadnogo Altaya [Paleoanthropological materials of the last centuries BC and Turkic time from the territory of the North-West Altai]. In: Alekseev, V.P. (ed.) *Paleoantropologiya i arkhologiya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri* [Paleoanthropology and Archeology of Western and Southern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. C. 3–21.
2. Korol, G.G. (2008) *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [The Art of Medieval Eurasian Nomads]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Konkova, L.V. & Korol, G.G. (2007) Opyt kompleksnogo issledovaniya nabora srednevekovykh remennykh ukrasheniy iz Sayano-Altaya [A complex study of a set of medieval belt ornaments from the Sayano-Altai]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Issue 3. Barnaul: Altai State University. pp. 89–96.
4. Meshkeris, V.A. (1989) *Sogdiyskaya terrakota* [Sogdian terracotta]. Dushanbe: Donish.
5. Akhmedov, S.A. & Dzhaferov, E.B. (2005) Izobrazheniya na srednevekovoy keramike kak istochnik po voennomu delu (nakhodki iz Azerbaydzhana) [Images on medieval ceramics as a source on military affairs (finds from Azerbaijan)]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 133–140.
6. Baypakov, K.M., Ternovaya, G.A. & Goryacheva, V.D. (2007) *Khudozhestvennyy metall gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII v.)* [Metal Art of the Krasnaya Rechka Ancient Settlement (the 6th – early 13th centuries)]. Almaty: Fylym.
7. Baypakov, K.M., Voyakin, D.A. & Ternovaya, G.A. (2016) Tengrianstvo [Tengrianism]. In: Khaidarov, T.F. et al. *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney)* [Cultural Heritage of Eurasia (From Ancient Times To the Present)]. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology. pp. 121–153.
8. Korol, G.G. (2014) K voprosu o srednevekovoy toreutike mal'nykh form v Tsentral'noy Azii [On medieval toreutics of small forms in Central Asia]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. 7(19). pp. 202–215.
9. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirytsh'e v rannem i razvitoem Srednevekov'e* [Omsk Priirytshye in the Early and Developed Middle Ages]. Omsk: Nauka.
10. Baulo, A.V. (2011) *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient Bronze from Ethnographic Complexes and Random Collections]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Baskakov, N.A. (1973) Dusha v drevnikh verovaniyakh tyurkov Altaya (terminy, ikh znacheniya i etimologiya) [Soul in the ancient beliefs of the Altai Turks (terms, their meanings and etymology)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 108–113.
12. Alekseenko, E.A. (1984) Etnokul'turnye aspekty izucheniya shamanstva u ketov [Ethno-cultural aspects of studying shamanism in the Kets]. In: Taksami, Ch.M. (ed.) *Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri* [Ethnocultural Contacts of Siberian People]. Leningrad: Nauka. pp. 50–73.
13. Korol, G.G. (2007) “Khoitsegorskiy portret” rubezha I–II tys. n.e. i manikheystvo v Tsentral'noy Azii [The “Khoitsegorsky portrait” of the boundary of the 1st–2nd centuries AD and Manichaeism in Central Asia]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldviews of the population in Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Issue 7. Barnaul: Azbuka. pp. 81–99.
14. Melnikova, T.V. (2004) Mio, khranyashchee ot bed [Mio, keeping from misfortunes]. *Slovesnitsa Iskusstv*. 2(14). pp. 10–13.
15. Dmitrieva, T.N. (2016) Izobrazheniya shamanskikh dukhov v fondakh GMIR (k voprosu o prirode arkhaiskogo izobrazheniya) [Images of shamanic spirits in the funds of the State Museum of Religion History (to the question of the nature of the archaic image)]. In: Albedil, M.F. & Savinov, D.G. (eds) *Obraz i arkhetyp v traditsiyakh arkhai: Ritual'no-mifologicheskii kontekst i semantika* [Image and Archetype in the Archaic Traditions: Ritual and Mythological Context and Semantics]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography. pp. 78–93.

Л.А. Беляев

АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Статья выполнена в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки»_0176-2014-0007Э.

Дан краткий обзор современного состояния исторической археологии в России и предложена возможная стратегия ее развития. Стратегия состоит в использовании огромной массы собранных за последнюю четверть века материалов XVI–XVIII вв. путем сравнительного анализа в постоянно расширяющемся пространстве. Такой подход позволит оценить элементы единства и различия в разных концах Северной Евразии эпохи Московского царства и ранней Империи, а также сравнить их с предшествующим периодом в Центральной России и в областях к востоку от Урала. Демонстрируются имеющиеся примеры такого анализа на материалах материальной культуры (изразцы, элементы погребальной традиции, одежда и обувь). Указываются направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: историческая археология позднего Средневековья и география России; сравнительный анализ; погребальные комплексы Нового времени; изразцы.

Людмила Александровна Чиндина – автор работ по археологии очень широкого хронологического спектра, объединенных одним регионом Сибири – Средним Приобьем, Омской и Томской областями. Специалист по эпохе раннего железа и этнической истории самодийских этносов, она естественно перешла от анализа раннего этногенеза к изучению его взаимодействия с русскими, расширив границу исследования вплоть до Нового времени. Ею же, в сущности, инициированы и работы на молодом пока направлении «русской археологии», где Томский университет сформировал один из самых активных коллективов – лабораторию (под руководством М.П. Черной), целенаправленно занятую исследованием памятников XVI–XIX вв. Полагаю, что проблемы, поднимаемые в данной статье, будут интересны ученым из семьи Чиндиных.

«Эпиграфом» к анализу послужит попавшая мне в руки в 1990-х гг. неизвестная и ранее не публиковавшаяся акварель, на которой изображен, согласно подписи, Мариинский пост на реке Амур в 1855 г. (рис. 1). Был назван и автор – некто Н. Медведев. Изображение трудно было назвать шедевром графики, но в нем были свежесть и стремление к топографической информативности, особенно присущие наивным рисункам с натуры. Медведев, безусловно, владел некоторыми профессиональными навыками. На листе подробно выписан берег реки с полузатопленной баржей, служащей опорой мостков; на берегу – четыре бревенчатые избы (в отдалении еще несколько) и три белые палатки, возле которых беседуют двое в военной форме. Над домами – флаг на шесте, а несколько деревьев выстроены в ряд по одну сторону спуска к реке. У берега стоит большая барка с уютными занавесками на широких, явно не корабельных, окнах; ее палуба окружена балюстрадой и полностью перекрыта большим полотняным навесом. Здесь не место останавливаться на раскрытии обстоятельств появления на свет акварели (они связаны с перипетиями Амурской экспедиции: походом Г.И. Невельского, тремя «сплавками» по Амуру Н.Н. Муравьева и его переговорами с китайскими чиновниками, проходившими именно в 1855 г. в Мариинском посту и подготовившими почву для Айгунского трактата

1858 г.), а также на личной судьбе автора рисунка, офицера Медведева из отряда Муравьева) – этому следует посвятить специальное исследование¹.

Данная акварель – пример счастливой добычи для археолога Нового времени, поскольку это идеальный образец для комплексного анализа. Ее дата укладывается в современные представления об исторической археологии, в сюжете достаточно предметной составляющей, а источники позволяют связать изображенное со значимыми событиями в истории русского освоения пространства Евразии. Более того, в ходе исследования в поле зрения оказываются и другие поселения на Амуре, более известные как памятники археологии, прежде всего Албазинский острог.

Пример показывает, что как область практической работы, археология Московского периода и Нового времени (или «историческая археология») возникла в России гораздо раньше, чем была осознана в качестве особого направления, не только достойного соседствовать с традиционными разделами науки, но и особенно важного для страны. Можно сказать, что в XXI в. оно стремительно развернулось, набрав массу материала, которая ежегодно возрастает в невиданной прогрессии, причем его представимый объем практически неограничен. В итоге сегодня особенно актуальными для этой области являются постановка задач для анализа, выработка проблематики – так сказать, научная политика. Ведь пока направление в стадии становления, мы вольны предлагать ту или иную стратегию исследований (обзоры и предлагаемые варианты дальнейшего развития см.: [1–8]).

Ученые, занятые в новой области, работают сегодня достаточно разобщенно, и это вызвано не традиционными причинами удаленности центров или отсутствием интереса к материалу соседей. Совершенно наоборот – интерес очень велик, и привычная для археолога радость / удивление от узнавания собственного материала в чужих коллекциях (знаменитая модель «у нас такое тоже есть!») здесь, пожалуй, особенно сильна. Но площадей для изучения много до чрезмерности, объекты по характеру исключительно разнообразны, а материал из слоев идет, буквально, потоком.

Рис. 1. Медведев Н. «Мариинский пост на реке Амур». 1855 г. Бумага, акварель. Собрание автора

У исследователей катастрофически не хватает времени и сил на осмысление эпохи в масштабе субконтинента или его больших зон, да и любая сравнительная работа крайне затруднена. Для этого недостаточно дискуссий на археолого-этнографических конференциях, активно проводимых в Сибири («Культура русских в археологических исследованиях», «Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция», «Интеграция археологических и этнографических исследований») и в Центральной России (Тульская ежегодная конференция по изучению позднего города; отводящие значительную часть времени на работу с материалами исторической археологии «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья», «Археология Подмоскovie» и др.; материалы съезда в Казани).

Наиболее выраженные приемы интерпретации – привычное мышление одним памятником (если не одним раскопом) и не менее привычная разработка изделий по типам и материалам (также в пределах довольно узкой зоны). Внутри этих методик выделяются примеры, когда, не покидая привычных рамок, но формируя в их пространстве все более сложную конструкцию, удается составить достаточно обширную и способную к саморазвитию картину. С одной стороны, в список таких исключений можно, хотя бы отчасти, внести огромную Москву с прилегающими землями ее древне-

го княжества; а также Санкт-Петербург (явно стремящийся сформировать особую по структуре исследовательскую модель, в которой древние и древнейшие памятники образовали единый узел проблем с исследованием Нового и даже Новейшего времени, которое достигало уже до первых лет после революции 1917 г.).

С другой стороны, в области вещеведения наметились границы разделов, уже покрывающие (пусть с лакунами) огромные территории традиционной Московской Руси и ранней Империи, причем с выходом в зоны соседних «культур».

Среди таких общностей выделяются изразцы. Крайняя точка их изучения сегодня, на Западе – недавно обнаруженный комплекс печных «кафлей» с массой сюжетных экземпляров XVI–XVIII вв. из Кенигсберга, а на Востоке (сколько мне известно) – изразцы Воеводской избы в Томском кремле и другие комплексы Сибири. В центре страны мы имеем при этом огромный комплекс Нового Иерусалима и связанных с ним более ранних «никоновских» памятников (а у нас постепенно складывается особая сфера «археологии Никоновского периода»), причем это не только и не столько «малые формы», т.е. печные, сколько фасадный и интерьерный стенной декор. Отсюда идут нити на восток, прежде всего в Москву (с развитым производством ее слобод, работающих уже под контролем иноземных специалистов), а из столицы – в Среднее Поволжье: Городец, Нижний

Новгород, Балахну и, особенно, Казань и Свияжск. Напротив, Нижнее Поволжье с Астраханью и Подонье с новыми городами-крепостями в этом отношении пока *terra incognita*. Другим направлением движения было северное, прежде всего в Ярославль, Вологду, Великий Устюг, материалы которых археологически и архитектурно давно отмечены и изучены [9, 10].

Однако между этими крайними точками движения на север и восток и сибирскими материалами лежит, в общем, практически не изученное пространство городов Прикамья и Урала, не позволяющее оценить продвижение в Сибирь. Очень важно, что постепенно усилиями наших зарубежных коллег из Литвы, Беларуси и Украины заполняется и пространство от Восточной Пруссии до московских земель (укажу, прежде всего, на исключительно важную коллекцию Вильнюсского замка, материалы которой гораздо ближе к московским, чем кенигсбергские, белорусские и украинские) [11].

Из предложенной модели ясно, что важнейшим элементом в исторической археологии России является пространственно-хронологическая составляющая, позволяющая проследить (1) культурные новации, проникающие с конкретными носителями с Запада (художественно-стилевые, иконографические, технологические); (2) механизм их переработки и выработки раннего национального стиля и (3) дальнейшее распределение элементов первого и второго по городам России, включая Сибирь.

На каком количестве производств, стилей, форм обряда можно проследить эти процессы, используя археологию? Их пока сравнительно немного. Для археологии естественно апеллировать прежде всего к памятникам погребального обряда. Пока выделяются три группы изделий, демонстрирующих его развитие от XIV к XVIII в.: надгробные памятники, плиты и кресты (свод последних готовит сейчас А.В. Алексеев); каменные вместилища, т.е. саркофаги и склепы; инвентарь, особенно тельники (например, [11]), одежда (ей посвящен обширный ряд работ И.И. Елкиной), обувь (особенно в работах Д.О. Осипова), елейницы (о последних см.: [12]); постепенно намечаются и другие группы (например, оформление деревянных гробов, исследуемых Е.Е. Васильевой). Однако разброс, передвижение в пространстве наблюдаются не везде – видимо, за этим стоит хронология. Ведь характерные для Московской Руси типы изделий прекращают развитие раньше, чем успевают распространиться по-настоящему широко: каменные (прежде всего антропоморфные) саркофаги доживают до середины XVII в. [13], орнаментированные типовой резьбой плиты-надгробия – до его второй половины (как правило, уже в измененных формах); памятные каменные кресты с крестчатыми орнаментами и ранние типы елейниц к середине – второй половине XVI в. будут сменены новыми формами, выполняющими те же функции. Отдельные намеки на значимость этих форм, однако, встречаются: так, в Казани удалось обнаружить источник ориентальных орнаментальных воздействий на московское надгробие XVII в.; схожие с раннемосков-

скими плиты встречены в Смоленске (работы Вл.В. Седова) и в Киево-Печерской лавре.

Сравнительный анализ текстильных изделий и обуви того же времени по регионам пока не проводился, к анализу гробов недавно приступили, тут материал в рамках страны XVII–XIX вв. просто необъятный. Постепенно собираются исторически значимые коллекции, которые, в конце концов, помогут установить точную статистику распределения находок мелкой церковной пластики, прежде всего нательных крестов (их прекрасно датированные серии собираются на кладбищах по всей стране, вплоть до Дагестана: в 2014 г. в Дербенте М.С. Гаджиев обнаружил остатки землянки 1722 г. и строго привязанную к историческим событиям Персидского похода Петра I и серию крестиков из погребений солдат русского гарнизона 1722–1735 гг.).

В меньшей степени затронуты исторической археологией другие традиционные общности изделий. Легко заметить, что в первом ряду нет бытовой керамики. Действительно, ее функция маркера для хроностратиграфии позднего периода не так важна, как для ранних. Зато перед изучающими ее встают иные задачи, в большей степени историко-культурные, что показывают работы В.Ю. Коваля. Отчасти они решались в рамках Ново-Иерусалимского проекта (О.Н. Глазунова, Е.В. Майорова), где раскрылась одна из зон распространения в Москве в XVII в. западных форм посуды – ею оказалась Речь Посполитая. Важным вкладом в историю «керамического взаимодействия» стала, довольно неожиданно, каталогизация керамических комплексов турецких крепостей Приазовья (проведена И.Р. Гусач). Их гарнизоны в XVII–XVIII вв. пользовались исключительно привозной, в основном анатолийской, посудой, достаточно известной во фрагментах по всей России того же времени. Безусловно, изучение этих потоков, результат их смешения с местной традицией, представленной, прежде всего, производством московской Гончарной слободы, а также встреча и взаимодействие с керамикой Дальнего Востока и Сибири (включая сюда фарфор – вне зависимости от пути его поступления в Московию) – можно назвать исключительно перспективной, даже интригующей задачей [14]. Только начато сравнительное изучение оружия и вообще изделий из черного металла (что, опять-таки, не исключает появления отдельных статей и даже книг).

Кроме работы на поле вещеведения, огромной перспективой обладает изучение земляного и деревянного фортификационного строительства XVI–XVIII вв. Отдельных работ здесь все больше, но попытка собрать воедино информацию пока не предпринималась. Материал уже накоплен изрядный (что показал состав секции на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде 2017 г. на Алтае), причем на значительном пространстве от северо-западных рубежей, южных засечных черт и встроенных в них крепостей – до острогов Сибири. Явно пора перейти к сравнительному анализу. Это не в меньшей степе-

ни касается застройки городов, городков и неукрепленных поселений – в Сибири их сейчас изучают активнее, чем в Европейской России, но материала для сравнения довольно и здесь.

Особенно существенной для археологии позднего Средневековья и Нового времени является глубокая и системная связанность с работами в области традиционной истории. Проблема в том, что понимание этого (как ни странно) не является внутренне присущим ни археологам, ни историкам (во всяком случае, в избранных хронологи-

ческих рамках), его приходится набирать (первые плоды такой совместной работы [15, 16], а также готовящийся сборник «Первые шаги: Москва в XII – середине XV в. Новые открытия в области археологии, истории и топографии»). Это весьма интересный и плодотворный процесс, открывающий, в том числе, особые перспективы для таких подразделов, как история технологий и стилового развития («Археология художественного видения: художественно-исторические контексты. Международная научная конференция. 21–22 апреля 2017 г.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. материалы для самостоятельного ознакомления с сюжетом в сети Интернет: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm>, <http://callmycow.livejournal.com/315914.html> www.reenactor.ru/ARH/PDF/Avilov.pdf <https://biography.wikireading.ru/140055>

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола, проведенного редколлекцией и редакцией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2005. № 1. С. 81–99.
2. Артемьев А.Р. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 7–28.
3. Татаурова Л.В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 16–25.
4. Чёрная М.П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2008. С. 5–26.
5. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.
6. Беляев Л.А. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 11–18.
7. Беляев Л.А. История России в начале Нового времени и памятники археологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. III. С. 563–566.
8. Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4: 400 лет основания Ниеншанца. СПб., 2014. 160 с.
9. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. : МГОМЗ, 2011. 432 с.
10. Керамические строительные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. Новый Иерусалим, 2014–2015. Москва ; Новый Иерусалим : Коллектор, 2016. 168 с.
11. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
12. Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история : сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М., 2017. (в печати)
13. Беляев Л.А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веи средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. С. 365–374.
14. Беляев Л.А. Средневековые вестернизации и ориентальный вектор развития Руси: археологические версии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 39–45.
15. От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. 520 с., ил.
16. Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: материалы науч. конф. М. : Ин-т археологии, Ин-т рос. истории, 2016. 256 с.

Belyaev Leonid A. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

HISTORICAL ARCHAEOLOGY IN RUSSIA: NEW DIRECTIONS OF RESEARCH.

Keywords: Historical archaeology; Late Medieval Period; discovery of Eurasia; comparative analysis; tile production; graves and tombs of the Modern Period.

This article represents a survey of modern trends for development and possible strategies of *Historical archaeology* which arose in Russia at the end of the 20th century. In Russia the period of Historical archaeology embraces the main part of Great Moscow principality of the 14th–15th centuries, then the Moscow Tzardom and the early Russian Empire up to the early 19th century and even later. The history of Russia as a state numbers not more than one thousand years. So the archaeology of the Modern period represents its biggest part. It is also very important to self-identification because it includes in fact all the period of national history (almost from the Mongol invasion till the Revolution of 1917, about 800 years) and illuminates all the key moments of the general national narrative. After all this period, especially the 16–18th centuries, offers a lot of various materials: remains of towns, fortresses, churches, cemeteries, workshops, early industrial enterprises, battle fields and other landscape elements. They also contain a mass of artifacts. It is obvious that the main problem of forming the historical archaeology is not the lack of material. Every year it is so numerous that only the reports compose thousands of volumes. The problem is the methods for analyzing these materials, at least their primary interpretation and conversion into the base suitable for new historical conclusions. An excess of information makes a modern researcher (dealing with late archaeology) think by limited contexts, that is by explored object, at best, by explored zones. If a researcher deals with old cities such as Moscow, Saint-Petersburg, Kazan and some towns beyond the Ural (Tobolsk, Tomsk etc.) or some deserted Russian settlements in the far North, for example, fortified settlements in Siberia, the informatics field is vast enough. However this approach does not encourage a comparative analyses. The later can be applied mainly if you deal with some special objects, typical for Moscow region. Among them there are tiles (stove and architectural) and complexes connected with burial ceremony. Among them there are surface gravestones, underground con-

structions for remains (lime stone sarcophagus shaped as human body and individual brick vaults for one coffin), clothes and shoes, as well as religious items, first of all pectoral crosses and goblets for mixture of oil and wine designed to sprinkle the earthly remains. Studying these wide spread artifacts enables us to reveal a process of penetration in Moscow region of technological, artistic and stylistic elements of Western Christian culture, mainly due to relations with Italy at the end of 15–16th centuries and later through the territory of Great Lithuanian principality, Poland, Baltic Crusader Orders, Holland and in the 18–19th centuries from almost all European countries. It is also important to reconstruct the process of assimilation of these elements and direction of their travel through Russia, opening of local production on their base and a new travel to remote territories.

REFERENCES

1. Belyaev, L.A. (ed.) (2005) *Arkheologiya pozdnego perioda istorii. Materialy kruglogo stola, provedennogo redkollegiei i redaktsiei zhurnala "Rossiyskaya arkheologiya"* [Archeology of the late period of history. Materials of the round table held by the editorial board of Russian Archeology Journal]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 1. pp. 81–99.
2. Artemiev, A.R. (2005) Osnovnye napravleniya arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnikov istorii osvoiniya russkimi Sibiri i Dal'nego Vostoka [The main directions of archaeological research of historical monuments devoted to the development of Russian Siberia and the Far East]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 7–28.
3. Tataurova, L.V. (2011) Osnovnye napravleniya v izuchenii kul'tury russkikh Sibiri po dannym arkheologii [The main directions in studying the culture of Russian Siberia in archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Branch of Russian State University of Trade and Economics. pp. 16–25.
4. Chernaya, M.P. (2008) Russkaya arkheologiya Sibiri: kontseptsii, rezul'taty, perspektivy [Russian archeology of Siberia: Concepts, results, perspectives]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Branch of Russian State University of Trade and Economics. pp. 5–26.
5. Belyaev, L.A. (2012) *Arkheologiya i bol'shoy narrativ russkoy istorii: ot osnovaniya Moskvy k Petrovskim preobrazovaniyam* [Archeology and a large narrative of Russian history: from the foundation of Moscow to the Petrine transformations]. In: Derevyanko, A., Kudelin, A. & Tishkov, V. (eds) *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii. Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN* [Historical and Cultural Heritage and Russian Values. Program of Fundamental Research of the Presidium of The Russian Academy of Sciences]. Moscow: ROSSPEN. pp. 179–191.
6. Belyaev, L.A. (2014a) *Arkheologiya pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni v Rossii: zametki o samoopredelenii* [Archeology of the Late Middle Ages and Modern Times in Russia: Notes on self-determination]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 11–18.
7. Belyaev, L.A. (2014b) *Istoriya Rossii v nachale Novogo vremeni i pamyatniki arkheologii* [History of Russia in the beginning of the New Time and monuments of archeology]. In: Sitdikov, A.G. et al. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 3. Kazan: Otechestvo. pp. 563–566.
8. Sorokin, P.E. (ed.) (2014) *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga* [Archaeological Heritage of St. Petersburg]. Issue 4. St. Petersburg: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after DS Likhachev.
9. Baranova, S.I. (2011) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian Glazed Tiles. Notes of the Museum Keeper]. Moscow: MGOMZ.
10. Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic Building Materials in Russia: Technology and Art of the Late Middle Ages]. Moscow: Kollektor.
11. Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Cross Pendants of the Ilim Ostrog]. Novosibirsk: INFOLIO.
12. Belyaev, L.A. (2017) *K istorii i metodike izucheniya pogrebal'nykh sosudov Pozdnego Srednevekov'ya* [On the history and methodology of studying the funeral vessels of the Late Middle Ages]. In: Belyaev, L.A., Gonyanyy, M.I. & Ershov, I.N. (eds) *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sb. st. k 60-letiyu N.A. Krenke* [De Mare Ad Mare studies In Archaeology And History in Honour of Nikolay Krenke]. Moscow: Institute of archaeology Russian Academy of Sciences.
13. Belyaev, L.A. (2015) *Zametki po istorii antropomorfnykh sarkofagov v Evrope i Rossii* [Notes on the history of anthropomorphic sarcophagi in Europe and Russia]. In: Gaidukov, P.G. (ed.) *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura* [Cities and Towns of Medieval Russia: Archeology, History, Culture]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 365–374.
14. Belyaev, L.A. (2016) Medieval westernisations in Russia and the Oriental factor: An archaeological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42) pp. 39–45. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/8
15. Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.
16. Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) (2016) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh: Moskovskaya Rus', Rossiyskaya Imperiya i ikh sosedi* [Medieval Personality in Written and Archaeological Sources: Moscow Rus, The Russian Empire and Their Neighbours]. Moscow: Institute of Archeology, Institute of Russian History.

УДК 316.7:902+94(571.1/.5)
DOI: 10.17223/19988613/49/13

М.П. Чёрная

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии
Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).*

Рассматривается проблема этнокультурного взаимодействия населения Сибири эпохи колонизации, которое не ограничивалось политико-административной сферой, нашедшей отражение, прежде всего, в письменных источниках, но происходило в пространстве неполитической повседневности, в том числе на языке материальной культуры. Массовое присутствие в автохтонных памятниках предметов «русского» импорта нуждается в более глубокой исторической интерпретации, выходящей за рамки констатации самого факта взаимодействия и упрощенных трактовок археологического контекста. Решение проблемы требует усиления не только источниковой базы, но и методологического и методического анализа межкультурного общения, динамики и глубины трансформации исходного состояния взаимодействующих культур.

Ключевые слова: Сибирь; эпоха колонизации; этнокультурное взаимодействие; археология; история.

Этнокультурное взаимодействие, являясь неотъемлемой частью исторического процесса, во многом определяет темпы и качество его развития. Процессом, открывшим новую эпоху в истории Сибири и кардинально изменившим вектор её исторических перспектив, стала русская колонизация, которая определяется как этнокультурное расширение территории, государственное по форме и русское по культурному наполнению [1. С. 541]. Хотя контакты русских и сибирских аборигенов уходят вглубь веков, только продвижение границ Московии за Камень создает условия для сближения разных миров – своего-русского и инокультурного-иноземного. В широком и наиболее раннем значении термин «иноземцы» в русской лексике прилагался к людям иных – чужих или ещё не обжитых земель. Соционим «иноземцы» в Сибири имел различную – политическую, правовую, этнокультурно-конфессиональную – семантику, смысловые акценты которой менялись во времени и пространстве, и употреблялся как в нейтрально-положительном, так и отрицательном контекстах [2. С. 24–30]. Примечательно, что выходцев из иностранных государств называли «внешними иноземцами», отделяя их от иноземцев внутренних, которых позже, по мере интеграции колонизируемых земель в государственное пространство, стали называть инородцами.

Взаимодействие культур и народов, аккумулирующее неисчерпаемый информационный потенциал, представляет перспективнейшую исследовательскую задачу, решить которую совсем не просто не только в силу многосторонности и многослойности процесса, но и потому, что содержание, объем, динамика контактов по-разному преломляются в разных источниках. Взаимодействие народов в письменном отражении носит доминирующе политический характер, ибо письменная история – это прежде всего история политическая, зачастую представляющая канву событий в жанре боевика. Историография плотно заполнена изучением поли-

тико-административно-правовой составляющей межкультурных отношений. В оценке политических аспектов взаимодействий, избегая крайностей, надо отталкиваться от ситуации, сложившейся в сибирском сообществе задолго до начала государственного этапа колонизации, и получившей определение «войны всех против всех». Почвой перманентных конфликтов была борьба коренного населения за уголья, связанная с присваивающей экономикой. Это нашло отражение в фольклоре: «Было время – манси на манси нападали»; «Приехал к ненецкой дружине. Воевать стал. Всех убил»; в живых не оставляли «даже привязанной к шесту собаки». В селькупских преданиях рассказывается: «До русских было: кто силу имеет, то и царем был, богатырем». Селькупские богатыри-вожди Поки и Калгуп – соседи и враги – бились друг с другом. Селькупы враждовали с хантами: там, где «война была, племя на племя шло», «ужас сколько человеческих черепов»; «Те [ханты] придут – война! Много убьют... загнали наших... в болото и всех убили. Били луками и стрелами... Это еще когда царя [русского] не было» и т.д. [3. С. 106, 107; 4. С. 546; 5. С. 31–34]. Мотив соперничества и сепаратизма, движущий действиями вождей-родоначальников, выполнявших военно-политические и религиозные функции и олицетворявших их героев богатырского эпоса, был ведущим и не оставлял места стремлению не то, что к «национальному единству», но даже к единству отдельных племен [6. С. 65; 7. С. 55].

О беспощадном характере войны свидетельствует и археология. При раскопках Надымского городка найдены останки более десятка человек – вождя и его родственников, убитых соплеменниками или европейскими самоедами для прекращения карачейской вождейской династии. Даже тогда, когда можно было разделить уголья или занять разные хозяйственно-промысловые ниши, война как часть присваивающей экономики служила средством грабежа, удовлетворяла

амбиции вождей и общинной элиты [8. С. 286–287; 9. С. 373–378]. Сходная картина реконструируется по материалам раскопок городища и могильника Частухинский Урий конца XVI – начала XVII в., принадлежавших юганским хантам. Историческое предание связывает городок с именем легендарного «хантыйского царя Тоньи», обладавшего богатырскими чертами. Основным занятием обитателей городка была война. Нацеленность на военные действия практически не оставляла времени на характерные для мирной жизни рыболовство и охоту. Археологически документированные домашние ремесла должны были обслуживать и создавать комфорт хозяевам городка, имевшим высокий статус [10. С. 68–86].

Русским не просто пришлось окунуться в напряженную атмосферу «все против всех», но выстраивать отношения в своих геополитических интересах: решая тактическую задачу сохранения ясаших иноземцев как важного источника пополнения казны и задачу стратегическую – интегрирования края в государственную систему, выполнение которой было возможно только при ведущем значении хозяйственно-культурного мотива освоения, хотя военных браней при столкновении интересов многих «игроков» на зыбкой почве меняющейся конъюнктуры было не избежать. При всей сложности политической ситуации пришлые и местные народы не оказались на грани межэтнической катастрофы. Благодаря протекционистской политике был остановлен маховик «войны всех против всех», ведущей к самоуничтожению автохтонов.

Введение в оборот новых источников, их перекрестный анализ показали, что обосновавшийся в историографии с XIX в. тезис о вымирании коренного населения, как и прежний учет его численности с применением коэффициента 4, несостоятельны. При сопоставлении данных ясачных книг с подушными переписями выявлено, что в каждой юрте-семье проживало не 4 чел., а 10–20, что было связано с реакцией автохтонов на ясачную политику, согласно которой ясак вносили главы семьи. Ясачное население постоянно росло за счет естественного прироста. Так, число коренных жителей в Среднем Приобье за 230 лет увеличилось в 2,7 раза, а совокупное число сибирских аборигенов со 160 тыс. в середине XVII в. выросло к концу XIX в. почти в 4 раза. Рост населения в целом не останавливали даже эпидемии, в распространении которых неправильно обвинять исключительно русских, поскольку большинство автохтонов было знакомо с ними много раньше. Китайские источники упоминают, например, о моровой язве среди уйгуров в 840 г. В хакасском фольклоре оспа и корь называются гостями с юго-востока, из далекой страны за Саянами, а тиф – болезнью, происходящей из Тувы. Кызыльцы считали, что грипп приходит из холодной страны, где обитают эвенки. В эпоху колонизации миграции необычайно активизировались, что вело к расширению зон этнических контактов, в том числе самых отдаленных. Распространение

заболеваний было побочным эффектом интенсификации межэтнического общения [3. С. 109; 11. С. 46–47; 12. С. 16–17; 13; 14. С. 27].

Кроме политических событий общение коренных и пришлых народов происходило в пространстве неополитической повседневности. Диалог их культур, в отличие от изменчивой административно-политической обстановки, охватывал широкий спектр обыденной жизни, обеспечивая долгосрочную перспективу взаимодействия.

В межэтническом общении, ведущемся на языке материальной культуры, этносы, с одной стороны, позиционируют свою отдельность, выраженную в предметно-объектных формах. С другой стороны, через этот диалог идут трансляция, принятие, трансформация инокультурных импульсов. В эпоху колонизации, когда «русское присутствие» становится постоянным фактором, культурный обмен на хозяйственно-бытовом уровне превращается в действенный механизм адаптации к изменившимся условиям существования, как местных, так и пришлых.

Культура как целое состоит из разных пластов и функционирует как единый связанный механизм, в котором синхронно идут процессы постепенного развития, обеспечивающие преемственность, и взрывные процессы, обеспечивающие новаторство. Различная скорость развития культурных пластов и движения быстрых / медленных процессов рождает внутренние противоречия, которые становятся источником динамики [15. С. 25–27].

В межэтническом общении также задействованы разные пласты культуры, влияния и заимствования происходят с разной скоростью и в разном объеме, что опосредовано близостью / дальностью проживания этносов, активностью контактов, политической обстановкой. В диалоге культур на первом плане просматривается разнотадальность культур: присваивающая в своей основе экономика сибирских аборигенов, ориентированная на натуральное потребление, и товарное производство русских переселенцев, ориентированное на рынок. Межэтническое общение – это поле для инноваций в виде инокультурных заимствований, что предполагает наличие культуры-донора и культуры-реципиента [16. С. 156–157, 186–187].

Вряд ли правомерно в обмене культурными достижениями между коренным и пришлым населением обвинять русских в великодержавии и шовинизме и под культуртрегерской ролью России в присоединенной Сибири подразумевать порабощение отсталых народов под прикрытием насаждения культуры [17. С. 118–119]. Обмен культурными «дарами» между донором и реципиентом несимметричен, но, получая инокультурную «прививку», обе стороны обогащают свой культурный потенциал. Представители разных культурных миров, оказавшись в едином пространственно-временном континууме, становятся «собеседниками» и ведут «разговор», даже не зная вербального языка, на

языке материальных предметов, объектов, символов, что находит отражение и в археологическом контексте.

В изучении диалога культур археология открывает новые возможности. В межэтнических контактах русские выступали многоканальной связующей средой и трансляторами разнотрадиционных традиций в регионе.

Категорией обиходных предметов русского производства, широко представленной на аборигенных памятниках, является гончарная керамическая посуда. Ее высокое, в сравнении с автохтонной керамикой, качество, обеспеченное применением гончарного круга, и разнообразный ассортимент привели не просто к замещению лепной посуды, но угасанию собственного производства, хотя и были попытки копировать русские гончарные изделия в лепной технике. Предпочтение гончарной посуды из инокультурной среды тем более показательным, что керамика у сибирских аборигенов служила этнокультурным индикатором. На глубину внедрения не только в обиход, но и в сакральное пространство культуры, указывают находки русской керамики в местных погребальных комплексах, что имело особое семантическое значение [18–22 и др.]. Проживание местных среди русских, распространение смешанных браков документируют находки аборигенной керамики на русских памятниках, хоть и в меньшем объеме (Томск, Кузнецк, Саянский, Алазейский остроги и др.) [23. С. 38. Табл. 32, 2; 34, 1; 24. С. 45 и др.].

В число предметов «русского» импорта, несомненно, приоритетных для автохтонов, входили металлический инвентарь, прежде всего, орудия труда – топоры, ножи, деревообрабатывающий инструмент и проч., а также посуда и другие обиходные вещи из металлов, охотно внедряемые в туземный быт и хозяйство. Широкий ассортимент «русских» товаров (орудия труда, посуда, предметы одежды, обувь, украшения и проч.), «осевших» в автохтонных памятниках, документирует распространение этнокультурных контактов в разных сферах жизнедеятельности. Но в исторической оценке археологических материалов мы пока недалеко ушли от констатации самого факта взаимодействия. Это объясняется диахронией русской и аборигенной археологии, их параллельным развитием относительно друг друга и, как следствие, подчас упрощенной трактовкой археологического контекста.

Раскопки аборигенных памятников показали масштабы распространения русского импорта, внедрение технических новшеств русского производства облегчало работу и повышало ее производительность. Глубина проникновения новых орудий труда и лова (капканы, ловушки, невод и др.) в недра традиционной культуры могла быть столь полной, что забывалось их «неродное» происхождение. «Культура элиты» в лице вождей, воинов, торговцев, наиболее активно контактирующих с ближними и дальними соседями, отражает заимствования внешних престижных элементов культуры, инновации в вооружении, стремление к роскоши [23. С. 60, 61; 24. С. 34–46; 25. С. 231–250; 26. С. 98–105].

Появление и рост объема денег в аборигенной среде, поступавших через один из ведущих каналов межэтнических контактов – торгово-обменные операции, а также увеличение денежной доли в ясачном окладе являются показателями участия автохтонов в товарно-денежных отношениях, хотя степень этого участия, опосредованная социальным статусом, особенностями ведения хозяйства, местом проживания, была различной. Насколько тесными могли быть деловые связи с аборигенами, свидетельствует пример судебного разбирательства конных казаков Петра Вершинина и Дениса Пролубщикова, подавших иск о взыскании 150 руб. денег, которые им задолжали чатские татары Елбачев и Албаев [27. С. 81]. Сумма долга показывает, что объемы денежных оборотов у лиц из аборигенной среды бывали немаленькими. В XVII в. селькупская семья из двух-трех охотников за зимний сезон могла добыть пушнины, по самым скромным подсчетам, на 1,5 тыс. руб. по тогдашним закупочным ценам или 25,5 тыс. руб. по курсу рубля XIX в. (курс рубля XVII в. к рублю составлял 1 к 17). Показательно сравнение размеров выручки за пушнину с русскими: по таможенной книге 1626 г. служилые люди и крестьяне продали мягкой рухляди на сумму от 2 до 15 руб., и это немалые деньги, так как на 15 руб. (два годовых денежных оклада) можно было купить 5 лошадей или коров, но все же это в разы меньше выручки аборигенов [5. С. 85; 28. С. 236; 29. С. 83].

Втягивание автохтонов в товарно-денежные отношения документировано и археологически не только по монетам, на которые покупали / обменивали пушнину, но и их заменителям-эквивалентам – бисеру или олову «в блюдах и тарелях», другим товарам, которыми русское правительство, обеспокоенное изъятием из обращения отечественных денег, стремилось их заменить, а также по совокупности вещей, покупаемых коренным населением, что в наиболее концентрированном виде отражают погребальные комплексы. «Русских» вещей в аборигенных могилах заметно больше, чем изделий местного изготовления, и это превосходство могло доходить до полной замены последних. Учитывая цены на импортные вещи, диапазон которых колебался от копеечной галантерейной мелочи до 2–3 и более рублей за железные топоры и медные котлы, общая стоимость погребального инвентаря была внушительной [24. С. 41; 30; 31. С. 181; 32. С. 245]. Подтверждением экономической состоятельности аборигенного населения служит женское погребение из селькупского могильника Мигалка второй половины XVII – начала XVIII в. из Нарымского Приобья. Совокупная цена, включая стоимость одежды (из 9 видов текстиля, в том числе дорогостоящих шелка, фабричного сукна, кашемира), декоративных пронизок, бронзовых подвесок, низок бус и бисера, пуговиц, наперстка, деревянной точеной шкатулки, висячего замка, ножа с медной оправой рукояти, бронзового котла, составляла порядка 6,5–8 руб. [33. С. 95–98]¹. И в XIX в. цены на привоз-

ные изделия не были для коренных жителей особо обременительными. Так, далекий, казалось бы, оторванный от «большой земли» Обдорский Север обладал экономической притягательностью, объемы его товарооборота, даже по неполным данным, свидетельствуют о высокой торговой активности зырян, значительной степени благосостояния обдорцев, определяемом втянутостью во всероссийский рынок и мировыми ценами [34. С. 22–26].

Массовое присутствие в автохтонных памятниках предметов «русского» импорта требует более глубокой интерпретации. Являлось ли внедрение в обиход и даже в сакральное пространство культуры «чужих» элементов, вплоть до полной замены местных изделий импортными в погребальном инвентаре, традиционно-го костюма покупной одеждой и т.д., бесспорным показателем «русификации» или «христианизации» в том плане, что аборигены как сторона, принимающая инокультурные новшества, становились русскими и христианами? Сам обряд надления погребенного «полным» комплектом вещей имел глубокие местные корни, связанные с языческими представлениями о загробном мире, стремлении обезопасить живых от вредного влияния умерших [Там же. С. 26]. Принесение вещественной / откупной жертвы, тем более из столь дорогих и престижных предметов, изымавшихся из обыденного пространства живых, подчеркивает живучесть языческого мировоззрения. Крест, положенный в могилу, при внешнем налете «христианства» воспринимался как языческий символ, особенно если он сделан из металла – сакрального по своей сущности для язычника. Еще более выразительны факты нахождения в аборигенных захоронениях по 2–3 креста на одном умершем [35. С. 93].

Изучение материалов русских памятников, множась год от года, показывает, что представления о самой русской культуре, особенно под воздействием мультикультурной среды, нуждаются в доработке или пересмотре. Так, раскопки русских некрополей, фиксирующие разную глубину захоронений, отклонения в ориентации, вариации положения рук, вместилища для тела и т.д., свидетельствуют о том, что «канонического» обряда еще не было и его формирование заняло продолжительный период времени. Как не было изна-

чально и канона помещения в могилу креста. А случаи нахождения во рту умершего православного монетки показывают, что «народный вариант православия», носителем которого были переселенцы, вполне допускал в свое сакральное пространство языческие, по сути, элементы [36. С. 199; 37. С. 55, 58, 114–117, 122–124; 38. С. 17–18].

Трансформация и даже деформация идентичностей как форма адаптации к меняющимся условиям жизни не привели участников межэтнического общения к утрате «себя» и изменения носили более внешний, чем внутренний характер. В трансформации идентичностей можно наблюдать поступательно-возвратное движение, когда престижное вхождение в русскую среду или приближение к ней, обладание русскими вещами не только в хозяйстве или быту, но и «по прихоти» сменяется снижением статуса русских, их уравнивание, по меньшей мере, с другими народами, а пиететное отношение – критически-ироничным: первоначальный страх к огнестрельному оружию сменяется желанием заполучить его и научиться стрелять, а затем подчеркиванием скорострельности лука перед неуклюжей пищалью («У казаков из ружья три человека стреляет: один заряжает, другой целится, а третий поджигает. А Тоня их из лука бьет – за один раз троих убивает»); противопоставление своих женщин «бесстыжим» русским женщинам, которые не носят штанов, и т.д. В течение поколений шло превращение «Чужого» в «Другого». Сближение «Своего» и «Другого» может претерпевать удивительные метамозы: от представлений об утраченном рае как жизни «без болезней, без налогов и без русских» в XIX в. до обустройства в XXI в. в сибирской тундре православного лагеря, воплощающего Землю надежды – Новый Иерусалим, а почти все иконы в местной церкви написаны ненецкой женщиной [10. С. 76; 39. С. 106–107, 110, 113; 40].

Анализ критериев, форм, механизмов самосохранения в «плавильном котле» этнокультурного взаимодействия далек от завершения. Исследование приводит к заключению, что решение вопроса находится не только в области усиления источниковой базы, но и методологического и методического анализа процесса взаимодействия, динамики и глубины трансформации исходного состояния культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приношу глубокую благодарность Л.А. Чиндиной за возможность использования неопубликованных данных по сделанному ею подсчету стоимости погребального инвентаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрная М.П. Русское содержание российской колонизации Сибири в археологическом отражении // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 539–541.
2. Зуев А.С., Игнаткин П.С. Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М. : Вологда : Древности Севера, 2016. С. 24–30.
3. Гемуев И.Н. Все против всех (по данным мансийского фольклора) // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 106–109.
4. Казакевич О.А. Начало и конец в структуре фольклорных текстов северных селькупов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М. : Индрик, 2002. С. 542–550.
5. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, 1981. 175 с.

6. Патканов С.К. Соч. в 5 т. / С.К. Патканов ; сост. Ю. Мандрика. Тюмень : Мандр и К, 2003. Т. 5 : Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. 416 с.
7. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
8. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
9. Кардаш О.В. «Столетняя война» Пустозерска и Большой Карачей XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ) // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. М. ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 366–378.
10. Семёнова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 164 с.
11. Главацкая Е.М. Власть и «сибирские иноземцы» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 44–47.
12. Емельянов Н.Ф. Среднее Приобье в феодальную эпоху (социально-экономическая и политическая история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1988. С. 46.
13. Скобелев С.Г. Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. 2002. URL: <http://zaimka.ru/skobelev-morbidity>
14. Скобелев С.Г. Актуальность и задачи изучения демографического развития коренного населения Сибири в XVII–XXI вв. в контексте аналогичных мировых процессов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 24–29.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.
16. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука 1989. 247 с.
17. Матюшенко В.И. Раздумья над древней и традиционной культуре народов Сибири в юбилее русского города Сургута // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 117–119.
18. Молодин В.И., Новиков А.В. Некоторые технологические аспекты керамики Илимского острога // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 166–168.
19. Новиков А.В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука, СО, 1990. С. 175–181.
20. Татаурова Л.В. Методика изучения средневековой керамики в рамках этнографо-археологического комплекса // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, СО, 1997. Т. 2: Культура тарских татар. С. 85–90.
21. Молодин В.И. Русская станковая керамика в археологических комплексах западносибирских аборигенов (позднее Средневековье – Новое время) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Омск, Тюмень, Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 73–75.
22. Тихомиров К.Н. Некоторые аспекты взаимодействия культур местного и пришлого населения Среднего Прииртышья в XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 2. Омск, Тюмень, Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 145–147.
23. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.
24. Скобелев С.Г. Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2. С. 34–46.
25. Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 8, вып. 3. Археология и этнография. 2009. С. 231–250.
26. Фёдорова Н.В. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 98–105.
27. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1992. 197 с.
28. Ключевский В.О. Русский рубль в XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Сочинения. М., 1959. Т. VII. С. 170–236.
29. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 224 с.
30. Спасский Г.И. Денежная казна // Исторические памятники русского арктического плавания XVII века. М. ; Л., 1951. С. 112–129.
31. Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.
32. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. 327 с.
33. Чиндина Л.А. Комплект торсового костюма нарымской селькупки конца XVII в. // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 95–98.
34. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX в. (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
35. Ожередов Ю.И. Погребальный обряд шиешгула в свете российской государственной политики (конец XVI – середина XIX в.) // Русские старожилы : материалы III Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 91–93.
36. Воробьев-Исаев А.А. Духовная сторона православного обряда погребения по археологическим источникам // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апелсин, 2008. С. 199.
37. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 200 с.
38. Чёрная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. С. 14–23.
39. Трепавлов В.В. Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 102–118.
40. Самсон Д. К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 142–146.

Chernaya Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia), Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

ETHNIC AND CULTURAL INTERACTION IN THE EPOCH OF COLONIZATION OF SIBERIA: FROM ARCHAEOLOGICAL CONTEXT TO HISTORICAL INTERPRETATION.

Keywords: Siberia; the epoch of colonization; ethnic and cultural interaction; archeology; history.

The article deals with the problem of ethnic and cultural interaction of the Siberian population in the Colonization Epoch, the urgency of which is determined by the fact, that the process of region's entering into Russia radically changed the development vector and the historical perspectives of indigenous peoples and settlers, who eventually became Russian Siberians. The aim of the study is to show, that the peoples' contacts were by no means confined to the political-administrative-legal field, which is primarily reflected in written sources, but were in the space of non-political everyday life and were conducted in the language of material culture as well. Cultural exchange at the economic and household level is transformed into an effective mechanism of adaptation to the changed conditions of existence for both local and foreign peoples. The source base for the study of ethnic and cultural interaction is multicomponent and includes written documents, folklore, archaeological data, in which the historical reality is differently refracted that allows more complete

reconstruction of the past realities. Interethnic communication involves different layers of culture, influences and borrowings that occur at different speeds and in different volume, drawn-in cultures of different stages that assume the presence of a donor culture and a recipient culture, the exchange between those is asymmetric. In one space-time continuum representatives of different cultural worlds communicate in verbal language and in the language of material things, objects, symbols, which is reflected in the archaeological context. The massive presence in indigenous sites of "Russian" importation items requires a deeper historical interpretation, which goes beyond the statement of just a fact of the interaction and simplistic interpretations of the archaeological context. The study of the Russian sites' materials shows, that ideas about the Russian culture itself need improvement or revision in some aspects, especially taking into account the impact of the native environment. Was the introduction into everyday life and even into the sacred space of culture of "alien" elements up to the complete replacement of local products with imported ones in the funerary inventory, traditional costume with purchased clothes etc. an indisputable indicator of "Russification" or "Christianization"? Transformation and even deformation of identities as a form of adaptation to changing living conditions did not lead the participants of interethnic communication to the loss of their "selves". The analysis of the criteria, forms, mechanisms of self-preservation in the "melting pot" of ethnic and cultural interaction is far from completion. The study leads to the conclusion, that the solution of the problem is not only in the field of source base strengthening, but also is in a methodological and methodical analysis of the interaction process, dynamics and depth of transformation of the initial state of culture.

REFERENCES

- Chernaya, M.P. (2008) Russkoe sodержanie rossiyskoy kolonizatsii Sibiri v arkheologicheskom otryazhenii [Russian content of the Russian colonisation of Siberia in archaeological reflection]. In: Derevyanko, A.P. & Makarov, N.A. (eds) *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 2. Moscow: IA RAS. pp. 539–541.
- Zuev, A.S. & Ignatkin, P.S. (2016) Parametry sotsial'no-politicheskoy identifikatsii korennykh narodov Sibiri v Moskovskom gosudarstve XVII v.: k voprosu o semantike sotsionima "inozemtsy" [Parameters of socio-political identification of Siberian indigenous peoples in the Moscow state of the 17th century: On the semantics of the socionym "inozemtsy"]. In: Belyaev, L.A. (ed.) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 24–30.
- Gemuev, I.N. (1997) Vse protiv vsekh (po dannym mansiyskogo fol'klora) [All against all (according to the Mansi folklore)]. In: Derevyanko, A.P. & Pelikh, G.I. (eds) *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura* [Peoples of Siberia: History and Culture]. Novosibirsk: Nauka. pp. 106–109.
- Kazakevich, O.A. (2002) Nachalo i konets v strukture fol'klornykh tekstov severnykh sel'kupov [The beginning and the end in the structure of the Northern Selkup folklore texts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of the Language. The Semantics of the Beginning and the End]. Moscow: Indrik. pp. 542–550.
- Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII v. (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th Century (Essays of Socio-economic History)]. Novosibirsk: Nauka.
- Patkanov, S.K. (2003) *Sochineniya v 5 t.* [Works in 5 Vols]. Vol. 5. Tyumen: Mandr i K.
- Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
- Kardash, O.V. (2009) *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy treti XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura* [Nadym Town in the Late 16th – early 18th Centuries. History and Material Culture]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
- Kardash, O.V. (2016) "Stoletnyaya vojna" Pustozerska i Bol'shoy Karachei XVII–XVIII vv. (po rezul'tatam kompleksnykh issledovaniy Pustozerskogo i Nadymskogo gorodishch) ["The Hundred Years' War" of Pustozersk and the Great Karachy in the 17th – 18th centuries (based on the results of complex studies of Pustozersk and Nadym Hill settlements)]. In: Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 366–378.
- Semenova, V.I. (2005) *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy* [Chastukhinsky Uriy Settlement and Burial Ground]. Novosibirsk: Nauka.
- Glavatskaya, E.M. (1994) Vlast' i "sibirskie inozemtsy" v XVII v. [Power and "Siberian non-Russians" in the 17th century]. In: Mankova, I.L. (ed.) *Surgut, Sibir', Rossiya* [Surgut, Siberia, Russia]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 44–47.
- Emelyanov, N.F. (1988) *Srednee Priob'e v feodal'nyy epokhu (sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya)* [The Middle Ob in the Feudal Era (Socio-economic and Political History)]. Abstract Of History Dr. Diss. Sverdlovsk.
- Skobelev, S.G. (2002) *Vliyaniye zabolevaemosti na dinamiku chislennosti korennoy naseleniya Sibiri v XVII–XX vv.* [Influence of Morbidity on the Dynamics of the Indigenous Population of Siberia in the 17th – 20th Centuries]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/skobelev-morbidity>.
- Skobelev, S.G. (2006) Aktual'nost' i zadachi izucheniya demograficheskogo razvitiya korennoy naseleniya Sibiri v XVII–XXI vv. v kontekste analogichnykh mirovykh protsessov [Topical tasks of studying the demographic development of the Siberian indigenous population in the 17th – 21st centuries in the context of similar world processes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 5(3). pp. 24–29.
- Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis.
- Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow: Nauka.
- Matyushchenko, V.I. (1994) Razdum'ya nad drevney i traditsionnoy kul'ture narodov Sibiri v yubileum russkogo goroda Surguta [Reflections on the ancient and traditional culture of Siberian peoples on the anniversary of the Russian city of Surgut]. In: Mankova, I.L. (ed.) *Surgut, Sibir', Rossiya* [Surgut, Siberia, Russia]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 117–119.
- Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1989) Nekotorye tekhnologicheskie aspekty keramiki Ilmskogo ostroya [Some technological aspects of ceramics from Ilmsk Ostrog]. In: Paramonova, V.I. (ed.) *Problemy izucheniya Sibiri v nauchno-issledovatel'skoy rabote muzeev* [Problems of Studying Siberia in the Museum Research]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 166–168.
- Novikov, A.V. (1990) Goncharnoe proizvodstvo Ust'-Tartasskogo forpsta [Pottery production of the Ust-Tartas outpost]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika* [Ancient Ceramics of Siberia: Typology, Technology, Semantics]. Novosibirsk: Nauka. pp. 175–181.
- Tataurova, L.V. (1997) Metodika izucheniya srednevekovoy keramiki v ramkakh etnografo-arkheologicheskogo kompleksa [Methods of studying medieval ceramics within the ethnographic-archaeological complex]. In: Khudyakov, Yu.S. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic-Archaeological Complexes: Problems of Culture and Socium]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–90.
- Molodin, V.I. (2014) Russkaya stankovaya keramika v arkheologicheskikh kompleksakh zapadnosibirskikh aborigenov (pozdneye Srednevekov'e – Novoe vremya) [Russian easel ceramics in archeological complexes of West Siberian aborigines (Later Middle Ages – New Time)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 73–75.
- Tikhomirov, K.N. (2014) Nekotorye aspekty vzaimodeystviya kul'tur mestnogo i prishlogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya v XVI–XVII vv. [Some aspects of cultural interaction between local and foreign population of the Middle Irtysh region in the 16th – 17th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.)

- Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 145–147.
23. Alekseev, A.N. (1996) *Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii* [The First Russian Settlements of the 17th – 18th centuries in the northeast of Yakutia]. Novosibirsk: SB RAS.
  24. Skobelev, S.G. (1994) Razvitie khozyaystva mestnogo naseleniya Srednego Eniseya i Tomi v XVII v. [Development of the economy of the local population in the Middle Yenisei and Tom in the 17th century]. *Kuznetskaya starina*. 2. pp. 34–46.
  25. Skobelev, S.G. (2009) Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na material'nyuyu kul'turu korennoogo naseleniya yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem Srednevekov'e – nachale Novogo vremeni (po dannym arkhеologii) [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the south of the Enisei Krai in the late Middle Ages – early New Time (according to archeology)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 8(3). pp. 231–250.
  26. Fedorova, N.V. (2012) Everyday life, war and trade in the archaeology of the north of West Siberia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(37). pp. 98–105. (In Russian).
  27. Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII v.)* [Siberian Old-timers: Historical and Ethnographic Essays (the 17th - early 18th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
  28. Klyuchevskiy, V.O. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow. pp. 170–236.
  29. Emelyanov, N.F. (1984) *Gorod Tomsk v feodal'nyuyu epokhu* [Tomsk in the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.
  30. Spasskiy, G.I. (1951) Denezhnaya kazna [Monetary coffers]. In: Okladnikov, A.P. & Pinkhenson, D.M. (eds) *Istoricheskii pamyatnik russkogo arkhticheskogo plavaniya XVII veka* [Historical Monuments of Russian Arctic Navigation of the 17th Century]. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'. pp. 112–129.
  31. Chindina, L.A. (1995) O ritual'noy odezhde sel'kupskey zhenshchiny XVII veka [On the ritual dress of a Selkup woman of the 17th century]. In: Chindina, L.A. (ed.) *“Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit”* [“My choice is science, without which I can not live”]. Barnaul: Altai State University. pp. 179–187.
  32. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade of Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
  33. Chindina, L.A. (2003) Komplekt torsovogo kostyuma narymskoy sel'kupki kontsa XVII v. [A set of a Torso Suit for the Narym Selkup woman in the late 17th century]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhno-taеzhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archeological and Ethnographic Research in the South-Taiga Zone of West Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–98.
  34. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX v. (po arkhеologo-etnograficheskim kollekttsiyam Muzeya antropologii MGU)* [Culture of Aboriginal Obdorsk North in the 19th century (on the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
  35. Ozheredov, Yu.I. (2000) Pogrebal'nyy obryad shieshgula v svete rossiyskoy gosudarstvennoy politiki (konets XVI – seredina XIX v.) [Funeral ceremony in the light of Russian state policy (the late 16th – mid-19th centuries)]. In: Chernaya, M.P. et al. *Russkie starozhily* [Russian Old-timers]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 91–93.
  36. Vorobiev-Isaev, A.A. (2008) Dukhovnaya storona pravoslavnogo obryada pogrebeniya po arkhеologicheskim istochnikam [The spiritual side of the Orthodox burial rite in archeological sources]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 199.
  37. Berdnikov, I. M. (2012) *Sibirskiy pravoslavnyy nekropol' XVIII–XIX vekov kak arkhеologicheskiy istochnik (po materialam issledovaniy v Irkutске)* [Siberian Orthodox necropolis of the 18th – 19th centuries as an archaeological source (based on research in Irkutsk)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
  38. Chernaya, M.P. (2016) Sibirskiy opyt osvoeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskom kontekste [Siberian experience in the development of spaces in the historical and archaeological context]. In: Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkhеologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Volodga: Drevnosti Severa. pp. 14–23.
  39. Trepavlov, V.V. (2005) Obraz russkikh v predstavleniyakh narodov Rossii XVII–XVIII vv. [The image of Russians in the representations of the peoples of Russia in the 17th – 18th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 102–118.
  40. Samson, D. (2017) K voprosu o rae u nentsev i obskikh ugrov (XIX–XXI vv.) [On the paradise in the Nenets and Ob Ugrians (the 19th – 21st centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 142–146.

УДК 325.3:910.4(984)"15/17"
DOI: 10.17223/19988613/49/14

В.Л. Державин, В.Ф. Старков

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ МОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ И ОСТРОВОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ В XVI–XVIII вв.

Статья выполнена в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки»_0176-2014-0007Э.

Основываясь на археологических и письменных данных, авторы рассматривают вопросы о времени и путях колонизации поморами отдаленных территорий Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. и приходят к выводу о выходе русских к Северному Ледовитому океану не ранее XIV в. Европейцы в попытках открыть северо-восточный проход организовывали морские экспедиции, но все они оказались неудачными, в связи с тем что они, по нашему мнению, не были знакомы с ледовыми условиями в полярных морях в отличие от поморов. Но их попытки привели к открытию обширного российского рынка, формированию китобойного промысла у Шпицбергена и развитию европейской картографии полярных регионов.

Ключевые слова: северо-восточный проход; колонизация; китобой; Поморье.

Начало колонизации арктических островов русскими относится к XVI в. В это время европейскими государствами предпринимались многочисленные и безуспешные попытки отыскать северо-восточный и северо-западный морские проходы. Одновременно с арктическим мореплаванием стремительно развивалась европейская картографическая наука, результатом чего стало появление большого количества карт с изображением полярных регионов Старого Света, включая Русский Север и Сибирь. Причем сами картографы принимали активное участие в разработке маршрутов этих экспедиций.

Однако выход русских к берегам Ледовитого океана произошел раньше – в XIV–XV вв., что достоверно задокументировано. А вот проникновение новгородцев на территорию Поморья относят обычно к XII–XIII вв. Одним из активных сторонников подобного взгляда был историк С.Ф. Платонов, хотя документальных источников для обоснования такой даты он не приводит. Однако В.Ю. Визе справедливо полагал, что время выхода русских людей «к берегам Белого моря пока установить не удалось» [1. С. 19].

Продвижение русских в приполярные области Русского государства в эпоху позднего Средневековья и Нового времени шло в двух основных направлениях: а) северное, затрагивающее арктические острова и ими же ограниченное (Шпицберген, Медвежий, Колгуев, Новая Земля); б) восточное, охватывавшее север Сибири, далее Камчатку и Русскую Америку. Этот процесс растянулся на несколько столетий, завершившись лишь в первой четверти XIX в. на американском континенте.

Промысловая колонизация Новой Земли (Матки), а затем и Шпицбергена (Груманта), куда поморы, начиная с XVI в., уходили на отхожие промыслы, представляет особый интерес. Правда, вопрос о раннем появлении поморов на Шпицбергене, т.е. до открытия архипелага Баренцем в 1596 г., вызывает критику у многих зарубежных исследователей (Я. Хохоровский, Л. Хакеборд, Т. Хелтгрен, А. Кравчик, Т. Арлов, М. Ясински),

считающих, что плавания русских промышленников на Грумант можно уверенно отнести лишь к началу XVIII в. Ранние датировки промысловых построек Шпицбергена опираются в основном на данные дендрохронологии, интерпретацию которых, однако, зарубежные археологи ставят под сомнение [2. С. 94–101]. К их точке зрения в своих последних работах стал склоняться и О.В. Овсянников, начинавший вместе со В.Ф. Старковым раскопки поморских памятников архипелага [3. С. 23].

Что касается Новой Земли, то археологические исследования, подобные тем, что велись на Шпицбергене, там практически никогда не осуществлялись, кроме эпизодических разведок в 90-е гг. прошлого столетия, выявивших лишь поздний материал (XIX – начало XX в.). Исключением можно считать только раскопки зимовья Баренца, которые проводились русско-голландской экспедицией в 1993 и 1995 гг. [4]. Поморские памятники Новой Земли оказались не исследованными по причине засекреченности региона. Тем не менее по письменным источникам известно, что, по крайней мере, с середины XVI в. там уже промышленляли поморы [5. С. 107]. В конце того же столетия экспедиция Баренца застала на юге западного побережья Новой Земли русское становище, а на 76° северной широты – поклонные православные кресты.

Огромное значение в деле освоения Русского Севера имела монастырская колонизация, которая порой опережала промысловую (Валаамский, Трифоно-Печерский, Соловецкий и другие православные обители). Их основателей в опасные северные дебри и тундру влекли не только тяга к отшельнической жизни, но и миссионерское призвание [6. С. 134–135].

В XVIII в. организация звериных промыслов на Шпицбергене и Новой Земле претерпевает значительные изменения. Поморы переходят от сезонных промыслов к круглогодичным, а небольшие становища сменяют крупные охотничьи станции. Источники также свидетельствуют о том, что одни и те же промысловики

регулярно ходили как на Новую Землю, так и на Шпицберген: старовер Даниловой (Выговской) пустыни Амос Корнилов, мезенский промышленник Алексей Химков, старовер с Онеги Иван Рогачев и многие другие.

Зимовки поморов на архипелагах Арктики не были редкостью, хотя далеко не все заканчивались благополучно. В первую очередь их трагический исход был обусловлен тяжелыми климатическими условиями, в которых они проходили. В середине XVIII – первой половине XIX в., по данным гляциологов, восточная часть Северной Атлантики характеризовалась пиком Малого Ледникового периода (МЛП), который во многом предопределял драматический исход подобных зимовок. Его жертвами становились многие промысловые артели, а также европейские китобойные суда [7. С. 23].

В этой связи интересно сопоставить хронологические фазы пиков МЛП Шпицбергена и Новой Земли с подобными климатическими катаклизмами Гренландии, где, по данным изотопии ледниковых кернов, он начался почти на 250 лет раньше, чем в восточной Приатлантической Арктике. Именно с ними исследователи связывают гибель нормандских поселений на юго-западном побережье Гренландии [8. С. 123–124]. Фьорды же архипелагов Шпицберген и Новая Земля на протяжении длительного времени не были так прочно заблокированы льдами, что давало поморам-промышленникам шанс вернуться домой, хотя они и оказывались часто в сложнейших климатических ситуациях.

Аналогичные сведения, относящиеся к тому же времени, получил и М.В. Ломоносов от поморов, вызванных в Петербург для дачи показаний перед отправкой судов экспедиции В.Я. Чичагова. Упомянувшийся выше старовер Выговской пустыни Амос Корнилов в 1749 г. рассчитывал поначалу отправить свое судно к Новой Земле (по другим сведениям – на Западный Шпицберген), но из-за сложной ледовой обстановки развернул его к острову Эдж (Восточный Шпицберген), где спас трех мезенских поморов, случайно оказавшихся на нем и вынужденно зимовавших там долгие шесть лет.

О плавании староверов к Шпицбергену и Новой Земле свидетельствуют не только письменные источники, но многие археологические находки и надписи на крестах. Сейчас на Шпицбергене известно не менее 15 памятников, которые с полным основанием можно связать со староведами, хотя на самом деле их значительно больше. Среди археологических находок следует выделить изделия мелкой металлопластики, отлитые в традициях Даниловой (Выговской) пустыни, деревянные предметы культового назначения, бытовые надписи с использованием старых букв алфавита, вышедших из употребления в результате петровских реформ, но используемых староведами.

Поморские кресты известны не только из письменных источников, но и по рисункам путешественников и ученых XVIII–XIX вв. В настоящее время на Шпицбергене в Мёрчисон-фьорде (80° с. ш.) возвышаются последние два пятиметровых креста, датированных

XVIII в., один из них, судя по надписям, может быть старообрядческим [9. С. 102]. В этой связи нельзя не обратить внимания на значительный вклад староверов в колонизацию Шпицбергена (а также Новой Земли) в XVIII в., что в целом очевидно для Русского Севера. Вместе с тем исследователи раньше почти не придавали значения старообрядческому фактору, за исключением двух скандинавских исследователей XIX в. – Б. Кейльхау и В. Карлхейм-Гюлленшельда [10. С. 109, 112].

Очень важен вопрос о морских ходах. Данная проблема довольно обстоятельно рассматривается в работах В.Ф. Старкова, который выделяет несколько ходов: немецкий ход, ведущий из устья Северной Двины на запад вдоль северного Мурмана в Европу; Новоземельский; Мангазейский; два Енисейских хода, один из которых комбинированный (морской в сочетании с водно-волоковым); Верхотурский (речной) и «Груманландский» [11. Рис. 1]. Следует отметить, что Мангазейский ход являлся начальным звеном Енисейского хода. Именно по ним осуществлялись продвижения поморов и служилых людей в северном и восточном направлениях. Классификация морских ходов, введенная в научную литературу В.Ф. Старковым, признается не всеми исследователями. Так, О.В. Овсянников и норвежский археолог польского происхождения М. Ясински утверждают, что никакого «груманландского» хода в русских источниках не встречается, а Шпицберген как промысловый район до конца XVII в. вообще не известен в документах [3. С. 282].

В этой связи надо подчеркнуть, что первое упоминание о поморах на Шпицбергене в дневниках европейских китобоев относится к 1697 г., когда голландские военные корабли взяли под охрану китобойные суда в заливе Беллсунн, а заодно и несколько русских лодий, защитив их от нападения французской эскадры в ходе так называемых китовых войн [12. С. 225–226]. Необходимо обратить внимание на то, что в русских письменных источниках XVI–XVII в. такие географические понятия, как Грумант или Шпицберген, в отличие от Новой Земли, вообще отсутствуют. Предметы же промысловой культуры поморов достаточно консервативны, поэтому хронологически отличить находки XVI в., например, от XVIII в. пока не представляется возможным. Керамического материала со становящимся Шпицбергена также мало, что могло бы кое-что прояснить в этом непростом вопросе.

В целом освоение промысловых территорий на материковом Русском Севере проходило в XV в., а полярные морские экспедиции промышленников стали отправлять на арктические острова с XVI в. В это же время русские суда уже тогда проходили через проливы о. Вайгач, а затем достигали устья сибирских рек. Одновременно европейские мореплаватели в попытках открыть северо-восточный проход никак не могли преодолеть проливы Вайгача, что объясняется незнанием ими ледовых условий в Баренцевом и Карском морях. Европейцы выходили из незамерзающих гаваней северной Европы в мар-

те – мае, поэтому оказывались в Баренцевом море слишком рано, когда проливы были еще закрыты льдом, или, напротив, слишком поздно, когда лед их уже блокировал. Поморская навигация начиналась значительно позже: в конце июня – начале июля. Хотя иногда выпадали такие годы, когда и русские суда были не в состоянии пройти проливы Вайгача, из-за чего вынуждены были оставаться на зиму в Пустозерске.

После очередной неудачной английской экспедиции 1676 г. европейцы практически прекратили поиски северо-восточного прохода. Об этом свидетельствует документ последней четверти XVII в. иностранного происхождения, специально переведенный для царя Алексея Михайловича. Он окончательно подводит итог безуспешным попыткам европейских штурманов открыть морской проход, о чем говорит название самой росписи: «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле в восточную Индию» [13. С. 64–66].

Голландец Н. Витсен, напротив, подмечал, что «москвиты <...> ежегодно выезжают из Архангела и Мезени на промысел моржа к наружному и внутреннему берегам Новой Земли, иногда проходят мимо Оби примерно на 40 миль до реки Енисея». Англичане и голландцы, а тем более поморы, не ставили перед собой задачу присоединения далеких арктических островов к своим метрополиям. Суровый климат не позволял там вести какие-либо формы производящего хозяйства. Да и автохтонного населения, которое можно было бы поставить в податную зависимость, там не было [14. С. 192].

Шпицберген и северный остров Новой Земли расположены в арктическом поясе, для которого характерны ледяные пустыни. В то же время прибрежная полоса Крайнего Севера, а также южный остров Новой Земли относятся к субарктике с типичной для нее тундровой растительностью, в условиях которой «малые народы» – саамы и ненцы – имели возможность заниматься оленеводством, т.е. производящим хозяйством. В этом заключается принципиальное отличие обеих климатических зон.

Поэтому незаселенные полярные острова европейцы рассматривали как временный сырьевой придаток своих метрополий, пока последние нуждались в биоресурсах подобных территорий. Но при явном их истощении или замещении продукции эквивалентным сырьем (например, слоновым бивнем, заменившим в Европе моржовый клык) китобойи утрачивали к ним меркантильный интерес из-за очевидной нерентабельности самих промыслов или по причине перемещения их в иные регионы.

В географическом отношении полярные экспедиции европейцев в XVI–XVIII вв. носили преимущественно рекогносцировочный характер, как и большинство аналогичных плаваний, конечная цель которых все-таки сводилась к приобретению новых земель. Вот почему англичане и голландцы прикладывали колоссальные усилия, чтобы пробиться через чрезвычайно опасные полярные моря в Индию и Китай, южные пути к кото-

рым были перекрыты Испанией и Португалией. Добившись на ниве судостроения существенных успехов, что стало залогом создания мощных флотов, северные государства Европы приступили к основанию собственных колониальных империй. В связи с этим мало значащие для них полярные земли, сыгравшие когда-то определенную роль в их экономическом становлении, в результате оказались владениями более слабых государств (Дания, Швеция, Норвегия), не успевших или не способных, в силу определенных исторических факторов, принять участие в крупных «географических открытиях», а следовательно, и разделе мира.

Суть изложенного можно подытожить следующими соображениями, которые нуждаются в дальнейшей разработке.

1. Пока точно не известно, когда русские первопроходцы впервые вышли на берега Ледовитого океана. Можно говорить лишь о постепенном освоении Русского Севера и Сибири. Эта колонизация имела два основных направления – северное и восточное. Если в первом случае она носила преимущественно промысловый характер, то во втором – фискальный, цель которого заключалась в приведении в податную зависимость местного населения. Особенности монастырской колонизации также следует учесть при рассмотрении этой проблемы.

2. Дискуссионным остается вопрос об открытии Шпицбергена (Груманта) в добаренцев период, несмотря на популярную версию о раннем появлении на архипелаге поморов. Настоящее предположение, однако, не затрагивает историю Новой Земли, где следы пребывания поморов зафиксированы в европейских и русских документах, по крайней мере, с середины XVI в.

3. Вопрос освоения поморами островов европейской Арктики в XVIII – первой половине XIX в. неразрывно связан с судьбами старообрядчества на Русском Севере. На основании письменных источников и археологического материала роль Даниловой пустыни можно считать определяющей, хотя на отхожие промыслы уходили также представители иных толков раскола, а также и официальной Церкви.

4. Трагическая гибель ряда артелей на Шпицбергене и Новой Земле во время зимовок во второй XVIII – начале XIX в. была во многом обусловлена пиком Малого ледникового периода. В Гренландии МЛП, ставший причиной гибели обитателей поселений викингов, основанных еще в конце X в., завершился почти на четверть тысячелетия раньше.

5. Все попытки европейских мореплавателей отыскать северо-восточный проход оказались безуспешными. Причина их неудач крылась в незнании ледовых условий и правильных сроков навигации в Баренцевом и Карском морях. Напротив, сроки поморской навигации позволяли русским судам из Поморья проходить за Вайгач далеко на восток вплоть до Енисейского устья.

6. Пытавшиеся найти северо-восточный проход европейцы, хотя и не достигли поставленной цели, но откры-

ли в XVI в. обширный русский рынок, благодаря чему оказались у Шпицбергена, где занялись китобойным промыслом, сыгравшим важную роль в экономике стран Северной Европы. Кроме того, полярные экспедиции XVI–XVII вв. придали мощный импульс развитию европейской картографии, в том числе и Русского Севера.

7. Ведущие государства Европы (Англия, Нидерланды), подорвав экологию полярных островов, отрицаясь, в частности, в резком сокращении популя-

ции гренландских китов и моржей, оставили эти земли более слабым скандинавским странам и России. Присоединять необитаемые арктические территории им уже не имело смысла, поскольку необходимые морские биоресурсы, актуальные в XVII–XIX вв., были почти исчерпаны, а для промышленной разработки минерального сырья (газа и нефти) на островах Арктики и шельфа еще не созрели соответствующие условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визе В.Ю. Моря российской Арктики. М. : Паулсен, 2008. Т. I. 339 с.
2. Chochorowski J. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow, 1999. 104 p.
3. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. 400 с.
4. Старков В.Ф., Державин В.Л. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М. : Научный мир, 2003. 212 с.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М. ; Л. : Главсевморпуть, 1937. 308 с.
6. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 1909. 302 с.
7. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М. : Наука, 1996. 448 с.
8. Корякин В.С. Ледники Арктики. М. : Наука, 1988. 158 с.
9. Державин В.Л. Старообрядчество Шпицбергена по археологическим и письменным данным // Материалы XIII конференции «Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа». 2–4 ноября 2016. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. Вып. 13. С. 100–107.
10. Старков В.Ф. Первые раскопки на архипелаге Шпицберген. М. : Таус, 2011. 127 с.
11. Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Русский Север в картографии XVI–XVII вв. М. : Проффессионал, 2012. Т. III. 120 с.
12. Conway M. No Man's Land. Cambridge, 1906. 378 p.
13. Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. М. : Научный мир, 2006. 143 с.
14. Черносвитов П.Ю. К вопросу о различных видах колонизации территорий // Очерки истории освоения Шпицбергена. М. : Ин-т археологии СССР, 1990. С. 182–205.

Derzhavin Viktor L. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: derzh@yandex.ru ; *Starkov Vadim F.* Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: starko-vadim@yandex.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE SEA COAST AND ISLANDS OF THE EUROPEAN ARCTIC IN THE 16TH – 18TH CENTURIES.

Keywords: Northeastern passage; colonization; whalers; Pomorie.

Russian pioneers first came to the shores of the Arctic Ocean in the 14th century. There is no evidence of earlier dates. We can only talk about development (that is settlement in the area and expansion to) of the Russian North and Siberia. This colonization had two main geographical directions – northern and eastern. In the first case it had industrial nature, in the second – fiscal one, it was aimed to subject local population to tax-collection. An important role was played by colonization by monasteries that sometimes outpaced industrial colonization. The matter of the discovery of Svalbard by the Pomors before Barents remains controversial and needs reinforcement with new facts. But appearance of Russian industrialists on Novaya Zemlya can be reliably attributed to the 16th century, it is confirmed by European and Russian written sources. Development of the islands of the European Arctic by the Pomors in the 18th – first half of the 19th century is inextricably linked with the Old Believers of the Russian North. On the basis of written and archaeological sources role of the “Danilova” hermitage (“Danilova pustyn”) in this matter appears to be crucial. Although seasonal industrial expeditions involved members of other split sects as well as representatives of the official Church. Loss of many artels on Svalbard and Novaya Zemlya during the wintering in the second half of 18th and earlier half of 19th centuries is largely explained by the peak of the Little Ice Age (LIA). In Greenland, it ended nearly 250 years earlier becoming the main cause of downfall of Norman settlements. Attempts by European seafarers of 16th – 17th centuries to discover the Northeastern passage were entirely unsuccessful. The reason of their failure was lack of knowledge of ice conditions in the Barents and Kara seas, which was well known to the Pomors. That allowed Russian ships from Pomorie to pass Vaigach eastward up to the Yenisei estuary. On the other hand, though the Europeans did not achieve their goal, they succeeded in entering in the 16th century vast Russian market. And thanks to the voyages near the coasts of Russia they soon found themselves in the waters of Svalbard, where they established economically profitable whaling. Polar expeditions of the 16th – 17th centuries also gave a powerful impetus to the development of European cartography. After stopping the search for the Northeastern passage and abandoning whaling, Europeans (the British and the Dutch) left the Arctic without attempting to annex polar territories as colonies to their metropolias.

REFERENCES

1. Vize, V.Yu. (2008) *Morya rossiyskoy Arktiki* [The seas of the Russian Arctic]. Vol. 1. Moscow: Paulsen.
2. Chochorowski, J. (1999) *Problems of the Dendrochronology of Russian Hunting Stations of Spitsbergen*. Krakow: Oficyna Cracovia.
3. Yasinski, M.E. & Ovsyannikov, O.V. (2002) *Pustozersk. Russkiy gorod v Arktike* [Pustozersk. A Russian City in the Arctic]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
4. Starkov, V.F. & Derzhavin, V.L. (2003) *Ekspeditsiya Villema Barentsa na Novoy Zemle (1596–1597 gg.)* [Willem Barents' Expedition to the New Earth (1596–1597)]. Moscow: Nauchnyy mir.
5. Rubinstein, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [English Travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Yu. Gotie. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'.
6. Lyubavskiy, M.K. (1909) *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonisation]. St. Petersburg: Tipo-Litografiya.
7. Miller, G.F. (1996) *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Works on the History of Russia. Selected Works]. Moscow: Nauka.

8. Koryakin, V.S. (1988) *Ledniki Arktiki* [The Arctic Glaciers]. Moscow: Nauka.
9. Derzhavin, V.L. (2016) [Old Believers of Svalbard according to archaeological and written data]. *Kompleksnye issledovaniya prirody Shpitsbergena i prilegayushchego shel'fa* [Comprehensive Studies of the Nature of Spitsbergen and the Adjacent Shelf]. Proc. of the 13th Conference. Rostov-on-Don. November 2–4, 2016. Rostov-on-Don: YuNTs RAS. pp. 100–107. (In Russian).
10. Starkov, V.F. (2011) *Pervye raskopki na arhipelage Shpitsbergen* [The First Excavations on the Spitsbergen Archipelago]. Moscow: Taus.
11. Starkov, V.F. (2012) *Ocherki istorii osvoeniya Arktiki. Russkiy Sever v kartografii XVI–XVII vv.* [Essays on the History of the Development of the Arctic. Russian North in Cartography of the 16th – 17th centuries]. Vol. 3. Moscow: Professional.
12. Sonway, M. (1906) *No Man's Land*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Derzhavin, V.L. (2006) *Severnnyy Murman v XVI–XVII vv.* [Northern Murman in the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Chernosvitov, P.Yu. (1990) K voprosu o razlichnykh vidakh kolonizatsii territoriy [On different types of colonisation]. In: Starkov, V.F., Rozenfeld, R.L. & Zavyalov, V. I. *Ocherki istorii osvoeniya Shpitsbergena* [Essays on the History of Spitsbergen Development]. Moscow: Institute of Archeology of the USSR. pp. 182–205.

УДК 903.21

DOI: 10.17223/19988613/49/15

В.И. Семёнова

ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА ИЗ ДЕРЕВА ИЗ РАСКОПОК г. ТЮМЕНИ В 1988 г.

Отражены результаты анализа коллекции быта и домашнего обихода из дерева XVII–XVIII вв. из раскопок Тюмени в 1988 г. Проведена систематизация материала по функциональному назначению (средства передвижения, рыболовство, ткачество и пр.). Полученные результаты подтверждают вывод о позднем появлении профессиональной деревообработки в Тюмени в конце XVII в. Средний уровень изготовления предметов указывает на то, что в основном они произведены горожанами для собственных хозяйственных нужд.

Ключевые слова: Тюмень; археологические раскопки; предметы из дерева.

Изделия из дерева и древесной коры – неотъемлемая черта повседневности русского города. Дерево – основное универсальное русское сырье, из которого строили укрепления, дома, изготавливали инструменты, предметы домашнего обихода, утварь. Вполне обоснованно предположить, что деревообработка в Тюмени, первом сибирском русском городе, окруженном лесами, должна занимать главное место. Тем не менее письменные источники позволяют увидеть более сложную картину развития этого ремесла. П.М. Головачев установил, что «производство деревянных изделий, чем впоследствии так славился Тюменский уезд, в XVII в. еще и не начиналось» [1. С. 194]. Изделия из дерева входили в состав «русского товара», которым торговали приезжающие из Центральной России. В таможенных книгах первой половины XVII в. упоминаются бадьи, братины, ставцы [Там же. С. 130, 148]. На первом месте среди привозных материалов находились ткань, кожа, металл (топоры, гвозди, пробои, посуда и пр.), мыло и др. Только к концу столетия складываются местные промыслы, которые со временем получили значительное развитие, например кожевенное, мыловаренное и деревообрабатывающее [Там же. С. 190, 193–194]. К началу XVIII в. деревообработкой занимались 6 городских хозяйств (плотницкое дело, изготовление ведер, столов и пр.) [2. С. 84]. В 1775 г. в Тюмени трудились 813 ремесленников, представлявших 40 профессий. Среди деревообработчиков числились плотники, токари, санники, колесники, судостроители, изготовители лыж и деревянной посуды [Там же. С. 181].

Несмотря на распространение деревянных изделий в быту, в культурном слое русских средневековых городов остается не так много находок из дерева. Большая часть материалов определена благодаря хорошо описанным этнографическим аналогам, а также опубликованным коллекциям из раскопок средневековых русских городов европейской части России и Сибири [1–6 и др.].

Коллекция изделий из дерева из раскопок Тюмени в 1988 г. состоит из 110 предметов (около 10%) и вклю-

чает детали средств передвижения, рыболовства, ткачества и плетения, обуви и домашней утвари XVII–XVIII вв.

Средства передвижения представлены вязкой от саней, упором лыжной палки и веслом. *Вязка от саней* сохранилась в виде стержня (35×2,8 см) с шипом на конце (4×1,4 см), в средней части есть ромбовидная в профиле выемка. *Упор* от лыжной палки в виде фрагмента конуса с высверленным отверстием в центре диаметром 2 см, диаметр упора 12 см, высота 4 см (рис. 1, 7). *Весло* длиной 97,3 см с рукоятью эллипсовидного сечения (3×1,5 см). Конец рукояти скруглен (8×1,5 см). Форма лопасти листовидная (длина 47 см, наибольшая ширина 10,1 см, толщина 0,8 см). Лопасть украшена вырезанной на конце шишечкой и пятью подтреугольными выемками с каждой стороны. Весло небольшое, возможно, кормовое для управления небольшой лодкой-челноком.

Принадлежности рыболовства представлены поплавками для сетей. *Поплавки* (16 экз.) различаются материалом (дерево, кора, береста), формой (дисковидные, трубчатые, клубовидные) и размерами. Дисковидные поплавки с отверстием в центре наиболее многочисленны. Деревянные (3 экз.) имеют диаметр 4,6–8,7 см, толщину 0,4–0,7 см, диаметр внутреннего отверстия 0,5–0,9 см. Поплавки из сосновой коры сохранились в виде расслоившихся или отдельных круглых дисков диаметром 2,5–5 см, толщиной 0,1–0,25 см, с отверстием диаметром 0,3–1,1 см или без них (возможно, заготовки). Один поплавок имеет вид многоугольной пластины со скругленными гранями (3×2,3×1,2 см) и отверстием диаметром 0,6 см (рис. 1, 6). Две пластины из бересты диаметром 5 см, толщиной 0,2 см с диаметром внутреннего отверстия 0,3–0,5 см. Трубчатый поплавок сделан из куска бересты, свернутой в трубочку в три оборота. С внешней стороны нанесен орнамент в виде косой сетки, высота 6,5 см, диаметр 2×3,7 см, толщина 1,5–2 см. Клубовидные поплавки (2 экз.) представляют собой клубки, смотанные из узких полос бересты шириной 1–3 см.

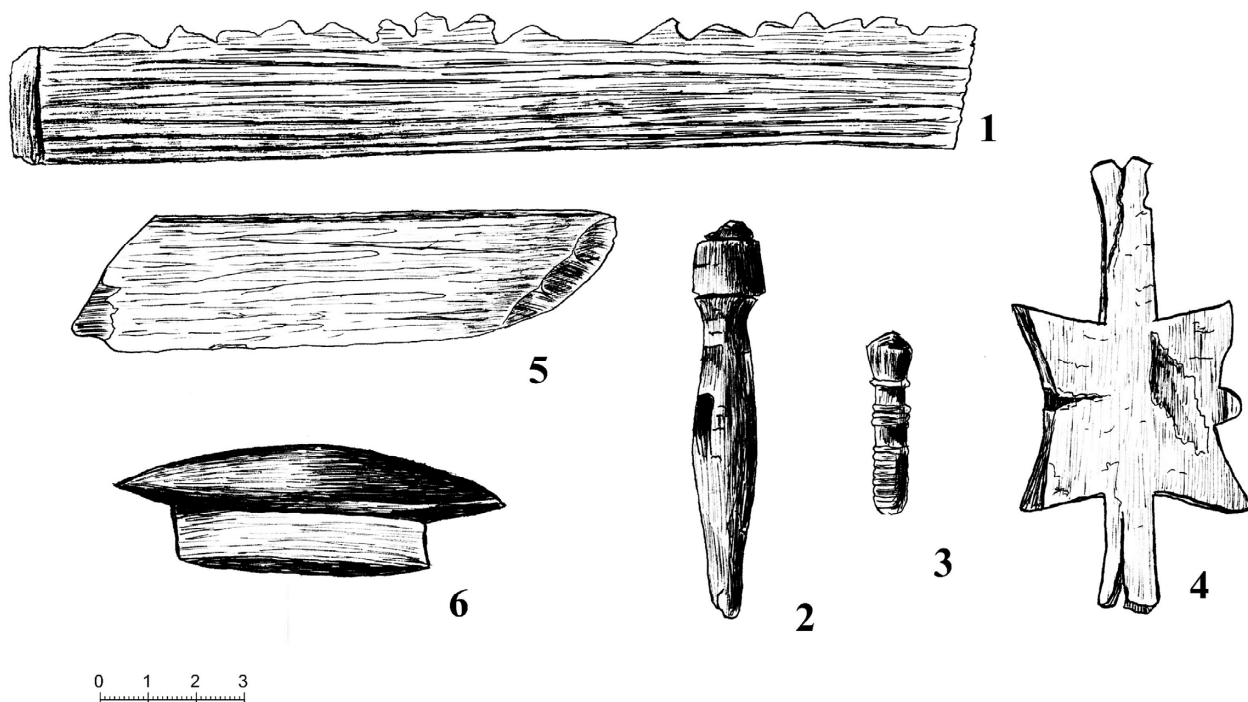

Рис. 1. Предметы из дерева: 1 – дощечка для ниток; 2, 3 – челноки; 4 – моталка для ниток; 5 – нож для рыбы; 6 – крышка

Ткачество и плетение представлены кочедыком, челноками, принадлежностями для ниток, веретенами, деталями ткацкого стана. *Кочедык*, игла для сетей, выструган из бруска дерева в виде пятигранника, грани разной ширины (1–4 см) сходятся внизу, в верхней части есть сквозное круглое отверстие (1,3×1,7 см) (рис. 1, 5). *Мотавило*, инструмент для перемотки нити в виде обструганного уплощенного бруска с вильчатыми окончаниями и суженой серединой, одна сторона плоская, вторая слегка выпуклая, размеры 38×4,5×2 см. *Дощечка для ниток* в виде обработанной прямоугольной щепочки с одним зубчатым краем, размеры 20×3×0,7 см (рис. 2, 1). Фигурные стержни (2 экз.), представляющие собой простейшие челноки, которые обматывались пряжей. Первый с нарезкой и навершием в виде шишечки (3,7×0,7–1 см), второй – с утолщением в центре пирамидальной головки (8,2×1,5 см) [7. С. 253] (рис. 2, 2, 3). *Моталка* для ниток вырезана из цельного куска дерева в виде фигурного квадрата с вогнутыми сторонами, с двумя стержнями четырехугольного сечения с двух сторон, на боковых сторонах есть небольшие выступы, размеры 9×4,5×1,5 см (рис. 2, 4). *Веретена* (3 экз.) в виде сужающихся стержней с овальными сечениями длиной 24,5–26,7 см, диаметром до 2 см.

Детали ткацкого стана представлены подножкой, нитченками. *Подножка* ткацкого стана в виде длинного бруса трапециевидной формы размерами 37,7×6,5–3,2 см, в сечении брус прямоугольный, утончается с 2,6 до 1,4 см к концу. *Нитченки* (2 экз., оба обломаны) в виде стержней с подрезанными и обработанными головками, диаметр 2–2,3 см, длина сохранившихся частей 14,5 и 22 см.

Детали обуви представлены деревянным каблуком и берестяным задником. *Каблук* в плане овальный с обрезанным сегментом, в профиле трапециевидный со скругленной внешней стороной и ровно срезанной под острым углом внутренней стороной, вырезан из дерева со слоистой структурой. Размеры площадки 4,3×4 см, высота 1,6 см. *Задник* в виде подпрямоугольной с треугольным выступом многослойной берестяной пластины размером 5×6,5×0,7 см.

Домашняя утварь представлена фрагментами бондарных изделий (клепки, днища и пробки), посуды и кухонных принадлежностей.

Клепки (2 экз.) – одна клепка в виде прямоугольной сужающейся планки (22,8×4,8–5,6×0,55–1,1 см) имеет на обороте одного конца уторный паз для крепления дна, в профиле он прямоугольной формы, расположен в 3 см от края, верхняя часть клепки шире, чем нижняя; вторая клепка представляет собой фрагмент нижней части прямоугольной планки шириной 9,2 см, толщиной 2,1–2,5 см, у нижнего края с внутренней стороны расположен уторный паз (4,7 см от края) трапециевидной формы в профиле глубиной 0,5 см. Клепки высотой 26–43 см, шириной 5–7,5 см относят к ведром или шайкам, клепки высотой 62–80 см, шириной 9–10 см принадлежат бочкам, кадкам [5. С. 91]. Бондарные изделия отличаются унификацией форм и размеров, имеют разработанную классификацию по назначению [8. С. 43–44, 277].

Днища от бондарных изделий (14 экз.) диаметром 10,5–40 см, судя по продольным волокнам и отсутствию следов отверстий от гвоздей, которыми прибивались перекладыны, скрепляющие планки, были вырезаны из широких досок.

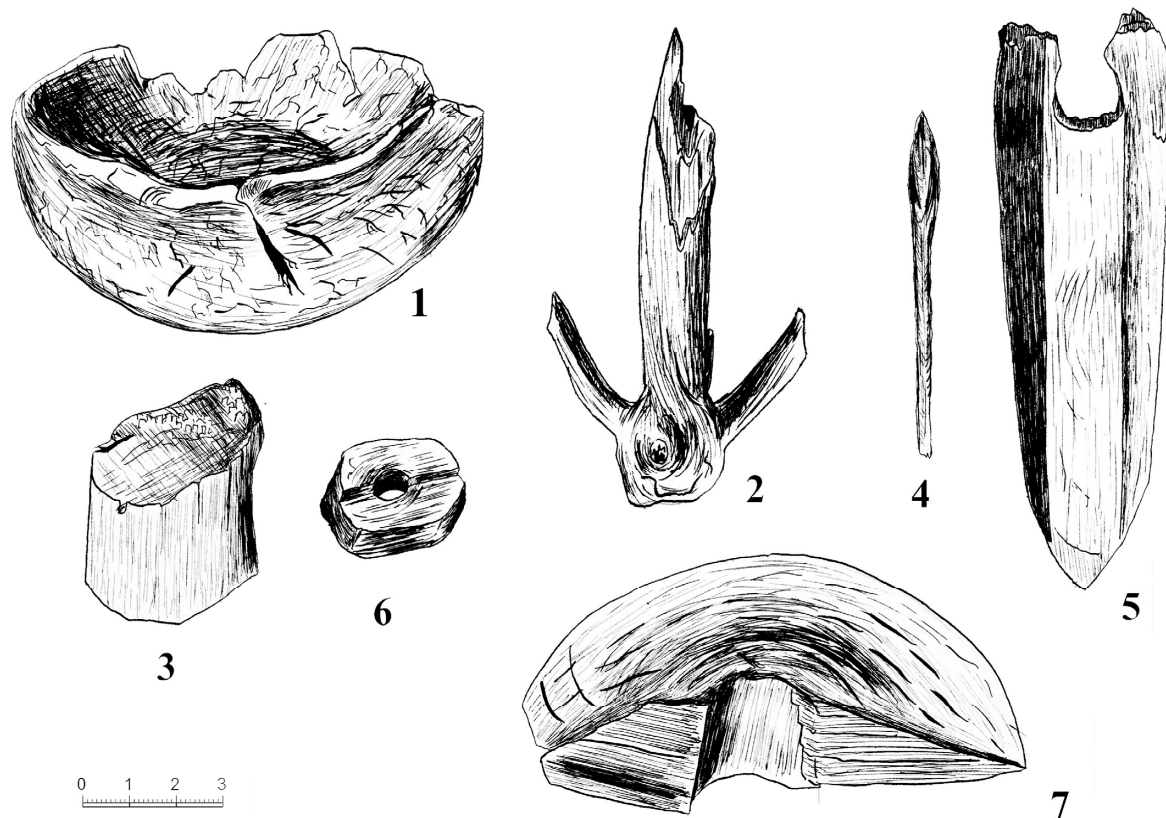

Рис. 2. Предметы из дерева: 1 – чаша; 2 – мутовка; 3 – шахматная фигура; 4 – наконечник стрелы; 5 – кочедык; 6 – поплавок; 7 – упор от лыжной палки

Большая часть днищ имеет фаски по краям для закреплений в уторных пазах. Основная масса днищ диаметром 24–40 см, толщиной 1–2,7 см принадлежала ведрам, шайкам, ушатам. В Мангазее днища диаметром 26–40 см определены как шайки, ведра [5. С. 41, рис. 144, 1–3]. Четыре днища диаметром 10,5–17 см, толщиной 0,7–1,8 см – от посуды мелких форм. Большие днища имели приостренные края (4 экз.), со скосом с одной стороны (4 экз.), и прямые (1 экз.), мелкие – прямые (3 экз.) и один трапециевидный. Не исключено, что днища с прямыми краями без фасок являются крышками.

Пробки (14 экз.) различаются размерами и формой. По форме выделяются стержневидные (4 экз.), цилиндрические (5 экз.), конусовидные (2 экз.), грибовидные (3 экз.). Стержневидные высотой 8–16 см, диаметром 1,5 см имеют гладкую обработанную поверхность, нижний конец скруглен. Цилиндрические высотой 6–10,5 см, диаметром 2–6 см отличаются большей толщиной. Конусовидные пробки имеют навершия. У одной пробки навершие уплощено и имеет сквозное отверстие, у второй навершие – в виде выступающего гребня. Грибовидные пробки вырезаны из цельного куска дерева, шляпки диаметром 5–11 см, высотой 9–10 см.

Находки деревянной посуды редки и представлены чашей, черпаком, крышками от туесов и коробок. *Чаша* – сосуд из капа с плоским дном (диаметр 6 см), немного сплюснутой формы со слегка наклоненными

внутри стенками с диаметром большим (10 см), чем высота (7 см). Венчик прямой, край сосуда волнистый (рис. 1, 1). *Черпак* вырезан из цельного куска дерева в виде неглубокой трапецевидной ложки с длинной рукоятью подпрямоугольного сечения, с оборотной стороны оставлено ребро, длина черпака 28 см, наибольшая ширина ложки у перехода к рукояти – 10,5 см.

Крышки от туесов (3 экз.), круглые, цельновырезанные из дерева и бересты. Деревянные крышки имеют диаметр 15–16 см. На первой целой крышке сохранилось два сквозных прямоугольных сквозных отверстия (в одном остался фрагмент дерева). Между этими отверстиями виден желоб от стержня с круглым сечением, при помощи которого с внутренней стороны фиксировалась через отверстия дугообразная ручка. От второй крышки сохранился сегмент, на обломе видно прямоугольное отверстие от крепления ручки. Одна крышка из бересты от цилиндрического сосуда диаметром 12,2 см.

Крышки от коробок (3 экз.) вырезаны из цельных кусков дерева. Одна крышка круглой формы, сверху полусферическая (диаметр 8,5 см), на обороте выступ (диаметр 6 см), высота 2,5 см (рис. 2, 6). Две крышки от прямоугольных коробок. Первая (18×23 см) сверху выпуклая, снизу имеет прямоугольный выступ в центре (11×13×1,6–2 см), высота 3,5 см. Вторая крышка прямоугольной формы с одной скругленной стороной, на обороте прямоугольный выступ (7×6,7 см), сдвинутый к закругленной стороне и составляющий с ней общий

боковой срез, высота 3,5 см. Аналоги есть в Мангазее [5. С. 91, 273].

Кухонные принадлежности представлены разделочной доской, мутовкой, веселкой, лопатками, пестами, рукоятью ножа, ножом для чистки рыбы, лопатой. *Разделочная доска* прямоугольной формы (21,6×17 см) со слегка расширяющейся рукояткой (5×3,5–3,7 см), на одной стороне вырезана буква «М». *Мутовка* из молодого ствола сосны с тремя аккуратно срезанными под углом сучками использовалась для замешивания теста, смешения жидкостей, взбивания масла (размеры 9,7×5,7×1,7 см) (рис. 1, 2). Аналогичные мутовки бытовали на территории России с далекой древности [3. Табл. 75; 5. С. 265. Рис. 149, 4]. *Веселка* в виде узкой лопаточки с подпрямоугольным длинным стержнем для замешивания теста, размеры 42×4,2×1–2 см. *Лопатки* кухонные (2 экз.), используемые при жарке пищи. Одна лопатка с рукоятю овального сечения с плавным переходом к расширенной и утончающейся к краю рабочей части (размеры 16,7×3,1–5,7×1,4 см), вторая – со слабо расширенной рабочей частью и выпуклой поверхностью с одной стороны и плоской гладкой – с другой (21,3×3,5×0,7 см). *Толкушки* (2 экз.) в виде стержней (длина 24 и 26,3 см) с утолщенными концами, рабочие части закруглены, переходы к рукоятям плавные; у одной – сечение круглое (диаметр 2,4 см), у другой – подпрямоугольное (2,5×2,4 см). На утолщении первой толкушки есть две параллельные насечки. *Нож* для чистки рыбы с подтреугольным сечением, толщина спинки 0,7 см, лезвие заострено, на конце лезвия следы заостряющих срезов, рукоять срезана, размеры 11,5×2,8 см (рис. 2, 5). *Рукоять* ножа вырезана из капа, овальная в сечении, размеры 6,3×2,7×1,7 см.

Предметы домашнего обихода представлены вениками (2 экз.), лучинами (20 экз.), колотушкой, лопатой, корытом, лестницей. *Веники* из 18–20 прутьев, один перевязан, длина 20–21 см, толщина связки 3–4 см. *Лучины* (20 экз.) найдены вместе, представляют собой стержни размерами 15–33×0,2–0,5×0,9 см. *Колотушка* вырезана из бруса с округлой в сечении (2,5 см) рукоятю и прямоугольной в сечении (5,9×4 см) рабочей частью, размеры 22,5×5,9×2,5 см. *Лопата* с лопастью трапецевидной формы, переход от рукояти плавный, основание скруглено, размеры 38×21,8×0,7 см. *Корыто* в виде полуцилиндрической емкости, выдолбленной с плоской стороны, двухсекционное, с перегородкой на расстоянии трети выема. Сохранившийся отступ с одного торца 6 см. У торцовых бортиков и с двух сторон перегородки спуски ко дну наклонные. Дно с внешней стороны стесано, плоское, ширина плоской части 10 см. Ширина боковых вертикальных бортиков 1,5 см, толщина дна 3 см, глубина корыта 5 см. Общие размеры – длина 64 см, ширина 19,5 см, высота 9 см. *Лестница* из бревна с вырубленными под углом четырьмя ступеньками, нижнее основание полукруглое размером 40×22 см, высота нижней секции 23 см, глубина ступеньки 20 см (сохраненная перемычка с бревном 7 см),

третья секция высотой 46 см, глубина ступеньки 20 см (сохраненная перемычка с бревном 6 см), вторая секция размером 31×21 см, глубина ступеньки 17 см. Задняя часть лестницы обтесана. Общие размеры 100×40×21 см. Подобная лестница найдена при раскопках Томска [6. С. 123].

К предметам культуры и досуга можно отнести церу, шахматную фигуру и игрушечный наконечник стрелы. *Цера* в виде фрагмента доски с углубленной внутренней частью в виде пятиугольника (основная часть прямоугольная, верх – треугольный), бортики узкие высотой 1 см, общие размеры 45,5×9,5×3 см, служила для записей, которые делали на воске, заполняющем выдолбленное пространство [8. С. 151, 337]. *Шахматная фигура* в виде цилиндра с косо срезанным верхом, размеры 4,5×3,6 см (рис. 1, 3). Подобные простые в изготовлении фигуры есть среди находок в Мангазее [5. С. 278–279]. Обломок *наконечника стрелы* (размеры 7,8×0,4–0,9 см), вероятно, игрушечный, выструган из дерева, имеет древко диаметром 0,4 см, утолщенную головку длиной 2,5 см, диаметром в широкой части 0,7 см, кончик острия утрачен, общая длина 7,8 см (рис. 1, 4).

Все представленные в коллекции предметы типичны для домашнего производства и изготовлялись самими владельцами по мере необходимости. Домашняя утварь (веселка, лопатки, толкушки и пр.) представляют собой щепной товар, который трудно разделить на предметы домашнего производства и ремесленного. К предметам, сделанным профессиональными столярами, можно отнести детали ткацкого стана, упор от лыж, чашу из капа, бондарные изделия, которые могли быть как привозными, так и местными.

Обращают внимание предметы, напрямую или косвенно относящиеся к занятию рыболовством. В культурном слое не сохранились рыбы кости, но поплавки, весло, кочедыки, нож для чистки рыбы свидетельствует о занятии рыболовством в городе, стоящем у рыбной реки и в окружении рыбных озер. Интересно, что рядом с веслом была найдена чаша из капа, которая вполне вписывается в рыбацкий инвентарь.

Предметами, которые объединяют ткачество, плетение, изготовление берестяных туесов и обуви, рыболовство, являются разные приспособления для намотки ниток – челноки, дощечки, моталки, веретена, без которых ничего нельзя было сплести (сети), сшить (обувь, туеса), соткать (одежда).

В целом подтверждается вывод историков о том, что деревообработкой занимались в основном крестьяне, ямщики, мещане. Они составляли серьезную конкуренцию цеховым ремесленникам. Это обстоятельство вызывало возмущение власти. Все попытки вытеснить «незаписных мастеров» из мелкой промышленности были безуспешными [2. С. 188]. Представленная коллекция позволяет дополнить исторические исследования в области кустарных ремесел и производств средневекового русского сибирского города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив. доц. П.М. Головачева: Состав населения и экономический быт в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVII в. Тюмень : Мандр и К^а, 2004. 200 с.
2. Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб. : Русь, 2004. 512 с.
3. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. Свод археологических источников. Е 1–55. М., 1968. 184 с.
4. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2. 147 с.
5. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
6. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760 гг. историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
7. Энциклопедия изящных, декоративных и прикладных искусств. М. : АСТ: Астрель, 2009.
8. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. 368 с.

Semyonova Valentina I. Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russia). E-mail: valivsem8@mail.ru

WOODWORK EVERYDAY LIFE AND HOUSEHOLD GOODS FROM EXCAVATION IN TYUMEN OF 1988.

Key words: the town of Tyumen; archaeological excavations; woodwork articles collection.

Woodwork goods are characteristic of the Russian town everyday culture. Wood was used for fort and house constructing, for making tools, household goods and utensils. Timber processing had developed in the town of Tyumen at the end of 17th century. At the beginning of the same century timber articles were brought from Central Russia. By the early 18th century six town enterprises were involved into timber processing (carpentry, bucket and table making, etc.). Though woodwork articles were popular in everyday life, not many wood finds were found in the cultural layer of Russian medieval towns. The most material part is defined due to well-described ethnographic analogues and published collections from excavation of medieval Russian towns of the European Russia and Siberia. The woodwork collection from Tyumen excavation of 1988 consists of 110 articles (about 10 %) and includes the details of vehicles, fishery, weaving, wickerwork, shoes and household goods of 17–18th centuries. All collection articles are typical of home domestic production and were made by the owners themselves as the need required. Such articles as the details of a loom, ski racks, wood-knob cups may be attributed as the ones, made by professional joiners. Cooper's products are also related to handicraft ware. It is impossible to distinguish brought from afar goods in the presented collection. Directly or indirectly the articles, related to fishery (floats, curved awls, the oar, the fish knife) catch our attention. Articles joining weaving, wickerwork, birch bark container and shoes making, fishery are represented by different aids and appliances for thread winding (shuttles, small boards, reels, spinning spindles) – all the things needed to wicker (fishing nets), sew (shoes, containers), weave (clothes). The average stage of excavated articles proves the historians' conclusion that into wood processing for daily living wants peasants, coachmen and lower middle class were mainly involved. This reality aroused the authority indignation as it bereaved professional craftsmen of their orders. The collection allows supplementing with historical studies in the field of handicraft and domestic industry of the medieval Russian Siberian town.

REFERENCES

1. Golovachev, P.M. et al. (2004) *Tyumen' v XVII stoletii* [Tyumen in the 17th century]. Tyumen: Mandr. i K^a.
2. Minenko, N.A. (2004) *Tyumen': letopis' chetyrekh stoletiy* [Tyumen: A Chronicle of Four Centuries]. St. Petersburg: Rus'.
3. Kolchin, B.A. (1968) *Novgorodskie drevnosti. Derevyannye izdeliya. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Novgorod Antiquities. Wooden Crafts. The Code of Archaeological Sources]. Е 1–55. Moscow.
4. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) *Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv.* [Mangazeya. Material Culture of Russian Polar Navigators and Explorers of the 16th–17th centuries]. Moscow: Nauka.
5. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New Archaeological Studies (Materials from 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
6. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske 1660–1760 gg. istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Voivode Manaor in Tomsk in 1660–1760: A Historical and Archaeological Reconstruction]. Tomsk: D'Print.
7. Arbuzov, A.A. (ed.) (2009) *Entsiklopediya izyashchnykh, dekorativnykh i prikladnykh iskusstv* [Handtools of Arts And Crafts: The Encyclopedia of the Fine, Decorative and Applied Arts]. Translated from English by O. Chernyak. Moscow: AST: Astrel'.
8. Rybakov, B.A. (ed.) (1997) *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Old Rus. Life and Culture]. Moscow: Nauka.

УДК 904:72

DOI: 10.17223/19988613/49/16

С.Ф. Татауров

ДРОВА КАК ОДИН ИЗ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА В XVII–XVIII вв.

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.41.2017), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Исследование посвящено одному из обязательных условий существования сибирского города в XVII–XVIII вв. – системе отопления, связанной с заготовкой, хранением и использованием дров. Дрова до настоящего времени не являлись предметом археологических исследований, хотя в ходе раскопок они неоднократно фиксировались. Репрезентативный материал, дающий объективное представление об этом неотъемлемом элементе системы жизнеобеспечения, получен в ходе раскопок Тары – одного из первых русских городов в Сибири. Изучение фрагментов древесины (поленьев) позволило установить размеры печей, инструменты для заготовки дров, определить объемы заготовок. Изучение письменных документов позволило установить цены на заготовку дров и основных поставщиков этого топлива в город.

Ключевые слова: Сибирь; город; отопление как элемент системы жизнеобеспечения; дрова.

Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
Н.А. Некрасов

Человек в суровых условиях Западной Сибири не может обходиться без огня – для приготовления пищи, отопления жилищ, изготовления орудий и т.д. С момента первого проникновения в этот регион одной из основных проблем для человека стала заготовка дров. Везде, где есть поселенческие комплексы, независимо от эпохи археологические исследования фиксируют кострища, очаги, печи. С появлением новых методик предметом исследований становятся свидетельства использования огня, связанные со специализацией комплексов (от отопления до производства), временем их функционирования, температурой, которая достигалась в очагах и печах, и др. Одна из важных и пока нерешенных задач – характеристика дров как ведущего вида топлива, а также ряд связанных с ними вопросов: использование специальных инструментов, объемы и сроки заготовки и т.д.

Археологические исследования одного из первых русских городов в Сибири – Тары – предоставили достаточно много материалов, связанных с этой составляющей системы жизнеобеспечения жителей города: собственно сами дрова, места их хранения и некоторые наблюдения над способами их заготовки, транспортировки и т.д. Письменные источники дали представление о том, кто занимался их заготовкой, сколько готовили дров и сколько они стоили.

Город Тара был срублен за рекордное время: за несколько месяцев осени и зимы 1594 г. Были поставлены крепостные стены с шестью башнями, из которых две – проездные. Административные постройки внутри крепости – воеводская изба, писарская, арсенал, аманатская и несколько амбаров для хранения припасов. Была поставлена острожная стена с семью баш-

нями. Срублены две церкви, избы и хозяйственные постройки для служилого населения. Поскольку город ставили на пороге зимы, в поставленных постройках делали печи и заготавливали для них топливо. Пока шло строительство, на дрова шли отходы, но уже на следующий год, судя по находкам в культурных слоях этого времени, город занялся целенаправленной заготовкой дров.

Культурный горизонт конца XVI–XVII вв. Тарской крепости и острога содержит большое количество срубов, различных деревянных конструкций и предметов. Достаточно много было найдено и поленьев – как специально заготовленных, так и из строительных отходов (рис. 1, 1). Вполне возможно, что при раскопках других сибирских городов дрова в виде поленьев были частой обычной находкой, но в публикациях авторы не считали необходимым уделять им внимание либо ввиду плохой сохранности археологической древесины дрова не фиксировались в культурном слое. В публикациях уделяется большое внимание постройкам и находящимся в них печам, указываются их размеры, конструктивные особенности, материалы и элементы декора [1. С. 77–91; 2. С. 34–60]. Основа печной конструкции – топка и дымоотвод; размеры топки определяют температурный режим и специфику приготовления пищи; если печь находится в жилом помещении, наличие или отсутствие трубы указывает на степень доступа воздуха (тяги) непосредственно к сгораемой древесине. Находки поленьев в слоях XVII–XVIII вв. в крепостной и острожной частях Тары позволяют сделать однозначный вывод о том, что размеры топок в тарских печах были примерно одинаковы независимо от статуса их владельцев.

1

2

3

4

5

Рис. 1. Дрова и инструменты в г. Таре: 1 – поленья в углу избы XVIII в.; 2 – завалинка у избы со сложенными на нее поленьями; 3 – сложенный лес на берегу р. Аркарки; 4 – «круглая» поленица; 5 – колун

На дрова шел в основном молодой лес диаметром не более 0,25–0,3 м. Бревна рубились на чурки длиной 0,7–0,8 м. Исходя из этого, размеры топков в тарских печах составляли в длину 0,9–1 м, в ширину и высоту – не менее 0,6 м. Поленья меньшей длины фиксируются в слоях второй половины XVIII в., что, по-видимому, связано с распространением в Таре вспомогательных печей-голландок, у таких печей из-за особенности конструкции топка значительно короче. В настоящий момент такие печи сохранились в городе в нескольких

купеческих особняках. Например, в доме купцов Айтикиных на Нерпинской улице.

Дрова делились практически поровну на березовые и осиновые. Значительное количество осиновых дров объясняется их более мягкой древесиной, что важно для заготовки, а также тем, что они выделяют гораздо меньше угарного газа. Березовые дрова дают больше жара, но выделяют много угара. У хозяев был выбор, какими дровами топить печь. Чем больше (толще) полено, тем оно дольше горит и температура в жилище

сохраняется более продолжительное время. Поэтому чурки кололись на две или четыре части. Но если осиновые поленья прогорают равномерно и практически не оставляют углей, то березовые равномерно горят только при высокой температуре. При снижении градусов в топке крупные поленья превращаются в головни или «головешки» – обугленные поленья, которые очень длительное время могут медленно тлеть, выделяя угарный газ. По этой причине после того, как печь протопилась, хозяева обязательно ее проверяли и выкидывали недогоревшие поленья. В культурном слое Тары «головешек» найдено достаточно много. Считалось, что второй раз в печь ее класть к несчастью. В пословицах русского народа головешки оцениваются в основном негативно: «Одна головешка и в печи не горит, а две – и в поле разгораются»; об одиноком человеке «Одна головня ни горит, ни гаснет»; об угаре: «Долго шарили, а головню оставили», «Не оставайся от жару головня (угоришь), от попа попадья (надоест)». Причина такого отношения очевидна: случаи отравления угарным газом были обычным явлением, часто это заканчивалось летальным исходом для целых семей.

Только с появлением в XIX в. у русских печей плиты (места для приготовления жареной пищи) и дополнительной топки для нее дрова начинают колоть более мелко. Мелко колотые дрова разгораются гораздо быстрее и отдают больше тепла, но срок их горения значительно короче, чем у более крупных поленьев, поэтому хозяйки тратили меньше времени для приготовления пищи.

Осиновые дрова были необходимы при устройстве отопления «по-черному», их клали в печь в последнюю очередь, так как они сгорали полностью, не выделяя угарного газа, вместе с ними прогорали недогоревшие части березовых поленьев. По этой же причине осиновыми дровами топили «по-черному» бани, так как они давали высокую температуру, необходимую для того, чтобы можно было париться и не бояться угореть.

В ходе раскопок в острожной части города удалось определить места, где хранились у жителей запасы дров в XVII в. Из-за плотной застройки острожной части дрова хранили в поленищах в междомовых пространствах и на завалинках (см. рис. 1, 2). Особенно интересны завалинки: их делали с восточной части постройки – наиболее освященное и теплое место, здесь дрова высыхали быстрее, и, конечно, это излюбленное место для посиделок. Из-за постоянных пожаров городские власти стали запрещать открытое хранение дров. Пришлось тарчанам строить дровяные сараи рядом со своими избами, кому позволяло место, а подавляющему большинству населения пришлось хранить дрова за пределами острожных стен, что породило традицию складывать дрова в круглые поленища (см. рис. 1, 4). По мере надобности дрова на лошадях подвозили к избам.

В 1785 г. было принято Городовое Положение, которое существенно ужесточило правила застройки и хозяйственной деятельности в пределах города [3. С. 33].

В первую очередь, это коснулось порядка на придомовых участках: тарчане были вынуждены убрать все хозяйственные постройки под одну крышу, в том числе и дровяники. С этого времени самым распространенным в Таре способом индивидуальной застройки стал крытый двор. Под его крышу прятали гужевой транспорт, хлев для скота и птицы, бани, дрова. Сюда же переместились и житницы – зерновые амбары, которые ранее находились в крепостной части города.

На фотографиях конца XIX в. видно, что древесину хранили на окраине города вдоль берега р. Аркарки (см. рис. 1, 3). С началом советской власти эту традицию перенял Гортоп (городское топливное хозяйство), который сделал дровяную биржу на окраине города, на берегу Иртыша. В настоящее время дровяные склады находятся в том же месте и отделены от городских построек довольно широкой полосой свободной земли.

Следующий вопрос нашего исследования – сколько было необходимо заготовить дров на год для одного хозяина избы и сколько в целом на год требовалось всему городу.

Суровые продолжительные зимы требовали большого количества дров для отопления жилищ тарчан. По этой причине старались строить жилые дома небольших размеров. Это подтвердили раскопки в острожной части города: площадь постройки XVII в. составляла около 14 м². В XVIII в. площадь изб увеличивается, достигая 20–26 м². Со времени основания города, помимо распространенной традиции топить «по черному», в некоторых домах стали топить «по белому» – при раскопках фиксируются упавшие кирпичные трубы. В избе XVII в., расположенной в острожной части города, нами обнаружена печь с трубой, полностью сложенная из кирпича-плинфы, что демонстрирует раннее использование кирпича и такой конструкции печей. С одной стороны, малые размеры изб и наличие печных труб требовали небольшого количества дров для одной топки, но, с другой стороны, избы быстро выстуживались.

Дрова требовались ежедневно для приготовления пищи вне зависимости от времени года. Хозяйки старались совмещать отопление и готовку, но не всегда это было возможно, поэтому варили сразу на сутки или на несколько дней. Отсюда поговорки про недельные щи и т.п. Нельзя не учитывать и тот факт, что в этих же печах готовился корм и для домашнего скота, особенно для новорожденных животных.

Топливо требовалось также для бань, которые находились у значительной части тарчан. В Мангазее была городская торговая откупная баня [4. С. 72], что, видимо, связано с недостатком строительных материалов в этом городе. В Таре проблем с древесиной не было, бани зафиксированы раскопками в крепостной и острожной частях города. Обычно в банях мылись раз в неделю, но во время страды или тяжелой работы – вспашки земли и сева, сенокоса, уборки урожая, заготовки леса – бани топили практически каждый день.

Дрова были необходимы жителям города и для производственной деятельности. Многие производственные площадки находились прямо в жилых избах, но были и кузни, гончарни, которые располагались в отдельных постройках и отдельно отапливались.

Исходя из всех нужд, по нашим подсчетам, в среднем на одно хозяйство в год готовили около одной кубической сажени дров, что в переводе на современные меры объема составляет 9,718 м³.

Помимо жилищ дрова шли на отопление воеводского дома и административных зданий в Тарской крепости – писарской избы, арсенала, аманатской (тюрьмы) и т.д. Отапливались и фортификационные постройки крепости и острога. Раскопки Княжьей башни Тарской крепости показали, что в подобных объектах стояли небольшие печи для обогрева караульных. В Тарской крепости было шесть башен и двое ворот, да в остроге четверо ворот и шесть башен. Таким образом, дров на отопление государевых объектов требовалось большое количество. Князь Мещерский в докладной записке по поводу пожара 1669 г., когда сгорел практически весь город, указал среди уничтоженных огнем 360 дворов, приказную избу, воеводский дом и другие постройки [3. С. 22]. По данному документу общее число отапливаемых объектов в городе на момент пожара можно определить примерно в 400, т.е. для отопления требовалось 400 кубических сажень дров, или 3 200 м³. Это небольшой лес в несколько десятков гектаров, который тарчане ежегодно вырубали на дрова.

Для заготовки такого объема дров требовались усилия достаточно большого количества человек. Учитывая, что две трети мужского населения города были служилыми людьми и не могли заниматься данным промыслом, возникает вопрос – кто поставлял дрова городу? В наказе об основании города написано, что доставка леса была положена на плечи местного татарского населения. «А делати город всеми ратными людьми и татары тутошними волостями, сколько тутошних людей зберется к городовому делу, которые туто близко подошли. А сперва их б[ере]чись, велети и лес ронить и привозить под город; а стояли бы под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепиться, чтоб и[м] людей государевых не смечать. А которые не учнут слушать и лесу к городовому [делу] возить, и их велеть воевать и пои [мав укро]щать» [5. С. 348].

Повинность в поставках строевого леса в Тару, а впоследствии дров стала со временем одним из прибыльных промыслов населения окружающих город татарских деревень. Пользуясь тем, что за ними были закреплены практически все лесные угодья, татары превратили этот фактор в способ обогащения. П.А. Словцов писал: «Татары и бухарцы, владея по писцовым книгам лучшими угодьями, лесами, землями, озерами, урочищами ягодными, ореховыми, звериными, пользуясь льготой от рекрутства и довольствуясь доходами с угодий, не жили, а плесневели в беспечной ленности» [6. С. 65].

В XIX в. заготовка леса во многих татарских деревнях стала отхожим промыслом. С осени до начала полевых работ население уходило в казенные лесные дачи и на пристани для заготовки леса (строевого и дровяного) и вывозки. Для жителей тех населенных пунктов, где не было развито хлебопашество, этот вид деятельности был основным, они занимались сплавом и погрузкой леса круглый год. К лесному промыслу в северной части Тарского округа (Саргатская, Коурдакская, правобережные селения Аялынской и Бухарской волостей) имело отношение почти все население. Им занимались целые артели или поденно. Один хозяин с парой лошадей зарабатывал 60–70 руб., с одной лошадей – 25–30 руб. за зимний период. При поденной работе в день платили 1 руб. 20 коп. на человека с лошадей [7. С. 130]. Тарские купцы Айтикины поставили заготовку дров на еще более высокий уровень. Построенные по их заказу в Тюмени пароходы «Работник» и «Тара» поставляли дрова на верхний Иртыш – в Павлодар и Семипалатинск [8. С. 80].

Заготавливало дрова и русское население деревень, расположенных по берегам Иртыша к северу от Тары вплоть до устья р. Ишим, но напрямую в Тару их не везло, а складировало на пристанях. Тарские купцы грузили дрова на баржи и доставляли их в город. Березовые дрова в 1861 г. на пристанях стоили 1 рубль, осиновые и сосновые – по 60–80 копеек за куб. сажень [7. С. 168].

Обратимся к инструментам для заготовки дров. Пила вошла в обиход тарчан только к середине XVIII в. в связи с началом каменного строительства, когда понадобился пиломатериал для церквей и купеческих особняков. До этого времени единственным инструментом на заготовке леса был топор. Значение топора в жизни сибиряка в XVII–XVIII вв. трудно переоценить – с его помощью выполнялось более половины хозяйственных занятий как в городе, так и на селе, он был оружием и инструментом для деревообработки, неотъемлемой частью быта, атрибутом кухни и т.д. Топору посвящены отдельные исследования, поэтому рассмотрим его только в связи с заготовкой дров.

Анализ ассортимента топоров в обычном крестьянском хозяйстве дал следующие результаты: у хозяина подворья в лесной полосе Западной Сибири было до шести его разновидностей: плотницкий, столярный, колун, кухонный (для рубки мяса), небольшой топорик (для охоты и рыбалки), тяжелый топор для рубки леса, или лесной топор (на севере Омской области этот топор почему-то называют «французским». – С.Т.). В связи с дровами интерес представляют два вида топора – лесной и колун. Первый приходит в Сибирь очень рано, при раскопках Тары в слоях XVII в. найдены поленья диаметром 15–20 см, по которым видно, что дерево перерубалось одним-двумя ударами. Это массивный топор с широким обухом, с выделенной оттянутой пяткой (бородкой) и почти не выступающим носком. Полулунное широкое (около 15–20 см) с двусторонней

заточкой лезвие позволяло наносить по толстым деревьям удар с максимальной силой. При таких ударах сопротивление дерева приходится на середину лезвия, поэтому носок у топора только мешал лесорубу. Подобные топоры в Тарском Прииртышье известны по раскопкам памятников XVII–XVIII вв. [9. С. 20]. А.Ю. Майничева, описывая строительное дело старообрядцев Верхнего Приобья, топор такой формы сравнивает с секирой и отмечает, что он применялся до распространения пилы для валки деревьев [10]. Из-за дефицита железа в Таре все шло в кузницы на перековку, поэтому топоров и других массивных металлических предметов не найдено.

Колун приходит в Западную Сибирь несколько позднее. В Таре чурки со следами раскола топором с узким клиновидным лезвием фиксируются в слоях второй половины XVIII в. В отличие от современной практики колки, когда чурку ставят вертикально и раскалывают с торца, в то время чурку кололи в горизон-

тальном положении, что позволило зафиксировать следы колуна. Появление топоров такого типа связано с существенным расширением объемов торговли Западной Сибири с Европейской Россией. Увеличение товарооборота сказалось на количестве завозимых с Урала металлических изделий, в том числе деревообрабатывающего инвентаря. Вместе с новыми для Западной Сибири инструментами – пилами, коловоротами – стали завозить и колуны (см. рис. 1, 5).

Подводя итог, можно сказать, что дрова на протяжении более 400-летней истории Тары являлись одним из стратегических запасов, позволяющих нормально существовать сибирскому городу. Их заготовка требовала значительных ресурсов и со временем превратилась в промысел для населения прииртышских деревень. Проведенное исследование показало значимость изучения таких, казалось бы, «второстепенных» материалов археологических раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
2. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
3. Цветкова Г.Я. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. Омск : Омск. книж. изд-во, 1994. С. 6–45.
4. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
6. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. IV период. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 765 с.
7. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
8. Татауров С.Ф. Купцы Айтикины: несколько страничек к истории семьи // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья : материалы V науч.-практ. конф., посвящ. памяти А.В. Ваганова. Тара : Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. Т. II. Архивная секция. С. 78–87.
9. Михалев В.В. К вопросу о характере поселений XVII–XVIII вв. в районе д. Бергамак Муровцевского района Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований : материалы VI междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск : ОмГУ, 1998. С. 19–20.
10. Майничева А.Ю. Традиции строительного дела Средневековой Руси и домостроение старообрядцев Верхнего Приобья в конце XIX – начале XX в. 1998. URL: <http://zaimka.ru/mainicheva-house-building>

Tataurov Sergey F. Institute of Archaeology and Ethnography Omsk Branch of Siberian branch of RAS (Omsk, Russia) E-mail: tatsf2008@rambler.ru

FIREWOOD AS ONE OF THE BASIC ELEMENTS OF LIFE SUPPORT OF A SIBERIAN TOWN IN THE 17–18TH CENTURIES.

Keywords: Siberia; city; heating as an element of the life support system; firewood.

The research aim is studying such an inalienable for the XVII–XVIII centuries element of the life support system as firewood. Firewood was the leading type of fuel in medieval settlements, but it has not yet been considered as a subject of special analysis including the archaeological study of Siberian towns. Representative material giving an objective picture of this vital element of the life support system was obtained during the excavation of Tara, which is one of the first Russian towns in Siberia. In the study of manor complexes of the XVII–XVIII centuries there were recorded purposely harvested logs, as well as ones of construction waste, means of firewood processing, harvesting, storage locations. Firewood stacked in woodpile, placed between houses and near zavalinka (an embankment along the outer walls in the base along the perimeter of the wooden house using as cold proof). Long severe winters demanded a weighty amount of firewood for heating homes. In the cultural layer of Tara there were revealed a big number of wooden buildings of various designs and sizes from small (about 14) to large (20–26 square meters). A widespread medieval tradition of heating dwellings so called “in black” (i.e. there was no chimney and smoke was left inside causing griming, but it let to not lose warmth) was supplemented by a more advanced heating system – “in white” (i.e. a stove with a chimney). The fact is witnessed by the fallen brick chimneys discovered during the excavations. According to our calculations, it was necessary to procure about one cubic sazhen (9.718 cubic meters) of firewood on average for a year per household. Archaeological materials complement written sources, which will give an idea of who was engaged in harvesting firewood, its value, felling volume. The total number of heated objects, which is included the dwellings of the townspeople, the buildings of the voivode’s court, administrative buildings, fortifications, may be calculated by the memorandum on the fire in 1669, which mentioned about 400 burned buildings. Their heating required the same number of cubic sazhen or 3200 cubic meters. Such felling volume corresponds to cutting down a small forest of several dozen hectares that was done from year to year. Two types of axes were used for wood logging and chopping, they are a heavy “forest” with a wide blade and a “cleaver” with a narrow wedge-shaped blade. The blocks with traces of cleavage with an ax-cleaver were recorded in Tara in the layers of the second half of the XVIII century. The appearance of a cleaver and new for Western Siberia tools – a saw and drill – was due to the significant expansion of commerce with European Russia. The research based on a comprehensive database showed the need and significance of study seemingly “minor” materials of archaeological excavations. For nearly 420-year history of Tara firewood was the most important strategic reserve, allowing the normal functioning of the Siberian town. Harvesting the timber and firewood and its carry demanded considerable resources and eventually evolved into a seasonal trade.

REFERENCES

1. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske 1660–1760 gg. istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Voivode Manor in Tomsk in 1660–1760: A Historical and Archaeological Reconstruction]. Tomsk: D'Print.
2. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New Archaeological Studies (Materials from 2001–2004)]. Ekaterinburg: Nefteyugansk: Magellan.
3. Tsvetkova, G.Ya. (1994) Gorod na reke Arkarke [City on the River Arkarka]. In: Orlov, G.N. (ed.) *Tarskaya mozaika* [The Tara Mosaic]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 6–45.
4. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1980) *Mangazeya. Mangazeytskiy morskoy khod* [Mangazeya. Mangazeya Sea Passage]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
5. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literature.
6. Slovtsov, P.A. (1886) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. IV' period* [Historical Review of Siberia. The Fourth Period]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
7. Alisov, D.A. et al. (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the banks of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
8. Tataurov, S.F. (2010) [The Ajitkin merchants: Several pages to the family history]. *Aktual'nye voprosy istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya Tarskogo Priirtysh'ya* [Topical Problems of Historical, Cultural and Natural Heritage of Tara Irtysh region]. Proc. of the Fifth Conference. Vol. 2. Tara. pp. 78–87. (In Russian).
9. Mikhalev, V.V. (1998) K voprosu o kharaktere poseleniy XVII–XVIII vv. v rayone d. Bergamak Murovtsevskogo rayona Omskoy oblasti [On the nature of settlements in the 17th – 18th centuries in Bergamak, Murovtsevo District, Omsk Region]. In: Korusenko, M.A. & Tataurova, L.V. (eds) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 19–20.
10. Maynischeva, A.Yu. (1998) *Traditsii stroitel'nogo dela Srednevekovoy Rusi i domostroenie staroobryadtsev Verkhnego Priob'ya v kontse XIX – nachale XX vv.* [Traditions of the Construction Business in Medieval Russia and the Old Believers' Construction in the Upper Ob in the late 19th and early 20th centuries]. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/mainicheva-house-building>.

УДК 94:325.11(=512.1)

DOI: 10.17223/19988613/49/17

Г.Х. Самигулов¹, С.Ф. Татауров²

АЯЛЫНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ И ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

² В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 8.1.41.2017, в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ

Исследование посвящено судьбе одной из групп тюркоязычного населения Западной Сибири – аялыньских татар, переселенной ханом Кучумом в Тарское Прииртышье во второй половине XVI в., что подтверждается материалами раскопок ряда памятников на данной территории. После разгрома Московским царством Сибирского ханства и гибели хана Кучума, аялыньцы поддерживали его приемников. Часть этой группы в ходе противостояния покинула Прииртышье и вернулась на свою историческую родину. В архивах найдены материалы о переселенцах, которые вернулись на Южный Урал и составили одну из волостей.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Южный Урал; хан Кучум; переселение; аялыньские татары.

Одним из направлений деятельности омской этнографо-археологической группы под руководством Н.А. Томилова является изучение этнических процессов, протекавших с эпохи Средневековья и по настоящее время на территории лесостепной зоны Западной Сибири, в том числе в Тарском Прииртышье. В ходе археологических раскопок памятников конца I–II тыс. н.э., проводимых с начала 90-х гг. XX в., накоплен значительный материал, который позволяет более точно представить картину заселения этого района тюркоязычными группами. На данный момент исследовано более 40 археологических памятников – поселений, городищ, могильников. Проведено несколько десятков этнографических экспедиций как в Прииртышье, так и на сопредельных территориях – Барабинской лесостепи и Северного Казахстана. Обработаны и опубликованы в десятках статей и в монографиях документы архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Омска и т.д.

На основе полученных данных можно достаточно полно восстановить общую картину миграций в лесостепную зону Западной Сибири тюркоязычных групп, процесс их расселения, особенности хозяйственного освоения новых для них территорий. В то же время в ходе сбора и обработки материалов возник ряд вопросов относительно времени и мест выхода мигрантов в конкретные районы, характера их взаимоотношений с аборигенным населением и как отражение этого – изменения в их материальной и духовной культуре.

В данной работе мы коснемся некоторых аспектов истории аялыньских татар, которые входят в состав одной из групп сибирских татар – тарских, выделенных Н.А. Томиловым [1. С. 135], и до сих пор проживающих в Тарском Прииртышье.

Археологическое обследование Тарского Прииртышья с целью поиска памятников XV–XVIII вв. и последующие раскопки показали, что на данной территории нет комплексов ранее второй половины XVI в., соотносимых с аялыньскими татарами. Самой ранней находкой являются серебряные деньги Ивана IV пери-

ода до 1547 г. из могильника Сеитово IV [2. С. 222]. Раскопки Тунуского городка, городищ Кошкуль IV, Безыманное I, III, Екатерининское IV (Ананьинское) позволяют сделать вывод, что поздние горизонты этих памятников синхронны и датируются второй половиной XVI в. [3].

Археологические свидетельства прямо подтверждают данные письменных источников о том, что Прииртышье, после его присоединения в 70-х гг. XVI в. ханом Кучумом, заселяется выходцами из Южного Урала и Средней Азии. По мнению казахского историка М. Абдирова, основу переселенцев составили казахские племена аргын, жалаир, керей, кыпшак, найман, табын, часть башкир, ханты и манси [4. С. 207–223]. Среди прибывших на берега Иртыша людей количественно аялыньцы в несколько раз превосходили все другие группы [5. С. 14–15]. Подтверждение многочисленности аялыньцев мы находим и у Г.Ф. Миллера, который, описывая противостояние русских и татар, выделил Тарское Прииртышье как один из основных источников пополнения отрядов Кучума и его приближенных, причем в сотнях человек. Например, Карача набрал около 600 воинов на Иртыше и осадил казаков в Искере. Алей строил с аялыньцами Черный городок, после взятия городка аялыньцев числом 200 человек тарские воеводы вернули на их прежнее место жительства [6. С. 358].

К началу XVI в. в Тарском Прииртышье проживало тюркоязычное по языку и двухкомпонентное тюрко-угорское (в своей основе) по материальной и духовной культуре население. Знаковые в археологическом плане находки в погребальных комплексах XII – первой половине XIV в. – оружие, конская сбруя, украшения – позволили Б.А. Коникову выделить в Прииртышье «среднеиртышский» вариант кимако-кипчакской культуры [7. С. 259].

По всей вероятности, открытия, основанные на раскопках памятников, начавшихся в 60-х гг. XX в., вкупе с этнографическими данными, позволили Н.А. Томи-

лову считать, что в тарских аялыньцах отложились компоненты сартов, печенежско-огузских и огузо-кыпчакских племен и они осели в Прииртышье до XIII в., частично ассимилировав здесь южных угров, частично оттеснив их на север [1. С. 137].

Ситуация с расселением аялынцев при хане Кучуме до конца не воссоздана. До сих пор в Тарском Прииртышье не найден военно-административный центр Сибирского ханства, наличие которого было характерно для каждой крупной этнической группы сибирских татар, как правило, в центре ареала ее расселения. Таким административным центром групп сибирских татар, позднее названных учеными «тобольскими», являлся Искер, Чимги-Тура – тюменско-туринских татар, Тоянов городок – томских татар, Тон-Тура – барабинских татар, Кизыл-Тура – курдакско-саргатских татар. С.Н. Корусенко при изучении системы расселения аялыньских татар обнаружила интереснейшую картину. «При нанесении на карту юрт аялыньских татар сразу же бросилось в глаза, что между ними и саргатско-утузскими татарами (одной из локальных групп соседних курдакско-саргатских татар) в Прииртышье существовал небольшой территориальный разрыв, т.е. как бы имелось пустое, не занятое татарами место. Эта территория располагалась по Иртышу вверх и вниз от Тары. Но именно здесь-то как раз и жили служилые татары и их захребетники. В XVII в., когда многие из них оказались в составе ясачных татар, здесь возникла отдельная Подгородная волость [8. С. 39].

Примирения аялынцев с новой властью не произошло, поэтому количество населенных пунктов аялынцев, как и их численность после основания г. Тары, стала меняться. Тунуский городок был взят штурмом тарскими служилыми людьми в апреле 1596 г., вышеуказанные городища, на которых также зафиксированы следы огня и разрушений, прекратили свое существование примерно в это же время. Письменных свидетельств об их взятии нет, возможно, их просто покинуло проживавшее там население. Русские, что естественно, ликвидировали все укрепленные населенные пункты вокруг г. Тары, как возможные очаги сопротивления Сибирского ханства. Это подтверждается записками тарских воевод с описаниями походов по поиску и взятию Черного и Мерзлого городков, которые могли быть ставками хана Кучума и его преемника Алея.

После основания города Тары аялыньские татары продолжали сопротивление сначала под руководством хана Кучума, а потом при его сыновьях и внуках. Вследствие этого их численность заметно уменьшилась. Для аялыньских татар наиболее правомерно высказывание П.Н. Бущинского о том, «что во время завоевания русскими Сибирского царства погибла масса инородцев» [5. С. 26]. К 1625 г. уцелели татарские поселения, которые располагались непосредственно по Иртышу, и всего несколько деревень по рекам Тара и Уй, естественно, уменьшилась и численность населения.

По нашему мнению, значительное уменьшение численности аялынцев была вызвана не столько их непо-

средственной гибелью, сколько уходом их за пределы отошедших к российскому государству земель. На протяжении первой половины XVII в. тарские воеводы только и занимались тем, что возвращали бежавших с Тарского Прииртышья аялынцев.

Первые годы после основания Тары татары бежали с русских земель под покровительство Алея: «...де собрал Оялымские волости татар 150 человек и отвел их вверх по Иртышу на Черный остров, и тут деи они на Черном острову поставили городок, и в том городке зимуют...» [2. С. 284]. С начала XVII в. происходит массовый отток аялынцев, причем не столько на юг – на контролируемую калмыками территорию, но и на запад, на земли, где также вели активные действия кучумовичи. Число тарских татар с первой половины 90-х гг. XVI в. до 1634 г. сократилось с 1 770 до 1 000 человек [1. С. 148]. По данным Б.О. Долгих, на начало XVII в. число плательщиков ясака в Аялыньской волости составляло 500 человек, общая численность аялынцев – 2 000 человек. В середине XVII в. плательщиков ясака вместе со служилыми татарами насчитывалось 253 человека [9. С. 52]. Отток татарского населения с Иртыша продолжился и в XVIII в. Н.А. Томилов, показывая тесные брачные связи иштыяско-тукузских и курдакско-саргатских татар, писал о возможности перемещения татар с Иртыша на Исеть, на территорию проживания татар искеро-тобольской группы, современное место расположения населенных пунктов ичкинских татар [1. С. 86].

Выше отмечалось, что данные археологии свидетельствуют о довольно позднем появлении аялынцев в Среднем Прииртышье. Встает вопрос: откуда они могли прийти? На Южном Урале есть родо-племенное объединение айле, которое ряд авторов связывает с аялыньскими татарами [10. С. 15–16; 11. С. 66]. В свое время В.Ф. Генинг обращал внимание на большое количество совпадений обозначений родовых групп в местах расселения аялыньских татар и башкир айлинцев [11. С. 66]. Р.Г. Кузеев отрицал наличие прямого родства между этими группами и признавал несостоятельной версию В.Ф. Генинга о приходе предков айлинцев на Южный Урал из Западной Сибири, со Среднего Прииртышья [12. С. 198]. Н.А. Томилов считает, что две эти группы имеют общее происхождение, но «аялыньские татары не могут быть выведены непосредственно от аялыньских башкир, как и те от них, что доказывается исследованиями Р.Г. Кузеева» [1. С. 137].

Авторы статьи больше склоняются к мысли о достаточно близком родстве айле и аялынь. Но, в отличие от В.Ф. Генинга, мы предполагаем обратный вариант: группа аялыньских татар возникла в результате переселения части айле с Южного Урала (из Южного Зауралья) в Среднее Прииртышье. В первую очередь, в пользу такой версии свидетельствуют данные археологии. Как сказано выше, материалы, соотносимые с аялыньскими татарами в Тарском Прииртышье, датируются не ранее второй половины XVI в. До XVI в. тюркское влияние в Тарское Прииртышье шло преимуще-

ственно с юга-востока. Раскопки памятников XVI в. и последующих XVII–XVIII вв. указывают на влияние на население Тарского Прииртышья со стороны Средней Азии и с запада – со стороны Южного Урала. К сожалению, археологических исследований в таком объеме, как в Прииртышье, Восточной Башкирии и на Южном Урале – на месте проживания аялынцев – еще не проводилось. Однако имеющихся (археологических, этнографических и письменных) материалов достаточно для того, что бы сделать вывод о том, что расселившиеся по обширной территории аялынцы поддерживали между собой определенные социально-экономические связи.

Некоторые документы, связанные с историей тюрков Зауралья, позволяют предположить, что часть аялынцев вернулась / мигрировала в Южное Зауралье в середине – второй половине XVII в. Начнем с того, что для русских разница между словами «айле» (обозначение группы башкир-айлынцев) и «аялы» (обозначение аялынских татар) была весьма невелика (если вообще заметна), т.е. аялынцы Зауралья могли в документах фигурировать как айлынцы. Из более существенных доводов назовем следующие. 1. В различных документах, связанных с Зауральем, встречались названия «айлы», «аялы» или «аялынцы». 2. На территории Каратабынской и Барынтабынской нераздельной волости в первой половине XVIII в. проживало весьма значительное количество айлынцев. В 1754 г. возник спор о земле между табынцами и айлынцами: «...ездил де он (геодезист. – Г.С., С.Т.) для размежевания башкирских земель в Баратабынскую и Каратабынскую волости у которых де одна вотчина старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева и с ними дв(о)е Айлынской волости команд, старшин – Кортбая Ишбаева, Бангазы Козымышева в той волости живущие по припуску... а что же де, в той вашей вотчине имеются вышеписанные изстари припущенные прапрадедами и дедами двух айлынских волостей башкирцы команды старшины Кортбая Ишбаева, Бангазы Козымышева, по договорным данным им угодьям, от прадедов и дедедов ваших владеть яко то селением, санными покосами, пахотной землей, почему и ныне вы, Таймас с товарищ, им, айлынцам, жить в той вашей волости во обществе по тем договорам позволяете» [13. Л. 18–19].

Подчеркнем, что это происходило в период, когда строительство заводов на Южном Урале только набирало темпы и вотчинные земли тех же айлынцев еще не были проданы под нужды металлургических заводов. Речь в документе шла о прапрадедах, т.е. в буквальном смысле о пяти поколениях (100 лет), а в символическом – о давно сложившихся отношениях, так как в ритуальных правовых формулах практически никогда не применяется больше двух приставок «пра-» к слову «деды». Форма «прапрадеды» означает большую давность, почти древность. То есть еще в XVII в. сложилась ситуация, когда значительная, если не большая, часть айлынцев оказалась в качестве припущенников на чужой территории при наличии собственной волости. Причины, конечно, могут быть разные, но одна из воз-

можных – резкое увеличение населения волости за счет прихода людей извне.

Приведем еще несколько документальных свидетельств. В реестре взятых в плен участников восстания, направленных весной 1738 г. в Екатеринбург «для отправления... в Остзею», записаны имена башкир Аялынской волости из деревень Илкильдиной, Таймасовой и Буланчиной (Исенгулова тож). Примечательно, есть один человек Айлынской волости из деревни Илкильды, а также один человек Барынтабынской волости деревни Буранчиной [14. С. 359–361]¹. Упоминается Аялынская волость и в других документах, причем опять наряду с Айлынской волостью [Там же. С. 387, 395]. Следовательно, в этих случаях можно уверенно говорить о наличии в Южном Зауралье группы людей, именовавшихся аялынцами, о разделении аялынцев (по крайней мере, какой-то их части) и айлынцев. А в списках принесших присягу башкир, составленных в 1736–1737 гг., встречаем название: Аялатабынская волость [15. Л. 21–22, 25, 28]. И в итоговом списке в составе Табынской тюбы указана Аялытабынская волость².

Эти документы подтверждают версию о приходе / возвращении аялынцев в Южное Зауралье в XVII в. Вполне возможно, что это были именно аялынцы, пришедшие в XVII в. из Тарского уезда. Укажем на еще один момент: в списках принявших присягу в 1736 г. башкиры ставили тамгу. Представители Аялытабынской волости поставили тамгу табынскую – кружок с хвостиком внизу. Можно предположить, что название «аялы» сохранила та часть аялынских татар, которая была инкорпорирована в родо-племенное объединение табын. Возможно, часть аялынцев воссоединилась с айлынцами, но различить их по упоминаниям в документах не реально. Перспективно было бы сопоставить тамги аялынцев и айлынцев, однако, судя по документам, в первой половине XVIII в. айлынцы не имели единой устоявшейся формы тамги, существовало несколько распространенных вариантов и довольно много «индивидуальных» знаков. К сожалению, мы не располагаем информацией и о том, какие тамги использовали аялынцы Тарского уезда в XVII–XVIII вв. Это одно из направлений дальнейшей работы.

Для русских чиновников правильное написание аялынцев представляло определенную проблему, так как в огласовке «айле» и «аялы» слабо различимы, о чем свидетельствует конкретный пример – упоминание в документе 1750 г. деревни Айле-Табынской [16. № 22]. Сложно усомниться в том, что речь идет о Аялы-Табынской деревне, но записали ее так, как было привычно.

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы. Предположение о переселении части айлынцев из Зауралья в Среднее Прииртышье и участие их в формировании группы аялынских татар подтверждаются данными археологии. Выявленные письменные источники свидетельствуют о существовании в первой половине XVIII в. в Южном Зауралье Аялынской (Аялытабынской) волости в составе Табынской тюбы.

Это подтверждает наличие реальных связей тюрков селении части айлинцев из Зауралья в Прииртышье в Зауралья с тюрками Тарского Прииртышья в XVII–XVI в. и обратном переселении части аялынцев из XVIII вв. и может служить основанием версии о пере- Прииртышья в Южное Зауралье в XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело пронумеровано постранично, а не по листам.

² Здесь необходимо пояснение – в литературе традиционно указывают, что тюбой называлась часть волости (родо-племенного объединения). Но этот вариант верен для приуральской Башкирии и не соответствует ситуации первой половины XVIII в. в Зауральской Башкирии, где понятие «тюба» означало объединение нескольких волостей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 276 с.
2. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
3. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Города и городки Сибирского ханства // История татар с древнейших времен. Казань : Фолиант, 2014. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 391–405.
4. Абдиров М. Хан Кучум // Простор. 1993. № 9. С. 207–223.
5. Буцинский П.Н. Сочинение в двух томах. Тюмень : Мандрики, 1999. Т. I : Заселение Сибири и быт первых её насельников. 328 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. : Вост. лит., 2000. Т. II. 796 с., карта.
7. Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск : Изд-во ОмГПУ ; Наука, 2007. 466 с.
8. Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX вв. Омск : Наука, 2006. 218 с.
9. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 623 с.
10. Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1963. 195 с.
11. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1967. Вып. 7. С. 7–84.
12. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. 560 с.
13. Областной государственный архив Челябинской области. Ф. И-44. Челябинский уездный суд. Оп. 1. Д. 164.
14. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Уральское горное управление. Оп. 1. Д. 680.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов). Д. 754.
16. Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html>, свободный (дата обращения: 29.09.2015).

Samigulov Gayaz K. South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: gayas@mail.ru; Tataurov Sergey F. Institute of Archaeology and Ethnography Omsk Branch of Siberian branch of RAS (Omsk, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

THE AYALYN VOLOST IN THE TARA-IRTYSH REGION AND THE SOUTHERN TRANS-URALS.

Keywords: Western Siberia; South Urals; history; khan Kuchum; resettlement; Ayalyn Tatars.

The late 16th and the early 17th centuries was the time of Siberian khanate defeat and then Western Siberia accession to the Russian state which became crucial for many peoples, inhabited the region. Many of them straightway sworn on fidelity to the new state, others struggled the new authorities for many years. The Russian squads had found the fiercest resistance in the Tara-Irtysh Region from the Ayalyn Tartars that is a small Turkic-speaking group, displaced from South Ural by khan Kuchum. Archaeological researches have given a chance to allocate a series of settlements and military camps, which were founded by immigrants on coast of the Irtysh River and its inflows. Some sites have traces of storm and subsequent destruction. Ayalyns under the leadership of Kuchum, his sons and grandsons, defended their new homeland for several decades. When resistance had been suppressed a considerable part of the population, about 700 people, who had not accepted the new power, left the Irtysh Region and returned to the South Urals. The resettlement of a part of Ayle (a group of Bashkirs-Ayalyns) from in the Southern Urals to the middle Ob Region was accepted only at a hypothec level, because few written sources (the Siberian chronicles) did not reflect this process. The archaeological data evidence for the version which indicate, that in the 16th, as well as in the 17–18th centuries the Turkic influence came primarily from not from South-West as before, but for South-East i.e. from Central Asia and the South Urals. The written sources revealed by the authors witness existence of Ayalynskaya (Ayalynskaya) volost as a part of the Tabynsky tyuba in the first half of the 18th century in the Southern Urals. Aggregate archaeological, ethnographic and written materials confirms the existence of fairly real social and economic communications of Turkic peoples of Trans-Urals with Turkic peoples of Tara's Irtysh region in the 17th and 18th centuries and can form the basis to a version about the resettlement of a part of Aylins from Trans-Urals to Irtysh region in the 16th century and a return from Irtysh region to the Southern Trans-Urals in the 17th century. Despite the considerable distance dividing the residence of Ayalyns stayed in Western Siberia and ones returned to the former dwelling, they keep social communications, noted for rather intensive marriage relations. They are also keeping and some, acquired in Siberia, spiritual culture features, which are fixed for example in the burial rites. This is a subject for further researches.

REFERENCES

1. Tomilov, N.A. (1980) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Alisov, D.A. et al. (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – Rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the banks of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
3. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2014) *Goroda i gorodki Sibirskogo khanstva* [Cities and towns of the Siberian Khanate]. In: Khakimov, R. (ed.) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from Ancient Times]. Vol. 4. Kazan: Foliant. pp. 391–405.
4. Abdirov, M. (1993) *Khan Kuchum* [Khan Kuchum]. *Prostor*. 9. pp. 207–223.
5. Butsin'skiy, P.N. (1999) *Sochinenie v dvukh tomakh* [Works in 2 Vols]. Vol. 1. Tyumen: Mandrika.
6. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.

7. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom srednevekov'e* [Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages]. Omsk: Nauka.
8. Korusenko, S.N. (2006) *Etnosotsial'naya istoriya i mezhetnicheskie svyazi tyurkskogo naseleniya Tarskogo Priirtysh'ya v XVIII–XX vv.* [Ethnosocial History and Interethnic Relations of the Turkic population of Tarski Irtysh Region in the 18th – 20th centuries]. Omsk: Nauka.
9. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: USSR Academy of Sciences
10. Akhatov, G.Kh. (1963) *Dialekt zapadnosibirskikh tatar* [The Dialect of West Siberian Tatars]. Ufa: Bashkir State University.
11. Gening, V.F. (1967) Mazuninskaya kul'tura v Srednem Prikam'e [The Mazunino culture in the Middle Prikamye]. In: Medvedev, A.F. (ed.) *Voprosy arkheologii Urala* [Problems of Urals Archeology]. Issue 7. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 7–84.
12. Kuzeev, R.G. (1974) *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Moscow: Nauka.
13. The Regional State Archive of Chelyabinsk Region. Fund I-44. List 1. File 164.
14. The State Archives of Sverdlovsk Region. Fund 24. List 1. File 680.
15. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. File 754.
16. Korepanov, N.S. (n.d.) *"Gornaya vlast'" i bashkiy* [The "Mountain power" and the Bashkirs]. [Online] Available from: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html>. (Accessed: 29th September 2015).

УДК 902–904+39 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/49/18

Н.В. Торощина, И.В. Чернова

СОПОСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРИТЫМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ЮРТ НАПАС)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта № 17-11-70003
«Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы».*

Публикация посвящена изучению локального региона Притымья (Каргасокский район Томской области) и истории конкретного населенного пункта пос. Напас с целью определения состава и количества населения по метрическим книгам для последующего сопоставления с данными половозрастной и социальной стратификации палеопопуляции могильников Бедеревский Бор I, II на р. Тым. Ближайшей исследовательской задачей является определение состава населения юрт Напас в период XIX – начала XX в. как базы для сопоставлений и реконструкций.

Ключевые слова: Нарымское Приобье; р. Тым; Бедеревский Бор; пос. Напас; локальная история; археология; этнография.

Вопросы методики корреляции двух типов исторических источников (вещественных и письменных) по коренным народам Притымья рассматривались авторами на примере сопоставления данных о палеопопуляции селькупского кладбища бывшего пос. Варгананжино, существовавшего в 1850–1960-е гг. на р. Тым (Каргасокский район, Томская область), со сведениями об умерших жителях этого поселка из метрических книг Тымской Троицкой церкви (далее – книги). Учитывая хронологическое покрытие одного источника другим, авторы определяли возможность достоверного установления личностей индивидов, похороненных с определенными особенностями [1]. Использование данных книг для последующего анализа материалов могильников XV – первой половины XVIII в. Бедеревский Бор I, II на р. Тым имеет свой исследовательский потенциал и проводится впервые. Археологические памятники были раскопаны в XX в. П.И. Кутафьевым (1938), Н.М. Зиняковым (1974) и А.И. Бобровой (1989–1991) [2. С. 90].

Могильники в урочище Бедеревский Бор находятся на территории расселения нарымских селькупов диалектной группы «чумылькуп» [3. С. 50, 52]. На их землях в XVII в. была образована Тымская (1-й половины) инородческая волость Томского округа, административно относившаяся к Сургутскому уезду. После разделения ее на две части в 1701 г. население Притымья вошло в Нарымский уезд. Урочище находится на левом берегу р. Могильная Акка, правого притока р. Тым, в 10 км выше пос. Напас (бывших юрт) – одного из древних пунктов на р. Тым. По сведениям местных жителей, могильники Бедеревский Бор I, II были родовыми некрополями жителей Напасских юрт. В 1930–1940-х гг. в урочище Бедеревский Бор уже не хоронили, а местные старожилы утверждали, что там похоронены некрещеные, «давнішние» люди. Более позднее место захоронения жителей Напаса – старое остяцкое кладбище, рядом с пос. Новый Напас [2; 4. С. 231–233].

Цель исследования – определить состав и количество населения юрт Напас по метрическим книгам для последующего сопоставления с данными половозрастной и социальной стратификации палеопопуляции могильников Бедеревский Бор I, II. Ближайшей исследовательской задачей является определение состава населения юрт Напас в период XIX – начала XX в. как базы для сопоставлений и реконструкций.

По данным Е.Д. Прокофьевой, юрты Напас были центром объединения, связанного с родом Ястреба – 'Мулинт тамтыр' [5. С. 90]. По данным А.П. Дульзона [4. С. 231–233] и Г.И. Пелих [6. С. 93], жителями этого населенного пункта являлась семья Мулиных. Точные границы территорий этого рода и количество входивших туда чвэчом («братская семья») определить пока не удалось. Первые сведения о местонахождении юрт Напас появляются в клировых ведомостях Тымской Троицкой церкви в начале 1860-х гг., где указывается расстояние до них от с. Тымского в 160 верст. В начале XX в. вблизи юрт Напас возникает еще один населенный пункт, в документах именуемый по-разному: «Напас на протоке», «2-й Напас», «Напас верхний». В 1920–1930-х гг. появляются названия «Старый Напас», «Зимний Напас», «Летний Напас».

Число жителей в Напасских юртах на протяжении XIX в. довольно стабильно и большое по сравнению с другими населенными пунктами. Конкуренцию по численности Напасским юртам могли составить только юрты Казацкие, Ачангины, Кулеевы. В начале XIX в. в Напаса проживали более 50 человек, представители трех фамилий: Позыгибины, Пыкшины и Мулины [7. Л. 13, 25 об.]. Численность населения в 1860–1880-е гг. в юртах, выявленная по клировым ведомостям Тымской Троицкой церкви, показана в таблице [8].

Источники показывают довольно стабильный количественный состав населения при увеличении числа семей. Увеличение числа семей, которое для русской администрации соответствовало количеству домов,

происходило на фоне пресечения фамилий Позыгибины и Пыкшины в данных юртах. Можно предполагать, что в разветвлявшейся семье Мулиных взрослые сыновья строили для своих семей отдельные дома. К сожалению, в нашем распоряжении нет клировых

ведомостей за 1890-е гг. и начало XX в., но, по данным опубликованных статистических источников, на 1897 г. в 1-м Напаса проживало 5 семей (13 муж. и 14 жен.), а во 2-м Напаса – 4 семьи (9 муж. и 8 жен.). Общая численность жителей составила 44 чел. [9. С. 156–157].

Численность населения юрт Напас в 1860–1880-е гг.

Год	Количество семей	Лиц мужского пола	Лиц женского пола	Общее число жителей
1860	4	31	21	52
1861	4	28	20	48
1864–1866	3	32	19	51
1868	5	28	19	47
1883	6	25	25	50
1887	7	28	30	58
1889	7	29	27	56

Для оценки численности и прироста населения важными показателями являются количество детей в семье и детская смертность. Нами проанализированы данные по 2 супружеским парам Позыгибиных, 7 супружеским парам Пыкшиных и 27 супружеским парам Мулиных. При отсутствии уверенности, что в метрические книги попали данные обо всех детях и, видимо, была довольно значительная недофиксация сведений о детях, умерших в период от навигации до навигации, все же данные весьма показательны.

В семьях братьев Позыгибиных родились по 4–5 детей. Дожили до брачного возраста не менее трех детей. Несмотря на данные показатели, фамилия сошла на нет. Возможно, причинами стало малое уже к началу XIX в. количество представителей семьи и преобладание среди детей девочек. В семьях Пыкшиных детей в среднем рождалось меньше (три ребенка), доживали до брачного возраста менее двух, эти данные вполне соответствуют ситуации сокращения общей численности семьи и практически пресечения фамилии Пыкшиных. В семьях Мулиных в среднем рождались три ребенка и выживали два. Эти данные опять же соответствуют небольшому, но стабильному количеству членов данной семьи в традиционно обжитом ими пространстве.

Для характеристики семейного состава жителей юрт Напас собран материал из метрических книг начиная с 1805 г., наиболее поздняя книга относится к 1920 г. Выстроены родословные Позыгибиных, Пыкшиных и Мулиных. Позыгибины представлены семьями двух братьев – Федора и Христофора Афанасьевичей. Оба брата были женаты дважды, обе семьи были многодетные. Отсутствие метрических книг на конец 1850-х и 1860-е гг. не позволяет проследить судьбу этих семей в указанный период, однако в 1870-е гг. встречается лишь один представитель этой семьи – Иван Егорович Позыгибин [10, 11]. Можно констатировать, что в Тымском приходе данная фамилия пресеклась по мужской линии.

Сложность описания семьи ясачных Пыкшиных, проживавших в юртах Напас, состоит прежде всего в ее созвучии еще двум распространенным в Тымском приходе фамилиям: Пыршины и Пычкины. При заполнении метрических книг фамилии часто искажались, но

все же удалось установить, что Пыкшины с начала XIX в. стабильно проживали в юртах Напас. Первыми в книгах упомянуты Никифор Сидорович и Семен (?) Пыкшины, о которых почти ничего не известно. Сыном Семена, вероятно, был Семен Семенович Пыкшин, у которого, в свою очередь, было два взрослых сына: Василий Семенович (1784–1728) и Семен Семенович. У супругов Василия Семенова и Евдокии Васильевой зафиксировано четыре дочери и четыре сына, но сыновья, вероятно, умерли, не оставив потомства, и эта ветвь рода Пыкшиных пресеклась уже к 1870-м гг.

Сын Семена Семеновича, Степан (1796–1831), имел трех сыновей: Ивана и Устина, не оставивших потомков по мужской линии, и Прокопия, единственный выживший сын которого Петр (1849–1894) продолжил род Пыкшиных. Прокопий Степанович Пыкшин скончался в 1912 г., пережив сына Петра, умершего в 1894 г. В 1915 г. скончался от чахотки его внук Тихон Петрович Пыкшин, не оставивший детей мужского пола. О браке и детях его брата Тимофея Петровича Пыкшина сведений в книгах Тымского прихода нет. Дата его смерти осталась за пределами существования метрических книг. Даже если в 1920-е гг. Тимофей Петрович Пыкшин продолжил фамилию, можно заключить, что численность семьи свелась к нескольким персонам.

Наиболее представительна в юртах Напас семья Мулиных. Первым зафиксирован в метрических книгах в начале XIX в. Константин Изотович Мулин, умерший в 1808 г. в возрасте 44 лет. Его дети Василий, Александр и Матвей Константиновичи Мулины были главами больших семей. Но только сыновья Александра – Петр и Федор – дожили до детородного возраста, однако потомков по мужской линии не оставили, на них эта ветвь семьи Мулиных пресеклась. В книгах 1810-х, 1820-х гг. обнаружено еще шесть представителей семьи Мулиных, которых из-за фрагментарности сведений не удалось включить в общее родословное древо.

Наиболее хорошо построенной оказалась ветвь, идущая от Василия (?) Мулина (1796–1821) и его сына Петра Васильевича Мулина (?–1820). Сын Петра Васильевича – Тихон, вероятно, умер рано и не оставил выживших детей. Потомство же Ивана Петровича (1780–

1820) было многочисленным. Из его четверых взрослых сыновей в следующем поколении пресекался род сына Семена Ивановича на его сыне Николае.

Ксенофонт Иванович Мулин имел четырех сыновей. Сведения о сыне Федоре обрываются в 1840-х гг. У Алексея Ксенофонтовича не осталось сыновей. У Ильи Ксенофонтовича выжил сын Тимофей Ильич. У Александра Ксенофонтовича выжил сын Митрофан Александрович (1839–1898), у него было много детей, но потомков по мужской линии не осталось. Таким образом, ветвь Ксенофонта Ивановича Мулина, видимо, пресеклась.

Другой сын Ивана Петровича Мулина – Тихон Иванович Мулин – имел четырех сыновей: Николая, Мефодия, Федора и Петра. Во второй половине XIX в. потомки Николая, Мефодия и Федора книгами не фиксируются. А Петр Тихонович Мулин (1839–1904), его сын Николай Петрович и внуки Михаил Николаевич (1895 г.р.) и Дмитрий Николаевич (1899 г.р.) были жителями Напаса на рубеже XIX и XX вв.

Наиболее перспективной оказалась линия, идущая от сына Михаила Ивановича Мулина (1826–1885). Его сын Лаврентий Михайлович (1839–1910), внуки Данил Лаврентьевич, Николай Лаврентьевич, их жены и дети фиксируются метрическими книгами в начале XX в. Старший сын Михаила Ивановича, Иван Михайлович Мулин (1826–1885), имел одного взрослого сына – Никифора Ивановича (1855–1895). Зато у Никифора Ивановича Мулина было три сына – Петр, Иван, Никита. Они и их потомки жили в юртах Напас в начале XX в.

Потомки среднего сына Михаила Ивановича Мулина, Тимофея Михайловича Мулина, а именно дети внука Никиты Тимофеевича Мулина – Петр Никитич, Дмитрий Никитич, Константин Никитич и Николай Никитич, родившиеся в конце XIX в., – не только фиксируются метрическими книгами начала XX в. и документами советского делопроизводства 1920–1930-х гг., но также упоминаются в родословных, составленных А.П. Дульзоном во время его экспедиций на Тым в 1950-х гг. [12]. Один из «Никитичей» – Дмитрий Мулин – женился в 1916 г. на Варваре Тихоновне Илыгиной и числился в документах как «царь», а его жену Варвару Тихоновну Мулину многие старожилы вплоть до 1950-х гг. называли «царицей Тыма».

Подводя итоги, можно заключить: метрические книги позволяют сделать вывод о том, что в XIX – начале XX в. среднестатистическая численность населения в Напаса составляла приблизительно 50 чел. Выявлено

стабильное проживание на протяжении более 100 лет определенного количества населения одного и того же этноса, со сложившимся культурно-хозяйственным укладом. Отмечено отсутствие природных, социальных потрясений, таких как эпидемии, массовые миграции. Соответственно, можно предполагать, что и в более ранний период, при тех же условиях, численный и социальный состав населения был приблизительно таким же.

Так как метрическими книгами учтено население с 1805 г., можно предполагать, что зафиксированные источником умершие жители зрелого возраста являлись старожилами и проживали в Напаса как минимум со второй половины XVIII в.

Когда состоялась христианизация населения Притымья, документально не установлено, но на 1805 г. оно было полностью христианизировано. Причем отсутствие данных о более позднем крещении отдельных взрослых жителей прихода свидетельствует о единовременной христианизации населения.

Для исследования погребального обряда населения Притымья важным фактом является существование при юртах Напас собственного кладбища как минимум со второй половины XIX в., а вероятнее всего, ранее. Отмечается захоронение по православному обряду, что не исключает использование элементов традиционной погребальной обрядности в начале XX в., о чем свидетельствуют материалы кладбища Варгананжино [1].

Несмотря на то что в самосознании населения Притымья Мулины сохранились как коренная и единственная фамилия, проживавшая в Напаса, еще на начало XIX в. здесь зафиксированы представители трех семей: Позыгибиных, Пыкшиных и Мулиных. К концу XIX в. на фоне пресечения по мужской линии фамилий Позыгибины и Пыкшины увеличивается общая численность жителей Напаса и количество семей Мулиных, что может объясняться распадом большой патриархальной семьи на малые семьи. Это приводит к возникновению еще одного населенного пункта – Новый, или 2-й Напас.

В 1920–1930-е гг. после становления Напаса как одного из административных центров Тымского района начинается активное подселение коренного населения из других юрт и других приходов, русских и представителей других национальностей. Увеличивается численность населения, но одновременно идут процессы, усилившие размывание традиционной культуры аборигенного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торошин А.Г., Торошина Н.В., Чернова И.В. Опыт сопоставления данных селькупского кладбища Варгананжино с архивными и экспедиционными материалами, методика их интерпретации // Тезисы докладов V(XXI) Всероссийского археологического съезда. URL: http://konf.asu.ru/archo/?page=org_vznos.
2. Боброва А.И., Торошина Н.В. Половозрастные особенности обряда погребения населения Притымья в XV–XVII веках (по материалам могильников урочища Бедеревский бор) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, № 7. С. 89–98.
3. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 318 с.
4. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Типография № 1 Полиграфиздата, 1956. Т. 5. С. 89–316.
5. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 1952. Т. 1. С. 88–107.

6. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, 1981. 177 с.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Ведомость, учиненная в Нарымском земском суде, сколько состоит в уезде оного волостей русских и ясажных в них селений и в селениях число ревизских душ и при каких тех селений река значится по сим. Л. 13, 25 об.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 232. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1860 г. Л. 44–47; Д. 305. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1861 г. Л. 41–43; Д. 409. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1864 г. Л. 48–51 об; Д. 433. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1865 г. Л. 50–52 об; Д. 526. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1866 г. Л. 57–60; Д. 673. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1868 г. Л. 52–56; Д. 1347. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1883 г. Л. 45–49; Д. 1615. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1887 г. Л. 47–51; Д. 173. Клировые ведомости Нарымского благочиния 1889 г. Л. 48–53.
9. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: Язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Тюменская губернии // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2. 432 с.
10. Метрические книги прихода Тымской Троицкой церкви за 1803–1839 гг. // Государственный архив Новосибирской области. Ф.-Д. 156. Оп. 1. Д. 5352.
11. Муниципальный архив Администрации Кargasokского района Томской области. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3. Метрическая книга родившихся, бракосочетавшихся и умерших Тымско Свято-Троицкой церкви (с. Тымск). Л. 70 об.–71.
12. Родословные семьи селькупов Мулиных // Архив кафедры языков народов Сибири им. А.П. Дульзона Томского государственного педагогического университета. Селькупский язык. 2-й раздел. 1953 г. Архивные материалы. Л. 505–506.

Toroshchina Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natator@mail.ru; *Chernova Irina V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ikar561965@mail.ru

COMPARING ARCHAEOLOGICAL AND WRITTEN SOURCES IN THE STUDY OF TYM RIVER REGION AS A PROSPECTIVE LINE OF RESEARCH: THE CASE OF NAPAS YURTS.

Keywords: Narym Ob region; Tym River; Bederevskiy Bor; Napas village; local history; archaeology; ethnography.

The article presents research on the Tym River region (Kargasok area of Tomsk region) and history of Napas village designed to identify the local population and its composition based on civil registry books and compare this information with that on sex, age and social stratification of the paleopopulation at the Late Middle Ages and Modern Era burial sites Bederevskiy Bor I and II on the river Tym. This research may be of wider study interest and is done for the first time. The burial sites of Bederevskiy Bor are situated on the territory inhabited by Narym Selkups that belong to the Chumylkup dialect group. According to E.D. Prokofieva, Napas yurts constituted the centre of a group associated with the Hawk clan called “Mulint tamtyr”. According to A.P. Dulzon and G.I. Pelikh, this village was inhabited by the Mulin family. The research has shown that average population of Napas was equal to approximately 50 people in the 19th to the early 20th centuries. It also found that for more than a hundred years, certain population of the same ethnos with an established cultural and economic way of life had resided here. The research revealed that no natural disasters or social turmoil caused by, for example, epidemics or mass migration, had been ever experienced by this area. This allows us to hypothesize that the numerical and social composition of its population had been approximately the same under same conditions in earlier periods of time. As the civil registry books contain records for the period from 1805 to 1920, we believe that the adult population designated in the records as deceased had consisted of old settlers (starozhily) and had resided in Napas at least since the second half of the 18th century. The period of Christianization of the Tym population is not yet confirmed; however it is known that by the year 1805 it had all been Christianized, and the fact that no information on any subsequent cases of Christianization is available indicates that the one-time act of Christianization of the local population took place. The existence of a standalone cemetery near the Napas yurts is a contributing factor in the study of the Tym population burial rites. The cemetery has been in place since the second half of the 19th century or, most probably, even since an earlier time. Despite the fact that the Tym population sees the Mulin family as being local and the only one to have inhabited Napas, as early as in the beginning of the 19th century, here there had also been registered members of three families, namely, the Pozygibin family, the Pykshin family, and the Mulin family. By the late 19th century, when the male line of the Pozygibin and the Pykshin families had ceased to exist, the total population of Napas and the number of Mulin families grew. This can be accounted for by the disintegration of a large patriarchal family into smaller ones which led to the emergence of one more settlement – Novyy or Napas 2.

REFERENCES

1. Toroshchin, A.G., Toroshchina, N.V. & Chernova, I.V. (2017) *Opyt сопоставления данных сел'купского кладбища Vargananzhino с архивными и экспедиционными материалами, методика их интерпретации* [On comparing the data of the Vargananzhino Selkup cemetery with archival and expeditionary materials and a method of their interpretation]. [Online] Available from: <http://forum.tatist.ru/index.php?topic=537.0>.
2. Bobrova, A.I. & Toroshchina, N.V. (2014) Polovozrastnye osobennosti obryada pogrebeniya naseleniya Pritym'ya v XV–XVII vekakh (po materialam mogil'nikov urochishcha Bederevskiy bor) [Sex and age features of the burial rite in the population of Pritymye in the 15th–17th centuries (based on the burial records of the Bederevsky Bor tract)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 13(7). pp. 89–98.
3. Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu. et al. (2011) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Essays on Traditional Culture and Selkup Language]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti [Archaeological monuments of Tomsk Region]. In: Flerov, V.S. et al. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 5. Tomsk: Tipografiya № 1 Poligrafizdata. pp. 89–316.
5. Prokofieva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [On the social organisation of Selkups (genus and phratry)]. In: Potapov, L.P. & Levin, M.G. (eds) *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian Ethnographic Collection]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 88–107.
6. Pelikh, G.I. (1981) *Sel'kupy XVII veka (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii)* [Selkups of the 17th Century (Essays of Socio-Economic History)]. Novosibirsk: Nauka.
7. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 1.
8. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 232.
9. Patkanov, S.K. (1911) Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri: Yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannyykh spetsial'noy razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data on the tribal composition of Siberian population: Language and genera of foreigners (based on the data of the 1897 census)]. Vol. 2. *Записки Русского географического общества по отделению статистики*. 11(2).
10. The State Archives of Novosibirsk Region. Fund D. 156. List 1. File 5352.
11. The Municipal Archive of the Administration of Kargasoksky District, Tomsk Region. Fund 204. List 1. File 3.
12. Anon. (1953) *Rodoslovnnye sem'i sel'kupov Mulinykh* [Genealogy of the Mulin Selkup family]. The Archives of the A.P. Dulzon Department of Siberian People's Languages. 2nd section. pp. 505–506.

УДК 902.2(571.16)

DOI: 10.17223/19988613/49/19

Б.С. Борило¹, Е.В. Барсуков²

МЕДВЕДКИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 8.1.41.2017, в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

² Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена Медведкинскому поселению – многослойному археологическому памятнику, расположенному на границе Томской и Кемеровской областей. В природно-географическом плане данная территория является переходной от тайги к лесостепи. Памятник стал известен в 1970-е гг. благодаря разведке В.А. Рябцева. В этот же период исследователь организовал реконструкционные раскопки, материалы которых не единожды дополнялись сборами в последующие годы. Анализ представительной коллекции керамики и каменного инвентаря указывает на датировку поселения в широких хронологических пределах – от неолита до раннего железного века. Особый интерес представляют случайные находки зооморфно оформленного оселка и керамического сосуда. Последний позволил исследователям предполагать наличие на этом отрезке берега не только поселенческого слоя, но и погребального комплекса. Материалы памятника ранее не публиковались и не известны широкому кругу специалистов. Актуальность статьи обусловлена значимой ролью памятника, находившегося в зоне переплетения культурно-исторических связей. В настоящее время в месте расположения Медведкинского поселения берег разрушается рекой, а сопредельная территория активно застраивается, что является поводом для организации неотложных спасательных работ.

Ключевые слова: Томское Приобье; неолит; эпоха бронзы; эпоха железа.

Медведкинское поселение, находящееся на границе современных Томской и Кемеровской областей, как новый археологический объект выявлено в 1977 г. сотрудником проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета В.А. Рябцевым в ходе разведочных работ. На левом берегу р. Томи, в 100–200 м восточнее северной окраины ныне несуществующей деревни Медведка, он собрал большое количество подъемного материала: каменный инвентарь и фрагменты керамики (всего 170 ед.). В этом месте, на протяженности 100–120 м вдоль реки, терраса существенно возвышается над рекой примерно на 10–12 м. Объекты памятника в рельефе не прослеживаются, возможная причина – произведенные посадки кедрового леса.

По находкам керамики и каменного инвентаря В.А. Рябцев предварительно датировал памятник эпохой неолита – эпохой раннего железа. В числе подъемных артефактов был целый сосуд, который В.А. Рябцев отнес к эпохе поздней бронзы и высказал мысль, что он происходит не из поселения, а возможно, из могильника, так как целые сосуды, в основной массе, характерны для погребальных объектов. В 1978 г. Южным отрядом археологической экспедиции Томского университета под руководством В.А. Рябцева вдоль обрыва террасы был заложен раскоп в виде траншеи площадью около 48 кв. м, а в 10 м от раскопа – шурф (2×2 м) с целью определения границ памятника и поиска предполагаемого грунтового могильника. На Медведкинском поселении было выбрано 6 горизонтов мощностью по 10 см, расчищены остатки древних сооружений и собрана коллекция находок (камень, керамика), которая под № 7310 хранится в фондах МАЭС ТГУ.

В шурфе обнаружены отщепы, скребла и фрагменты керамики. Широкий разброс подъемного материала вдоль всего высокого участка террасы дал основание предположить, что памятник занимает значительную площадь, но определить его границы трудно [1. С. 7].

В 2010 г. Д.Ю. Рыбаков составил учетную карту памятника для Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, а в 2017 г. сотрудник ОГАУК «Центр по охране памятников» И.Ж. Рагимханова в рамках госзадания на 2017 г. провела мониторинг Медведкинского поселения.

Культурный слой памятника состоит из супеси серого цвета мощностью 40–100 см, подстилаемой материком светло-желтого цвета. В раскопе, расположенном на краю разрушающейся террасы, были обнаружены остатки жилища или хозяйственной постройки: пять пятак размерами от 1,1×1,1 до 5,6×2 м; 14 столбовых ям; очаг, заполненный серой мешаной супесью с включением угля и отходами каменного производства. На краю террасы, на глубине 50 см, находился объект в виде пятна прокаленного песка (0,8×0,3×0,35 м), содержащий жженные косточки, угли, отщеп, фрагмент керамики без орнамента. Вследствие обрушения края террасы значительная часть объекта утрачена, поэтому его интерпретация носит предположительный характер: могила с захоронением, произведенным по обряду трупосожжения на стороне [1. С. 5]. Подобный обряд известен на памятниках: Самусь-1, Старом мусульманском кладбище, Томском могильнике, датируемым переходным временем от неолита к бронзовому веку. В отчете В.А. Рябцева нет упоминания о наличии конструкций и охры в могильном пятне. Такая особен-

ность характерна для погребального обряда эпохи неолита – ранней бронзы на территории Верхнего Приобья и Нижнего Притомя [2. С. 72].

Коллекция находок Медведкинского поселения впервые вводится в научный оборот, ранее она не публиковалась, а в отчете В.А. Рябцева содержится лишь краткая характеристика материала [1. С. 5–6], в которую необходимо внести некоторые правки.

Наиболее массовая категория находок Медведкинского поселения – каменный инвентарь, представленный орудиями и отходами производства (свыше 2 000 отщепов и обломков). Использовались кремь и кремнистые породы, кварц, яшма. Для обработки камня применяли пластинчатую технику, отжимную ретушь, шлифовку, сверление.

Собрано около 50 целых и фрагментированных изделий: *отбойник* (1 экз.); *оселок* (1 экз.), *скребки* (4 экз.) разной величины и степени обработки; *скребла* (3 экз.); *долотовидные изделия* (4 экз.) небольшого размера, овальные в поперечном разрезе, с односторонней заточкой; *тесла* крупной формы (3 экз.), два – овальные в поперечном разрезе, одно – подпрямоугольное с шлифованным рабочим краем.

Ножевидные пластины: 1 пластина крупная (10 см в длину), имеет ретушь с двух сторон; 17 миниатюрных пластин, из них 4 – с ретушью. Все пластины в поперечном разрезе треугольные. *Нож* с вогнутым лезвием, остро зашлифованный с одного края. *Нуклеусы* – 13 экз., 5 из них сильно сработаны, остальные являются заготовками.

Каменный инвентарь с Медведкинского поселения имеет широчайшие по территории и хронологии (неолит – эпоха бронзы) аналоги.

Осенью 1991 г. начальником участка треста «Востокбурвод» Ю.М. Блещавенко в размыве левого берега р. Томи близ деревни Медведка были обнаружены

четыре каменных изделия из алевролита (3 оселка и плоский предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием). Подъемный материал, зарегистрированный как «Медведкинские находки» (коллекция № 7686, фонды МАЭС ТГУ) и опубликованный Ф.И. Мецем и Ю.Н. Есиным [3; 4. С. 341, 481. Табл. 10], дополняет коллекцию Медведкинского поселения.

Особого внимания заслуживают две медведкинские находки, характеристика которых позволяет выйти на культурно-хронологическую интерпретацию. Первая – трапециевидный в сечении оселок из серого алевролита с абразивной поверхностью, имеющий на одном из торцов зооморфное оформление в виде головы подтреугольной формы с приостренной мордой (рис. 1, 1). Глаза обозначены неглубокими ямками, рот – прямой линией, шлифованной по форме торца. Часть подбородка отбита. Оселок со стороны «головы» утолщен по сравнению с противоположным обломанным торцом. Следы стачивания на средней части плоскостей свидетельствуют об активном использовании оселка как абразива. Ф.И. Мец трактует изделие как интересный и своеобразный образец древнего искусства с изображением головы змеи [3. С. 7]. По манере изображения и способу передачи деталей медведкинский оселок особенно напоминает зооморфную головку на рыболовном стерженьке из могильника кротовской культуры Сопка-2 [5. С. 46. Рис. 19, 3]. Ю.Н. Есин предварительно относит эту находку к самусьской культуре с оговоркой: хоть изображений змеи среди самусьских предметов пока нет, но данный образ представлен в материалах других сейминско-турбинских групп (фигурное литье Галичского клада, могильника Бор-Ленва, оформление рукоятей некоторых кинжалов), а аналогичный способ изображения глаз использован при изготовлении некоторых скульптур Самусь IV [4. С. 111].

Рис. 1. Медведкинские находки

1 – зооморфно оформленный оселок; 2 – предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием

Значительное число подобных оселков, но без зооморфного оформления, собрано в Самусьском могильнике, в могильнике на Старом мусульманском кладбище, Новокусовской стоянке, ряде памятников Новосибирской области и Алтайского края, в материалах раскопок самого Медведкинского поселения есть песчанико-

вое точильце. В.И. Матюшенко видит в них обычные для неолита абразивы [6. С. 101–102], которые исчезают в эпоху бронзы. А.И. Петров, поддерживая В.И. Матюшенко, считает, что грубые по структуре песчаниковые точильца использовались для шлифовки каменных изделий, но никак не металлических, иначе

расход металла был бы очень большим [7. С. 8–9]. Им оппонирует М.Ф. Косарев, датируя подобные оселки-точильца эпохой бронзы [8. С. 49–50].

Вторая показательная медведкинская находка представляет собой плоский предмет подтреугольной формы с биконическим отверстием, поврежденный сколами (рис. 1, 2). Изделие вряд ли могло служить грузилом ввиду своего малого веса. Вероятнее всего, это подвеска-украшение, подобная тем, что были найдены в мо-

гильнике Сопка-2 [5. С. 43–44] и в Самусь IV [2. С. 470–471. Табл. 6; 9. Рис. 27].

Таким образом, по имеющимся аналогиям, медведкинские находки относятся, скорее, к эпохе ранней бронзы.

Керамика, найденная на поселении (около 80 фрагментов), датируется периодом от неолита до раннего железа. Сосуды не реконструируются, но по форме фрагментов можно предположить, что это были горшки баночной формы с плоским дном.

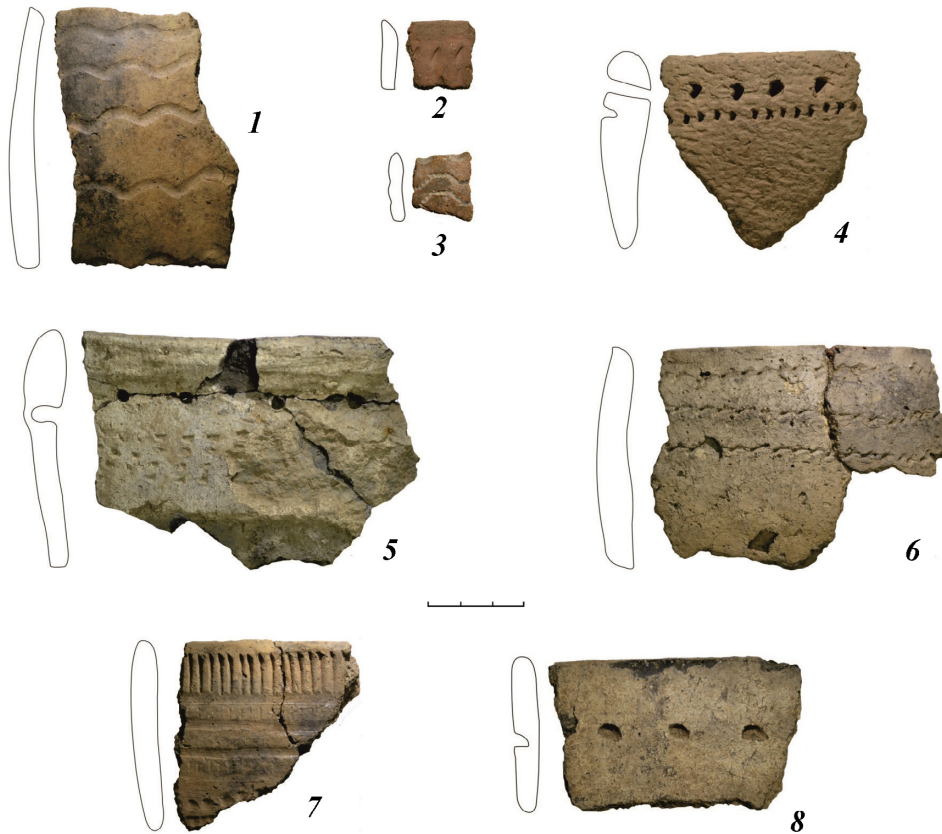

Рис. 2. Керамика Медведкинского поселения
1–3 – фрагменты неолитической керамики; 4 – фрагмент керамики с «текстильным» орнаментом;
5, 6 – фрагменты раннебронзовой керамики; 7 – фрагмент позднебронзовой керамики;
8 – фрагмент керамики раннего железного века

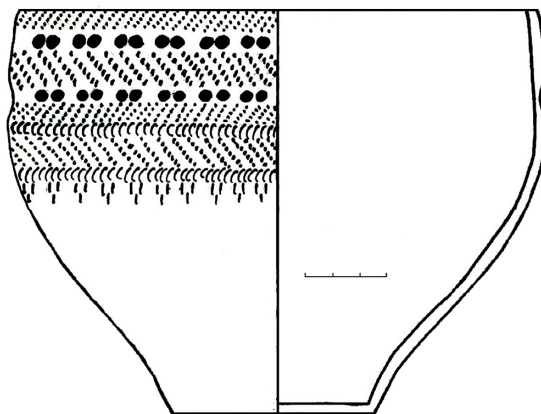

Рис. 3. Сосуд переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку

К неолитическим образцам относятся несколько фрагментов разных сосудов с красноватой окраской поверхности. Один из них, с прямым, скошенным внутрь венчиком, орнаментирован прочерченными волнистыми линиями (рис. 2, 1). Орнамент располагался на большей части тулова сосуда, возможно, от венчика до дна. Маленький фрагмент венчика, незначительно отогнутого наружу, орнаментирован с внешней и внутренней стороны косой насечкой по обрезу венчика (рис. 2, 2). Еще один небольшой фрагмент сосуда с прямым венчиком орнаментирован волнистыми линиями в отступающей технике. По обрезу венчика – ваимпроникающие ямочные вдавления, образующие волнистую линию (рис. 2, 3). Сосуды, орнаментированные волнами, насечками в прочерченной или отступающей технике с прямыми или незначительно отогнутыми наружу венчиками, имеют аналоги среди сосудов верхнеобской неолитической культуры [6. Стр. 71–72, 128. Рис. 33].

Предположительно, к раннебронзовым образцам относятся фрагменты керамики светло-коричневой окраски, украшенные псевдотекстильным орнаментом с внешней и внутренней стороны. Венчики сосудов прямые с одним или двумя рядами ямочек, образованных вдавлениями острой палочки, на одном из рядов – ямочки сквозные (рис. 2, 4). Толщина стенок достигает 1,3 см. Подобная керамика представлена в неолитическом комплексе стоянки Самусь III, где найдены фрагменты сосудов с прямыми толстыми стенками, сплошь покрытыми текстильным орнаментом с внешней и внутренней стороны сосуда [6. С. 36–37]. Однако она встречается также на разновременных комплексах, поэтому керамику с текстильным орнаментом ряд исследователей относят к эпохе ранней и развитой бронзы [1. С. 6; 10. С. 70–71].

К эпохе ранней бронзы относится фрагмент сосуда с отогнутым наружу венчиком, орнаментированный рядом ямочек и оттисками отступающей палочки (рис. 2, 5). Еще несколько фрагментов прямого венчика от одного сосуда украшены в технике округлой отступающей палочки (рис. 2, 6). Аналогичные образцы имеются на памятнике Венгерово-3 [5. С. 15, 17. Рис. 3, 1, 36].

Эпохой поздней бронзы можно датировать фрагменты керамики, орнаментированные под венчиком вертикальными резными линиями, под которыми идут горизонтальные прочерченные линии или зигзагообразные желобки, ниже – орнамент, нанесенный отступающей палочкой (рис. 2, 7). Такая керамика свойственна самусьской культуре [9. Рис. 26; 49, 16].

К раннему железному веку относится фрагмент серого цвета толщиной 0,7 см от сосуда с прямым венчиком, орнаментированный линией полукруглых ямочных вдавлений (рис. 2, 8). Ближайшие аналогии имеются в памятниках большереченской культуры (Ордынское-9, Новый Шарап-1) [11. С. 133. Табл. III, 2; С. 151. Табл. XXI, 7].

Интерес представляет целый плоскодонный сосуд горшковидной формы с прямым венчиком, имеющим

уплощенный срез. Диаметр сосуда по венчику 17 см, по дну 7 см, высота 14 см. Горшок орнаментирован чередующимися рядами гребенчатого штампа с наклоном вправо или влево, рядами сдвоенных ямок и вдавлений отступающей лопаточки, «Y»-образным штампом (рис. 3¹). От венчика до середины тулова расположены девять рядов орнамента. Прямых аналогов сосуд не имеет. В.А. Рябцев датировал его эпохой поздней бронзы [1. С. 1; 12. С. 8]. Но, возможно, сосуд относится к переходному этапу, поскольку совмещает в себе признаки, характерные и для поздней бронзы и раннего железного века: орнаментация покрывает только половину сосуда; ряды гребенчатого штампа разного размера (0,5 и 1 см); «Y»-образный штамп вызывает ассоциации с ямками, сгруппированными по 3 штуки и трактуемыми как изображения антропоморфных ликов в самусьской культуре. Орнамент со сдвоенными ямками имеет единичную аналогию в материалах самусьской культуры [9. Рис. 18, 1], но более распространен в материалах поселения раннего железного века Инберень-IV на Иртыше [13. С. 184. Рис. 4, б].

Таким образом, датировка керамической коллекции Медведкинского поселения охватывает несколько эпох – от неолита до раннего железного века, а само поселение является многослойным памятником. Остается открытым вопрос о наличии на данной территории погребального комплекса, на что намекает находка целого сосуда. Необходимо продолжить полевые исследования, чтобы выяснить характер памятника и определить его границы.

Медведкинское поселение, расположенное на пограничье тайги и лесостепи, где межэтнические контакты были наиболее активны, являлось важным звеном в структуре культурно-исторических связей населения Томского Приобья, что маркирует керамическая коллекция памятника.

Орнаментальные и технические особенности неолитической керамики свидетельствуют о ее принадлежности к верхнеобской культуре, это позволяет говорить о заселении данного района с юга Сибири и о культурной связи населения Томского Приобья с населением Приаралья [6. С. 122, 127–128]. В эпоху ранней бронзы прослеживается влияние лесостепной гребенчато-ямочной общности (байрыцкого типа), а вот в позднем бронзовом веке керамика несет в себе черты, характерные для самусьской культуры. Важным моментом в историческом процессе является переходное между эпохами время. Исследуя этот период на основе синтеза культурных черт, характерных для предшествующей и последующей эпохи, можно делать выводы о направлениях и глубине этнокультурного взаимодействия.

В настоящее время памятник интенсивно разрушается под воздействием природы и человека: терраса обрушивается во время половодий, а зона бывших лесопосадок активно застраивается дачными участками и коттеджами. Продолжение раскопок Медведкинского поселения является актуальной задачей не только в

плане спасения памятника, но и археологического исследования территории Томского Приобья.

Дальнейшее изучение Медведкинского поселения, находившегося в зоне переплетения культурно-

исторических связей, обещает плодотворные результаты, которые можно успешно использовать для воссоздания этнокультурной истории Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По рис. [12. Табл. 5, I].

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябцев В.А. Отчет о полевых исследованиях Южного отряда археологической экспедиции Томского университета за 1978 год // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 1978. № 773.
2. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. 475 с.
3. Мец Ф.И. Медведкинские находки // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 5–9.
4. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
5. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
6. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 9. 184 с.
7. Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология) : межведомств. сб. науч. тр. Омск : Омск. ун-т, 1987. С. 4–20.
8. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М. : Наука, 1974. 219 с.
9. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 10. 139 с.
10. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
11. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
12. Рябцев В.А. Отчет об археологических работах проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета летом 1977 года // Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. 1978. № 724.
13. Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень-IV на Иртыше // Советская археология. 1981. № 2. С. 178–197.

Borilo Bogdana S. Tomsk State University (Tomsk, Russia), E-mail: bogdana.borilo@mail.ru; *Barsukov Evgeni V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: barsukov-evg@mail.ru

THE MEDVEDKA SETTLEMENT.

Keywords: Tomsk Ob region; Neolithic Period; Bronze Age; Iron Age.

The Medvedka settlement is a multi-layered archaeological site located on the border of Tomsk and Kemerovo regions. In historical and cultural terms this territory was a border area between the forest-steppe and taiga. The settlement was discovered by V.A. Ryabtsev in 1977. The researcher collected a large amount of items, including a preserved vessel. These finds allowed him to hypothesise that apart from the settlement complex there may have also been a necropolis in this territory. Thus in 1978 V.A. Ryabtsev organised further excavations of the site which led to the creation of a collection of over 2000 items. The borders of the Medvedka settlement have not so far been established, and given that the finds were scattered over a large area, one can assume that the territory of the settlement is indeed vast. The Medvedka collection is presented to the scientific community for the first time. Most of it is comprised of stone items. These had been processed with the use of different techniques, among them – pressure flaking, grinding, and drilling. Many cultural and chronological analogies can be drawn when studying the final products and waste in the stone production. In the collection, there are also a small but sufficient number of ceramic items that allowed us to conduct a historical and cultural analysis and to date the site back to the Neolithic Period, and more specifically, the Early Iron Age. By means of analysing the ornamental and technical characteristics of this ceramics we were able to study the patterns of ethno-cultural interactions between the population of taiga and the forest-steppe population over a long period of time. Some unique finds accidentally discovered in the settlement are of particular interest; their features give room for cultural and chronological interpretations. These are a zoomorphic sharpening stone with a snake head imprinted on the end face of it and a whole ceramic vessel. The former is an excellent example of the ancient art of Western Siberia, and the latter has an unusual ‘Y’-shaped stamp on it as well as an ornamental grouping of holes that allow date it to the period in-between the Late Bronze Age and the Early Iron Age. The results of the collection analysis revealed the special role of the Medvedka site in the historical and cultural relationships between the taiga and the forest-steppe population. Further research on this territory of intersection of historical and cultural ties seems much promising as it may enable us to recreate the ethno-cultural history of Western Siberia across a wide chronological spectrum.

REFERENCES

1. Ryabtsev, V.A. (1978) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Yuzhnogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Tomskogo universiteta za 1978 god* [Report on field research of the Southern detachment of the Tomsk University archaeological expedition for 1978.]. The Archive of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia. № 773.
2. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Culturogenesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Mets, F.I. (1999) Medvedkinskie nakhodki [The finds from Medvedkino]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Priob'e glazami arkheologov i etnografov* [The Ob Region Through the Eyes of Archaeologists and Ethnographers]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–9.
4. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura: Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri* [The Ancient Art of Siberia: Samus Culture: Proceedings of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.

6. Matyushchenko, V.I. (1973a) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek) [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age)]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 9. Tomsk: Tomsk State University.
7. Petrov, A.I. (1987) Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov ekaterinskoy kul'tury v Srednem Priirtysh'e [Periodisation and chronology of Catherine's culture monuments in the Middle Irtysh region]. In: Konikov, V.A. & Matyushchenko, V.I. (eds) *Istochniki po istorii Zapadnoy Sibiri (istoriya i arkhologiya)* [Sources on the History of West Siberia (History and Archeology)]. Omsk: Omsk State University. pp. 4–20.
8. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Ancient Cultures of the Tomsk-Naryn Ob Region]. Moscow: Nauka.
9. Matyushchenko, V.I. (1973b) Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek) [Ancient history of the forest and forest-steppe population of the Ob region (Neolithic and Bronze Age)]. In: Okladnikov, A.P. et al. *Iz istorii Sibiri* [From Siberian History]. Issue 10. Tomsk: Tomsk State University.
10. Glushkov, I.G. (1996) *Keramika kak istoricheskiy istochnik* [Ceramics as a Historical Source]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
11. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechensk Culture of the Forest-Steppe Ob Region]. Novosibirsk: Nauka.
12. Ryabtsev, V.A. (1978) *Otchet ob arkhologicheskikh rabotakh problemnoy laboratorii istorii, arkhologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta letom 1977 goda* [Report on the archaeological work of the problem laboratory of history, archeology and ethnography of Tomsk State University in the summer of 1977]. The Archive of the Tomsk State University Museum of Archeology and Ethnography of Siberia. № 724.
13. Koryakova, L.N. & Stefanov, V.I. (1981) Gorodishche Inberen'-IV na Irtyshe [Inberen-IV Hillfort on the Irtysh]. *Sovetskaya arkhologiya*. 2. pp. 178–197.

УДК 572

DOI: 10.17223/19988613/49/20

Д.В. Пежемский

НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКА XVII–XIX вв. В СИСТЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Представлены результаты нового этапа морфометрического анализа краниологических данных о населении Томска XVII–XIX вв., собранных С.М. Чугуновым на рубеже XIX–XX вв. и в конце XX в. изученных В.А. Дрёмовым. Современными методами показано отсутствие достоверных отличий между краниометрическими характеристиками, полученными предшественниками, несмотря на большую разницу в числе изученных ими черепов. Выявлено несовпадение техники измерения ряда признаков, в первую очередь – размеров глазницы. Обнаружены существенные отличия между антропологическими типами, эмпирически выделенными С.М. Чугуновым. Население Томска в краниологическом отношении пока не находит близких аналогий среди населения Европейской России эпохи финальных этапов этногенеза русского народа. Женское и мужское население Томска демонстрирует своеобразие антропологического облика.

Ключевые слова: физическая антропология; краниология; православное население Томска.

Антропологические исследования по русским Сибири значительно уступают по количеству и объему материала подобным исследованиям по Европейской России. Особенно остро стоит вопрос о физических особенностях русского населения XVII–XIX вв. Православное население Томска первых двух веков его существования оказалось первым, которое было изучено за Уральским хребтом с точки зрения морфологии черепа [1].

После систематических сборов черепов из православных кладбищ, которые проводил выдающийся русский антрополог Сергей Михайлович Чугунов (1854–1920) на рубеже XIX и XX вв., новые материалы по краниологии русских Сибири появились только спустя столетие [2, 3].

Однако хотелось бы обратить внимание на то, что морфометрические данные, полученные С.М. Чугуновым, и поныне остаются ценным источником для дальнейшей разработки проблемы происхождения и особенностей формирования популяций русских Сибири. Этому способствует огромный труд по переработке цифрового материала, опубликованного С.М. Чугуновым, продолженный значительно позднее Владимиром Анатольевичем Дрёмовым (1940–1996) [4].

Цель настоящей работы – сравнительная краниологическая характеристика населения Томска XVII–XIX вв. и попытка найти параллели его антропологическому типу среди населения Европейской России как несколько более раннего времени, так и синхронного.

Поставлены следующие задачи:

1. Объективными методами сопоставить данные С.М. Чугунова, как наиболее многочисленные, и данные В.А. Дрёмова, как не вызывающие сомнения с точки зрения методики, что важно для использования цифрового материала обоих исследователей в дальнейших сравнительных анализах.

2. Сравнить между собой характеристики краниологических «типов», эмпирически выделенных С.М. Чугуновым.

3. Сравнить антропологические особенности населения Томска с особенностями русского городского населения Европейской России XVI–XVIII вв.¹

Материалы С.М. Чугунова, при всей их основательности, были опубликованы без подсчета средних показателей и элементарной статистической обработки. В.А. Дрёмов переработал его цифровой материал и дал современное описание краниологических особенностей обобщенной выборки мужского и женского населения Томска XVII–XIX вв. Судя по всему, В.А. Дрёмов делал поправку на западносибирский масштаб изменчивости краниометрических признаков, чем определяются расхождения между его характеристиками и описаниями в настоящей работе, где оценка дана строго в соответствии с категориями Г.Ф. Дебеца [5. С. 112–122].

Мужское население Томска В.А. Дрёмов характеризует как мезобахикранное, со средними величинами горизонтальных диаметров мозговой коробки. Высота свода черепа описана как большая, в действительности значение её расположено на границе средних и больших величин. Длина основания черепа средняя. Лоб он обозначает как умеренно широкий, однако наименьшая ширина лобной кости относится к средним значениям. Лицо средней ширины и высоты, значительно профилированное в горизонтальной плоскости, выступает средне (скорее мезогнатное, нежели ортогнатное). Отметим, что верхняя ширина лица большая. Нос описан В.А. Дрёмовым как высокий, среднеширокий, сильно выступающий. Стоит уточнить, что нос средней высоты, но имеет сдвиг к большим значениям и выступает совсем не резко. Кроме того, им отмечается, что орбиты широкие и низкие, а переносье высокое, с чем можно полностью согласиться.

Для женского населения, как полагал В.А. Дрёмов, довольно близкого к морфологическому типу, представленному у мужчин, характерны относительно более крупное лицо, мезогнатия и некоторая его уплощенность, более низкое переносье и слабее выступающие носовые кости. Проведенное в данном исследовании категориальное сравнение средних, полученных по мужским и жен-

ским черепам, свидетельствует в пользу мнения В.А. Дрёмова о значительной их морфологической близости. При этом различий выявлено значительно меньше (особенно с учетом малого числа – от 8 до 11 – наблюдений по сохранившимся женским черепам). Разница между мужчинами и женщинами вполне укладывается в известные представления о нормальном половом диморфизме. Тем не менее стоит отметить более широкую, брахикранную, с более длинным основанием, мозговую коробку у женщин, а также более уплощенное лицо на среднем уровне. Прочие отличия не стоит подчеркивать, так как они, скорее всего, недостоверны.

Для целей дальнейшей работы и выявления возможности сравнения цифрового материала XIX в. было чрезвычайно важно выяснить, насколько реальна и значима разница между современной методикой и измерительной техникой С.М. Чугунова. В.А. Дрёмов писал о расхождении своих данных по краниометрической характеристике населения Томска с результатами измерений С.М. Чугунова. Он был склонен объяснять их значительно меньшим числом черепов, сохранившихся до сего дня, и разным их составом [4. С. 144].

Однако детальный анализ различий краниометрических данных предшественников при помощи t-критерия Стьюдента уверенно показал, что дело не только в названных причинах (табл. 1). По большинству признаков, даже невзирая на столь большую разницу в числе черепов, данные С.М. Чугунова и В.А. Дрёмова достоверно не отличаются (!). Статистически достоверная разница на самом высоком уровне значимости обнаруживается только по трём признакам: ширина и высота орбиты, а также ширина носа (и, как следствие, носового указателя). Судя по всему, при измерении этих важнейших признаков С.М. Чугунов пользовался отличным от современного способом их фиксации. Проблема заключается в методических расхождениях, что лишает нас возможности использовать указанные элементы обязательного краниометрического бланка в ходе сравнительного анализа. Его придётся проводить по сокращенной программе, описанной ниже.

В соответствии с представлениями своего времени, большинство черепов С.М. Чугунов распределил по нескольким краниологическим типам, выделенным визуально, в том числе «русско-славянскому», «русско-инородческому», «тюрко-монгольскому». С точки зрения современного расоведения и этнической антропологии, принять этот подход невозможно, однако морфологическое разнообразие, описанное таким способом, необходимо рассмотреть заново и по возможности интерпретировать.

Начнём с сопоставления «русско-славянского» и «русско-инородческого» типов. Для женской части выборки это можно сделать с серьезными оговорками, ибо «русско-инородческий» тип у женщин представлен лишь пятью черепами. Мужская часть выборки позволяет принять во внимание точку зрения С.М. Чугунова и выявить реальные отличия двух типов, так как первый насчитывает

65 черепов, второй – 32 (табл. 2). Поскольку статистические параметры не опубликованы, оценить различия между ними можно только при помощи t-критерия Стьюдента, используя стандартные значения среднего квадратического отклонения [5. С. 123–127].

Проведенное сравнение уверенно выявило абсолютную реальность морфологических различий между «русско-славянским» и «русско-инородческим» типами. В будущем, если удастся их содержательно интерпретировать, безусловно, нужно изменить использованные С.М. Чугуновым названия как полностью устаревшие. По лицевому скелету разница между «типами» максимальна и достоверна на самом высоком уровне значимости (за исключением ширины орбиты). По мозговому отделу черепа различия менее резки. Так, поперечный диаметр, ушная высота и наименьшая ширина лба не обнаруживают отличий. Но реальные отличия фиксируются по продольному диаметру и черепному указателю. В категориальном отношении обе группы черепов описываются одними и теми же характеристиками. Им свойственны средних размеров продольный и поперечный диаметры, высокий (!) по абсолютному значению свод черепа и относительно среднеширокая лобная кость. Однако «русско-славянский» тип брахикранен, относительная высота его свода при этом невелика, лоб средней ширины, «русско-инородческий» – мезокранен, с большой относительной высотой свода и широким лбом. Лицевой отдел у обеих групп средних размеров и пропорций, но у «русско-инородческой» группы лицо достоверно шире и ниже. Орбиты низкие (и абсолютно, и относительно) в обоих случаях, но у «русско-инородческой» группы они ниже, чем у «русско-славянской». Высота носа у этой группы большая, у «русско-инородческого» типа – средняя. Нос среднеширокий, по указателю даже узкий в первой группе, во второй группе он существенно шире, как и дакриальная ширина переносы.

В целом, видимо, отличия между «русско-славянским» и «русско-инородческим» типами С.М. Чугунова сводятся к заметному участию в формировании «русско-инородческого» типа компонента уральского происхождения (не в географическом, а в расоведческом смысле). Вполне возможно, что «русско-инородческий» тип собственно и представляет тот или иной вариант уральской расы. Дальнейший ход исследования, возможно, покажет направления его антропологических связей.

Сравнительная краниологическая характеристика жителей Томска проведена В.А. Дрёмовым эмпирически и только на фоне имевшегося на тот момент опубликованного цифрового материала [6]. Он сопоставил данные по населению Томска с данными по русскому населению различных губерний XIX в., опубликованными В.П. Алексеевым², и отметил более крупные размеры томских черепов – горизонтальных диаметров мозгового отдела, скуловой ширины, высоты лица и носа. Этот вывод хорошо согласуется с известным своеобразием абсолютно всех изученных групп современных русских Сибири [8].

Таблица 1

Краткая краниометрическая характеристика мужского населения Томска XVII–XIX вв.

Признак, № по Р. Мартину	По Чугунову (n = 127)	По Дрёмову (n = 19)	t-критерий Стьюдента
1. Продольный диаметр	181,2	180,6	0,40
8. Поперечный диаметр	144,3	143,8	0,41
8:1. Черепной указатель	79,6	79,7	0,13
17. Высотный диаметр	136,0	136,9	0,71
17:1. Высотно-продольный указатель	75,1	75,9	1,00
17:8. Высотно-поперечный указатель	94,5	96,2	1,50
9. Наименьшая ширина лба	97,9	97,6	0,28
45. Скуловой диаметр	135,2	136,8	1,25
48. Верхняя высота лица	71,8	73,1	1,26
48:45. Верхний лицевой указатель	53,1	53,5	0,50
51a. Ширина орбиты от d	39,2	40,9	3,97
52. Высота орбиты	32,1	33,3	2,51
55. Высота носа	53,8	52,8	1,37
54. Ширина носа	25,0	26,4	3,09
54:55. Носовой указатель	46,6	50,1	3,39

Примечание. Подчеркнуто значение t-критерия Стьюдента при $p = 0,05$ – уровень достоверности различий 95%, полужирным шрифтом выделены значения при $p = 0,01$ – уровень достоверности различий 99%.

Таблица 2

Сравнительная характеристика двух краниологических типов, встречающихся среди населения Томска XVII–XIX вв. (по С.М. Чугунову)

Признак, № по Р. Мартину	Мужские черепа			Женские черепа		
	«РС» (n = 65)	«РИ» (n = 32)	t-крит.	«РС» (n = 19)	«РИ» (n = 5)	t-крит.
1. Продольный диаметр	180,1	182,8	<u>2,05</u>	174,1	174,2	0,03
8. Поперечный диаметр	144,0	143,4	<u>0,56</u>	140,3 ⁷	141,6	0,54
8:1. Черепной указатель	80,0	78,4	<u>2,32</u>	80,6	81,3	0,44
17. Высотный диаметр	137,7	137,0	0,66	131,3	133,4	0,89
17:1. Высотно-продольный указатель	76,5	74,8	<u>2,54</u>	75,4	76,6	0,77
17:8. Высотно-поперечный указатель	95,6	97,6	<u>2,10</u>	93,6	94,2	0,27
9. Наименьшая ширина лба	97,8	99,3	1,58	94,2	99,0	<u>2,22</u>
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,9	69,2	1,82	67,0	69,9	1,75
45. Скуловой диаметр	133,4	136,1	2,45	125,6	128,0	0,99
48. Верхняя высота лица	72,2	69,6	2,94	68,1	71,4	1,73
48:45. Верхний лицевой указатель	54,1	51,2	4,26	54,2	55,7	0,95
51a. Ширина орбиты от d	39,0	39,3	0,82	37,8	38,6	0,99
52. Высота орбиты	32,2	31,1	2,68	31,7	31,8	0,12
52:51a. Орбитный указатель	82,6	79,3	2,91	84,0	82,4	0,61
55. Высота носа	54,4	52,3	3,35	50,9	52,6	1,25
54. Ширина носа	24,5	25,8	3,34	23,6	25,2	1,87
54:55. Носовой указатель	45,2	48,5	3,73	46,4	48,9	1,21
DC. Дакриальная хорда	21,6	22,9	2,72	20,3	23,2	2,79

Примечание. Подчеркнуты значения t-критерия Стьюдента при $p = 0,05$ – уровень достоверности различий 95%, полужирным шрифтом выделены значения при $p = 0,01$ – уровень достоверности различий 99%.

Для решения основной задачи этой статьи был выбран канонический дискриминантный анализ, проведенный при помощи программы MultiCan, разработанный Н.Н. Гончаровой и И.А. Гончаровым в 2013 г.

Краниометрические материалы по населению Томска использовались в многомерном статистическом анализе в следующих вариантах: «русско-славянский» тип, «русско-инородческий» тип, «тюрко-монгольский» тип и «другие инородческие типы» (по С.М. Чугунову), а также обобщенная выборка, т.е. население Томска в среднем (по В.А. Дрёмову). Приведенный выше анализ цифрового материала позволяет уверенно опираться при сравнении только на 7 краниометрических признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая ширина лобной кости, скуловая ширина, верхняя высота лицевого скелета и высота носа³, которые отражают общие, габаритные размеры черепа.

К сравнительному анализу были привлечены локальные краниологические серии, представляющие городское население Европейской России XVI–XVIII вв. (всего 21 мужская выборка):

- 4 серии черепов из Пскова [9, 10];
- 4 серии из Великого Новгорода [11–14];
- 5 выборок из православных кладбищ Казани [6; неопубликованные данные Е.М. Макаровой], а также
- Чебоксар, Йошкар-Олы и Перми [15, 16; неопубликованные данные Е.М. Макаровой];
- серии из Старой Ладogi, Себежа, Симбирска [6];
- серии из Твери [17] и
- Свияжска [18].

По результатам проведенного канонического дискриминантного анализа краниометрических данных первые два канонических вектора (КВ) описывают 66,2% общей изменчивости. На КВ I падает 44,7%, ко-

ими «управляют» высота носа и высота лица, связанные отрицательно. КВ II описывает 21,5% общей изменчивости, которая заключена в основном в скуловой ширине лица и высоте свода, также скоррелированных отрицательно. Следовательно, этот вектор отделяет широколицые и низкосводные группы от относительно узколицых и высокосводных. Существенную дифференциацию по значениям КВ II показывают только «тюрко-монгольский» тип С.М. Чугунова, задающий

здесь масштаб межгрупповой изменчивости в пределах двух рас и, соответственно, «сжимающий» морфологическое пространство всех остальных сравниваемых выборок (рис. 1). За отсутствием в анализе признаков, традиционно используемых для расовой диагностики, было важно показать, что «тюрко-монгольский» тип чрезвычайно далек от всего того краниологического многообразия, которое диктуют выборки Европейской России.

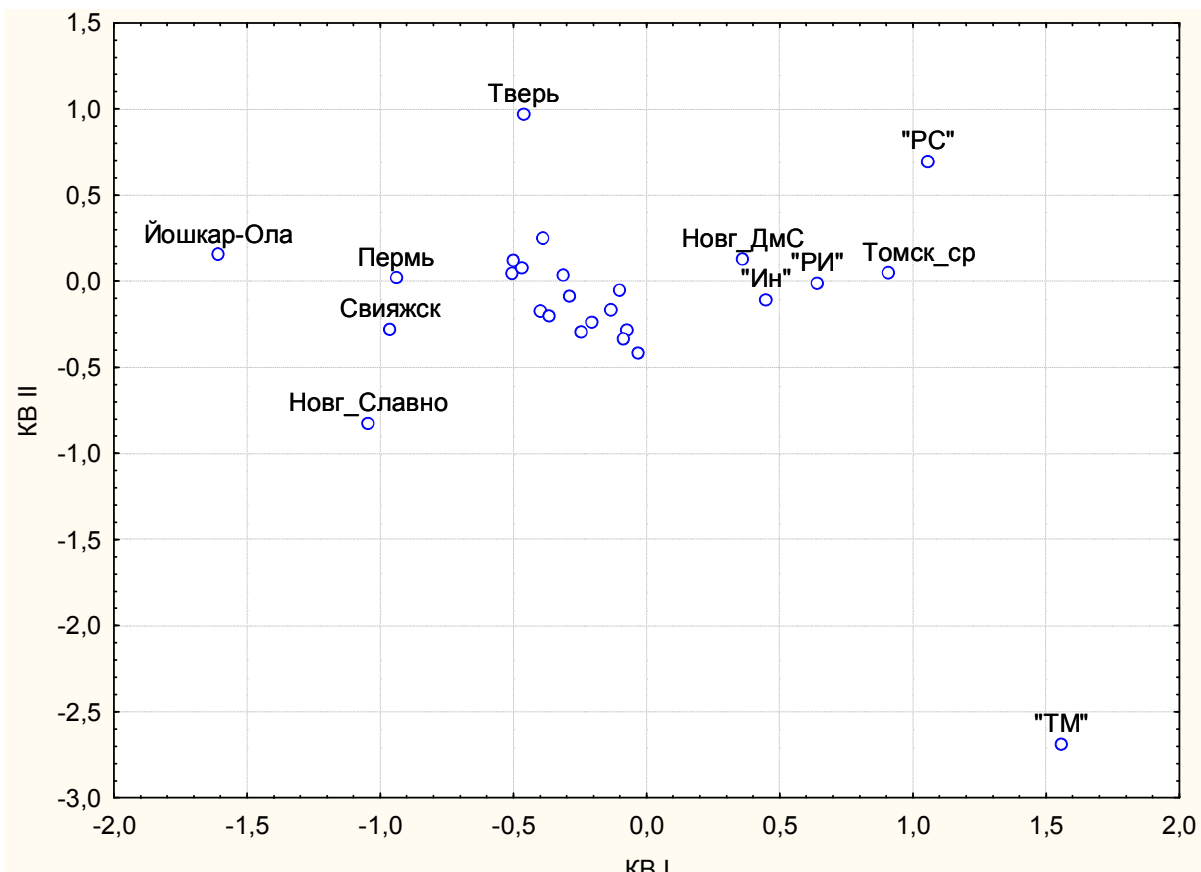

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий из городов Европейской России в пространстве значений первого и второго канонических векторов: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В.А. Дрёмову); «РС» – «русско-славянский»; «РИ» – «русско-инородческий»; «ТМ» – «тюрко-монгольский»; «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова; Новг – Великий Новгород; ДмС – церковь Димитрия Солунского

Важнейшими результатами данного сравнительного анализа явились следующие:

- большинство привлеченных выборок представляют собой очень компактное, относительно однородное на межгрупповом уровне, морфологическое явление (Псков, Старая Ладога, Себеж, две выборки из Великого Новгорода, Казань, Симбирск, Чебоксары)⁴;
- очевидным своеобразием обладает население Твери (возможно, за счет материалов XIX в.), Перми и Йошкар-Олы (расположенных в зоне межнациональных контактов), Свияжска и Великого Новгорода, что потребует специального рассмотрения в дальнейшем;
- мужское население города Томска продемонстрировало исключительную самостоятельность своего антропологического типа по отношению к населению подавляющего числа городов Европейской России, при

этом «русско-славянский» тип С.М. Чугунова, против ожиданий, совершенно не находит себе очевидных аналогий в среде последнего (!).

При дальнейшей характеристике результатов важно не упустить из виду не только тот факт, что все «типы» томичей морфологически изолированы от городского населения Европейской России, но также, что эти типы относительно близки между собой, в том числе «другие инородческие». Нельзя не увидеть, что «русско-славянский» тип максимально удален от европейских выборок и демонстрирует свою относительную самостоятельность по отношению к другим выборкам с территории Томска.

С учетом сказанного выше особое значение приобретает единственная аналогия краниологическим особенностям населения Томска – это очень небольшая серия черепов из раскопок И.В. Антипова в церкви

Дмитрия Солунского, расположенной в Плотницком конце Великого Новгорода (условно датирована XVII в.). Данная выборка всегда привлекала внимание своей исключительной непохожестью на всё известное нам разнообразие черепов из городских кладбищ Северо-Западного региона. Далеко идущих выводов, например, о сходстве населения Томска и Великого Новгорода, делать на этом основании категорически нельзя. Однако из этого обстоятельства образуется важное следствие – краниологическая специфика населения Томска не полностью «независима» от краниологического разнообразия Европейской России. Не исключено, что в дальнейшем ей найдутся более точные аналогии.

Выводы:

1. Сопоставление измерительных данных С.М. Чугунова и морфометрических данных В.А. Дрёмова показало, что, не взирая на существенные различия в численности наблюдений, они не имеют достоверных отличий за исключением некоторых признаков (размеры глазницы, ширина носа), что объясняется методическими расхождениями, а не составом серий.

2. Краниологические особенности населения Томска XVII–XIX вв. пока не находят себе близких аналогий среди краниологического разнообразия русского православного населения Европейской России эпохи финальных этапов этногенетического процесса, что не исключает их обнаружения в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Задача привлечь весь известный материал не ставилась, а выборки с территории г. Москвы, как и сельские группы русских, на данном этапе исключены из анализа умышленно; первые – из-за чрезвычайного краниологического разнообразия населения столицы, вторые – в силу известных глубинных различий между городским и сельским населением.

² Недавно была высказана точка зрения, согласно которой это население в целом можно считать сельским [7], с чем довольно трудно согласиться.

³ Номера по Р. Мартину – 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55.

⁴ Они занимают центральное положение на графике и для простоты восприятия лишены условных обозначений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Материалы для антропологии Сибири. Томск, 1905. Вып. 15. 197 с.
2. Багашёв А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 29–37.
3. Багашёв А.Н., Антонов А.Л. Краниологическая характеристика русских старожил Омского Прииртышья // Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск : Апельсин, 2010. С. 247–280.
4. Дрёмов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. Т. 4 : Расо-генез коренного населения. С. 140–147.
5. Алексеев В.П., Дебёз Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
6. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М. : Наука, 1969. 324 с.
7. Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. № 2. С. 75–87.
8. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева. М. : Наука, 1973. 189 с.
9. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.
10. Пежемский Д.В. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 121–126.
11. Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М. : Старый сад, 2000. Ч. II. С. 95–129.
12. Пежемский Д.В. Краниологические материалы из раскопок А.В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения : материалы науч. конф. (21–24 сентября 2002 г.). Великий Новгород : Новгородский музей-заповедник, 2004. С. 106–113.
13. Пежемский Д.В. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. М. : ИЭА РАН, 2012. Вып. 21. С. 37–48.
14. Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. 2015. № 1. С. 176–192.
15. Макарова Е.М., Газимзянов И.Р., Михеев Е.П. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII вв.: по материалам раскопок 2006 г. // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья : материалы Всерос. науч.-практич. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.). Чебоксары : ЧГИГН, 2013. С. 159–170.
16. Макарова Е.М., Харламова Н.В. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) кон. XVI – сер. XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 82–88.
17. Харламова Н.В. Тверское население XVI–XX веков по данным краниологии // Вестник антропологии. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2012. Вып. 21. С. 49–58.
18. Макарова Е.М. Первые поселенцы о.-г. Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология : материалы конф. молодых ученых. Москва, 16–17 декабря 2010 г. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. С. 21–32.

Pezhemy Denis V. Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: pezhemsky@yandex.ru

POPULATION OF TOMSK OF THE 17-TH–19TH CENTURIES AND ANTHROPOLOGICAL DIVERSITY OF EUROPEAN RUSSIA.

Keywords: physical anthropology; craniology; orthodox Christian population of Tomsk.

This article presents a new stage of craniological data studying of Tomsk population of the 17-19th centuries. This study involves comparative analysis of Tomsk population and finding parallels for its anthropological type among European Russia population. This article is based on tabular craniometric data collected and published by S.M. Chugunov in 1905 and revised by V.A. Dremov in 1998. The tasks of this work are: 1) comparison of the data collected by S.M. Chugunov (the most extensive set) with the data published by V.A. Dremov (the most reliable set in terms of methodology); 2) comparison of craniological traits complexes ("craniological types") empirically distinguished by S.M. Chugunov; 3) comparison of anthropological characteristics of Tomsk population with those of Russian urban population of European Russia of the 16-19th centuries. The first stage of this study revealed no significant difference between craniometric data obtained by S.M. Chugunov and V.A. Dremov. The assumption was made that the measurement technique was inconsistent in some cases (first of all, eye pit measurement technique). The study included within-group analysis on craniological types level empirically distinguished by S.M. Chugunov. The analysis revealed significant differences between those types which assume complex composition of Tomsk population. Its morphological diversity far exceeded that of normally variable population. The second stage of the study involved inter-group comparative analysis. As a study method canonical discriminant analysis was chosen and performed by MultiCan program developed by I.A. Goncharov (2013). 7 craniometric traits were compared: neurocranium length, width and height, minimum width of frontal bone, zygomatic width, upper facial height and nose height. For comparative analysis local series of urban population of European Russia of the 16-19th centuries were used – from Pskov, Sebezh, Staraya Ladoga, Velikiy Novgorod, Tver, Kazan, Sviyazhsk, Simbirsk, Cheboksary, Yoshkar-Ola and Perm (21 male series). Comparative analysis showed that all craniological types of Tomsk population are morphologically separated from urban population of European Russia but are relatively close within the group. Therefore the population of Tomsk has no close comparison in the population of European Russia at the final phase of Russian ethnogenesis. The female and male population of Tomsk both show distinctiveness of anthropological types.

REFERENCES

1. Chugunov, S.M. (1905) *Antropologicheskiy sostav naseleniya goroda Tomska po dannym pyati starinnykh pravoslavnykh kladbishch. Materialy dlya antropologii Sibiri* [Anthropological Composition of the Toms Population According to the Data of Five Ancient Orthodox Cemeteries. Materials for Siberian Anthropology]. Issue 1. Tomsk: [n.d.].
2. Bagashev, A.N. & Antonov, A.L. (2005) K probleme genezisa komponentov antropologicheskoy struktury russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya [On the genesis of components of the anthropological structure of the Russian old-timer population in Omsk Irtysh Region]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 29–37.
3. Bagashev, A.N. & Antonov, A.L. (2010) Kraniologicheskaya kharakteristika russkikh starozhilov Omskogo Priirtysh'ya [Craniological characteristics of Russian old-timers in Omsk Irtysh Region]. In: Tataurova, L.V. *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [The Funeral Rite of Russian Middle Irtysh Region in the 17th – 19th Centuries on the Materials of the Izyuk-I Complex]. Omsk: Apel'sin. pp. 247–280.
4. Dremov, V.A. (1998) Naselenie Tomska v XVII–XVIII vv. [The population of Tomsk in the 17th – 18th centuries]. In: Lukina, N.V., Kulemzin, V.M. & Matyushchenko, V.I. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Culturogenesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 140–147.
5. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
6. Alekseev, V.P. (1969) *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy (kraniologicheskoe issledovanie)* [The Origin of the Peoples of Eastern Europe (A Craniological Research)]. Moscow: Nauka.
7. Konopelkin, D.S. & Goncharov, N.N. (2016) Sravnitel'nyy kraniologicheskyy analiz vostochnoevropeyskikh gorodskikh i sel'skikh vyborok XVI–XVIII vv. [Comparative craniological analysis of East European urban and rural samples of the 16th – 18th centuries]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 2. pp. 75–87.
8. Bunak, V.V. & Zolotareva, I.M. (eds) *Russkie starozhily Sibiri: Istoriko-antropologicheskyy ocherk* [Russian Old-Timers of Siberia: Historical and Anthropological Essay]. Moscow: Nauka.
9. Sankina, S.L. (2000) *Etnicheskaya istoriya srednevekovogo naseleniya Novgorodskoy zemli po dannym antropologii* [Ethnic History of the Medieval Population of the Novgorod Land According to Anthropology]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
10. Pezhemskiy, D.V. (2013) Novye kraniologicheskie materialy po pozdnesrednevekovomu naseleniyu Pskova [New craniological materials on the late medieval population of Pskov]. *Vestnik antropologii*. 3. pp. 121–126.
11. Pezhemskiy, D.V. (2000) Novye materialy po kraniologii pozdnesrednevekovykh novgorodtsev [New materials on the craniology of late medieval Novgorodians]. In: Alekseeva, T.I. (ed.) *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Peoples of Russia: From Past to Present]. Part 2. Moscow: Saryy sad. pp. 95–129.
12. Pezhemskiy, D.V. (2004) [Craniological materials from A.V. Artsikhovskiy's excavations in 1936–1938 and 1952]. *Novgorodskie arkheologicheskie chteniya* [Novgorod Archaeological Readings]. Proc. of the Conference. September 21–24, 2002. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzei-zapovednik. pp. 106–113. (In Russian).
13. Pezhemskiy, D.V. (2012) Pervye paleoantropologicheskie materialy iz Staroy Russy [The first paleoanthropological materials from Staraya Russa]. *Vestnik antropologii*. 21. pp. 37–48.
14. Evteev, A.A. & Oleynikov, O.M. (2015) Arkheologicheskie i paleoantropologicheskie issledovaniya na Dan'slavle ulitse v Velikom Novgorode [Archaeological and paleoanthropological studies on Danslavl street in Veliky Novgorod]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 176–192.
15. Makarova, E.M., Gazimzyanov, I.R. & Mikheev, E.P. (2013) [Anthropological composition of the population of Cheboksary in the 16th–17th centuries: based on excavations in 2006]. *Gorod Cheboksary i ego okruga v epokhu Srednevekov'ya* [Cheboksary and its Districts in the Middle Ages]. Proc. of the Russian Conference. Cheboksary. September 26, 2013. Cheboksary: ChGIGN. pp. 159–170. (In Russian).
16. Makarova, E.M. & Kharlamova, N.V. (2013) Naselenie Tsarevokokshayska (Yoshkar-Oly) kon. XVI – ser. XVIII vv. po dannym antropologii (predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya) [The population of Tsarevokokshaysk (Yoshkar-Ola) in the late 16th – mid-18th centuries according to anthropological data (preliminary results of the study)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. pp. 82–88.
17. Kharlamova, N.V. (2012) Tverskoe naselenie XVI–XX vekov po dannym kraniologii [The Tver population in the 16th – 20th centuries according to craniology]. *Vestnik antropologii*. 21. pp. 49–58.
18. Makarova, E.M. (2011) [The first settlers in Sviyazhsk. On the anthropological composition of the population]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya etnologiya* [Historical and Cultural Heritage and Modern Ethnology]. Proc. of the Conference. Moscow. December 16–17, 2010. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 21–32. (In Russian).

УДК 321.1:398(571.1)

DOI: 10.17223/19988613/49/21

А.В. Головнёв, Е.В. Перевалова

ВОЖДИ ОБСКИХ УГРОВ И НЕНЦЕВ (ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА)

Рассматриваются фольклорные образы вождей обских угров и самодийцев. Отмечается, что в традициях лидерства уграм более свойственна элитарность, ненцам – эгалитарность, уграм – устойчивость, ненцам – мобильность, включающая и механизм мобилизации власти. Именно вожди, выполняющие военно-политические и религиозные функции, объединяли туземные сообщества, формировали центры и границы княжеств, родовых и этнических сообществ. Родство и свойство элит служило основой сплочения сообществ и межгрупповых связей. Религиозно-мифологическим обоснованием этих связей были легенды о вождях-родоначальниках, паломничество к культовым центрам и проведение сходов-ритуалов. Позиции и поступки лидеров определяли сценарии межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: вожди; лидерство; власть; обские угры; ненцы; фольклор; Западная Сибирь.

Можно полемизировать о степени исторической достоверности фольклора, но для этнографии он представляет собой весомый источник для изучения этнокультурных ценностей и норм. В отличие от созданных внешними наблюдателями письменных исторических источников (летописей, ясачных книг, ревизских сказок, метрических книг и др.), фольклор обладает взглядом изнутри. Впрочем, есть в фольклоре и свой историзм, относящийся к описаниям важных событий, и в этом смысле он играет роль народной истории (или «этноистории»). Иначе говоря, фольклор позволяет охарактеризовать события и явления в проекциях и толкованиях самого народа, что особенно важно для исследования феноменов власти и лидерства. В данной статье рассматриваются те грани власти и лидерства у обских угров и ненцев, которые обычно остаются в тени: роль вождей в коммуникации и мобильности возглавляемых ими сообществ.

Остяцкие богатыри. Основная и до сих пор часто цитируемая работа об остяцких богатырях¹ по материалам фольклора принадлежит перу С.К. Патканова, записавшего в 1880-е гг. серию сказаний у кондинских и иртышских остяков, а затем представившего их яркий и содержательный обзор [1]². Записанные им героические сказания относятся к эпохе, предшествовавшей татарской и русской колонизации Северо-Западной Сибири (условно XIII–XVI вв.), поскольку в них не фигурируют татары и русские, а в качестве соперников остяцких богатырей выступают воинственные самодеды или свои же соплеменники (остяцкие и вогульские богатыри других земель). Эпос посвящен почти исключительно походам и победам богатырей, и их военное призвание явно первенствует над прочими социальными функциями. При этом речь идет не о завоеваниях, а о «хищнических набегах» или отражении подобных нападений врагов. Главным, если не исключительным, мотивом набегов оказывается «добыча невест» [Там же. С. 35].

Поход за женщинами может казаться чем-то тривиальным на фоне геополитических или социально-экономических интересов. Однако фольклор тем и от-

личается от учебников истории, что выдает истинные человеческие мотивации, а не обобщенно-умозрительные. Добыча (похищение) женщин – исходная причина войн, а война – главное средство установления господства. Именно секс и власть (наряду с родством), согласно антропологии движения, выступают основными драйверами этничности и социальности, а прототипом путешествия был именно поход в поисках женщин [7. С. 222–234; 8. С. 14–15].

Побуждение богатыря к поиску невесты имеет не только романтический, но и этнический контекст. В этом ракурсе князь-богатырь предстает не только как военачальник, но и как персонаж, связующий своими действиями людей в социальные группы и объединяющий их в этнические сообщества. По материалам Патканова видно, что героические деяния богатырей-уртов – походы за женщинами – представляли собой реальную или символическую смесь войны и сватовства: «В былинах слова “свадьба” (*moi*) и “сват”, “поезжанин” (*moi-xoi*) очень часто употребляются рядом со словами “война” (*m'am*) и “воин” (*m'am'-xoi*), как бы в качестве синонимов последних». Соответственно звучит призыв в поход: «Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу», а рать рисуется как «воины со стриженными головами, сваты со стриженными головами» [1. С. 76, 81, 87–88, 302, 318].

Подобные походы были своего рода статусными ритуалами установления или утверждения господства. Выбор невесты, добыча избранницы и свершение попутных подвигов приобретают в эпосе вид конкуренции на власть и часто сопровождаются военными действиями. Вообще поход за женщинами – дело престижа и власти, право богатыря и демонстрация его силы: вожаделенной добычей оказывается не просто красавица-рукодельница, а знатная княжна. Во многих традициях (древних и современных) право на женщин было узлом сплетения всех прочих прав (включая власть, свободу, землю, имущество). В этом отношении поход за знатной невестой превращается в «эпическую свадьбу», включающую сбор большого числа сватов-воинов,

состязания, подлоги (невест) и споры о калыме, преследования соперников и расправы с ними, а заодно битвы с чудовищами (вроде мамонтов и *юрлов*) и избавление от них людей. Эта эпическая свадьба-война служит утверждению власти героя-богатыря, ознаменованной правом на женщин дальних земель.

Военный поход сам по себе представляется привилегией элиты – все остальные участники экспедиции составляют безликий эскорт князей. Мотив похода как становления и достижения власти и статуса князя оттеняется в фольклоре оборотами: «Молодые люди странствуют по стране, смотрят на жен и мужей и себя показывают женам и мужьям». Князь-победитель стяжает прозвище «Богатырь, носящий внушающую страх одежду из полотна многих земель» [1. С. 91, 352]. Здесь оборот «полотно многих земель» – ключевой, обозначающий диапазон походов и власти.

По обобщающим наблюдениям А.И. Соловьева, войско, ведомое князем-богатырем, было немногочисленным, но мобильным. Выдающаяся мощь былинного богатыря отмечалась упоминанием его отряда в 300 воинов (лишь в одном случае эта цифра достигла 700). Обычно же такой отряд не превышал 50 человек. Небольшие маневренные пехотные отряды передвигались зимой на лыжах, летом – на лодках по рекам и протокам (былины упоминают лошадей, но нигде не говорится о кавалерии как о самостоятельной военной единице). Общераспространенная тактика набегов предполагала внезапность нападения [2. С. 128–129].

Описывая тип остяцкого богатыря, С.К. Патканов обращает внимание на деление остяцкой страны на княжества (*авыт*), центрами которых были укрепленные поселения – городки (хант. *вош*, *воч*, *ваш*; манс. *уш*). Сам Патканов насчитал более 60 укрепленных городков в Тобольском округе и более 40 (со ссылкой на Н.А. Абрамова) – в Березовском. Городок являлся административным, торговым, военным, религиозным центром, где проживали князь с семьей, его дружина и окружение. В княжескую резиденцию свозилась дань, которой облагались «простые люди». Во время нападения неприятеля население близлежащих поселений могло укрыться в городке под защитой князя. Городки, располагавшиеся на возвышенностях или мысах, укреплялись рвами, валами, частоколом или палисадами, самыми неприступными из них были «медные» (крытые медью). Патканов настаивал на «родовом начале» и наследственной передаче власти княжеских династий, родовом владении «вотчинами» и союзах родов, предполагая изначальную выборность главы рода благодаря «особым доблестям и силе» [1. С. 36–46].

Городская элита превосходила своих подданных богатством: владение городком или городками, большими домами, оружием и доспехами, стадами оленей, дорогими тканями, котлами и металлическими изделиями, богатой одеждой и украшениями, рабами и слу-

жанками. Богатство и власть позволяли им иметь по несколько жен. Вместе с тем многие князья, как и простые люди, жили промыслами, занимались рыболовством, охотой, разводили оленей. Богатыри превосходили простолюдинов в искусстве владения луком и стрелой; охота на лося и оленя была занятием, достойным их княжеского происхождения. Все важные дела, в том числе вопросы войны и мира, обычно решались князьями по их усмотрению, хотя в фольклоре упоминается о народных собраниях, на которых вожди и главы городов (*воч-ух*) совещались со старейшинами рода. Князья выступали организаторами и устроителями жертвоприношений богам, мирских пиров, военных игр и состязаний, благодаря чему пользовались почетом и уважением. В городках не редкостью было соуправление двух представителей княжеской династии. В конце эпического сюжета герой-богатырь обычно поселяется в своем священном городке, становясь *духом*-покровителем округа [1. С. 62–66].

Археологические материалы подтверждают наличие иерархии и существование элит в обществах Урала и Сибири с древности. Н.В. Фёдорова обращает внимание на «культуру элиты» (вождей, воинов, торговцев), которая «наиболее подвержена изменениям, поскольку ее носители состоят в постоянном контакте с ближними и дальними соседями, легко заимствуют внешние престижные элементы культуры, инновации в вооружении, стремятся к роскоши». Начиная с конца I тыс. до н. э. в таежной зоне Западной Сибири появляются городища с мощными оборонительными системами (бастионные крепости), а к середине I тыс. н. э. формируется набор статусных (мужских) вещей (украшений, принадлежностей костюма, деталей вооружения) [9]. Письменные и этнографические источники позволяют восстановить местонахождение описанных в фольклоре угорских городков [10. С. 50, 168–170, 173–174; 11. С. 78–88, 105–129, 215, 236].

С.К. Патканов представляет остяцких богатырей как изолированную правящую касту, статусно и даже физически резко выделяющуюся среди народа – «людей земли» (*мыгдат-ях*), а в их соперничестве и сепаратизме видит причину «крайней децентрализации власти у остяцкого народа», который никогда не проявлял «стремления к национальному единству» и даже единству отдельных племен [1. С. 65]. Это не лишнее основание наблюдения подтверждается отсутствием у остяков и вогулов собственного царя или хана. Вместе с тем именно князья-богатыри своими походами, браками и коалициями обеспечивали коммуникации в угорском сообществе. В этом отношении можно заметить несколько функций, обеспечивавшихся *уртом*:

1) объединение аристократической семьи, которая в свою очередь обеспечивала объединение людей городка и княжества (иногда нескольких княжеств с родственной элитой);

2) регулярные сборы (мобилизации) и походы «людей земли», создававших «братство в походах» и сов-

местных приключениях, недостижимое в мирном семейном промысле;

3) связи с соседними княжествами путем походов, обмена женами, престижными вещами-подарками и товарами;

4) союзы с соседями для совместных действий, обороны и взаимопомощи;

5) культово-ритуальное единство, обеспеченное совместными обрядами и паломничествами.

В записанных С.К. Паткановым сказаниях богатыри, как правило, становятся духами-хранителями «городков» и «территорий» (княжеств) [1. С. 344]. В этом смысле это не «былины», а священные сказания, своего рода «жития духов» со свойственными им гротесками, что побуждает воспринимать повествование как священный текст, а не бытовую прозу. Именно благодаря превращению героев-богатырей в духов-хранителей эти тексты сохранились даже среди обрусевших иртышских и кондинских остяков и вогулов.

Идеология связи и коммуникации, столь ярко выраженная в образах угорских князей-богатырей, пережила самих богатырей. Память о них передается фразами о том, что «власть в городке Карыпоспат-вош держит трехсотлетний богатырь старик», или Старый князь, «гнивший 300 лет» [Там же. С. 81, 97–98, 289]. При жизни богатыри охватывали своими походами угорские земли, а после смерти их образы стали объектами почитания, съезжих ритуалов и паломничества. Мифологизированная слава, к которой богатырь стремился при жизни, становилась общим достоянием его потомков и последователей. Места, где прежде располагались княжеские (богатырские) городки, и поныне почитаются хантами и манси.

Волю этих духов, называемых *тонх*, передают шаманы (*тонх-орт*), ведущие свои корни от этих богатырей. Во всяком случае, если не генетически, то функционально шаманы и жрецы продолжали пути культовых богатырей. Например, по данным Патканова, «в Нахрачинских юртах хранители общинных богов вогулов происходят из семьи Пакиных (4 члена) и частично из семьи Айшеняковых, выдающих себя за потомков прежних здешних князей. Они повсюду желанные гости, и каждый остяк и вогул считает особым счастьем, если ему удастся оказать какую-либо услугу, например пожертвовать шаманам что-нибудь или приютить их у себя. К своей общине они причисляют всех местных уроженцев края, до которых только могут добраться; так, например, на севере их влияние распространяется до Обдорска – за 1 500 верст от Нахрачинских юрт». Свои поездки они предпринимали раз в году, под Рождество, когда устанавливается зимник, и возвращались спустя один-два месяца с богатой добычей (звериные шкуры, табуны лошадей), дарами богобоязненных остяков. В паломничествах некоторые остяки преодолевали расстояние в 1 000 и более верст [Там же. С. 199, 205, 206].

Впрочем, не только мужчины-богатыри выступают в фольклоре угорскими лидерами. Освоенность и

устойчивость таежного пространства, разделенного на бассейны притоков Оби, в ряде мест отмечена культами богинь (*най*, *най-отыр*) – хозяйек рек. Покровительницей р. Аган считается богиня-лягушка *Охэн-ими* (Аганская женщина), которая, по преданию, была спущена с неба верховным богом *Торумом* «на нарте без оленей» и прошла вверх по реке к «семиручевому истоку», обустривая народ-ях (богиня заключила временный брак с местным «урманным стариком» и расставила своих сыновей и дочерей хозяевами притоков и приметных мест Агана). На р. Войкар властвует *Най-ими* (Великая женщина), пришедшая на Войкарский сор с Урала (она – дочь *Кеввур-ху-акем-ики*, Каменной гряды старика); отвергнув сватовство местного духа *Курык-ики* (Орла старика), она следовала вверх по Войкару до оз. Варчато. Хозяйка р. Казым, дочь бога *Торума* богиня-кошка *Вут-ими* (Верхняя женщина), спустившись с Урала, прошла вверх по реке Казым. Побывав замужем за ненецким богатырем, она посекала саблех семерых ненцев (включая собственного мужа), облачилась в воинские доспехи и двинулась к вершине реки. В устье Казыма она оставила семь духов охранять спущенную *Торумом* небесную лестницу и загораживать реку железными сетями от посылаемых богом болезней *Хынь-ики*. Потерянная по пути правая рукавица *Вут-ими* превратилась в *Мусян-ими*, хозяйку речки Мозямы, левая – в *Кещ-лор-ими*, хозяйку озера Кислор. На вершину речки Амни был послан слуга *Амня-тый-ател-лонх* (Верховий Амни одинокий дух). На реке Вошьюган *Вут-ими* оставила свой шест-хорей (он превратился в сосну, из ствола которой выросла береза). В верховьях Казыма, у озера Нум-то, богиня оставила свою упряжку из трех белых оленей и основала святилище. В легендах ее зовут *Касум-най-ими* (Великой женщиной Казыма), а ее территорию – «Землей кошачьего локотка» [12. С. 89–91].

Притоки Оби – Аган, Войкар, Казым (по крайней мере, их верховья) – районы относительно поздней угорской колонизации, и предания передают сакральную версию реального продвижения угров по самодийским территориям. Во всех трех случаях обнаруживается сходный сценарий подъема богини от Оби до священных истоков. Эпизодический союз с местным духом-богатырем (временный брак, сюжет сватовства, убийство мужа), не исключая прототипичных реалий (колонизация нередко начиналась с брачной миссии женщины, за которой следовала ее родня), означает оплодотворение пришлой богини, после чего она движется вверх по реке, «плодясь и размножаясь». Освоение территории предполагает создание плотной родственно-сакральной сети, а образ женщины-хозяйки утверждает устойчивость занятого пространства.

Миссия культово-ритуальной связи в пантеоне угров представлена мужскими образами «богатырей» и «стариков», обычно располагавшихся на перекрестках путей. Как локальные миры (*ях*) обустривались богинями-женщинами, так перекрестки контролировались

богами-мужчинами. В Вежакарах такую роль играл Когтистый старик (*Куншанг-ики*); он же Старик Священного города (манс. *Ялпус-ойка*, хант. *Ем-вож-ики*), Богатырь Лошадиного города (манс. *Лув-ус-ойка*). На Средней Оби подобный бог-медведь по имени *Яун-ики* был держателем сургутского перекрестка обских и югано-тромъеганских путей. На центральном перекрестке обско-угорских речных магистралей, у сечения Иртыша и Оби, в Белогорье (юртах Троицких), располагалось святилище бога-всадника, куда раз в три года ханты и манси должны были совершать паломничество. У этого бога много имен: *Мув-керт-ху* (Землю-вращающий-человек), *Ма ёхне-хум*, *Вит ёхне-хум* (Человек, объезжающий землю, Человек, объезжающий воду), *Лувн-хум* (Конный человек), *Посты-янг ики* (Быстро-ездящий старик), *Урт* (Богатырь), *Сорни отыр* (Золотой богатырь), *Сорни-хон* (Золотой владыка), *Отыр-ойка* (Князь-старик) и др. Более всего он известен под именем *Мир-сусне-хум* – «За-миром-смотрящий-человек».

Его многоименность связана не только с многодиалектностью манси и хантов, но и с собственной многоликостью. Он может обернуться гусем, лебедем, стерхом, ястребом, шукой, осетром; в облике человека он предстает всадником на крылатом коне, странником-купцом на оленьей упряжке, проказливым бабушкиным внуком, воином в мундире и кивере. Он – учитель шаманов, чудодеев в разноцветной шапке с соболей или лисьей оторочкой, с бутылкой водки и табакеркой в руках. (Причудливость и многообразие нарядов соотносятся с «одеждами разных земель».) В мифологии небесный всадник *Мир-сусне-хум* каждую ночь объезжает землю на крылатом (семи-восьмикрылом) всевидящем коне *Товлын-г-лув* с золотой гривой и серебряными копытами. Он вращает землю (или солнце вокруг земли) и следит за порядком в мире. Когда он спускается на землю, прислужники ставят для копыт его коня четыре металлические тарелочки с изображением солнца. *Мир-сусне-хум* выступает духом договора и согласия при заключении браков и рождении детей. Его знаком служит шкура красной лисицы, ритуально жертвуемая женщиной дому мужа. Красный лис (*урт-вой* – «богатырский зверь») является символом детородной силы и самого *Мир-сусне-хума* с его неукротимым любвеобилием. Он становится мужем не то шести, не то семи, не то ста женщин. Всех он одаряет сыновьями, всех, вместе с приданым – богатством их земель – собирает в свой земной дом. *Мир-сусне-хум* олицетворяет динамику близких и дальних связей, диалог между небом и землей. *Мир-сусне-хум* не просто движется, а заводит движущие миром механизмы: ведет косяки рыб, направляет стаи птиц, вращает землю. В его культе очевидна идея движения как бессмертия духа в череде превращений и перерождений [13. С. 42–44].

Судя по фольклору, военная и сакральная функции вождей были неразрывно связаны. По преданиям, шаман нередко выступал в роли военачальника и органи-

затора обороны; зачастую именно ему приписывался успех военного мероприятия. Культовые места могли служить своего рода арсеналами, и хранившееся в них оружие в случае необходимости использовалось по своему прямому назначению. Иногда образ божества выступал в роли боевого фетиша, который должен был укреплять дух своих подопечных, приносить им победу – такова, например, история белогорского «шайтана» [2. С. 122–123].

В угорской паутине богатырских дорог были свои опорные пункты – богатырские (княжеские) резиденции-«городки» и жертвенные места, где вожди просили «спинную силу... брюшную силу». И те и другие являлись местом больших сборов богатырей-князей, одновременно началом и концом их пути, а в последующее время (после богатырской эпохи) становились религиозными центрами этнических групп («эвытские горы», шаман-горы) и отдельных родов. На «эвытских горах» из числа «детей» верховного небесного бога *Тору́ма* (*Нум-Тору́ма*) формировались божественные пантеоны и определялись основы миропорядка. В обско-угорском фольклоре имена богов включают термины *хо / ху, ики* (хант.), *хум, ойка* (манс.) в значении «мужчина, старик» или *тунх, лунк, лонх* (хант.), *тов, торум* (манс.) в значении «дух, божество». В фольклорных текстах чаще всего упоминаются семь сыновей *Тору́ма* и одна дочь, которые были спущены небесным богом на землю для управления делами людей. В божественном пантеоне разных групп хантов и манси оказываются разные духи-покровители. Северные ханты, например, относят к этой категории духов *Тэк-ики, Ай-ас-ики, Куноват-ики, Кеввур-ху-акем-ики, Ем-вош-ики, Руц-ики, Мир-савитэ-ху, Казым-най-ими*. У северных манси сыновьями *Тору́ма* считаются *Полум Торум, Ас-ях-торум, Нёр-ойка, Аут-отыр, Ай-ас-торум, Тахт-котль торум, Мир-сусне-хум*.

В старинных сказаниях рисуется распределение владений по воле верховного бога *Тору́ма* между его сыновьями (см. например, записанную Б. Мункачи песню манси (вогулов) «[Героические] сильные люди» [14. С. 25]. Места больших сборов, где братья-богатыри во главе с *Торумом* держали совет, маркируют угорские земли и являются центрами угорского мира. По версии северных хантов и манси, первобогатыри собирались на Лысой горе, что находится рядом с горой Богатыря Лошадиного города (Вежакоры). «Давным-давно, когда на земле еще не было ни людей, ни богов, на ее вершине верховный бог *Торум* растелил бересту и призвал семь сыновей, чтобы поделить между ними землю. Со временем бересту засыпало землей, оттого на священной горе лес не растет» (Полевые материалы автора, Большая Обь, 2009). По версии сургутских хантов, воюющие между собой сыновья и дочери *Тору́ма* – Северного народа царь, Золотой царь-мужчина, Зверей раздающий мужчина, Рыбу раздающий мужчина, Юганский бог, Аганская и Казымская богини, Глухариной горы мужчина – собирались на Барсовой горе,

чтобы распределить между собою землю-воду и места будущих жертвоприношений: «...на каждую землю-воду свои имена-звуки положили-зажили» [15. С. 83]. Известно и место большого сбора на Агане: «Собрал Торум вместе своих дочерей *Чёрас-най*, *Омэстэ-аңки*, *Касэм-ими*, *Охэн-ими*, чтобы земные обязанности между ними распределить. *Омэстэ-аңки* на семиушковый котел села. Котел вращаться начал. Вокруг котла пошли холмы и в бугристую поверхность земли превратились. С того места боги в разные стороны по своим землям разошлись. На таких местах обычно собирались мужчины для совершения больших жертвоприношений» (Полевые материалы автора, Аган, 2002, 2003).

Кочевые вожди. Иначе выглядят вожди в сказаниях ненцев. Слово *ерв* означает «вождь», «предводитель», «хозяин» в различных смыслах лидерства: *саю ерв* (*саюв* – *ервота*) – «военный вождь»; *тасиняңы ерв* – «предводитель низовых самоедов», *ңэсямды ервота* – «хозяин стойбища»; *хаби ерв* – «князь хантов», *нарьян хэ ерв* – «красных громов хозяин» (мифологический образ). В фольклорной традиции вождь всегда олицетворяет свой род; вероятно, ненецкие слова *ерв* (вождь) и *еркар* (род) однокоренные – от *ер* – (середина). В описании родового стойбища непременно выделяется центральный высокий чум (два, три чума), в котором живет *ерв* (и его братья). Вокруг во множестве стоят обычные чумы, принадлежащие *ңачеки* (ребятам) или *ты нэртя* (пастухам). Они образуют собственно *еркар* (окружение вождя) и носят его родовое имя. В эпосе родоначальник непременно принимает на себя роль военачальника – *саю ерв* (военный вождь), и ведомое им войско из 30–40 боевых нарт выступает под именем рода. Именно в войнах и конфликтах вокруг вождя (*ерв*) формировался род (*еркар*); при тех же обстоятельствах роды разделялись и объединялись, свидетельством чего служат изобилующие склоками легенды о родоначальниках [16. С. 55]. Есть в поле значений *ерв* еще одна параллель – *ера* (охранять), и в образе вождя присутствует значение «хранитель»: именно он ответствен за благополучие и безопасность своего рода, стойбища и стада оленей.

В роли вождя выступают богатые оленеводы – *тэта* (от нен. *ты* – «олень»). У ненцев авторитет всецело зависит от его богатства оленями и мастерства «вождения стада», и слова *ерв* (вождь) и *тэта* (многооленный) являются почти синонимами. Если в сказании звучит имя *Ян-тэта* (Земли-богач), значит, речь идет о могущественном человеке. Упоминание *Явгы-тэта* (Морского богача), с которым герою повествования приходится сражаться, сопровождается пояснением: в его большое стадо попала половина «наших оленей», а «бедные люди наши лишились уже почти всех оленей» [17. С. 250–251]. *Тэта* выступает в фольклоре и как зачинщик конфликтов, и как цель нападений. В названиях двух самых многочисленных родов Ямала фигурирует это слово, входившее, вероятно, в прозвище родоначальников: *Ќокатэта* (Окотэтто) – «Многооленный», *Сэротэта* (Сэротэтто) – «Белооленный».

Численность войска в описаниях конфликтов обозначается символическими круглыми числами: «три по десять десятков», «семь по девять девятков», «семь-по-семью-семь». В описаниях скоплений воинов (*мандала*) используются образные сравнения: *ярарха саюв ненянг мулгха* («войско – будто живая земля, будто комариный гул»). Впрочем, как бы многочисленно ни было войско, по именам называются только вожди: «В полночь раздался грохот и не смолкал до утра. Пришло войско числом семь-по-семью-семь человек. Во главе его Сын Песчаного Мыса, Сын Белого Мыса, Сын Мишистого Мыса, Тенабтаду-ню и шестеро Смертоносных. Вышли с ними биться два Ян-Тэта». Таким же круглым числом характеризуется обороняющееся стойбище, а по имени называется только его «хозяин»: «На трех мысах стоят чумы – трижды-девять-по-девяти – похожие на сидящих у отмели ворон», на дороге между оврагами стоит упряжка, а на упряжке сидит Таб Саля Ерв (Песчаного Мыса Хозяин) [16. С. 103, 106].

Поводом для войн и походов у ненцев, как и у обских угров, часто бывает поиск невесты. Например, в сказании «Четверо Њыйвай» поход начался со слов Старшего Њыйвай: «Где-то, по слухам, живут трое Вэнга, у них есть сестра, ее мы возьмем в жены нашему младшему брату». Иногда война начинается из-за женщины-героини, которая сама отправилась в поездку, например сватать невесту для своего брата. При этом она выступает не в роли вождя, а в качестве наставницы (сестры или тети) главного героя. Женщины-шаманки на равных с мужчинами бьются с врагами, охотятся на диких оленей и даже пьют вино в *синякуе* (священном месте чума, которое женщине по правилам не следует переступать). Героиня по имени Амянако (Сосушая грудь) рисуется полновластной хозяйкой стойбища [18. С. 313–314]. В сказании «Ева Пяся» женщина Не Лэхэчи участвует в сражении во главе вражеской коалиции. Бывает, что именно женщина берет на себя миссию примирительницы и останавливает кровопролитие, как это случилось в эпическом сказании (*сюдбаби*) «Сала Ян-Тэта»: дочь Младшего Смертоносного подошла к сражающемуся вождю и сказала: «Отец просит, чтобы вы нас не убивали, нам дела нет до этой войны. А меня, дочь свою, он отдает тебе в жены». Нередко от лица женщины ведется и сказание: к героине переходит слово (*лахнако*), которое описывает ее впечатления. Вот, например, описание одного из воинов глазами героини: «Рядом со Старшим Смертоносным лежит незнакомец, над головой которого на железном шесте висит кольчуга. От ее тяжести гнется железный шест. Это Тенабтаду-ню (Железных кольчуг Сын)... Старший Смертоносный семь дней уговаривал Тенабтаду-ню. На седьмой день тот молча сел, протянул вверх руку, похожую на истрепанную морскими волнами и истертую об ил березу, снял с шеста кольчугу и молча стал ее надевать. Я увидела его лицо – оно чернее, чем у Сала Ян-Тэта. Надев кольчу-

гу, он молча вылетел из чума через верхнее дымовое окно» [16. С. 104–105].

Обычно военным вождем становится сильнейший (*сата хибяри*); иногда это решается в игре, предваряющей войну. Например, в сказании «Сидя Эбт Яб» собравшиеся в поход мужчины затеяли состязания у священной стороны чума. Победитель в играх был признан вождем [18. С. 289, 290]. Физическая мощь предводителя обычно сочетается с духовным (шаманским) даром, главные герои нередко оживляют павших союзников или воскресают из мертвых сами. Превосходство может выражаться, например, в способности «держаться взглядом»: в сказании «Вэра» главный герой в подобном поединке одержал верх над соперником, «когда уже заря погасла, взгляд страшного главаря дереволицы ушел в сторону» [19. С. 91].

В отличие от потомственных угорских князей, ненецкий богатырь в начале сказания может предстать сиротой (*ева*), дурачком (*салако*), младшим братом (*нюдя ню*). В них нет наследственного статуса, за исключением принадлежности к роду и, как правило, к «большому чуму» – центральный чум на родовом стойбище принадлежал вождю. Затем, по ходу развития событий, герой умнеет, обретает силу, мастерство, красоту, друзей и, одолев врагов, становится победителем и буквально превращается в бога.

Одна из особенностей кочевого пантеона – ротация богов, вернее героев, становящихся богами. Сказаний много, и принадлежащие к разным родам персонажи эпоса превращаются в одних и тех же богов – чаще всего в небесного владыку *Нума*, хозяйку земли *Я-Миня*, повелителя водного царства *Ид-ерв*, дарителя оленей *Илибембэртя*, бога верхних вод *Ямал-хэсе*. Это напоминает межродовую конкуренцию за небеса, при этом в фольклоре нет повествований об окончательном захвате пантеона и торжестве какого-либо одного рода. Сказителей и слушателей ничуть не смущает очередное воплощение, и зимним вечером в разных тундровых стойбищах синхронно звучат альтернативные версии покорения пантеона. Более того, один сказитель может исполнить подряд несколько эпических произведений, в которых разные персонажи превращаются в одних и тех же богов.

Подобная многоликость пантеона соотносима с многогородовостью ненецкого сообщества, что видно в структуре главного святилища ямальных ненцев – *Си'иув Мя* (Семь Чумов), где каждому из Семи Чумов поклоняется отдельный род; при этом связующим всех родоначальников образом выступает богиня-женщина *Ямал Хада* (Старуха Края Земли), а хранителем святилища (*хэхэм'лэтмбада*) – один из представителей кочующих по соседству северных родов (обычно Цокатэга или Вэнга) [20. С. 208–236]. Столь же многообразно выглядело ненецкое шаманство, представленное *тадибе* (шаманами) различных родов и категорий (*сэвндана*, *самбана*, *янацы*).

В этой своего рода ротации и выборности духовной власти и статусов выражен алгоритм лидерства у тунд-

ровых кочевников. В его основе – лидерство по родству (роду), которое мобильно, как и образ жизни оленеводов, складывается в ситуациях опасности и конфликта. Власть ситуативно мобилизуется по мере мобилизации рода, и лидер выполняет функцию «дела держащего» (*серм'бэртя*), как называют руководителя любого промысла. В числе основных функций и проявлений ненецкого лидерства обозначаются:

- 1) исполнение роли родоначальника, объединение рода;
- 2) контактные и конфликтные связи с другими родами и народами путем походов, захватов женщин и обмена женами;
- 3) наращение оленьего стада и его охрана от посягательств врагов и соседей;
- 4) культово-ритуальная связь родовичей, выраженная в совместных обрядах и паломничествах.

В героических сказаниях ненцев их герои-вожди непременно сохраняют свою родовую принадлежность и не выходят в своих действиях за пределы родовых интересов. Впрочем, межродовые конфликты и протяженные миграции дают эффект объединения разных родов историями их взаимодействия, включая войны, союзы, обмен женщинами. Образ царя (*параңода*) и претензии на лидерство в пространстве всего народа появляются у ненцев позднее, в эпоху российской колонизации.

Заключение. В сопоставлении фольклорных образов вождей обских угров и самодийцев заметны совпадения и расхождения. Совпадения относятся к упоминаниям военных и религиозных функций вождей как основных, к восприятию их как олицетворения народа (в фольклоре нет упоминаний о каких-либо «интересах народа»). В сравнении стилей лидерства заметна его стабильность у обских угров и ситуативность у ненцев. У обских угров *урт* сосредоточивает в себе все функции власти, у ненцев они распределены между лидерами, называемыми *ерв*, *тэга*, *серм'бэртя*. У тех и других главной функцией вождя оказывается война и защита своих городков (у угров) и кочевий (у ненцев), при этом наиболее частым мотивом столкновений и походов является «поиск невест» (у ненцев к этому добавляется захват чужих стад оленей или охрана своих). В традициях лидерства уграм более свойственна элитарность, ненцам – эгалитарность, уграм – устойчивость, ненцам – мобильность, не исключая, однако, быстрого выдвижения вождей-воинов в условиях военного конфликта – тем самым мобильность кочевников включает и механизм мобилизации власти.

Именно вожди и выполняемые ими военнополитические и религиозные функции объединяли туземные сообщества, формировали центры и границы княжеств, родовых и этнических сообществ. Родство и свойство элит служило основой сплочения сообществ и межгрупповых связей – в этом смысле военные походы вождей и их дружин не только вызывали вражду, но и поддерживали коммуникации на обширных пространствах.

Религиозно-мифологическим обоснованием этих связей были легенды о вожжах-родоначальниках, расселении по земле сыновей и дочерей верховных богов, обычаи па-

ломничества к культовым центрам и проведение многолюдных сходов-ритуалов. Позиции и поступки лидеров определяли сценарии межэтнического взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богатырь (герой древних времен; военный предводитель; защитник, совершающий подвиги, отличающийся особой силой, удалством, умом; дух-предок) у обских угров обозначается как *wort / урт, ур* (сев. хант.), *matur / матур* (вост. хант.), *otur / отыр* (манс.); женщина-богатырша – *най* (хант.), *най-отыр* (манс.).

² Число специальных работ, дополняющих материалы и суждения С.К. Патканова по уграм и самодийцам, невелико; см., например: А.И. Соловьев, Л.А. Чиндина, А.В. Головнёв, Е.П. Мартынова, Е.Г. Фёдорова [2–4; 5. С. 279–280; 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Патканов С.К. Соч. : в 5 т. / сост. Ю. Мандрика. Тюмень : Мандр и К, 2003. Т. 5 : Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия. 416 с.
2. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха Средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
3. Чиндина Л.А. О войне и мире у охотников и рыболовов южной тайги Западной Сибири // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 86–116.
4. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34, № 1. P. 149–166.
5. Мартынова Е.П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII – начале XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 461 с.
6. Фёдорова Е.Г. Лидеры в традиционном мансийском обществе // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.). СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 214–247.
7. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН ; Волот, 2009. 496 с.
8. Головнёв А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 6–16.
9. Фёдорова Н.В. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 98–105.
10. Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К.П. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 230 с.
11. Северо-Западная Сибирь в трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер., подгот. текста, предисл., коммент. А.Х. ЭлERTA. Екатеринбург : Волот, 2006. 416 с.
12. Перевалова Е.В. Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры) // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 88–95.
13. Головнёв А.В. Боги движения в пантеонах ненцев и хантов // Религиоведение. 2012. № 4. С. 42–44.
14. Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг. / авт.-сост. Т.Д. Слинкина; отв. ред. Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. 232 с.
15. Барсова гора: 110 лет археологических исследований / под ред. А.Я. Труфанова, Ю.П. Чемякина. Сургут : МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. 224 с.
16. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
17. Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск : Наука, 2001. 504 с. (Сер. «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 23).
18. Эпические песни ненцев / сост., автор вступит. статьи и коммент. З.Н. Куприянова. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 782 с.
19. Ненецкие сказки / сост. А.М. Щербакова. Архангельск : Северо-Западное книж. изд-во, 1984. 160 с.
20. Головнёв А.В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Екатеринбург ; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 208–236.

Golovnev Andrei V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg); Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg). E-mail: Andrei.Golovnev@bk.ru; Perevalova Elena V. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: Elena_perevalova@mail.ru

LEADERS OF THE OB UGRIANS AND THE SAMODY (ACCORDING TO FOLKLORE).

Keywords: leaders, power; Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi); Samody (the Nenets); folklore; Northwestern Siberia.

The historical accuracy of folklore texts may at best be debatable, however, for an ethnographer they are a valuable source of knowledge about the ethno-cultural values and the rules of behavior. Unlike the written historical sources created by outside observers (the chronicles, the tax and population census records, the parish registers, etc.) the folklore provides an insider's view. However, the folklore is not devoid of its own historicism as well, particularly when describing important events, and, in that sense, it plays the role of a folklore history (or "ethno-history"). In other words, the folklore offers a characterization of events and phenomena in projections and interpretations of the people themselves. The Ugrian (the Khanty and the Mansi) and the Samody (the Nenets) folklore offer rich material in terms of the study of elites and, first of all, for the study of power and leadership phenomena. Comparison of the folklore representations of the Ob Ugrians and the Samody leaders revealed both the similarities and the differences. The similarities involved the mention of the military and the religious functions of the leaders as the main ones, their perception as the personification of the people (in the folklore there is no mention of any "interests of the people"). There are certain differences in the style of leadership – the stability in the Ugrian groups and the contextuality in the Nenets societies. In the Ugrian model the *urt* concentrated all power functions in one person; in the Nenets one they were distributed among the leaders called *erv*, *teta*, *serm* "bertya". In both models the most important leadership function were the war and the defense of their settlements (the Ugrians) and migration territories (the Nenets); at the same time the most frequent motivation for conflicts and military campaigns was a "bride quest" (in the Nenets model this was complemented by the seizure of the strangers' herds and protection of their own). In terms of the leadership traditions the Ugrians tended more towards the elitism, while the Nenets – towards the egalitarianism; the Ugrians – towards stability, and the Nenets – towards mobility, which did not however preclude a quick advancement of the leaders-warriors in case of a military conflict – in this way the nomads' mobility included also an authority mobilization mechanism. It were the leaders, as well as the military-political and the religious functions performed by them, who consolidated the aboriginal societies, formed the centers and the boundaries of principalities, the clan and the ethnic communities. The kinship and the in-laws networks of the elites formed the basis for the consolidation of societies and the inter-community links – in

that sense the military campaigns of the leaders and their teams apart from provoking enmity also maintained communications across the vast territories. The religious and the mythological substantiation of these links were the legends about the leaders-ancestors, the dispersal of the sons and daughters of the supreme deities across the land, the customs of pilgrimage to the religious centers and organization of mass-scale ritual ceremonies. The positions and the actions of the leaders formed the basis to various inter-ethnic communications scenarios.

REFERENCES

1. Patkanov, S.K. (2003) *Sochineniya v 5 t.* [Works. In 5 vols]. Vol. 5. Tyumen: Mandr i K.
2. Soloviev, A.I. (1987) *Voennoe delo korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri: Epokha srednevekov'ya* [Military art of the indigenous population in Western Siberia: The Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
3. Chindina, L.A. (1996) O voyne i mire u okhotnikov i rybolovov yuzhnoy taygi Zapadnoy Sibiri [On war and peace among hunters and fishermen of the southern taiga in Western Siberia]. In: Chindina, L.A. & Bobrova, A.I. (eds) *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and Studies of Cultural and Historical Problems of the Siberian Peoples]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–116.
4. Golovnev, A.V. (1997) Indigenous leadership in Northwestern Siberia: Traditional patterns and their contemporary manifestations. *Arctic Anthropology*. 34(1). pp. 149–166.
5. Martynova, E.P. (2000) *Khanty: etnicheskaya i sotsial'naya struktura v XVII – nachale XX vv.* [Khanty: Ethnic and Social Structure in the 17th – early 20th Centuries]. History Dr. Diss. Moscow.
6. Fedorova, E.G. (2014) *Lidery v traditsionnom mansiyskom obshchestve* [Leaders in the traditional Mansi society]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibir' v kontekste russkoy modeli kolonizatsii (XVII – nachalo XX v.)* [Siberia within the Russian Model of Colonisation (the 17th – early 20th Centuries)]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 214–247.
7. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of the Movement (The Antiquity of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS; Volot.
8. Golovnev, A.V. (2016) Anthropology of travel: from imago mundi to selfie. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(51). pp. 6–16. (In Russian).
9. Fedorova, N.V. (2012) Everyday life, war and trade in the archaeology of the north of West Siberia. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(37). pp. 98–105.
10. Serbina, K.N. (ed.) (1950) *Kniga Bol'shomu chertezhu* [The Big Book of Drawing]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Elert, A.Kh. (ed.) (2006) *Severo-Zapadnaya Sibir' v trudakh i materialakh G.F. Millera* [North-Western Siberia in the works and materials of G.F. Miller]. Ekaterinburg: Volot.
12. Perevalova, E.V. (2012) Mythological ties-ways of the local cultures (the Ob Ugrians). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(35). pp. 88–95. (In Russian).
13. Golovnev, A.V. (2012) Bogi dvizheniya v panteonakh nentsev i khantov [The gods of movement in the pantheons of the Nenets and Khanty]. *Religiovedenie*. 4. pp. 42–44.
14. Rombandeev, E. I. (ed.) (2015) *Starinnye pesni naroda mansi. V zapisi Bernata Munkachi, 1888–1889 gg.* [Ancient Songs of the Mansi People. In the Recording of Bernat Munkachi, 1888–1889]. Khanty-Mansiysk: Yugorskiy format.
15. Trufanov, A.Ya. & Chemyakin, Yu.P. (eds) (2002) *Barsova gora: 110 let arkheologicheskikh issledovaniy* [Barsova Gora: 110 Years of Archaeological Research]. Surgut: Barsova gora.
16. Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
17. Pushkareva, E.T. & Khomich, L.V. (2001) *Fol'klor nentsev* [The Nenets Folklore]. Novosibirsk: Nauka.
18. Kupriyanova, Z.N. (ed.) (1965) *Epicheskie pesni nentsev* [The Nenets Epic songs]. Moscow: Nauka.
19. Shcherbakova, A.M. (ed.) (1984) *Nenetskie skazki* [Nenets Tales]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizh. izd-vo.
20. Golovnev, A.V. (2000) Put' k Semi Chumam [A Path to the Seven Chums]. In: Golovnev, A.V. (ed.) *Drevnosti Yamala* [The Yamal Antiquities]. Issue 1. Ekaterinburg; Salekhard: Ural Branch of RAS. pp. 208–236.

УДК 303.425.5:398

DOI: 10.17223/19988613/49/22

В. Ольшевски

ПОЛЬСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С СИБИРЬЮ И КАЗАХСТАНОМ С СЕРЕДИНЫ XIX ДО НАЧАЛА XX в. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Рассматриваются польские этнографические тексты (сообщения польских авторов, поступавшие из Сибири и Казахстана; дневники, воспоминания, описания этих земель и ее жителей), прежде всего литературные памятники, относящиеся к середине XIX – началу XX в., как важный элемент польской национальной этнологии. Несмотря на то что эти источники больше известны российским и казахстанским исследователям, нежели польским читателям, автор акцентирует их значение, прежде всего, в контексте формирования и развития польской идентичности.

Ключевые слова: Сибирь; Казахстан; польская этнология; польская идентичность.

Сибирь – Казахстан – польская этнология

Господствующие в польском обществе представления – отчасти научно обоснованные, отчасти вымышленные и фантастические, но так или иначе укоренившиеся на основе научных теорий и знаний, – связывают само пребывание и существование поляков в Сибири с двумя основными мотивами. Первый мотив можно назвать мартиронологическим: это память о тех жертвах и тех страданиях, которые перенесли каторжане, ссылки, принудительно переселенные в Сибирь поляки.

Второй мотив – это память о том вкладе, который сделали поляки в научное исследование Сибири, понимаемой в широком смысле (с охватом Дальнего Востока, Казахстана и других территорий бывшей Российской империи, формирующих общее условное понятие «Сибирь», значительно выходящее за точные, более узкие границы данного географического региона). Нет в этом ничего удивительного, ибо сформировались такие представления в определенном контексте исторических контактов между государством и народом российским, с одной стороны, и государством и народом польским – с другой. Такой взгляд на роль и на само пребывание поляков в Сибири (еще раз подчеркну – Сибири, понимаемой в Польше как любое место ссылки в глубины царской или советской империи, расположенное к востоку от Москвы и порою даже совсем близко, не обязательно на Азиатском материке) был важным элементом формирования польской национальной идентичности. Эта идентичность формировалась в определенной оппозиции, в противопоставлении российскому и советскому государству, российской и советской культуре. Не буду останавливаться на этом подробно, тем более потому, что уже не раз приходилось мне это делать, в том числе в выступлениях и публикациях в России [1]. В данной статье я хотел бы сосредоточить внимание на роли научного исследования поляками Сибири, главным образом, в период с середины XIX до начала XX в.

Выбор данного отрезка времени определяется историей польской этнологии. Эта дисциплина в Польше уже в XVIII в. обрела характер сложившейся науки, однако переломным моментом в ее истории (исходным моментом в ее окончательном формировании) считается программа комплексных этнографических исследований, составленная в 1802 г. Гугоном Коллатаем (Hugon Kołłataj), который был ректором Главной королевской школы в Кракове (Ягеллонского университета), доктором философии, теологии и права, историком и одним из создателей антропогеографии. Он занимался проблемами «человеческого рода» (см.: [2. С. 21–24; 3. С. 29–115, 302–309]). Как справедливо заметил один из ведущих историков польской этнологии (культурной антропологии) Збигнев Ясевич (Zbigniew Jasiewicz), «усилившийся в середине XIX века процесс формирования этнологии в качестве самостоятельной научной дисциплины (в Польше. – В.О.) завершился в конце XIX – начале XX века вместе с возникновением институций, в названиях которых уже фигурировали понятия, определяющие данную научную дисциплину, и деятельность которых была направлена на реализацию ее целей» [2. С. 23].

Здесь надо уточнить, что эта научная дисциплина развивалась в то время в Польше в тесной взаимосвязи с этнографией и мировой, в частности российской этнологией, а изучение земель и жителей России воспринималось как естественное изучение страны, в котором полякам, оказавшимся под властью Российской империи, было суждено жить. Сам термин «этнография» в польской печати, вероятно, впервые появился в 1816 г. на страницах «Дженика Виленского» («Dziennik Wileński»), где была опубликован в переводе с русского на польский язык инструкция для школ 1812 г. [Там же. С. 100].

Первая и единственная до сих пор монография (Sokolewicz), посвященная истории польской этнографии, содержит раздел, в котором рассматриваются место польской этнологии в мировой науке, ее соотношение с другими национальными школами. Этот раздел

начинается анализом польских сообщений, поступавших из Сибири [4. С. 169–177]¹. Автор приводит примеры, связанные с работами таких исследователей, как Бронислав Залеский (Bronisław Zaleski), которого российские исследователи никогда не цитировали², а также вспоминает группу ученых, хорошо известных российским и советским исследователям: Александра Чекановского (Aleksandr Czekanowski), Яна Черского (Jan Czerski), Вацлава Серошевского (Wacław Sieroszewski), проводившего исследования среди якутов и айнов; Николая Виташевского (Mikołaj Witaszewski) и Альбина Кохна (Albin Kohn) – участников экспедиции Сибирякова; Бронислава Пилсудского (Bronisław Piłsudski), проводившего свои исследования на Сахалине, а также Юлиана Талько-Гринцевича (Julian Talko-Hrunciewicz), работавшего в Забайкалье³. Среди польских исследователей Сибири, неизвестных российским ученым, Соколевич называет Марию Чаплицкую (Maria Czaplicka), которая работала и печаталась в Великобритании⁴, а также Станислава Понятовского (Stanisław Ponia-towski), чьи материалы, связанные с исследованием Сибири, оставались в рукописях вплоть до 1960-х гг. и никогда не вышли на международную научную орбиту.

Сообщения и научные труды польских исследователей, занимавшихся Сибирью (в широком смысле этого слова) и Казахстаном, были признаны историками польской этнологии (культурной антропологии) как важный вклад в развитие этой научной дисциплины. Несмотря на такую высокую оценку, польским читателям до сих пор непросто с ними познакомиться: наверняка труднее, чем российским или казахстанским читателям. Они редко переиздаются, ошутим острый недостаток таких современных изданий, а старые издания XIX в. остаются труднодоступными, к тому же значительная часть этих работ первоначально публиковалась на русском языке, не все они позднее были переведены на польский язык.

Наиболее повезло в наше время Марии Чаплицкой. В 2013 г. была издана ее книга «Год, прожитый мною в Сибири, или Мой год в Сибири» (перевод на польский с английского оригинала книги «My Siberian Year», изданной в Лондоне в 1916 г.). Эта книга явилась результатом ее поездки в Сибирь в 1914–1915 гг. [6, 7]. Этому исследователю-антропологу, кроме множества статей, посвящены также две книги, в которых ее исследования получили широкое отражение: «Из Оксфорда в Сибирь. Научное наследие Марии Антонины Чаплицкой» / *Z Oxfordu na Syberię. Dziedzictwo naukowe Marii Antoniny Czaplickiej* [8] и «Мария Чаплицкая – пол, шаманизм, раса. Антропологическая биография» / *Maria Czaplicka – pleć, szamanizm, rasa. Biografia antropologiczna* [9]. Значительно раньше – в 1977 г. – Витольд Армон (Witold Armon) издал книгу «Польские исследователи якутов» / *Polscy badacze Jakutów* [10]. Это монография, посвященная научной деятельности Эдварда Пекарского (Edward Piekarski), Бронислава Пилсудского и Вацлава Серошевского. Эта книга не име-

ла позднейших переизданий в Польше, зато в 2001 г. она увидела свет в переводе на русский язык в России [11]. Книги, посвященной его научной деятельности, можно сказать, дождался также Северин Гросс (Seweryn Gross) – исследователь казахского права [12].

Крупнейший в современной Польше знаток «сибирской колонии» (польского присутствия в Сибири и Казахстане) профессор Антоний Кучинский (Antoni Kuczyński) представил в своей книге «Польское описание мира. О трудах тех, кто познавал культуры других народов и племен» / *Polskie opisanie świata. Studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych*. Том 1: *Azja i Afryka* [13. С. 85–174] избранные фрагменты из семнадцати польских донесений и описаний Сибири. Также в изданных под редакцией Антония Кучинского книгах «Сибирь. Четыреста лет польской диаспоры» / *Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory* [14] и «Поляки в Казахстане. Ссылка – наследие – надежды – возвращение» / *Polacy w Kazachstanie. Zesłanie – dziedzictwo – nadzieje – powroty* [15] нашли частичное отражение проблемы, связанные с научными исследованиями поляков, с их восприятием Сибири и отношениями с ее жителями.

Добавлю к тому же, что, с одной стороны, современные польские этнологи часто любят подчеркивать симпатию польских исследователей Сибири по отношению к ее коренным народам, а также отмечают то признание значения польских сообщений, какое существует в современных научных и общественных кругах России и Казахстана. Появляются даже специальные публикации, посвященные этим аспектам (например: [16]). С другой стороны, Гражина Кубица (Grażyna Kubica) критикует Марию Чаплицкую за то, что «была она дочерью своего времени и своей науки со всеми добрыми и недобрыми чертами этого времени и этой науки» [5. С. 41], из чего на самом деле следует, что Чаплицкая была способна к критической оценке коренных народов, а в сибирской действительности начала XX в. видела не только зло [Там же. С. 40–41].

Итак, существует несомненный диссонанс между декларациями, в которых современные исследователи, занимающиеся проблемами истории польской этнологии, отдают дань текстам (сообщениям из Сибири и Казахстана) авторов XIX в., признают и подчеркивают значение этого научного наследия и крайне ограниченным, почти нулевым использованием этих текстов в современном научном дискурсе и на издательском рынке. В известной мере это нашло отражение в том, что (и как) писал Владислав Барановский (Władysław Baranowski), обращаясь к наследию Юзефа Кобылецкого (Józef Kobyłecki), Эвы Фелинской (Ewa Felińska), Эдварда Островского (Edward Ostrowski), Агатона Гиллера (Agaton Giller), Вацлава Серошевского (Wacław Sieroszewski), Альбины Кохна (Albina Kohna). Он подчеркивал: «Записки польских авторов имеют большое значение как источник сведений о народной культуре жителей Сибири. Это особенно касается периода, кото-

рый начинается в 1837 г. (в этом году появилась книга Кобылецкого) и простирается до середины 70-х гг. XIX в. Позднее (примерно между 1875 и 1920 гг.) в качестве этнографических источников они теряют свое прежнее значение, во всяком случае, значительно уступают российским текстам (описаниям Сибири) этого времени» [17. С. 271]. Здесь следует обратить внимание на выражение Барановского «в качестве этнографического источника», а также на подзаголовки книги Антония Кучинского «*O трудах тех, кто познавал культуры других народов и племен / Studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych*». Не говорится здесь об истории этнологии или антропологии.

Между тем польская этнология, впрочем, вероятно, как и вся мировая этнология, питалась в свое время многочисленными этнографическими источниками, в том числе текстами (сообщениями с мест) авторов-любителей (порою снабженных специальными инструкциями), а также трудами представителей смежных наук – географов, историков, языковедов и других, которые обращались к этнографической проблематике как бы на пограничье своей основной профессиональной деятельности. Такие работы печатались в научных и популярных журналах (например, на страницах журналов «Висла / Wisła» и «Люд (Народ) / Lud») рядом со статьями высокого теоретического уровня и глубокого проникновения в этнологическую специфику [2, 3]. Подавляющее большинство текстов польских авторов XIX в. – сообщений о культуре жителей Сибири и других регионов Российской империи – имеет большую ценность как этнографический материал, во многих случаях такой материал, которого не найти ни в каких других источниках. Но этнографический материал – это еще не этнология как самостоятельная наука, и даже если в некоторых работах встречались элементы, которые можно считать отражением или проявлением этнологической мысли (теории), в частности размышления, касающиеся этногенеза народов, эволюционизма, антропогеографии, разного рода детерминизмов (причинно-следственных связей), контактов между культурами, а также постулаты о необходимости проведения исследований на языках изучаемых групп населения, – всего этого было еще недостаточно, чтобы внести нечто новое в теоретический дискурс польской этнологии (или вносили эти публикации совсем немного, как, например, труды Талько-Гринцевича, чьи поиски этногенеза народов Сибири были основаны на сочетании и объединении археологического, антропологического и этнографического материалов). Самое большее, на что они могли претендовать, – это уровень этнологического рефлекса [4. С. 174–177].

На этом фоне заметно выделяются научные основы трудов таких исследователей, как Станислав Понятовский и Мария Чаплицкая. Первый из них участвовал в работах международного научного коллектива, развивавшего учение российских этнологов Владимира Богораза и Владимира Йохельсона об азиатском проис-

хождении американских индейцев. В 1914 г. состоялась связанная с этим проектом, глубоко обоснованная научно и методологически, экспедиция в Сибирь. К сожалению, результаты этой экспедиции не вошли в науку, поскольку Понятовский не обработал и не опубликовал материал проведенных в ходе этой экспедиции исследований: лишь спустя 21 год после его смерти был опубликован его «*Дневник экспедиции 1914 года в страну гольдов и орочей*» / *Dziennik wyprawy (do kraju Goldów i Oroczonów w 1914 r.* [4. С. 177].

Экспедиция Марии Чаплицкой – научного сотрудника Оксфордского университета, которая тесно сотрудничала с Генри Холлом (Henry Hall), была организована в результате встречи названных выше российских этнологов с ведущими британскими и американскими антропологами. Эта экспедиция была совместным мероприятием Оксфордского и Пенсильванского университетов. Она прекрасно вписывалась в теоретический дискурс того времени, который развивался в ведущих антропологических центрах. Чаплицкая в Сибири занималась исследованием не только ее коренных народов, главным образом самоедов (ненцев), тунгусов (эвенков) и якутов, но также российских переселенцев и ссыльных. По ее мнению, результатом колонизации Сибири стало формирование новой общности (нового народа) – сибиряков, у которых были все основания стремиться к достижению собственной независимости и к тому, чтобы превратить Сибирь в своего рода «Канаду Востока». Сибирские исследования принесли Марии Чаплицкой признание в научном мире, но это, к сожалению, никак не помогло утверждению ее вклада в науку. В 1921 г. в возрасте 37 лет она покончила собой, и все материалы ее сибирских полевых исследований, которые, согласно завещанию, были посланы Генри Холлу с тем, чтобы он их завершил и обработал, пропали бесследно. Лишь небольшая их часть находится ныне в Pit Rivers Museum [5. С. 34–41].

Неудивительно, что из всех польских исследователей Сибири Чаплицкая представляется сегодня историкам польской этнологии наиболее интересной личностью, выставяемой в Польше напоказ, но и она не сыграла в науке значительной роли.

В контексте всего вышесказанного возникает вопрос, насколько оправдано и обоснованно то большое значение, какое польские этнологи придают польским источникам XIX в. – сообщениям из Сибири и других регионов Российской империи, если эти тексты, можно сказать, никакой роли в развитии теоретической этнологии не сыграли. В известной мере ответ на этот вопрос дает Зофья Соколевич (Zofia Sokolewicz), которая справедливо отмечает, что «авторы этих сообщений описывали то, что бросалось им в глаза как наиболее экзотические явления, отличающиеся от их собственной культуры, религии, мировоззрения. Таким образом, они способствовали не только накоплению значительных запасов ценных источников, но и пробуждению в Польше размышлений над соотношением собственной

культуры с “чужой” культурой (“чужими” культурами), а такого рода размышления необходимы в процессе формирования этнографии» [4. С. 171].

Мне кажется правильной позиция, сформулированная Зофьей Соколевич (с ней солидарны и другие исследователи), которая заключается в признании того факта, что польско-сибирские отношения более известны (глубже исследованы) в России и в Казахстане, нежели в самой Польше, где им не придают особо важной роли, рассматривая их как этнографический («источниковый») материал, в лучшем случае – как факт из прошлого этнологической науки. Это внимание к прошлому мне понятно, поскольку я разделяю взгляд, согласно которому ученый, а тем более ученый-гуманитарий, не знающий истории своей науки, остается просто невежей. Вернусь в этой связи к тому, что писал в начале данной статьи о формировании польской идентичности. Наука также является тем элементом культуры, который может оказаться важным в процессе формирования национальной идентичности. Так обстоит дело и с теми текстами – описаниями Сибири, сообщениями из Сибири польских авторов позапрошлого века. Для российского исследователя (и жи-

теля азиатской части бывшего СССР) эти материалы, если и имеют какое-либо значение, то только в качестве «сырого», черного материала, этнографического источника или свидетельства тех взглядов, какие были характерны для поляков. Напротив, для нас, поляков, оказывается менее существенным и важным тот этнографический материал, какой содержат в себе данные источники. Мы отдаем себе отчет в том, что они не содействовали теоретическому развитию польской этнологии, а конкурировать с россиянами в исследовании народов Сибири современный польский этнолог не может и не намерен. Гораздо более важным моментом является сама оценка польских исследований учеными и общественностью азиатских регионов России и Казахстана, память о них. Если в польской этнологии культивируется эта память, но нет особенной заботы о том, чтобы содержание всех этих давних сообщений из Сибири стало широко доступным современным читателям, то происходит это, прежде всего, потому, что данный материал важен нам как элемент истории и своеобразия польской этнологии, как элемент истории и формирования национальной идентичности польского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторы монографии пользовались термином «этнография», который в Польше еще в 70-х гг. XX в. был обязательным в качестве официального названия научной дисциплины. В действительности под этой терминологией уже тогда скрывались университетские исследования и публикации из области этнологии и культурной антропологии. Ныне большинство польских исследователей рассматривают этнографию как часть этнологии, а саму этнологию как науку тождественную (или, по крайней мере, отчасти тождественную) культурной антропологии.

² Соколевич считает, что работа Залеского *«Жизнь киргизских степей»* / *La Vie des Steppes Kirghizes. Descriptions, récits & contes*, изданная в Париже в 1865 г. (Paris, J.-B. Vasseur) уступает по своему качеству более поздним российским исследованиям, чем объясняется отсутствие имени этого ученого в российской историографии [4. С. 172].

³ Это авторский выбор профессора Зофи Соколевич, которая в своей статье не упоминает целую группу польских исследователей, хорошо известных российским этнологам.

⁴ Возможно, Соколевич здесь ошибается. Британская экспедиция в Сибирь, в которой участвовала Чаплицкая, была результатом участия российских этнологов – Владимира (Вальдемара) Йохельсона и Льва Штернберга – в Конгрессе американистов, состоявшемся в 1912 г. в Лондоне. Именно их сообщения об исследованиях, проводимых в Сибири, заинтересовали антропологов Оксфордского университета. С ними, а также с Брониславом Пилсудским, переписывалась Чаплицкая, готовясь к сибирской экспедиции; у нее были контакты и с другими российскими учеными, она знала российские и польские публикации на данную тему [5. С. 15–17].

ЛИТЕРАТУРА

- Ольшевски В. Исследование польской диаспоры в Сибири. Дилеммы антропологии // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. С. 34–38.
- Jasiewicz Z. Początki polskiej etnologii i antropologii kulturowej (od końca XVIII wieku do roku 1918). Poznań : Instytut im. Oskara Kolberga, 2011. 288 s.
- Posern-Zieliński A. Kształtowanie się polskiej etnografii jako samodzielnej dyscypliny naukowej (do 1939 r.) // Historia etnografii polskiej. Wrocław : Ossolineum, 1973. S. 29–114, 302–309, 326–332.
- Sokolewicz Z. Miejsce etnografii polskiej w nauce obcej (do 1939 r.) // Historia etnografii polskiej. Wrocław : Ossolineum, 1973. S. 169–192, 313–315, 336–337.
- Kubica G. Maria Czaplicka i jej syberyjska wyprawa // Czaplicka M. Mój rok na Syberii. Toruń : Muzeum Etnograficzne im. Marii Znamierowskiej-Prüfferowej w Toruniu, 2013. S. 7–42.
- Czaplicka M. A. My Siberian Year. London : Mills & Boon, 1916. 315 s.
- Czaplicka M. Mój rok na Syberii. Toruń : Muzeum Etnograficzne im. Marii Znamierowskiej-Prüfferowej w Toruniu, 2013. 195 s.
- Skowron-Markowska S. Z Oksfordu na Syberię. Dziedzictwo naukowe Marii Antoniny Czaplickiej. Wrocław : PTL, 2012. 296 s.
- Kubica G. Maria Czaplicka: pleć, szamanizm, rasa: biografia antropologiczna. Kraków : Wydawnictwo UJ, 2015. 472 s.
- Armon W. Polscy badacze kultury Jakutów. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. 177 s.
- Армон В. Польские исследователи культуры якутов. М. : Наука; Интерпериодика, 2001. 172 s.
- Milewska-Młynik A. Seweryn Gross wśród badaczy kazachskiego prawa zwyczajowego. Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 2012. 255 s.
- Kuczyński A. Polskie opisanie świata. Studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych. T. 1: Azja i Afryka. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 434 s.
- Kuczyński A. Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław : Dolnośląski Oddział Stowarzyszenia “Wspólnota Polska” we Wrocławiu, 1995. 436 s.
- Kuczyński A. Polacy w Kazachstanie. Krzeszowice : Wydawnictwo Kubajak, 2014. 544 s.

16. Lipiński W. Prace polskich badaczy-zesłańców i ich znaczenie we współczesnej Republice Sacha (Jakucja) // Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych. Problematyka – badacze – znaczenie. Poznań : Biblioteka Telgte/Komitet Nauk Etnologicznych PAN, 2004. S. 215–226.
17. Baranowski W. Polskie relacje o rosyjskiej kulturze ludowej (1831–1920). Łódź : Uniwersytet Łódzki, 1985. 310 s.

Olszewski Wojciech. Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland). E-mail: wojol@umk.pl

POLISH ETHNOGRAPHIC ACCOUNTS FROM SIBERIA AND KAZAKHSTAN FROM THE MID-19TH CENTURY TO THE EARLY 20TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ETHNOLOGY.

Key words: Siberia; Kazakhstan; Polish ethnology; Polish identity.

The Polish presence in Siberia, Kazakhstan and other Asian regions of the Russian and Soviet Empire has played an important role in the formation of Polish national identity. Particular emphasis has been put on such aspects of that presence as martyrdom and the contribution of Poles to the scientific study of these territories. Today, Polish ethnographic accounts from the broadly-defined Siberia and from Kazakhstan (especially those written between the mid-19th century and the beginning of the 20th century) are considered an important part of the history of Polish ethnology (cultural anthropology), and their authors are often cited in books and articles on the history of this discipline in Poland. These scholars' achievements, however, are outlined very briefly in most cases, and only selected passages from their accounts are sometimes reprinted. Complete works are not reissued (a notable exception being Maria Czaplicka's *My Siberian Year* published in English in 1916 and in Polish in 2013). As those researching the history of Polish ethnology admit, Polish ethnographic accounts are better known in Russia or Kazakhstan than in Poland. To explain this situation, one has to point out that Polish ethnology (cultural anthropology) has, from its very beginning, developed in correlation with global ethnology (anthropology). Polish studies conducted in Siberia and Kazakhstan did not make any inspiring contribution in terms of methodological or theoretical development, which is understandable as their authors were often amateurs or representatives of other disciplines, such as geology, geography, history or linguistics. An exception was the research conducted by Maria Czaplicka and Stanisław Poniąkowski in the early 20th century in collaboration with leading American, British and Russian scholars, even though this work has gained little or no recognition in Russian and Soviet ethnology. For various reasons, the two ethnologists were unable to finish compiling the results of their research, and therefore their findings never became part of academic discourse. (Maria Czaplicka committed suicide in 1921, and her raw research notes from Siberia – sent to the United States – were lost. As regards Stanisław Poniąkowski's Siberian research, only his expedition diary was published more than 20 years after his death). For the above reasons, Polish ethnographic accounts from Siberia and Kazakhstan are only relevant to ethnologists from these parts of the world as raw source material (in the absence of better sources). For Poles, they are part of the history and identity of Polish ethnology (cultural anthropology) and of national identity.

REFERENCES

1. Olshevski, V. (2014) Issledovanie pol'skoy diaspory v Sibiri. Dilemmy antropologii [The study of the Polish diaspora in Siberia. Dilemmas of anthropology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 34–38.
2. Jasiewicz, Z. (2011) *Początki polskiej etnologii i antropologii kulturowej (od końca XVIII wieku do roku 1918)* [The Beginning of Polish Ethnology and Cultural Anthropology (from late 18th century to 1918)]. Poznań: Instytut im. Oskara Kolberga.
3. Posern-Zieliński, A. (1973) Kształtowanie się polskiej etnografii jako samodzielnej dyscypliny naukowej (do 1939 r.) [The formation of Polish Ethnography as an independent science (until 1939)]. In: Sokolewicz, Z. et al. (eds) *Historia etnografii polskiej* [History of Polish Ethnography]. Wrocław: Ossolineum. pp. 29–114.
4. Sokolewicz, Z. (1973) Miejsce etnografii polskiej w nauce obcej (do 1939 r.) [The place of Polish ethnography in foreign studies (till 1939)]. In: Sokolewicz, Z. et al. (eds) *Historia etnografii polskiej* [History of Polish Ethnography]. Wrocław: Ossolineum. pp. 169–192.
5. Kubica, G. (2013) Maria Czaplicka i jej syberyjska wyprawa [Maria Czaplicka and her Siberian expedition]. In: Czaplicka, M. *Mój rok na Syberii* [My Siberian Year]. Toruń: Maria Znamierowska-Prüffer Ethnographic Museum in Toruń. pp. 7–42.
6. Czaplicka, M.A. (1916) *My Siberian Year*. London: Mills & Boon.
7. Czaplicka, M. (2013) *Mój rok na Syberii* [My Siberian Year]. Toruń: Maria Znamierowska-Prüffer Ethnographic Museum in Toruń.
8. Skowron-Markowska, S. (2012) *Z Oksfordu na Syberię. Dziedzictwo naukowe Marii Antoniny Czaplickiej* [From Oxford to Siberia. The Scientific Heritage of Maria Antonina Czaplicka]. Wrocław: PTL.
9. Kubica, G. (2015) *Maria Czaplicka: płeć, szamanizm, rasa: biografia antropologiczna* [Maria Czaplicka: Sex, Shamanism, Race: An Anthropological Biography]. Kraków: Wydawnictwo UJ.
10. Armon, W. (1977) *Polscy badacze kultury Jakutów* [Polish Scholars of Yakut Culture]. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
11. Armon, V. (2001) *Pol'skie issledovateli kul'tury yakutov* [Polish Researchers of Yakut Culture]. Moscow: Nauka/Interperiodika.
12. Milewska-Młynik, A. (2012) *Seweryn Gross wśród badaczy kazachskiego prawa zwyczajowego* [Seweryn Gross Among Scholars of Kazakh Common Law]. Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
13. Kuczyński, A. (1994) *Polskie opisanie świata. Studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych* [Polish Description of the World. The Study of the History of the Folk and Tribal Cultures]. Vol. 1. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
14. Kuczyński, A. (1995) *Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory* [Siberia. Four Hundred Years of Polish Diaspora]. Wrocław: Dolnośląski Oddział Stowarzyszenia "Wspólnota Polska" we Wrocławiu.
15. Kuczyński, A. (2014) *Polacy w Kazachstanie* [Poles in Kazakhstan]. Krzeszowice: Wydawnictwo Kubajak.
16. Lipiński, W. (2004) Prace polskich badaczy-zesłańców i ich znaczenie we współczesnej Republice Sacha (Jakucja) [The work of Polish expatriates and their significance in contemporary Sakharov (Yakutia)]. In: Jasiewicz, Z. (ed.) *Wschód w polskich badaniach etnologicznych i antropologicznych. Problematyka – badacze – znaczenie* [East in Polish Ethnological and Anthropological Studies. Issues - Researchers - Significance]. Poznań: Biblioteka Telgte/Komitet Nauk Etnologicznych PAN. pp. 215–226.
17. Baranowski, W. (1985) *Polskie relacje o rosyjskiej kulturze ludowej (1831–1920)* [Polish Relations on Russian Folk Culture (1831–1920)]. Łódź: Uniwersytet Łódzki.

УДК 398.3; 248.12
DOI: 10.17223/19988613/49/23

Е.Ф. Фурсова

ЧУДЕСНЫЕ ВИДЕНИЯ / ЗНАМЕНАНИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Работа выполнена в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН XII.186.3 № 0329–2016–0006.

Проанализированы массовые и индивидуальные видения / знамения в Сибири накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые можно классифицировать как явления, отражавшие и дохристианские верования, и христианское мировоззрение сибиряков. Ценность исследования представленных этнографических материалов заключается в том, что народные видения, согласно распространенному мнению, будто бы позволяли предсказывать будущее. Делается вывод о том, что массовые видения, актуальные духу времени «писания» православных старцев и пр., ставят вопрос о соотношении исторических событий и фактов этнографии.

Ключевые слова: чудесные знамения; рукописные православные традиции; Великая Отечественная война; Сибирь.

Особая ценность этнографии с точки зрения научной интерпретации заключается в свойстве проследить связи между историческими событиями и этнографической реальностью. Человек и общество (народ) проживают разные исторические периоды, обусловленные как внутренним развитием, так и влиянием внешних сил в виде интервенций, войн, природных катаклизмов и пр. Накануне разного рода опасностей и во время тяжелых испытаний, в частности накануне Великой Отечественной войны, включались механизмы самосохранения народа, вспоминались предостережения предков, их не только боевой, но и духовный опыт. Индивидуальные или массовые видения, актуальные в конкретных ситуациях «писания» православных старцев, ставят вопрос о соотношении исторических событий и фактов этнографии. Сообщения о массовых видениях накануне войны представляют собой довольно распространенный сюжет в полевой этнографической практике автора 2000–2016 гг., что и положено в основу статьи.

Данные полевых интервью уточняют наши представления о динамике социальных перемен, а именно: значительном запаздывании культурных сдвигов, особенно касающихся мировоззрения. Так, именно на 1939–1941 гг. приходилась основная масса рассказов-воспоминаний о знамениях, которые, согласно народным представлениям, давали информацию о предстоящей страшной войне и гибели миллионов людей. В качестве примера можно привести случай массового видения в д. Малая Бобровка Сузунского района Новосибирской области, которая образовалась вследствие отселения части старообрядцев из соседней старожильской д. Бобровка, не желавших жить вместе с прибывшими в начале XX в. тамбовскими переселенцами. Запись сделана со слов директора Бобровского краеведческого музея Т.А. Печёнкиной: «У них был старший кто-то в Малой Бобровке и вот они рассказывают такую вещь. Перед войной вдруг закричали,

чтобы все выходили из домов на улицу. Все люди вышли из домов и увидели, что на небе поднялись два огненных столба и они были в виде коней – как будто два огненных коня встали на дыбы друг против друга. И вот этот старший старовер, а это было у нас, в Малой Бобровке, сказал: “Всем стоять и смотреть”! Все стояли и смотрели. Человек, который мне всё это рассказывал, ему сейчас 82 года, он коммунист до сих пор и он говорит: “Мы стояли и смотрели, я это помню, как зарево было”. Он пацаном тогда был. И потом этот старший им сказал: “Будет война, сильно тяжёлая, трудная, но мы победим”! Войны тогда ещё не было, это был то ли 1940 год. Знамение это было только в Малой Бобровке, а в соседней Бобровке этого никто не видел. И потом они все рассказывали, что у них это было...» (ПМА: Т.А. Печёнкина).

Как известно, конь в славянской мифологической традиции являлся одним из священных животных, атрибутом высших языческих богов (Хорса, Перуна) и христианских святых (Св. Георгия Победоносца, Св. Илии пророка и пр.). Одновременно этот образ мыслился как хтоническое существо, связанное с культом плодородия и смертью, загробным миром, проводником на «тот свет» и, соответственно, предвестником смерти [1. С. 245]. В рассказе обращает на себя внимание факт ориентации образов коней на запад, что являлось характерным и для других подобных случаев. Например, в Крупском районе Могилевской области накануне Великой Отечественной войны (вариант: в первые дни войны) подростки в ночном видели при заходе солнца как бы поднимающиеся от земли образы солдат с ружьями за плечами, которые уходили на небо (ПМА: А.В. Титовец). В своих свидетельствах люди, как правило, далеки от анализа механизма происходивших явлений и не задавались целью объяснить «привязку» этих явлений к западу. Этнографы могут интерпретировать это в том смысле, что в русской традиции души умерших уходят на за-

пад, в сторону заходящего солнца [2. С. 289], а историк, наверное, обратили бы внимание на тот факт, что захватническая война пришла с западных границ и именно там впоследствии происходили многочисленные убийства людей.

В тех белорусских деревнях, в которых совершались расстрелы уже во время оккупации немцами, люди видели накануне содрогавшуюся от рыданий женскую фигуру. Свидетельства очевидцев, а также рассказы, записанные со слов других селян, позволяют понять силу воздействия этих видений на сознание людей того времени (ПМА: А.В. Титовец).

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и после по рукам православных верующих ходили рукописи «О чудесном видении валаамскому старцу Михаилу о промысле Божьем в отношении русского народа», «О Божественном спасении матушки России», «О чудесах и знамениях недавнего и настоящего времени», т.е. о пророческих видениях отдельных людей (ПМА 1999–2016). В отличие от участников описанных выше массовых зрелищ, люди, о которых шла речь в рукописях, обладали, как считалось, особо развитым духовным зрением, были старцами, опытными молитвенниками.

Например, в рукописи «О чудесном видении Валаамскому старцу Михаилу о промысле Божьем в отношении русского народа» повествуется о том, как за месяц до начала Великой Отечественной войны был открыт смысл «великого испытания нашей страны». Рукопись изложена в разлинованной тетради формата А4 (85 с.), в нее включены другие различные рассказы о чудесах, явленных православным верующим, в основном на протяжении XX в. На первой странице указана тематика «Чудеса Господние над морем (возможно, ошибка, по смыслу надо “миром”. – Е.Ф.) сияют». На с. 36 повествуется о том, что Валаамский старец Михаил усердно молился Божией матери и всем святым, чтобы «Господь чашу сию пронес» (рис. 1). Во время службы в храме ему было три видения, о которых в тексте написано так¹: «Первое. Он увидел мать Божию и Иоанна Крестителя, святителя Николая Чудотворца и многих святых, которые молились Спасителю спасти и защитить нашу матушку Россию от страшной войны. Спаситель отвечал, что в России так велика мерзость и запустение, и развращенность нравов, упадок веры и благочестия, что невозможно терпеть эти беззакония “Я не пощажу Россию”. Второй раз мать Божия и Святой Иоанн Креститель стоят перед престолом Спасителя и молят его о помиловании, о спасении России. Спаситель снова отвечает: “Не пощажу Россию”. Третий раз. Мать Божия одна перед сыном своим и со слезами молит его о спасении России. “Вспомни сын мой как я стояла у креста твоего и приклонила колени пред ним”. Но Спаситель остановил ее: “Не нужно. Я знаю, как ты любишь Россию и народ ее. Ради молитвы твоей со-

храню этот народ, утопающий в беззакониях и поправлявшие Святые сохранию, но позднее накажу”» (Рукопись прихожанки, л. 36). Судя по тексту, здесь изложен сюжет молитвенного подвига схииеромонаха-затворника Михаила (Питкевича, 1877–1962 гг.) из Валаамского монастыря, которого в народе называли «последним великим старцем Валаама» [3]. Следует заметить, что подобные видения с участием Божией матери были и у некоторых других православных старцев, однако именно в данной рукописи мы сталкиваемся с детализацией и развитием сюжета (когда отступились все святые угодники, только его мать, оставшись в одиночестве, молила Бога пощадить русский народ).

Для масс православных верующих страдания и гибель миллионов сограждан в Великой Отечественной войне расценивались как Божия кара за отступничество. В рукописи «О чудесном видении...» автор сочинения от своего имени добавляет к описанным событиям замечание: «Мы люди часто думаем, что чудеса и знамения бывали в прошлом времени, а они совершаются постоянно. Можно проследить их, если быть внимательным в молитве. Бывает так, что на долю целого народа ложится особый промысел Божий...». Таким образом, мы сталкиваемся с явлениями «опережения» этнографическими фактами реалий политической жизни, о чем, собственно, и писал сочинитель текста, однако, по его мнению, люди не всегда готовы видеть и понимать, что стоит за чудесными знамениями.

О подобных, установленных наукой фактах, согласно которым та или иная традиционная тема в фольклоре предшествовала историческим событиям, писали некоторые российские ученые, например И. Плюханова [4], Б.Н. Путилов [5]. Видения и чудесные знамения, отраженные в нарративных источниках, рукописях о молитвенном стоянии православных старцев, нередко происходили уже в момент военных действий и были направлены на призвание Божией помощи на защиту страны и народа. Таков, например, сюжет о патриархе Илии Салибе как избраннике воли Господней, которому была явлена Божия мать и высказаны условия спасения страны. Наряду с требованиями открыть православные церкви, монастыри, духовные семинарии, выпустить из тюрем священников прозвучало и такое: «Сейчас готовят к сдаче врагу Ленинград. Город Святого Петра не сдавать. Доколе мое изображение находится в городе Святого Петра, ни один враг не пройдет. Пусть вынесут чудотворную икону Казанскую и обнесут ее крестным ходом вокруг города. Тогда ни один враг не ступит на святую его землю...».

Приведенные материалы показали, что после времен конструирования человека нового социалистического общества 1920-х гг. и массовых репрессий людей, мешавших «счастливому будущему» в 1930-х гг., в сельской местности и в среде православных горожан сохранились диаметрально противоположные историческому материализму ценности и отношение к жизни.

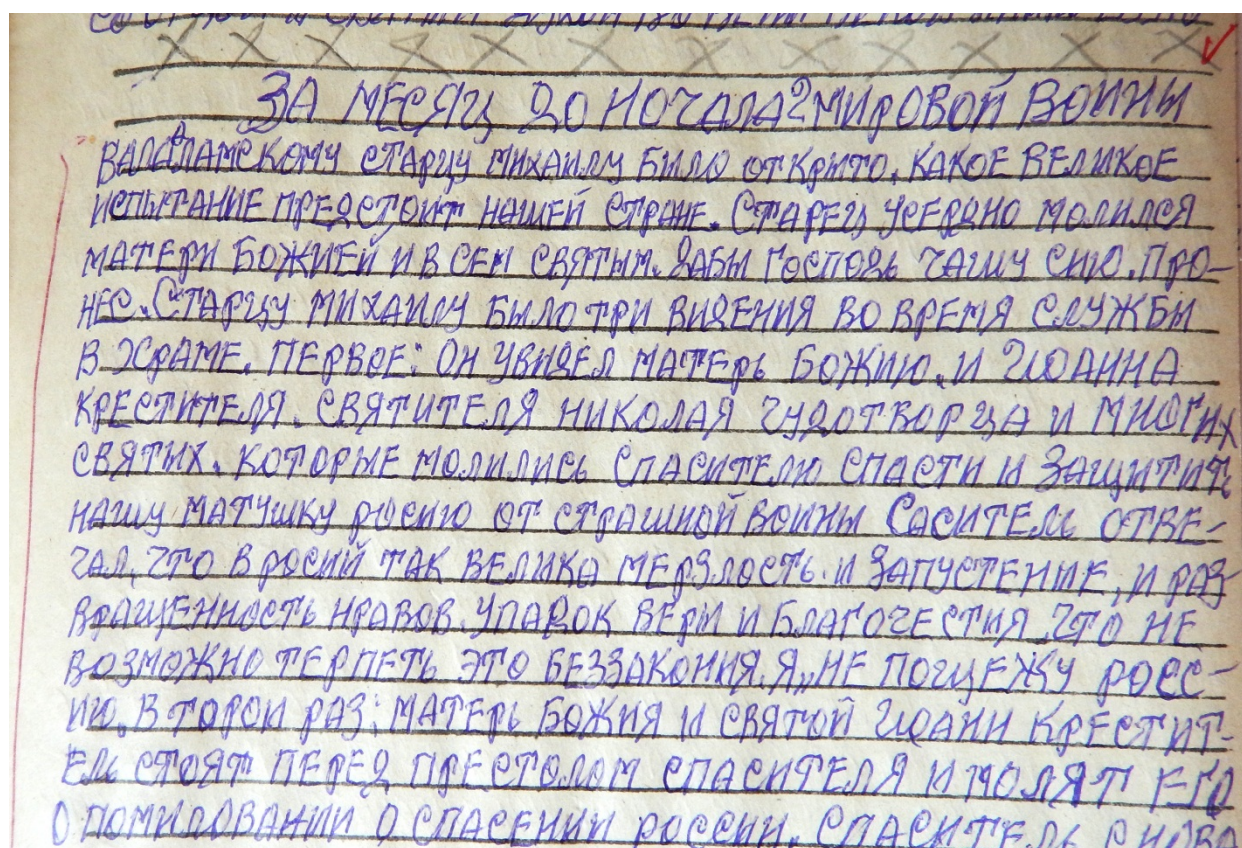

Рис. 1. Фрагмент рукописи «О чудесном видении Валаамскому старцу Михаилу о промысле Божьем в отношении русского народа»

Таким образом, актуализированные на рубеже 1930–1940-х гг. «традиционные этнографические темы», восходившие к дохристианскому и христианскому воззрениям, показали, что партия большевиков, закрепившая за собой монополию на духовную жизнь

общества, не успела достигнуть внушительных результатов. Делу борьбы с «религиозным дурманом» помешала, прежде всего, Великая Отечественная война, целью которой было уничтожение страны и советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст написан прописными буквами, без соблюдения пунктуации, которая в ряде случаев исправлена для удобства чтения. Название страны «Россия» написано с малой буквы и с одной «с». Возможно, что малограмотный переписчик в 1970-е гг. не знал правильного написания страны.

Полевые материалы автора: Интервью с Печёнкиной Татьяной Аркадьевной, д. Бобровка Сузунского района Новосибирской области. Запись 27.08.2016 г.

Полевые материалы автора: Интервью с Титовец Александром Викторовичем, уроженцем Крупского района Могилевской области, 1957 г.р., кандидат филологических наук. Работает в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, г. Минск.

Рукопись прихожанки Вознесенского собора Анны Максимовны (фамилию по ее просьбе не называем) передана автору в 2000 г. за несколько лет до смерти. Датируется началом 1970-х гг. Хранится в личном архиве автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрухин В.Я. Конь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. «А–Я». М. : Междунар. отношения, 2002. С. 245–247.
2. Фурсова Е.Ф. Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев-переселенцев из Белоруссии как этнографический источник (по материалам XX – начала XXI века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, № 5. С. 284–296.
3. Последний великий старец Валаама. URL: <http://www.tayninskoye.ru/voskresnye-besedy/besedy-2013-god/shiieromonah-mihail.html>, свободный (дата обращения: 19.04.2017).
4. Плеханова И. Народные представления о корабле в России XVII века // Semiotics and the History of Culture. In Honour of Ju. Lotman Studies in Russian. Columbus, Ohio : Slavica Publish, 1988. P. 183–191.
5. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.

Fursova Elena F., Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: mfl1@mail.ru

MIRACULOUS VISIONS/SIGNS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1941–1945.

Keywords: miraculous signs; handwritten Orthodox traditions; Great Patriotic War; Siberia.

Mass and individual visions / signs in Siberia on the eve of the Great Patriotic War of 1941–1945 can be classified as phenomena reflecting pre-Christian beliefs, as well as the Christian worldview. Such signs continued for a long time in the memory of ordinary people who unequivocally interpreted them as Divine signs sent from charity as warning signals. The value of researching people's visions (illusions) lies in the fact that they, according to popular belief, allowed to predict the future, performed the function of warning signs. Visions, actual "manuscripts" of Orthodox monks, etc. raise the question of the correlation of historical events and the facts of Ethnography. The data from the field interviews clarify our understanding of the dynamics of social change, namely: a significant delay in cultural phenomena, especially concerning the worldview. So, it was relative to 1939–1941, the bulk of the stories-memories of the signs, which, according to popular beliefs, gave information about the upcoming terrible war and the death of millions of people. As an example, we can tell a case of a mass vision in the village of Malaya Bobrovka, Suzunsky district of the Novosibirsk region, whose inhabitants saw two fiery horses at sunset. These horses, in the reminiscences of eyewitnesses, stood opposite each other as if rising on their hoofs. As we know, the horse in the Slavic mythological tradition was one of the sacred animals, an attribute of the highest pagan gods (Horse, Perun) and Christian saints (St. George the Victorious, St. Elijah the Prophet, etc.). Simultaneously, this image was conceived as a chthonic creature connected with the cult of fertility and death, the afterlife, the guide to the "next world" and, accordingly, the harbinger of death. In those Belarusian villages in which executions were carried out already during the occupation by the Germans, people saw the woman's figure shuddering the day before. Evidences of eyewitnesses, as well as stories recorded from the words of other villagers, allow us to understand the power of the impact of these visions on the minds of people of that time. During the Great Patriotic War of 1941–1945 and after, the Orthodox believers handed over to each other manuscripts "On the Miraculous Vision of the Valaam Monk Mikhail on the Divine Providence against the Russian People", "On the Divine Salvation of Mother Russia", "On the Miracles and Signs of the Recent and Present Time", that is, about prophetic visions of individuals.

REFERENCES

1. Petrukhin, V. Ya. (2002) Kon' [Horse]. In: Tolstaya, S., Agapkina, T., Belova, O., Vinogradova, L. Vladimir Petrukhin. (eds) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. An Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 245–247.
2. Fursova, E. F. (2014) Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' staroobryadtsev-pereselentsev iz Belorussii kak etnograficheskiy istochnik (po materialam XX – nachala XXI veka) [Funeral and commemorative rites of Old Believers from Byelorussia as an ethnographic source (based on the materials of the 20th – early 21st centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State Universit. Series: History and Philology*. 13(5). pp. 284–296.
3. Moscow Diocese. (n.d.) *Posledniy velikiy starets Valaama* [The Last Great Elder of Valaam]. [Online] Available from: <http://www.tayninskoye.ru/voskresnye-besedy/besedy-2013-god/shiieromonah-mihail.html>. (Accessed: 19th April 2017).
4. Plyukhanova, I. (1988) Narodnye predstavleniya o korable v Rossii XVII veka [People's ideas about the ship in Russia in the 17th century]. In: Halle, M., Pomorska, K., Semeka-Pankratov, E. & Uspenskiy, B. (eds) *Semiotics and the History of Culture. In Honour of Yu. Lotman Studies in Russian*. Columbus, Ohio: Slavica Publish. pp. 183–191.
5. Putilov, B. N. (2003) *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam* [Folklore and Folk Culture. In Memoriam]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

УДК 398.541"18/20"

DOI: 10.17223/19988613/49/24

Д. Самсон

К ВОПРОСУ О РАЕ У НЕНЦЕВ И ОБСКИХ УГРОВ (XIX–XXI вв.)

Анализируются представления ненцев и обских угров о «рае» как своем реальном и символическом жизненном пространстве в контексте религиозного и политического взаимодействия аборигенного и русского миров. Рассмотрено понятие о «рае» в общинах сибирской Арктики на материалах проповеднической литературы, этнографии, устного народного творчества остяков, вогулов, самоедов начиная со времени Российской империи и до сегодняшнего дня – на основе информации представителей современной ненецкой интеллигенции на Ямале. Временной диапазон позволяет проследить динамику и трансформацию представлений об утраченном рае как жизни «без болезней, без налогов и без русских» в XIX в. до обустройства XXI в. в сибирской тундре православного лагеря, воплощающего Землю надежды – Новый Иерусалим. Исследуя противоречия реального мира, в котором живут ненцы и обские угры, и их идеальных представлений о «рае», автор стоит на платформе «понимающей этнографии», когда ученый говорит с носителями традиционной культуры на одном языке и признает за коренными народами приоритетное право голоса.

Ключевые слова: коренные народы Северо-Западной Сибири; истории из жизни; Мир иной; Земля надежды.

Православные миссии снова направляются в тундру и тайгу, как и в XIX в. Однако на этот раз миссионеры, обещающие рай, добираются туда на вездеходах или на вертолёте, как Патриарх Кирилл, спустившийся на ненецкую землю с небес. А существует ли понятие «рай» в общинах сибирской Арктики? В статье кратко изложены результаты работы коллоквиума «Сибирь – как рай», организованного автором совместно с двумя коллегами в Парижском институте политических исследований (Сьянс По) 8–9 июня 2015 г., на котором было дано право голоса коренным народам и представлены так и не застывшие со временем культуры.

По вполне понятным причинам история Сибири породила противоречивые интерпретации среди исследователей: одни говорят о «колонизации», другие предпочитают такие определения, как «завоевание», «покорение» и «освоение»; что касается отношений русских с местным населением, одни представляют обращение в христианство более или менее наносным, другие видят в нём сложности или даже препятствие развитию коренных культур и т.д.

Конечно, целью этой короткой статьи не является поиск однозначных ответов на поставленные вопросы, речь идёт скорее о том, чтобы дать новую информацию к размышлению о религиозном и политическом взаимодействии русского и коренного миров в (суб)арктической Сибири. В этом контексте понятие о рае будет освещено в широком смысле: во-первых, на материале проповеднической литературы, этнографии, устного народного творчества остяков, вогулов, самоедов времен Империи, во-вторых, с опорой на информацию двух представителей современной ненецкой интеллигенции на Ямале: Анастасии Лапсуи (1944 г.р.) и Анны Неркаги (1951 г.р.). Исследовательская позиция – «понимающая этнография», чтобы были слышны живые голоса, язык ненцев и обских угров. Данная платформа предполагает, что ученый должен говорить с носителями традиционной культуры на одном языке и признавать за коренными народами приоритетное право голоса.

«Сегодня ваш день, завтра будет мой»¹ [1. С. 8]. В течение последних десятилетий Россия открывает заново собственную проповедническую деятельность. В XIX в. проповедник был одним из главных деятелей и очевидцев контактов с населением Сибири: он брал на себя роль путешественника, этнографа, переводчика, наставника и целителя; его тексты, героем которых зачастую являлся он сам, представляют собой уникальные следы на почти пустых страницах памяти. Тем не менее стоит напомнить о двойном обращении в новую веру: проповедника, который соглашается выйти из привычной среды и броситься «подобно овце в волчью стаю» [2], можно сравнить только с местным жителем, реальный и символический мир которого погружается в хаос. Внимательное изучение древних источников показывает, что ответом на эти события и распространение Священного Писания в северо-евразийских общинах было слово.

Понятие райского сада, очевидно, чуждо остякам, самоедам и вогулам, но смерть не является для них концом, поскольку покойный никогда не уходит один: близкие наполняют его могилу одеждой, предметами и пищей, которые пригодятся ему в мире ином. Александр Дунин-Горкавич отмечал достаточно смутные представления *инородцев Тобольского Севера* о мире ином: в пространство, где царят тьма, нищета и непреложно тяжёлый труд, попадают скверные люди, но только после некоторого времени «горения»; другое пространство предназначено для добрых людей, которые не будут ни в чём нуждаться, поскольку о них позаботится небесный дух Торум. Финский лингвист Кустаа Фредрик Карьялайнен, автор замечательного труда *Религия югорских народов*, в свою очередь, писал, что мир иной часто представлен «как место, где находятся не все усопшие, а только те из них, кто заслуживает или получает незаслуженное наказание» [3. С. 241; 4. С. 141]. Как и современники, эти авторы подчёркивают тот факт, что мир иной является подземным, и уделяют особое внимание его границам: «Как и здесь [на земле],

русские отделены от остяков» [5. С. 43]. Вслед за этим Карьялайнен уточняет: «Нет там только чиновников, налогов и сборов, по крайней мере, в этом отношении у угров человек сам себе хозяин» [4. С. 140]. Таким образом, согласно представлениям обско-угорских общин, должен существовать простой мир усопших, в котором те пребывают в покое, а также расположенное ниже царство Эн, с «государственной формой, чуждой умершим», где «“тены” должны жить под давлением строгих правителей и переносить нужду и даже наказания за их проступки на земле» [3. С. 241].

Можно ли увидеть в таком описании мира иного, вне его очевидных противоречий, ответ колонизируемого колонизатору-просветителю? Если рассматривать проповеднические миссии XIX в. в соответствующем контексте, гипотеза кажется вполне правдоподобной. Не являются ли эпизоотия, эпидемии оспы, сифилис («яд русского сладострастия», по выражению англиканского пастора Уэньона) [6. С. 217], алкоголизм и обилие долгов основанием для того, чтобы говорить о вымирании коренного северо-евразийского населения?² Что удивительного в том, что вслед за растущей санитарной и социально-экономической маргинализацией, подтверждаемой российскими и европейскими источниками, а также местной литературой, среди остяков в долине реки Обь появляется представление если не о «рае», то, по меньшей мере, о «третьем небе без болезней, без налогов и без русских» [11. С. 64], среди ительменов на Камчатке – представление о «подземном мире, где богачи беднеют, а бедняки богатеют, без гроз и без русских»³ или же о «сне» и возвращении героя Ичи на землю селькупов? «Когда Ича заметил, что Крестос и демон приобретают всё большее влияние, он решил уйти от своего народа. И он ушёл далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать. Однако, уходя, он сказал Крестосу: “Сегодня ваш день, завтра будет мой”. Когда наступит этот день, Ича очнётся ото сна и вернётся; соберёт вместе всех своих рассеянных по земле детей и прогонит чужеземцев из Сибири. Теперь, когда на земле царят Крестос и дьявол, все бедны и несчастны, а раньше все были богаты и счастливы. Теперь трудно прокормиться, а раньше всего было в изобилии. Ича просто заснул, он не умер, он вернётся» [1. Р. 8].

Таким образом, в коренных сибирских общинах во взаимодействии с христианством веками вырабатываются политические и религиозные стратегии или даже намёки на мессианство, позволяющие осмысливать и сдерживать бремя колонизации, а именно – выполнение царских повинностей (налоги, присяга) и христианское проповедничество (нежелание становиться русскими). От «третьего неба без налогов, без болезней и без русских» до вины в смерти Медведя, возлагаемой на русских в комплексе ритуалов угорского Медвежьего игрища, включая атрибуты российской власти, украшающие угорских богов-покровителей с XVIII в., – во всём разыгрывается счастливый конец истории. Как будто должны возродиться благополучие и гармония на зем-

ле, где некогда жили угорские боги, а затем остяки, вплоть до того момента, когда внезапно появились встречь солнцу люди с огнестрельным оружием и зажигательной смесью.

Покинутый рай. Анастасия Лапсуй родилась в тундре Яр-Сале. Её семья потеряла всех оленей из-за эпидемии и перешла в 1951 г. к оседлому образу жизни, добывая пропитание за счёт рыбной ловли. Анастасия пряталась, чтобы не ходить в школу, но через два года всё-таки начала учиться в селе Ныда. Некоторые школьники относились к своему делу с душой. Другие, как Анастасия, не только прошли обязательную общеобразовательную программу, но научились путешествовать между мирами, поочерёдно жить в двух разных социальных пространствах, двух языках, двух культурах. Иногда эти миры взаимодополняют друг друга, иногда совершенно противоположны: так, русский язык, используемый в школах на всём советском пространстве, власть и культура противостоят ненецкому языку, отсылающему к узкому кругу близких людей и маленькой общине, кочевому образу жизни и устному литературному творчеству. Анастасия совершенно ясно отдаёт себе отчёт в том, какой адаптации требует от ненцев внешний мир. Опыт её семьи соответствует тому, что пережили многие ненцы, которых обращали в христианство, а затем – в воинствующий атеизм, уже в советском обществе, где святое перенесли с золочёных куполов на красную звезду. Послевоенное поколение, к которому и относится Анастасия, ставшая примерной пионеркой в 1955 г., знало только СССР – место, освященное пролитой кровью и окружённое злейшими врагами. Именно там находились материально ощутимый рай, священная земля и канонизированные советской властью правители.

Что говорит нам ненецкий язык о земле (я)? Проезжая по Западной Сибири, Чехов и Ленин увидели в ней только унылую череду болот и озёр; природа не раскрылась перед ними, возможно потому, что они не говорили по-ненецки. Ненцы же видят в природе живое существо: они говорят не о горизонте, а о *я' маха* («спине земли»); они видят не обрыв, а *надо' ся''* («лицо горы»); они слышат не шум озёрного потока, а *то' сё* («горло реки»); они касаются не земной коры, а *я' хоба* («кожи земли») и т.д. В слове «земля» берёт своё начало мысль. Оживает мир: *я' сармик* («животное, зверь, животный мир»), *я' тер* («житель»), *ям' мядота* (медведь; буквально: «использующий землю как чум»); строится память: *я' падар''* (карта; буквально: «бумага земли»), *я' вал* (очень древняя легенда; буквально «легенда земли»); в череду жизни встраивается человек: *ервседа я юнгунив* (в каждом месте присутствует жизнь, к которой следует относиться с уважением; буквально: «у каждой земли свой хозяин»), *Я' небя* («мать-земля») носит людей, а также наделена чертами богини *Яминя, Ямюня*, которая защищает и творит, помещает душу в каждое рождающееся тело. Наконец, самым своим

пространством земля способна выразить целомудрие чувств: *Сидда'' манэ'' мани' сер', я нарма, сейми нарма* («При взгляде на вас раскрылась земля, раскрылось моё сердце») [12. С. 26].

Ненецкие дети с давних времён учатся тому, что стоит и чего не стоит делать (*хэвы*) в мире, где всё связано: нельзя обижать землю, втыкая в неё острый предмет, нельзя причинять ей боль, вырывая траву, — это её волосы; если люди выроют в земле ямы, из них выползут огромные черви, заполонят землю и не оставят места людям. Как будто речь идёт о прообразе фонарей и буровых вышек в тундре, а также внутреннем отчуждении, царящем в семьях оленеводов.

В фильме «Покинутый рай» (1994) документально точно представляется быт двух семей: сибирской и канадской. Ненецкая семья Яптик живёт в тундре, Ньюбитя — хозяин своей земли: он там родился, вырос, женился, завёл детей, а затем медленно приблизилась старость. Он не видит в этом трагедии и понимает смысл жизни: «Я пришёл вслед за предками, после меня останется молодёжь, дети, которые тоже будут хозяевами своей земли. Они из рук в руки передадут новому поколению свою любовь к этой земле, традиции, язык, обычаи и оленей». Олени и земля — достояние этой семьи, её единственное богатство. Но поскольку на земле, воспеваемой ненецким эпическим героем Сивом Ноеця, «поистине лучшей земле»⁴, люди поддаются искушению, пренебрегая запретами духов-хозяев, арктический сад погибает и из него постепенно вытесняется человек. Вот и семья Яптик обречена «покинуть рай», изгнание из которого происходит в период с 1992 по 2001 г. Вскоре после съёмок, весной, один из сыновей, Александр, покончил жизнь самоубийством, потому что не смог заплатить за 40 оленей цену, назначенную его невестой Алёной Тадибе, которая вышла замуж за другого оленевода; отец, Ньюбитя Яптик, заболел: он умер в больнице Харасавзя; младший сын, Леонид, поехал продавать лисьи шкуры в село Сёяха, под действием алкоголя его встреча с «друзьями» закончилась трагедией: один русский взял ружьё и застрелил Леонида, за которым в тот момент прятался другой человек. Сейчас в тундре живут только Мюсёня, вдова Ньюбити, и Татьяна, их дочь: у них больше нет своего чума, они останавливаются там, где их могут принять, как несчастные героини старого ярабца⁵. Так происходит падение человека в Сибири, по версии Анастасии Лапсуи. Следы зайца на снегу, полёт первой вороны, вход лемминга в норку, который предсказывает погоду, цвет сумерек и рост молодых оленьих рогов отражаются теперь в металле машин, железнодорожных путей и газопроводов. Земля уже опустошена промышленностью, олени начинают болеть из-за истощения пастбищ, некоторые семьи уже утратили традиционный образ жизни. Однако для Анастасии, которая, по её собственным словам, пришла в этот мир, чтобы сделать его лучше, рай ещё существует и оживает перед нашими глазами: вначале из-за экрана появляется еле

заметное шевеление, затем начинают расти рога, а потом неожиданно, на фоне неба, вырисовываются олени. Божественно прекрасны серебристые олени на фоне умытой утренним дождем тундры. Оленеводы свободны от предрассудков цивилизации, не гонятся за деньгами. Их бог — Олень. Их души целостны, червь зависти не грызет сердца. Они великолепны. Не знают писаных законов. Следуют обычаям, традициям земли, которая их вскормила.

Ненцы из тундры и ханты из тайги составляют единое целое со своей землёй, они едины с богами, духами, животным и растительным миром, миром усопших. В русском мире земля тоже долго была «святой», как это отмечается в *Московских хрониках 1613 г.*: «Русские, особливо знатного рода, согласятся скорее умерить, нежели отправить своих детей в чужие земли; разве царь их принудит. Они думают, что одна Россия есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганые, некрещеные, не верующие в истинного Бога; что их дети навсегда погубят свою душу, если умрут на чужбине между неверными, и только тот идет прямо в рай, кто кончает жизнь свою на родине»⁶.

Как же найти общий язык, если я по-ненецки значит «земля», а по-русски — «эго»?

Земля надежды, Новый Иерусалим для молодёжи. По мнению Анны Неркагуи, только невежа может считать Сибирь адом из-за холода, удалённого географического положения и условий жизни. В действительности, на этой земле есть всё, что нужно человеку, чтобы не погибнуть, а свобода, которую даёт тундра, напоминает покинутый рай. Поэтому на Полярном Урале Анна пришла к Богу. Сейчас она смотрит на мир только Его глазами.

Когда я в первый раз останавливался у Анны в тундре, на Байдарате, зимой 1996 г., она была против наших бесед: «Когда говорил Христос, его не записывали». У меня было такое ощущение, что она держит на своих плечах весь мир. Анна сказала мне: «Я знаю, что никогда не умру». Она и сейчас ещё плачет, потому что люди забыли о Боге, а следовательно, и о вечной жизни, довольствуясь простым выживанием — работой, пищей, удовольствиями — и заполнением жизни, которая их пугает, потому что её невозможно контролировать. Даже если эта жизнь в них самих. Предназначение человека в том, чтобы давать, творить, но он только берёт, потому что думает, что жизнь у него только одна. Как же он может портить землю, даже не замечая этого, не понимая, что портит при этом самого себя? Каждый из нас носит в себе частичку земли, за которую он в ответе.

У Анны было видение: прекрасные голубые города со множеством куполов, люди там, как казалось, не страдали от голода и болезней. Теперь Анна мечтает создать маленькие голубые города для своего народа. В нескольких километрах от деревни Лабовравая, на Полярном Урале, она заложила первый камень будущих храмов: Земли надежды. В истощенной промышленной

разработкой Арктике появился православный лагерь для детей-сирот, школа кочевой жизни в условиях арктической тундры, средство от «разложения души» и опустошения, пришедшего с цивилизацией: «Еду я в автобусе с буровиками и слушаю, о чем они говорят. Только о деньгах. Сколько получили, сколько собираются получить. Как мастер обманывает их, записывая заниженную выработку. Помолчали и снова о деньгах. А я думаю, вот сижу я – ненка. Хоть бы кто-нибудь подсел ко мне и спросил, как я живу. Рада ли я тому, что они делают с моей землёй. Что от их ударного труда скоро в тундре не останется живого места, и нам придется переехать в города, где наши мужики сопьются и умрут. Или хотя бы просто поболтали со мной о чём угодно. Нет. Они не замечают меня. Я для них пустое место».

Помимо церкви Архангела Михаила, которая является душой этого края и почти все иконы которой были написаны Зоей Неркагуи, сестрой Анны, там стоит около двадцати домов: церковь, иконописная мастерская, школа, столовая, несколько домиков для местных жителей и посетителей, допущенных в этот храм под открытым небом, чумы с саями, кельи для уединения, детская площадка. Есть даже стадо бизонов, около шестидесяти голов, которых привезли из Гренландии, стадо сторожат три пастуха.

Речь идёт также о маленькой общине, как при первых христианах, которая делится всем, пытается избежать взаимных обид, найти любовь к ближнему и прощение. Что-то вроде островка на континенте. В окружении сирот из тундры, детей, доверенных ей родителями, и взрослых Анна проповедует учение о красоте мира, «даже если эта красота всего лишь бледное отражение Царствия Небесного» в оправе икон Зои Павловны.

Наконец, Земля надежды – Новый Иерусалим в самой тундре, «приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» [16], чтобы встретить возвращение Христа. «Как начальство готовится к приёму президента Путина», – уточняет Анна. Не все земли готовы принять Спасителя: по мнению Анны, конец сначала наступит в Москве и Санкт-Петербурге, «российских Содоме и Го-

морре», а Ямал, где, по её словам, «голубые слёзы оленей, как драгоценные бриллианты, собраны у Бога на ладони», готовится к этому пришествию. Анна ждёт в своём раю на Полярном Урале, где нет ни газовых, ни нефтяных человечков – как не было на третьем небе остяков XIX в. ни налогов, ни болезней, ни русских, где дети учатся радости жизни. Словно «каменные книги», причина существования которых не только в том, что листки рукописи разлетелись – как это можно прочесть, – а в том, что в мире ненцев «всё умирает и разлагается, кроме камней» [17. С. 125], потому что, подобно драгоценным камням, украшавшим фундамент Нового Иерусалима в Апокалипсисе, они являются «большой и высокой стеной», на которой начертано Благое слово и которая составляет фундамент Земли надежды, основу жизни и символ веры для Анны, находящейся во главе общины Веры, Труда и Братства.

Благодаря Земле надежды, Анна возрождает ненецкую традицию, согласно которой женщина поддерживает огонь перед домом: Анна разжигает огонь в душах. Однако, освящая вновь это пространство, она также обращает русский мир лицом к самому себе и следует ненецкой традиции, наподобие поэта-оленевода Юрия Веллы: он посвящал одного оленя каждому президенту Российской Федерации, чтобы напомнить ему об ответственности за тайгу: если твой олень выживет, ты достоин этой должности, а если он не выживет, то для чего ты нужен?

Сибирь – как рай? В разговорах и жизненных историях Анастасии Лапсуи и Анны Неркаги проявляются два противоречивых и специфически интерпретированных видения утраченного райского сада и Нового Небесного Иерусалима: Земля надёжная в рассказах Анастасии и Земля надежды в рассказах Анны. На самом деле арктическая Сибирь XXI в., где теперь соседствуют олени, гуси, снежные куропатки, вездеходы, буровые вышки и колокольни, совершенно очевидно может представляться раем и для Яны Худи: ненецкая девочка порвала рублю на мелкие кусочки и разбросала их по ветру, чтобы в её тундре денег выросло так же много, как цветов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ича, селькупский герой, обращаясь к Христосу, «другу демона» [1. С. 8].

² Сам Михаил Сперанский написал о произволе и злоупотреблениях властей в сибирских губерниях: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было бы сделать, то здесь [в Иркутске] оставалось бы уже всех повесить» [7. С. 89; 8–10].

³ Сообщение Дэвида Коэстера, профессора Антропологии в университете Аляски (Фэрбэнкс, США) по случаю встречи в Париже в марте 2015 г.

⁴ *Мань ями ненэса юо' саво я ю э' нив'* (Моя земля поистине лучшая) Сив Ноеца («в семи одеждах») [13. С. 76].

⁵ Вид ненецкой эпической песни, где от первого лица в реалистической манере рассказываются различные приключения (поиск супруги, месть сына, споры потомков, мир *sikhirtia*, социальное неравенство) и победа героев, которые в земной битве могут стать богами или духами потомства [13. С. 40–56; 14].

⁶ См. «Летопись московская. 1584–1612» Конрада Буссова, жившего в эпоху Смутного времени (по другим источникам: лютеранского проповедника Мартина Бэра) [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Donner K. A Samoyed Epic // *Suomalais-ugrilaisen seuran Aikakauskrija*. 1913. № 30. P. 1–12.
2. Евангелие от Матфея. Гл. 10. URL: [http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto\[iframes\]/15/](http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto[iframes]/15/).
3. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. II. 282 с.

4. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.
5. Дунин-Горкавич А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск : Тобольская типография, 1911. Т. III. 208 с.
6. Wenyon C. À travers la Sibérie à travers la route de la malle-poste. Genève : Olizane Éditions, coll. «Objectif Terre», 2001. 245 p.
7. Томсинов В.А. Сперанский. М. : Молодая гвардия, 2006. 451 с.
8. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири в XIX столетии. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Т. 6, ч. 1. 808 с.
9. Ядринцев Н.М. Инородцы и их вымирание // Русская мысль. 1883. № 3. URL: http://az.lib.ru/j/jadrincev_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_oldorfo.shtml
10. Кузнецов Е.В. Первые кабаки в Сибири. Тобольск, 1890. 20 с.
11. Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 200 с.
12. Харючи Г.Р. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб. : Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
13. Куприянова З.Н. Эпические песни ненцев. М. : Наука, 1965. 782 с.
14. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
15. Летопись московская. 1584–1612 (Глава VI. Междуцарствие. 1606). URL: <http://www.rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1537>.
16. Откровение Иоанна Богослова. Гл. 21. URL: <http://allbible.info/bible/sinodal/re/21/>.
17. Неркаги А.П. Илir, Молчалий. Тюмень : СофтДизайн, 1996. 416 с.

Dominique Samson Normand de Chambourg. Institut national des langues et civilisations orientales (Inalco) (Paris, France). E-mail: dsamsonnormanddechambourg@yahoo.fr

ON THE ISSUE OF PARADISE AMONG THE NENETS AND OB UGRIANS (THE XIX–XXI CENTURIES).

Keywords: indigenous peoples of North-Western Siberia; life stories; another world; "the Land of hope".

The author of the article sets the task to perform the notions of Nenets and Ob Ugrians on "Paradise" as their real and symbolic living space in the context of religious and political interaction of Aboriginal and Russian worlds. The concept of "Paradise" in the communities of the Siberian Arctic is highlighted on the material of preaching literature, ethnography, oral folklore of Ostyak, Voguls, Samoyeds of the times of the Russian Empire, and the information of representatives of the modern Nenets intelligentsia in Yamal as well. The author's position is primarily to give voice to indigenous peoples and this idea became the scientific and ideological platform of the Colloquium "Siberia as Paradise" that was organized at the Paris Institute for Political Studies. Held on a comprehensive database study reveals the complex contradictions at the level of vital realities, where the indigenous population of (Sub) Arctic Siberia lives in two different social spaces, two languages, and two cultures. Sometimes these worlds complement each other and sometimes they are entirely opposite. Adaptation to the outside world requires from the natives to learn how to travel between the large world, where you have to develop a sedentary lifestyle, to go to school, first turn to Christianity, and then to militant atheism, and a small community with a narrow circle of relatives and friends. Another tier of contradiction is between the real world and ideal concepts about the "paradise" on earth, where once Ugrian gods lived, everything was abundant, and everyone was rich and happy up to the moment when the people with firearms and incendiary mixture suddenly appeared. For the Ostyaks of the XIX century, the lost Paradise embodies the idea of the "third heaven with no diseases, taxes and with no Russians". For the Nenets woman Anna, who lives on the Yamal Peninsula, the land of hope – the New Jerusalem is located in the Siberian tundra itself, where there is all that a man needs to survive, and the freedom that the tundra gives is the reminiscent of the abandoned Paradise. Founded in the XXI century by a small community in the Polar Urals the Orthodox camp with a church, an icon painting workshop, a school, diner, and several cabins is a prototype of the lost Paradise, where Anna preaches the doctrine of the beauty of the world and prepares for the coming of God. By acknowledging and exploring the contradictions of the real world for the life of Nenets and Ob Ugrians live and their ideal notions of "Paradise" and its incarnation on earth, the author is on a platform of "understanding Ethnography", when a scientist speaks the same language with traditional culture bearers and recognizes the priority right of the indigenous peoples to speak their mind.

REFERENCES

1. Donner, K. (1913) A Samoyed Epic. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskrija*. 30. pp. 1–12.
2. The Bible. (n.d.) *Evangelie ot Matfeya* [The Gospel of Matthew]. Chapter 10. [Online] Available from: [http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto\[iframes\]/15/](http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto[iframes]/15/).
3. Karyalaynen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov* [Religiya of the Ugrian peoples]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Karyalaynen, K.F. (1994) *Religiya yugorskikh narodov* [Religiya of the Ugrian peoples]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Dunin-Gorkavich, A. (1911) *Tobol'skiy Sever. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev* [The Tobolsky North. An Ethnographic Essay of Local Non-Russians]. Vol. 3. Tobolsk: Tobol'skaya tipografiya.
6. Wenyon, C. (2001) *À travers la Sibérie à travers la route de la malle-poste* [Across Siberia Across the Road from the Mail Coach]. Genève: Olizane Éditions.
7. Tomsinov, V.A. (2006) *Speranskiy* [Speransky]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
8. Andrievich, V.K. (1889) *Istoricheskiy ocherk Sibiri v XIX stoletii* [A Historical Sketch of Siberia in the 19th Century]. Vol. 6(1). St. Petersburg: V.V. Komarov.
9. Yadrintsev, N.M. (1883) *Inorodtsy i ikh vymiranie* [Non-Russians and Their Extinction]. *Russkaya mysl'*. 3. [Online] Available from: http://az.lib.ru/j/jadrincev_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_oldorfo.shtml.
10. Kuznetsov, E.B. (1890) *Pervye kabaki v Sibiri* [The First Taverns in Siberia]. Tobolsk: [s.n.].
11. Polyakov, I.S. (2005) *Puteshestvie v dolinu r. Obi. Pis'ma i otchety o puteshestvie v dolinu r. Obi, ispolnenno po porucheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk* [A Journey to the Ob Valley. Letters and Reports on the Journey to the Ob Valley on behalf of the Imperial Academy of Sciences]. Tyumen: Mandr i Ka.
12. Kharyuchi, G.P. (2012) *Priroda v traditsionnom mirovozzrenii nentsev* [Nature in the Traditional Worldview of the Nenets]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya.
13. Kupriyanova, Z.N. (1965) *Epicheskie pesni nentsev* [The Nenets Epic Songs]. Moscow: Nauka.
14. Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
15. Bussov, K. (n.d.) *Letopis' moskovskaya. 1584–1612* [The Chronicle of Moscow. 1584–1612]. [Online] Available from: <http://www.rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1537>.
16. The Bible. (n.d.) *Otkrovenie Ioanna Bogoslova* [Revelation of John the Theologian]. Chapter 21. [Online] Available from: <http://allbible.info/bible/sinodal/re/21/>.
17. Nerkagai, A.P. (1996) *Ilir, Molchashchiy* [Ilir, the Silent]. Tyumen: SoftDizayn.

УДК 929:378.4(477.54-25)
DOI: 10.17223/19988613/49/25

С.В. Дьячков

ПРОФЕССОР К.Э. ГРИНЕВИЧ: ПОСЛЕ СИБИРИ

Рассматривается последний период жизни и деятельности профессора К.Э. Гриневича (1891–1970), известного историка, археолога, организатора масштабных археологических исследований в Крыму, Сибири и на Северном Кавказе. Особое внимание уделяется деятельности ученого, пережившего арест, ссылку и заключение в лагере. Характеризуется многообразная научно-преподавательская и организаторская деятельность в должности заведующего кафедрой древней истории и археологии Харьковского государственного университета им. А.М. Горького в 1953–1969 гг.

Ключевые слова: профессор К.Э. Гриневич; Харьковский государственный университет; кафедра истории Древнего мира и археологии; Ольвия; Херсонес.

Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970) – известный русский и советский историк, археолог, организатор масштабных археологических исследований в Крыму, музеевед, инициатор реформы музейного дела в Советской России. Как и тысячи других представителей творческой и научной интеллигенции, он оказался жертвой молоха сталинских репрессий. После нелепого навета ученый был выслан из Москвы в Новосибирск (1933–1935), где работал профессором Института повышения квалификации кадров народного образования Западно-Сибирского края и научным консультантом местного краеведческого музея. В 1935 г. К.Э. Гриневича обвинили в выдаче вражеским разведкам подходов к севастопольским бухтам («основанием» для доноса послужили подводные археологические исследования у мыса Херсонес в 1929–1931 гг.). В 1935–1940 гг. К.Э. Гриневич отбывал заключение в Карлаге (Карагандинская область, Казахстан). Здесь он преподавал историю и немецкий язык в Долинской средней школе, в которой учились дети сотрудников ГУЛАГа [1. Л. 20–21].

После лагеря ученому разрешили продолжить научную и педагогическую деятельность в Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева. Восемь лет своей жизни, научного творчества и педагогической деятельности К.Э. Гриневич отдал вновь открывшемуся историческому факультету ТГУ (с 1 сентября 1940 г. по 1 ноября 1948 г.). В Томске в январе 1941 г. пятидесятилетнему К.Э. Гриневичу выдали трудовую книжку, где в графе «профессия» он указал «историк-археолог». Заметим, что в трудовой книжке были признаны 25 лет предыдущей работы «по найму». Из них 20 лет подтверждали документы, а 5 лет «трудового стажа» засчитали со слов К.Э. Гриневича [1. Л. 3]. Опальному, но хорошо известному в научных кругах ученому доверили заведовать кафедрой древней истории. Здесь, в Сибири, в его научной биографии произошло важное событие. Опираясь на поддержку томских и московских коллег, К.Э. Гриневич успешно защитил диссертацию «Стены Херсонеса Таврического» на соискание

ученой степени доктора исторических наук. Защита диссертации состоялась в 1944 г. на заседании Ученого совета Московского госуниверситета. В условиях тоталитарного режима и тяжелейшей войны защита докторской диссертации бывшим «зэком» – это уникальное событие, которое сыграло не последнюю роль для полной реабилитации ученого. Таким образом, сибирский период жизни К.Э. Гриневича оказался необычайно насыщенным и плодотворным [2. С. 132–133].

В 1948 г. в жизненном пути ученого случился очередной зигзаг. Как утверждает в некоторых изданиях, К.Э. Гриневич был уволен с занимаемой должности «за пренебрежение успехами советской науки и низкопоклонство перед Западом» [3. С. 198]. Так или иначе, социально-политические или неизвестные нам жизненные обстоятельства (?) вынудили профессора покинуть «столицу» Сибири и в конце 1948 г. с молодой женой Валентиной Николаевной Гриневич отправиться в г. Нальчик – столицу Кабардинской АССР. Безусловно, известный ученый, педагог и организатор музейной работы должен был укрепить профессорско-преподавательский состав Кабардинского государственного пединститута. В любом случае периферийная Кабарда была значительно ближе к родной Украине, нежели Сибирь. В условиях послевоенного Северного Кавказа К.Э. Гриневичу удалось развернуть масштабные археологические исследования в семи районах республики. На археологическую карту республики были нанесены и изучены поселения, курганы, менгиры от эпохи палеолита до позднего Средневековья (рис. 1). Специалисты подчеркивают, что результаты раскопок К.Э. Гриневича имеют большое значение в изучении позднего периода кобанской культуры [2. С. 133].

В автобиографии ученого говорится, что в 1950 г. из-за «вредности климата Кабарды» он переехал в Украину. Можно только догадываться, почему климат Северного Кавказа оказался «вредным» для ученого, который, впрочем, действительно не отличался отменным здоровьем. До сентября 1953 г. К.Э. Гриневич работал заведующим кафедрой всеобщей истории в Нежинском гос-

ударственном пединституте им. Н.В. Гоголя. И здесь неутомимый исследователь-педагог создал студенче-

ский археологический кружок и начал раскопки в районе Покровской церкви в Нежине [1. Л. 21] (рис. 1).

Рис. 1. Группа Кабардинской археологической экспедиции перед выездом на работу.

К.Э. Гриневич крайний справа; четвертая справа В.Н. Гриневич. Июнь 1949 г.

(Из фондов Музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Ф. 8. Оп. 4. П. 9)

После смерти И. Сталина в 1953 г. К.Э. Гриневич вместе с женой и маленькой дочерью Анной вернулись, наконец, в ставший родным Харьков, где на историческом факультете Харьковского государственного университета (ГХУ) им. А.М. Горького был объявлен конкурс на должность заведующего кафедрой истории Древнего мира и археологии. Казалось бы, последний период научно-педагогической деятельности К.Э. Гриневича изучен и освещен в отечественной литературе [2; 4–7 и др.]. Однако некоторые важные детали в силу разных причин не нашли отражения в исследованиях.

Следует подчеркнуть, что после переезда в Харьков ведущее место в научных исследованиях ученого вновь заняли проблемы античной истории и классической археологии. Достаточно быстро профессору К.Э. Гриневичу удалось организовать и успешно провести несколько археологических экспедиций на территории Ольвии (1954–1956 и 1960 гг.). Они были посвящены раскопкам оборонительных сооружений города раннего периода его истории [6. С. 291–292]. В составе экспедиции работали и приобретали бесценный опыт молодые ученые, которые в последующие десятилетия определяли научное лицо харьковской университетской археологии и древней истории Б.А. Шрамко, В.И. Кадеев, В.А. Устинова (Латышева), Б.П. Зайцев и др.

Будучи опытным музейщиком, К.Э. Гриневич осуществлял научно-методическое руководство по возрождению старой коллекции артефактов и созданию новой экспозиции Археологического музея университета, который готовился отметить свое 40-летие [8].

К этой работе привлекались молодые, но уже хорошо зарекомендовавшие себя ученые. На многие годы Археологический музей превратился в важное научно-педагогическое подразделение исторического факультета Харьковского государственного университета.

В Харькове под руководством К.Э. Гриневича были подготовлены и успешно защищены три кандидатские диссертации. В 1963 г. В.И. Кадеев защитил кандидатскую диссертацию «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э.». В этом же году В.И. Кадеев создал Херсонесскую археологическую экспедицию Харьковского госуниверситета. До 2013 г. харьковские экспедиции будут проводить масштабные археологические исследования памятников Херсонеса и Чембало (Балаклава). По инициативе профессора В.И. Кадеева в 1978 г. на историческом факультете ХГУ была создана кафедра истории Древнего мира и Средних веков, которой он руководил до 2007 г. Продолжая дело своих предшественников, кафедра стала признанным центром изучения античных древностей и Средневековья [9. С. 3–16]. В 1970 г. под руководством К.Э. Гриневича состоялась защита кандидатской диссертации В.А. Латышевой «Особенности исторического развития Боспора на рубеже нашей эры». Позднее доцент В.А. Латышева руководила археологической экспедицией, которая проводила в 1972–1987 гг. раскопки античных поселений в Юго-Западном Крыму. Исследования В.А. Латышевой имеют большое значение в изучении истории херсонесской хоры и не утратили научной актуальности [10. С. 5–6]. В том же году кандидатскую диссертацию «Проблема кризиса и па-

дения Римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина XVIII – XIX век)» защитила В.С. Шиловцева. В 1975 г. она перешла на работу в Киевский госуниверситет им. Т.Г. Шевченко, где многие годы выполняла обязанности ученого секретаря исторического факультета.

В 1950–1960-е гг. научным трудам К.Э. Гриневича отводили свои страницы ведущие академические издания: «Материалы и исследования по археологии СССР», «Вестник древней истории», «Ученые записки», «Краткие сообщения», тематические сборники и т.п. [11. С. 16–17]. В 1959 г. К.Э. Гриневич на некоторое время вновь стал главным редактором и автором «Херсонесского сборника», который, как известно, был основан по его инициативе еще в 1926 г. [12–14]. В этом сборнике была опубликована третья часть его многолетнего историко-археологического исследования оборонительных стен Херсонеса Таврического [15. С. 75–114]. Этот фундаментальный труд до сих пор является своеобразной «платформой» для всех последующих исследований фортификации Херсонеса.

К.Э. Гриневич был глубоко убежден в необходимости популяризации исторической науки в целом, а также достижений историков и археологов того региона, где он трудился. Как и в довоенные годы, он публиковался в газетах и журналах: «Кабардинская правда» (Нальчик), «Україна» (Киев), «Красное знамя» (Харьков). Внимательное и серьезное отношение к краеведческой и популяризаторской деятельности К.Э. Гриневич прививал своим ученикам и сотрудникам кафедры.

В 1960-е гг. профессор К.Э. Гриневич в силу преклонного возраста отошел от активных полевых работ, уделяя внимание анализу и публикации результатов предыдущих исследований [16, 17]. Кроме того, он, как и в молодости, вернулся к проблемам истории Греции накануне македонского завоевания. Внимание К.Э. Гриневича привлекала деятельность Исократа [1. Л. 25]. Далеко не все из задуманного в это время удалось воплотить в жизнь. В архиве Музея истории Харьковского университета хранится машинописный вариант подготовленного К.Э. Гриневичем развернутого труда, посвященного методологии, организации и проведению археологических исследований [18]. Это были полная и глубокая переработка и переосмысление первой книги, вышедшей в свет еще в 1926 г. [19]. Как подчеркивал К.Э. Гриневич, «книга получила новую методическую целеустремленность», в ней обобщены интереснейшие материалы по организации и проведению раскопок античных памятников Олимпии, Трои, Тамани, Ольвии, а также личный полевой опыт признанного археолога. Конечно, некоторые методологические установки пособия утратили свою актуальность и представляют лишь историографический интерес: «Для правильного определения понятия и содержания археологии мы должны исходить из глубоко правильных высказываний Энгельса и Маркса». И далее: «Мы не можем по содержанию назвать археологию вполне самостоятельной

наукой. Несомненно, она в какой-то мере является подчиненной истории...» [18. С. 9–10]. Разумеется, без таких пассажей в то время рассчитывать на публикацию работы не приходилось. Тем не менее многие положения методических рекомендаций и ныне с полным основанием могут использовать современные археологи. Безусловно, техническое оснащение археологических экспедиций претерпело в последние 25 лет революционные изменения, однако работа на земле, костях и камне сохранила свою романтическую первозданность, также как требование личного, грамотного и корректного контакта с артефактом, о чем настаивал в своей работе профессор К.Э. Гриневич.

Как известно, после возвращения в Харьков в 1953 г. К.Э. Гриневич возглавил кафедру археологии, древней и средней истории (рис. 2). В 1964 г. историки-медиевисты вышли из ее состава и создали кафедру истории Средних веков под руководством профессора А.П. Ковалевского. Деятельностью кафедры древней истории и археологии К.Э. Гриневич руководил до мая 1966 г. [20. С. 10–11]. Затем он работал в должности профессора и профессора-консультанта (1967–1969) [1. Л. 3].

На наш взгляд, необходимо отметить важную особенность деятельности К.Э. Гриневича в должности заведующего университетской кафедрой. Следует признать, что, несмотря на партийно-политический контроль в подборе кадров, ему все же удалось собрать на кафедре такой научно-преподавательский состав, которому могли бы позавидовать многие столичные вузы. Например, с момента организации кафедры здесь работал Б.А. Шрамко, который стал крупнейшим специалистом по археологии и истории лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. В 1958–1995 гг. он руководил раскопками Бельского городища в Полтавской области. Материалы Бельской экспедиции В.А. Шрамко вошли в золотой фонд отечественной археологии [7. С. 270–272]. В 1964 г. в качестве аспиранта на кафедру пришел В.К. Михеев. Позднее профессор В.К. Михеев откроет новые направления в изучении салтово-маяцкой культуры, станет проректором ХГУ, возглавит Центр хазароведения [Там же. С. 172–174].

Для заведующего кафедрой профессора К.Э. Гриневича были присущи академический либерализм и демократизм, столь характерные для классической университетской среды. Под руководством профессора К.Э. Гриневича на заседаниях кафедры регулярно обсуждали результаты научного творчества преподавателей. Научные дискуссии порой перерастали в жаркие споры. Иногда на заседания кафедры приглашали студентов, для которых участие в научной полемике становилось частичкой истинно университетского образования. Личность К.Э. Гриневича вошла в студенческий фольклор и вызвала к жизни появление нескольких легенд. Одна из них утверждала, что заслуженного профессора, прибывшего в полуразрушенный и разоренный Харьков, встречали на вокзале с цветами и студенческим духовым оркестром.

Рис. 2. Кафедра древней истории и археологии Харьковского государственного университета им. А.М. Горького. Сидят слева направо: В.А. Устинова (Латышева), К.Э. Гриневич, Б.А. Шрамко, В.С. Шиловцева. Стоят слева направо: В.К. Михеев, В.З. Фрадкин, В.П. Андриенко, В.И. Кадеев (Харьков, декабрь 1968 г.). (Из архива В.И. Кадеева)

Другая легенда поведала, что чересчур либерального профессора вызывали в ректорат, где обвинили в саботаже, подрыве стипендиального фонда, угрожали новой ссылкой и требовали более «объективного» оценивания студенческих ответов на экзаменах [21]. В любом случае, научно-преподавательская деятельность К.Э. Гриневича на историческом факультете Харьковского госуниверситета в послевоенные годы оставила заметный след не только в научных отчетах,

но и в сердцах и душах студентов. В целом следует признать, с именем профессора К.Э. Гриневича связаны очень важные события, которые изменили жизнь и деятельность крупных научных учреждений: возникновение и становление современного Херсонесского музея, появление археологии и антиковедения в Томском университете, возрождение и дальнейшее развитие науки о древностях и античной археологии в Харьковском университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личное дело доктора исторических наук, профессора кафедры истории Древнего мира Гриневича Константина Эдуардовича // Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-2792. Оп. № 20. Ед. хр. 3101.
2. Кадеев В.И. К.Э. Гриневич как учёный // Вестник Харьковского университета. 1992. № 362: История. Вып. 25. С. 129–134.
3. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.
4. Кадеев В.И. К 75-летию К.Э. Гриневича // Советская археология. 1967. № 4. С. 187–189.
5. Герасимова Г. Гриневич Костянтин Едуардович // Українські історики ХХ століття: Біобібліографічний довідник. Київ : Інститут історії України НАН України, 2004. Вип. 2, ч. 2. С. 123–125.
6. Латышева В.А. К.Э. Гриневич как археолог // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2004. С. 284–295.
7. Історики Харківського університету: біобібліографічний довідник (1905–2013 рр.) / під ред. проф. С.І. Посохова. Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. 284 с.
8. Археология в ХГУ за 40 лет: Путеводитель по выставке в археологическом музее ХГУ / ред. К.Э. Гриневич ; сост. В.И. Кадеев. Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1958. 47 с.
9. Кафедра истории Древнего мира и Средних веков Харьковского национального университета. 30 лет / сост. В.И. Кадеев, С.Б. Сорочан. Харьков : НГТМ, 2008. 160 с.
10. Латышева В.А. Маслины – античное поселение в Северо-Западном Крыму : статьи и воспоминания / сост. А.П. Мартемьянов, А.Н. Токарев. Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. 176 с.
11. К.Э. Гриневич – профессор Харьковского университета. Библиографический указатель / сост. Р.Г. Березинская, В.И. Кадеев. Харьков : ХГУ, 1991. 24 с.
12. Херсонесский сборник / под ред. К.Э. Гриневича. Севастополь : Издание Херсонесского музея. 1927. Вып. 2. 296 с.
13. Херсонесский сборник / под ред. К.Э. Гриневича. Севастополь : Издание Херсонесского музея. 1931. Вып. 3. 245 с.
14. Херсонесский сборник / под ред. К.Э. Гриневича. Севастополь : Изд-во Государственного Херсонесского музея. 1959. Вып. 5. 245 с.
15. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и западная линии обороны // Херсонесский сборник. 1959. Вып. 5. С. 75–114.
16. Гриневич К.Э. К вопросу об экономике архаической Ольвии: по материалам раскопок Харьковского университета 1960 г. // Античный город. М. : АН СССР, 1963. С. 51–54.
17. Гриневич К.Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 105–110.
18. Гриневич К.Э. Опыт методологии и методики археологической науки : метод. пособие для студентов-историков 1-го и 2-го курсов. Харьков, 1960 // Архив Музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Вст. 669. Дело. 442. Инв. № 1192.
19. Опыт методологии археологической науки. Севастополь : Государственный Херсонесский музей, 1926 (1927). 56 с.
20. Кадеев В.И. Кафедра истории древнего мира и средних веков // Історичний факультет : від покоління до покоління / під ред. С.І. Посохова. Харків : Видавництво ХНАДУ, 2004. С. 10–19.
21. Кравцов В.С. Из ответов на вопросы анкеты выпускника Харьковского государственного университета. URL: www.nbuv.gov.ua/old_jrn/soc_gum/khiz/2006_8/Spogady.pdf (дата доступа: 21.05.2016).

Dyachkov Sergey V. N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: dyachkovst@gmail.com, s.v.dyachkov@karazin.com

PROFESSOR K.E. GRINEVICH: AFTER SIBERIA.

Keywords: Professor K.E. Grinevich; Kharkov State University; department in ancient history and archaeology; Olbia; Chersonesos. Konstantin Eduardovich Grinevich (1892–1970) is a well-known Russian and Soviet historian, organizer of the archaeological research in the Crimea, a museum expert, an initiator of museum reform in Soviet Russia. Like thousands of other representatives of creative and scientific intellectuals, he was found to be a victim of Stalin's repression. In 1933–1940 he was exiled and imprisoned in Novosibirsk and Karaganda. In 1940–1948 K. E. Grinevich, a well-known scientist, was entrusted to head the ancient history department at History faculty of Tomsk State University. In 1948 K. E. Grinevich left Siberia, in 1948–1950 he held the position of a Professor at the department of general history Kabarda State pedagogical institute (the city of Nalchik). He was the head of the archaeological expedition that conducted excavations of ancient monuments of Kabarda. In 1950–1953 K. E. Grinevich was Head of general history department of Nezhin State pedagogical institute (Chernigov region, Ukraine). After Stalin's death in 1953 Professor Grinevich returned to Kharkov. The last period of his scientific activity (1953–1970) turned out to be effective and fruitful. In 1953–1966 he was Head of ancient history and archaeology department at Kharkov State University. He directed large-scale archaeological research of defensive constructions of Olvia's early historical period. Historical-archaeological research was published in the leading scientific journals in the USSR. In particular, he completed publishing his research of fortification system in Chersonesus of Tavria. This fundamental work still has not lost its scientific actuality and is a kind of platform for further research. K. E. Grinevich initiated an archaeological expedition in Chersonesus. His follower, Professor V. I. Kadyeyev, headed this expedition. Chersonesus archaeological expedition of Kharkov University did research in Chersonesus and Chembalo (Balaklava) in 1963–2013. K. E. Grinevich paid special attention to the methodology of conducting archaeological excavations. He did scientific-methodological guidance in reviving the old collection of artefacts and creating new exposition of Kharkov University archaeological museum, Professor Grinevich succeeded in uniting famous specialists (B. A. Shramko, V. I. Kadyeyev, V. K. Mikheyev, V. A. Latysheva) who had directed the development of ancient history and archaeology on Kharkov University and Ukraine in general for many years. Thus, Professor Grinevich's activity in 1948–1970 promoted the development of antiquity science and archeology in Northern Caucasus and Nezhin, and also revival of antique archaeology at Kharkov University.

REFERENCES

1. The State Archives of the Kharkov Region. Fund R-2792. List 20. File 3101.
2. Kadeev, V.I. (1992) K.E. Grinevich kak uchenyy [Grinevich as a scientist]. *Vestnik Khar'kovskogo universiteta*. 362(25). pp. 129–134.
3. Formozov, A.A. (1998) Russkie arkeologi i politicheskie repressii 1920–1940 gg. [Russian archaeologists and political repressions of 1920–1940]. *Rossiyskaya arkeologiya – Russian Archeology*. 3. pp. 191–206.
4. Kadeev, V.I. (1967) K 75-letiyu K.E. Grinevicha [To the 75th anniversary of K.E. Grinevich]. *Sovetskaya arkeologiya*. 4. pp. 187–189.
5. Gerasimova, G. (2004) Grinevich Kostyantyn Eduardovich [Grinevich Kostyantyn Eduardovich]. In: Smolii, V.A. (ed.) *Ukrains'ki istoriki XX stolittya: Biobibliografichnyi dovidnik* [Ukrainian Historians of the Twentieth Century: A Bibliographic Guide]. Issue 2(2). Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 123–125.
6. Latysheva, V.A. (2004) K.E. Grinevich kak arkeolog [Grinevich as an archaeologist]. In: Zhulitska, O.V. et al. *Drevnosti, 2004: Khar'kovskiy istoriko-arkeologicheskii ezhegodnik* [Antiquities, 2004: Kharkov Historical and Archaeological Yearbook]. Kharkov: MD. pp. 284–295.
7. Grinevich, K.E. (1958) *Arkeologiya v KhGU za 40 let: Putevoditel' po vystavke v arkeologicheskom muzee KhGU* [Archeology in KSU for 40 Years: A Guide to the Exhibition in the KSU Archaeological Museum]. Kharkov: Kharkov State University.
8. Kadeev, V.I. & Sorochan, S.B. (2008) *Kafedra istorii drevnego mira i srednikh vekov Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta. 30 let* [The Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages in Kharkov National University. 30 Years]. KharkovNTTM.
9. Latysheva, V.A. (2010) *Maslina – antichnoe poselenie v Severo-Zapadnom Krymu: stat'i i vospominaniya* [Maslina – An Ancient Settlement in the North-Western Crimea: Articles and Memoirs]. Kharkov: V.N. Karazin Kharkov National University.
10. Berezinskaya, R.G. & Kadeev, V.I. (1991) *K.E. Grinevich – professor Khar'kovskogo universiteta. Bibliograficheskiy ukazatel'* [K.E. Grinevich – Professor at Kharkov University. A Bibliographic Index]. Kharkov: Kharkov State University.
11. Grinevich, K.E. (ed.) (1927) *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonesus Collection]. Issue 2. Sevastopol: Izdanie Khersonesskogo muzeya.
12. Grinevich, K.E. (ed.) (1931) *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonesus Collection]. Issue 3. Sevastopol: Izdanie Khersonesskogo muzeya.
13. Grinevich, K.E. (ed.) (1959) *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonesus Collection]. Issue 5. Sevastopol: Izdanie Khersonesskogo muzeya.
14. Grinevich, K.E. (1959) Steny Khersonesa Tavricheskogo. Ch. 3: Yuzhnaya i zapadnaya linii oborony [The walls of Tauric Chersonesus. Part 3: Southern and Western lines of defense]. In: Grinevich, K.E. (ed.) *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonesus Collection]. Issue 5. Sevastopol: Izdanie Khersonesskogo muzeya. pp. 75–114.
15. Grinevich, K.E. (1963) K voprosu ob ekonomike arkhaiskoy Ol'vii: po materialam raskopok Khar'kovskogo universiteta 1960 g. [To the question of the economy of archaic Olbia: based on the materials of the excavations of Kharkov University in 1960]. In: Dubovikov, G.F. (ed.) *Antichnyy gorod* [Ancient City]. Moscow: USSR AS. pp. 51–54.
16. Grinevich, K.E. (1964) O dostovernosti svedeniy Gerodota ob Ol'vii [On the reliability of Herodotus' information about Olbia]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 105–110.
17. Grinevich, K.E. (1960) *Opyt metodologii i metodiki arkeologicheskoy nauki. Metodicheskoe posobie dlya studentov-istorikov 1-go i 2-go kursov* [Methodology of Archaeology. A Textbook for Students of the 1st and 2nd year]. Kharkov: [s.n.]. Archive of the Museum of the History of the V.N. Karazin Kharkov National University. Fund 669. File 442. № 1192.
18. Grinevich, K.E. (1926) *Opyt metodologii arkeologicheskoy nauki* [Methodology of Archaeology]. Sevastopol: The State Chersonesos Museum.
19. Kadeev, V.I. (2004) Kafedra istorii drevnego mira i srednikh vekov [Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages]. In: Posokhov, S.I. (ed.) *Istorichnyi fakul'tet: vid pokolinnya do pokolinnya* [Historical Faculty: From Generation to Generation]. Kharkiv: Vidavnistvo KhNADU. pp. 10–19.
20. Posokhov, S.I. (2013) *Istoriki Khar'kovskogo universitetu: biobibliografichnyi dovidnik (1905–2013 rr.)* [Historians of Kharkiv University: A Bibliographical Guide (1905–2013)]. Kharkiv: Kharkiv National University.
21. Kravtsov, V.S. (2006) *Iz otvetov na voprosy ankety vypusknika Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta* [From the Answers to the Questionnaire of the Graduate of Kharkov State University]. [Online] Available from: www.nbu.gov.ua/old_jrn/soc_gum/khiz/2006_8/Spogady.pdf. (Accessed: 21st May 2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРСУКОВ Евгений Владимирович, заведующий Музеем археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: barsukovevg@mail.ru

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология», ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: labeliaev@bk.ru

БОБРОВ Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии Кемеровского государственного университета, заведующий отделом гуманитарных исследований Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (Кемерово), заведующий Кузбасской лабораторией археологии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: klac@kemsu.ru

БОРИЛО Богдана Станиславовна, лаборант лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири научного управления Томского государственного университета. E-mail: bogdana.borilo@mail.ru

ГАЙДУЧЕНКО Леонид Леонидович, кандидат геолого-минералогических наук, биолог Научно-образовательного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета. E-mail: volin-va@list.ru

ГОЛОВНЁВ Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

ГОЛЬЕВА Александра Амуриевна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва). E-mail: alexandragolyeva@rambler.ru

ДЕРЖАВИН Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва). E-mail: derzh@yandex.ru

ДУРАКОВ Игорь Альбертович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: idurakov@yandex.ru

ДЬЯЧКОВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина). E-mail: dyachkovst@gmail.com, s.v.dyachkov@karazin.com

ДЭВЛЕТ Екатерина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Института археологии РАН, руководитель Центра палеоискусства Института археологии РАН (Москва). E-mail: eketek@yandex.ru

ДЭВЛЕТ Марианна Арташировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН (Москва). E-mail: ia-ran@yandex.ru

КИРЮШИН Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

КИРЮШИН Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: yf-kiryushin@mail.ru

КОБЕЛЕВА Лилия Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

КОГАЙ Сергей Александрович, младший научный сотрудник научно-образовательного отдела Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: kogai@irkutsk.ru

КОРОЛЬ Галина Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва). E-mail: ggkorol08@rambler.ru

ЛАЗАРЕВ Сергей Юрьевич, научный сотрудник Университета Утрехта (Утрехт, Нидерланды). E-mail: s.lazarev@uu.nl

ЛОМАН Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова (Караганда, Республика Казахстан). E-mail: lvg7@mail.ru

МОЛОДИН Вячеслав Иванович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск); главный научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

МЫЛЬНИКОВА Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск); ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

НЕСТЕРОВА Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск); научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: msnesterova@gmail.com

ОЛЬШЕВСКИЙ Войцех, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Университета Николая Коперника (Торун, Польша), член Комиссии исследования востока Комитета этнологических наук Польской академии наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: wojol@umk.pl

ПАВЛЕНOK Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

ПАВЛЕНOK Константин Константинович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-организационной работе, заведующий научно-образовательного отдела Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

ПАПИН Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (Барнаул), научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: papindv@mail.ru

ПАХУНОВ Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра палеоискусства Института археологии Российской академии наук (Москва), научный сотрудник лаборатории «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии» (Новосибирский государственный университет – Университет Бордо). E-mail: science@pakhunov.com

ПЕЖЕМСКИЙ Денис Валерьевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского Института и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина Московского государственного университета. E-mail: pezhemsky@yandex.ru

ПЕРЕВАЛОВА Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, заведующий сектором этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

РЕДНИКОВ Антон Александрович, научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: ant-rednikov@yandex.ru

РЫБАКОВ Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: ooo.sibarch@mail.ru

САМСОН Доминик Норман де Шамбур, кандидат исторических наук, доцент Государственного института Восточных языков и культур (Париж). E-mail: dsamsonnormanddechambourg@yahoo.fr

САМИГУЛОВ Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). E-mail: gayas_@mail.ru

СЕМЁНОВА Валентина Ивановна, доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой истории, искусствоведения и музейного дела Тюменской государственной академии культуры. E-mail: valivsem8@mail.ru

СЕМИБРАТОВ Владимир Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: semibratovvladimir@mail.ru

СИЛАНТЬЕВА Марина Михайловна, доктор биологических наук, профессор, декан биологического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: msilan@ru

СОЛОМОНОВА Марина Юрьевна, ассистент кафедры ботаники Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: mmari99@mail.ru

СТАРКОВ Вадим Фёдорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва). E-mail: starko-vadim@yandex.ru

СТЕПАНОВА Надежда Фёдоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: nstepanova10@mail.ru

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: tishkin210@mail.ru

ТОРОЩИНА Наталья Витальевна, директор ООО «Историко-культурное наследие Сибири» (Томск). E-mail: natator@mail.ru

ФЕДОРУК Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории Междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: fedorukas@mail.ru

ФУРСОВА Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: mfl1@mail.ru

ХУЖАНАЗАРОВ Мухиддин, заведующий отделом археологии каменного века Института археологии Академии наук Республики Узбекистан (Самарканд, Республика Узбекистан). E-mail: sarmish@mail.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета, заведующая лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧЕРНОВА Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории культуры и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: ikar561965@mail.ru

ЧЖАН Лянжэнь, профессор Нанкинского университета (Нанкин, Китай). E-mail: zhhr@nju.edu.cn

ШНАЙДЕР Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), младший научный сотрудник Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

ШУЙ Тао, профессор Нанкинского университета (Нанкин, Китай). E-mail: shuitaonj@126.com

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 49

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 20.10.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 90 экз. Заказ № 2816. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.11.2017 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru